

ИНСПЕКТОР призрак

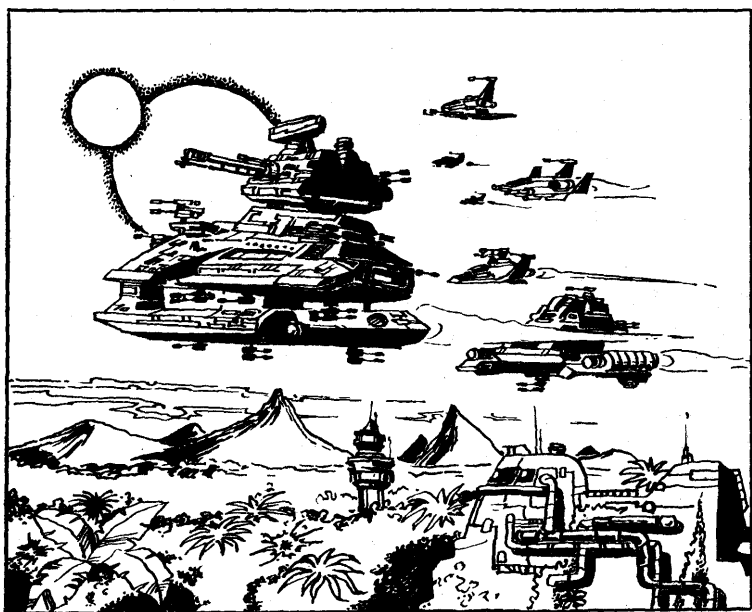
ИНСПЕКТОР-ПРИЗРАК

6

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЕЙ

ИНСПЕКТОР-ПРИЗРАК

РИПОЛ
«ДЖОКЕР»
1992

Серия «ДЖОКЕР»
Сборник фантастических повестей

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Левкович Фанни

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Решетова А.Е.

Компьютерный набор
Володарская Т.В.
Рожкова В.Б.

Сборник фантастических повестей «Инспектор-призрак» составлен из произведений подлинных корифеев: такие авторы, как Хайнлайн, Андерсон, Когсвелл, Дик и другие не нуждаются в рекламе и уже знакомы отечественному читателю. Все вошедшие в сборник произведения объединяет тонкая, граничащая с сарказмом, ирония, увлекательные, авантюрные сюжеты, постановка серьезных философских проблем. Повести «По пятам», «Люди неба», «Ведьмы Карреса», да и все остальные представляют собой увлекательное чтение для самого взыскательного любителя фантастической литературы.

И 4703040100—004 без объявл.
070219—93

ISBN 5-87012-004-6

© Рипол, ТПО «АСПЕКТ», Джокер, 1993.

ДЖЕК ВЭНС

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК

Глава 1

К вечеру, когда солнце наконец пробилось сквозь тяжелые, черные тучи, замок Джанейл был взят приступом, а все его обитатели уничтожены.

Среди них до последнего момента не утихали споры о том, как встретить свою Судьбу, какое поведение следует считать достойным перед лицом смерти. Наиболее утонченные из джентльменов предпочли игнорировать неприятные обстоятельства и подчеркнуто невозмутимо предавались своим обычным занятиям. Горстка молодых офицеров с истерической храбростью приготовилась с оружием в руках встретить врага, остальные пассивно ждали своей участи, утешаясь тем, что искупят таким образом грехи рода человеческого.

Смерть настигла всех без исключения, и каждый при этом выбрал свою: гордецы перелистывали старинные книги, обсуждали достоинства тончайших духов, ласкали любимых фанов. Они перешли в небытие, не придавая этому большого значения. Храбрейшие погибли в сражении, успев нанести противнику несколько ударов, чтобы затем самим быть изрубленными, застреленными или задавленными энергофурами. Раскаявшиеся ждали смерти на коленях, склонив покорные головы. Виновников событий, меков, они считали лишь орудием наказания.

Итак, все они умерли: джентльмены, леди, фаны и пейзажи, дремавшие в стойлах. В живых остались только птицы-существа неизящные, даже грубоватые, равнодушные к понятию чести и озабоченные лишь собственной безопасностью.

Когда поток меков хлынул через ограду, они покинули птичник, выкрикивая оскорбления хрипылыми голосами, и потянулись на восток, к Хагедорну, последнему замку на земле.

Меки появились месяца четыре назад. Их заметили в парке, окружавшем Джанейл, а прибыли они туда, по-видимому, сразу как закончилась резня на Морском острове.

С балконов, прогулочных площадок, парапетов и валов леди и джентльмены, населявшие замок — общей численностью около двух тысяч — с интересом разглядывали бронзовотелых воинов. Диапазон чувств, которые они при этом испытывали, был весьма широк: от любопытства и легкого презрения до тревожных предчувствий и черной меланхолии. Трезво оценить обстановку не сумел никто — слишком утонченной была их культура, слишком привычным чувство безопасности и уверенность в несокрушимости стен замка. Ре-

альной угрозе они смогли противопоставить лишь свой изысканный фатализм.

Их собственные меки давно покинули замок, чтобы присоединиться к восставшим, в Джанейле оставались только птицы, фаны и пейзаны. Организовать из них какое-либо подобие обороны не представлялось возможным. Впрочем, пока в этом не было нужды. Джанейл считался неприступной крепостью. Стены высотой в две сотни футов строили из расплавленного скального камня, залитого в ячейки из стали. Солнечные батареи вырабатывали достаточно энергии, еда в случае необходимости так же, как сироп для птиц, пейзанов и фанов, синтезировалась из углекислого газа и водяных паров. Джанейл мог обеспечивать потребности обитателей сколь угодно долго, затруднения вызывала лишь поломка машин — не было меков для их ремонта. Положение было тревожным, но не отчаянным.

В течение дня джентльмены развлекались тем, что стреляли с парапетов из энергоружей и охотничьих винтовок. Мишенью им служили меки.

Когда зашло солнце, оставшиеся в живых меки подтянули энергофуры, землероев и начали возводить вал вокруг замка. Жители наблюдали за работой, не понимая конечной цели, пока высота вала не достигла пятидесяти футов. Тогда стал наконец проявляться зловещий замысел меков, и надменность осажденных сменилась тягостными предчувствиями.

Джентльмены замка как один были эрудитами и полиглотами, но, к сожалению, специалиста в военном деле среди них не нашлось. Они попытались привести в боевое состояние лучевую пушку, используя в качестве физической силы группу пейзанов, но пушкой давно пользовались, металл разъела ржавчина, некоторые детали были повреждены. Запасные части можно бы найти на втором подуровне, в мастерских меков, но кто же сумеет разобраться в их номенклатуре?

Уоррик Маденси Арбан предложил организовать поисковый отряд и прочесать склады, но от этого пришлось отказаться ввиду умственной ограниченности пейзанов. Таким образом, усилия по восстановлению пушки оказались тщетными.

Благородные жители Джанейла с волнением следили, как изо дня в день все выше становится вал, опоясывающий замок наподобие вулканического кратера. Лето было на исходе, когда земляной гребень достиг парапета и грязь стала засыпать улицы и дворы. Было очевидно: еще немного и она погребет под собой весь замок.

Именно тогда несколько юных офицеров в героическом порыве бросились вверх по насыпи в атаку, под дождем кам-

ней и стрел, которыми их осыпали меки. Некоторым из них удалось достигнуть гребня, где разразилась свирепая схватка. Она продолжалась всего минут пятнадцать, но земля успела стать бурой от крови.

Несколько мгновений казалось даже, что смельчаки побеждают, но враг, перестроив ряды, набросился на них с удвоенной энергией, и скоро все было кончено. Отряды меков промаршировали вниз по насыпи, затопили бронзовой волной тел весь замок и с жестокой тщательностью, не спеша, истребили все живое вокруг. Джанейл, семь веков служивший пристанищем для галантных джентльменов и грациозных дам, был превращен в руины.

Мек, помещенный в качестве музейного экспоната в витрину, представлял собой человекоподобное существо с планеты Этамин. Его кожа, ржаво-бронзового цвета, лоснилась, будто натертая воском. Шипы, торчавшие из затылка, были покрыты медно-хромовой пленкой, органы чувств располагались в специальных наростах на черепе, там, где у человека находятся уши. Лицо было морщинистым, как обнаженные мозги — не трудно испугаться, встретив такого «красавца» в темном коридоре подуровня. Рот мекам заменяла узкая вертикальная щель, под кожей плеч был приживлен мешок для сиропа. Его естественные органы пищеварения, предназначенные для выделения полезных веществ из болотной травы, полностью атрофировались. Как правило, меки обходились без одежды, если не считать рабочего фартука или пояса для инструментов, кожа их красиво блестела под солнцем. Таков был мек, — существо, во многом превосходящее человека благодаря способности принимать радиоволны.

Многие крупные ученые, в том числе Д.Р.Джардин Утросветный и Салонсон из Туанга, считали меков покорными и флегматичными, но глубокомудрый Клагорн из замка Хагедорн придерживался иного мнения. Эмоции меков, доказывал он, нельзя сравнивать с человеческими, ибо природа их совершенно другого свойства. После долгих и тщательных исследований ему удалось выделить и описать около дюжины специфических эмоциональных состояний у испытуемых. Эти сведения опровергали широко распространенное мнение о скудости внутреннего мира меков.

Несмотря на это, бунт оказался полной неожиданностью как для ученых, так и для остальных. «Почему?» — спрашивал себя каждый, — «как могли они, столь послушные и работающие, задумать и привести в исполнение этот ужасный план?»

Самая разумная гипотеза был, одновременно, и самой

простой: меки давно ненавидят людей, насильно изъывших их из естественной среды обитания. Но, возражали другие, это не объяснение, это проекция человеческого мышления на существо негуманоидного типа. Точно так же можно предположить, что они пылают благодарностью к землянам, вызволившим их из суровых условий Этамина. «Абсурдно приписывать полуживотным такие тонкие чувства!» — возражали первые. «Наше предположение ничуть не абсурднее вашего!» — парировали вторые.

Как видите, научные споры по этому поводу зашли в тупик.

Глава 2

Замок Хагедорн, стоявший на вершине черной диоритовой скалы, являлся естественной доминантой, протянувшейся далеко к югу долины. Более величественный, чем Джанейл, он был защищен трехсотфутовой стеной, имевшей почти милю в поперечнике. Зубцы стен возвышались в девяти сотнях футов над долиной, башни и наблюдательные вышки уходили за облака. Две стороны скалы — восточная и западная — почти отвесно спускались в долину, на северном и южных склонах были устроены террасы, где росли виноград, персики и артишоки. В замок вела широкая дорога, спиралью обегавшая скалу и подходившая к центральной площади. На противоположной ее стороне находилась Большая ротонда. Справа и слева располагались жилые кварталы, они давали приют двадцати восьми семьям.

На месте центральной площади стоял раньше старый замок, построенный в честь возвращения на Землю. Хагедорн Десятый разрушил его и, собрав целую армию пейзажников и меков, возвел новый. С этого времени начиналась родовая история Двадцати Восьми Семей, насчитывавшая уже пять веков.

Под площадью помещались три уровня: на самом дне — стойла и ангары, потом — мастерские и жилища меков, и, наконец, — разнообразные склады: продовольственные, оружейные и пр.

Ныне замком правил Хагедорн Двадцать Шестой по имени Клагорн Овервельский. Его избрание явилось сюрпризом для подданных, так как О.С.Чарли (а именно таково было его подлинное имя) ничем особенным не отличался. Многие

джентльмены превосходили его элегантностью, обаянием, эрудицией.

Он был хорошо сложен, имел овальное лицо с коротким, прямым носом и серыми глазами. Выражение лица было рассеянное или, как язвили недруги, «потустороннее». Но стоило ему слегка опустить веки и нахмурить густые, светлые брови, как лицо сразу становилось упрямым и жестоким.

Должность эта хотя и не давала большой власти, делала его, тем не менее, очень влиятельным лицом. Многие зависело в замке от поведения джентльмена, носившего имя «Хагедорн», поэтому избрание его являлось важным событием. Здесь сталкивались интересы различных кланов. Кандидатов на эту должность обсуждали с безжалостной откровенностью, находя у каждого немало изъянов, и нередко во время выборов старые друзья становились заклятыми врагами, множились ряды недругов, рушились репутации.

Выбор Чарли Овервельского был своеобразным компромиссом в споре нескольких кланов за обладание титулом.

Оба джентльмена, которых обошел Чарли, были людьми в высшей степени порядочными и уважаемыми, но отличались крайними взглядами на принятый в замке образ жизни.

Одним из них был многосторонне одаренный Гарр из семьи Замбелдов. Он обладал традиционным для хагердонского джентльмена набором добродетелей: великолепно разбирался в достоинствах древних ароматических жидкостей, одевался с безукоризненным вкусом, умело прикалывая неизменную овервельмовскую бутоньерку (ни разу в жизни она не сползла у него набок). Беззаботность сочеталась в нем с безукоризненной честностью, речь блистала изысканными оборотами и изощренными аллюзиями. Остроумие было его характернейшей чертой, он мог часами цитировать выдающиеся литературные произведения. Кроме того, он в совершенстве владел игрой на девятиструнной лютне и участвовал поэтому в представлениях о Временах Древних Рыцарей. Разбирался он также и в антиквариате, рассуждал как знаток на темы истории древних времен. Его талант полководца не имел равных в Хагедорне, лишь Магдах из Делора мог бы, пожалуй, поспорить с ним. Что же касается недостатков, то их было совсем немного: педантичность, язвительность и резкость суждения, переходящая подчас в жестокость. Никто бы не назвал Гарра нерешительным, его личное мужество не вызывало и тени сомнения. Два года назад, когда отряд Бродяг вторгся в Люцерновую долину, убивая пейзапов и уводя скот, Гарр сформировал команду меков, погрузил их на дюжину энергофур и отправился в погоню. Настигнув кочевников у реки Дрен, он дал бой, во

время которого проявил недюжинную смелость и упорство. Бой завершился разгромом Бродяг. Они бежали, бросив на поле боя двадцать семь трупов. Потери меков составляли всего лишь двадцать голов.

Противником Гарра на выборах был старейшина семьи Клагорнов, человек весьма светский, искушенный в тонкостях закулисной жизни замка.

Он тоже обладал глубокими познаниями, хотя и не такими разнообразными, как его соперник, Гарр. Интересовался он, в основном, меками, их психологией, языком и обычаями. Его рассуждения были не столь красивы, зато основательны. Речь отличалась простотой и ясностью. Он не держал фанов, в то время как четыре Воздушные Грации благородного Гарра служили лучшим украшением представлений из Времен Древних Рыцарей.

Но главное, джентльмены эти резко отличались друг от друга взглядами на жизнь.

Гарр был стойким традиционалистом, настоящим сыном своего времени, исповедывающим, без каких-либо сомнений, все его догматы. Никогда не приходила к нему мысль о том, что следует как-то изменить условия, позволявшие жить в роскоши и безделье горстке избранных джентльменов.

Клагорн же, напротив, нередко выражал свое недовольство общим стилем жизни в замке и бывал при этом так убедителен, что оппоненты отказывались слушать, чтобы не лишиться хорошего расположения духа. Но тайное недовольство витало в воздухе, и у Клагорна находилось немало сторонников.

Когда же пришла пора подводить итоги выборов, обнаружилось, что ни тот, ни другой не сумели обеспечить себе большинства голосов. Пост в конце концов был отдан джентльмену, совершенно не готовому к такому обороту, несомненно, достойному, но лишенному выдающихся способностей, благородному, но не обладающему быстрым умом — одним словом, Чарли Клагорну, ныне новому Хагедорну.

Шесть месяцев спустя, перед рассветом, меки замка Хагердон покинули жилища и ушли, угнав в собой все энергофуры, забрав инструменты и электроприборы. То же самое происходило одновременно во всех восьми замках. Это был хорошо продуманные и блестяще выполненный замысел.

Сначала этому никто не поверил, затем джентльмены пришли в негодование, которое, по зрелом размышлении, сменилось тревогой и мрачными прогнозами.

Сам Хагедорн, предводители кланов и некоторые особо

уважаемые джентльмены собрались на Совет в отведенном для особо важных заседаний зале. Они сидели за столом, покрытым красным бархатом, во главе — Хагедорн, слева — Ксантен и Иссет, Аури и Беандры — справа, и дальше все остальные, включая Бернала — выдающегося математика, Виаса — знатока истории и древностей, Гарра, Линуса и других.

В течение десяти минут все сидели молча, собираясь с мыслями и выполняя особую процедуру психической аккомодации, называемую «интранс».

Первым взял слово Хагедорн:

— Наш замок внезапно лишился всех меков. Вряд ли стоит говорить, как это неудобно для всех нас. Это недоразумение должно быть устранено, чем быстрее, тем лучше. Думаю, с этим согласятся все присутствующие. — Он обвел взглядом сидящих за столом.

Все выложили перед собой пластинки из кости, означавшие согласие. Все, кроме Клагорна. Но он не поставил ее на ребро, в знак протеста.

Иссет, седоволосый и величественный, несмотря не преклонный возраст, веско произнес:

— Не вижу причин откладывать карательную экспедицию. Конечно, пейзажи не слишком для этого годятся, но, поскольку другого выхода нет, мы должны их экипировать, вооружить и дать им хорошего командира. Гарр или Ксантен прекрасно справятся с этой ролью. Найти убежище меков нам помогут птицы. Отыскав, мы зададим негодным хорошую трепку и силой вернем обратно.

Ксантен, самый молодой из предводителей — ему недавно исполнилось тридцать пять — и известный всем как сорви-голова, выразил сомнение:

— Не думаю, что пейзажи сумеют одолеть меков, как бы хорошо они не были вооружены.

Он был, к сожалению, прав. Пейзажи, маленькие андроморфы, были по природе своей непригодны к насилью.

Суровое молчание воцарилось за столом. Первым его нарушил Гарр:

— Эти мерзавцы похитили наши энергофуры, иначе бы я не устоял перед соблазном догнать их и хлыстом вернуть домой.

— Не могу понять, — размышлял вслух Хагедорн, — где меки собираются брать питательный сироп (конечно, они взяли с собой сколько могли, но ведь любой запас рано или поздно иссякнет, и им грозит голодная смерть. Скажите, Клагорн,

смогут они снова вернуться к естественной пище — кажется, это была болотная грязь?

— Нет, — отвечал тот, — пищеварительные органы взрослых особей безнадежно атрофированы, выживут в этом случае только детеныши.

Следует напомнить читателю, что перед ним — только документальный перевод, не сохранивший всей яркости и выразительности языка оригинала. Многие из слов не имеют сегодня эквивалентов. Например, «скиркловать», что означает совершать беспорядочное бегство, сопровождаемое подергиванием и трепетанием.

«Волить» — шутки ради, без больших усилий, перекраивать материю (в философском значении слова) на молекулярном уровне. В переносном смысле — обладать неограниченными возможностями, преодолевать без труда любые препятствия. «Редельбоги» — полумразумные обитатели Этамина VI, завезенные на Землю и обученные исполнять обязанности садовников и строителей. Впоследствии с позором возвращены на родину из-за некоторых отвратительных привычек, от которых они не желали избавляться.

Реплика Гарра в оригинале звучала так: «Если бы имелись в наличии энергофуры, я бы волил погоню с хлыстом в руках и заскиркловал бы этих редельбогов домой!»

— Этого я и опасался. — Чтобы скрыть растерянность, Хагедорн хмуро уставился на свои сцепленные пальцы.

Одетый в голубую одежду клана Беандров джентльмен показался в дверях и, остановившись, отсалютовал присутствующим правой рукой.

Хагедорн поднялся ему навстречу из-за стола.

— Проходи, благородный Робарт, расскажи, какие новости. — Салют обозначал вестника.

— Получено сообщение из Безмятежного. Их атаковали меки. Они подожгли постройки и истребили жителей. Радиосвязь прервалась минуту назад.

Люди за столом засуетились, многие вскочили с мест.

— Истребили? — прохрипел Клагорн.

— Без сомнений. Безмятежного больше не существует.

Клагорн сел и молча уставился в пространство. Все вокруг обсуждали жуткую новость, слышались крики ярости.

Хагедорн призвал Совет к порядку.

— Несомненно, положение крайне опасное. Возможно, это один из самых тяжелых моментов нашей истории. Должен признаться, что не могу пока предложить ничего конкретного.

— А как остальные замки? Надеюсь, они в безопасности? — спросил Овернел.

Хагедорн повернулся к Робарту:

— Будьте добры, свяжитесь по радио с остальными замками и выясните их положение.

— Другие замки укреплены не лучше Безмятежного — Делора, Морской остров. Особенно уязвим Маравал.

Тут заговорил Клагорн:

— Леди и джентльмены из этих замков должны укрыться у нас или в Джанейле, пока бунт не будет подавлен.

Остальные посмотрели на него с удивлением, а Гарр язвительно поинтересовался:

— Представляете ли вы себе благородных жителей замков, бегущих в страхе от невежественных и тупоумных слуг?

— Вполне, ибо иначе они погибнут, — вежливо отвечал Клагорн.

Джентльмен позднего периода средних столетий, Клагорн был коренаст, силен, в волосах пробивалась седина, а в глазах его светилась большая внутренняя сила.

— Не спорю, бегство наносит некоторый ущерб достоинству, — продолжал он. — И если благородный Гарр может предложить нам лучший способ спасения, я буду рад поучиться. Боюсь, это бесполезная трата времени, случай воспользоваться им скоро представится.

Прежде чем Гарр успел что-либо ответить, вмешался Хагедорн:

— Давайте не будем отклоняться в сторону. Сознаюсь, я не представляю, чем все это может кончиться. Меки, оказывается, способны убивать. Как после такого мы сможем пустить их в наши дома? Но без них нам придется туго, до тех пор, пока мы не подготовим новых механиков.

— Корабли! — воскликнул вдруг Ксантен. — Нужно заняться ими немедленно.

— Что это значит? — спросил Беандри, джентльмен с лицом, как бы высеченным из камня. — Что вы понимаете под словом «заниматься»?

— Их нужно спасать от меков, что же еще?! Только они связывают нас с обитаемыми Мирами. Если меки задумали нас истребить, то в первую очередь они разрушат корабли.

— Может быть, вы лично отправитесь с отрядом пейзажистов к ангарам и возьмете корабли под надежный контроль? — презрительно поинтересовался Гарр.

— А как вы представляете себе сражение при поддержке пейзажистов? Разумнее будет, если я проберусь к ангарам и разведать обстановку. А тем временем вы и другие джентльмены,

имеющие военный опыт, попробуют организовать пейзажную милицию.

— Я бы предпочел подождать до полного выяснения обстановки, чтобы использовать свои знания с максимальной пользой, — ответил Гарр. — Если же вы считаете для себя приемлемым подглядывать за меками, то, ради Бога, действуйте, не смущайтесь!

Оба джентльмена скрестили пылающие взгляды.

Год назад их вражда едва не завершилась дуэлью. Ксантен, высокий, гибкий, утонченного склада, был наделен разнообразными способностями, но чересчур легкомыслен для идеального джентльмена. традиционалисты считали его непоследовательным и безвольным — не лучшие качества для предводителя клана.

Ответ Ксантена был безукоризненно вежлив:

— Буду рад выполнить то, что необходимо. Поскольку медлить нельзя, я покину вас сейчас же. Надеюсь вернуться завтра и доставить нужные сведения.

Он отвесил церемонный поклон Хагедорну, отсалютовал Совету и вышел.

Глава 3

В первую очередь Ксантен направился в жилище Семьи Эследанов, где занимал покои на восемнадцатом уровне. Четыре комнаты были меблированы в стиле Пятой династии, названном так в соответствии с эпохой в истории Обитаемых Миров Альтаира, откуда человек вернулся на Землю.

Араминта, спутница жизни Ксантена, благородная леди из семьи Онвейнов, отправилась куда-то по делам, что вполне устраивало Ксантена. Иначе она просто замучила бы его глупыми вопросами. Араминта не верила ему ни на йоту, всегда и во всем подозревая любовные интриги. Честно говоря, он уже подустал, да и она не пылала к нему страстью — звание супруги Ксантена не способствовало ее успеху в обществе в той мере, как она рассчитывала. У Араминты была дочь от прежнего спутника, и, если бы появился ребенок, он был бы приписан Ксантену, после чего тот лишался права иметь еще детей.

Численность населения в Хагедорне строго контролировалась. Каждому джентльмену и каждой леди разрешалось иметь только одного ребенка. Если же это правило наруша-

лось, то ребенка отдавали кому-нибудь из бездетных жителей, согласных принять его, или вверяли заботе Искупающих.

Ксантен сбросил желтое одеяние, в котором был на Совете, и с помощью слуги-пейзана облачился в охотничьи брюки с кантом, черную куртку и черные сапоги. В сумку он сложил оружие: спиронож и лучевой пистолет.

Покидая свое жилище, он вызвал лифт и спустился на первый уровень, в ружейную. Раньше его встретил бы здесь мек-служитель, теперь же Ксантен был вынужден, сдерживая отвращение, сам зайти за прилавков и начать рыться в ящиках. Меки забрали с собой почти все: спортивные винтовки, пулестрелы, энергоружья. Ему удалось разыскать стальной хлыст-пращу, пару запасных батарей для пистолета и несколько зажигательный гранат. Кроме того, он запасся мощным монокуляром.

Вернувшись в лифту, он поднялся наверх, размышляя по дороге о тяжелых временах, которые наступят, когда подъемник выйдет из строя. Но, представив в какую ярость придут традиционалисты вроде Беандри, усмехнулся. Нет, настоящие события еще впереди!

Выйдя из лифта на верхнем уровне, он пересек стеной парапет и вошел в радиорубку. Обычно здесь сидели три мек-оператора, соединенные шипами с аппаратурой, и записывали сообщения. Но сейчас перед аппаратом стоял только Робарт, лицо которого кривилось от презрения к столь низкому занятию.

— Есть новости, — поинтересовался Ксантен.

Робарт невесело усмехнулся:

— Мой собеседник из другого замка справляется с этим устройством не лучше меня. Периодически я слышу какой-то шум и голоса. Кажется, меки начали штурм Делоры.

В рубку вошел Клагорн.

— Верно ли я расслышал? Неужели замок Делоры пал?

— Пока еще нет, но вряд ли долго продержится. Стены его — одна живописная видимость.

— Ситуация чертовски трудная, — пробормотал Ксантен. — Не понимаю, как разумные существа могут быть так жестоки. Мы ничего о них не знали, и это после столетий совместной жизни! — Тут он понял, что допустил бестактность: Клагорн большую часть жизни посвятил изучению меков.

— Ситуация не новая, — кротко заметил ученый. — Подобное не раз случалось в истории человечества.

Удивленный тем, что Клагорн, говоря о меках, обратился к истории людей, Ксантен спросил:

— Но ведь вы раньше не наблюдали агрессивности в их поведении?

— Нет, даже не подозревал этого.

Клагорн чувствует себя уязвленным, подумал Ксантен, но его можно понять. Программа Клагорна, выдвинутая им на выборах, была довольно сложной, Ксантен мало что в ней разобрал, но одно было ясно: бунт меков выбил у него почву из-под ног, что вызвало злорадный смех Гарра, еще более укрепляющегося в своих традиционалистических настроениях.

— Та жизнь, что мы вели, не могла длиться вечно, нечто подобное должно было случиться рано или поздно, — сухо заметил Клагорн.

— Наверное, это так, — сказал Ксантен, желая его успокоить. — Что теперь поделаешь. И, кто знает, может пейзажи уже задумали отравить нашу пищу... Но я должен идти. — Он попрощался с Клагорном и Робартом и вышел.

По узкой винтовой лестнице он взобрался наверх, в птичник. Здесь царил ужасающий беспорядок. Птицы проводили время в постоянных ссорах, а развлекались они, в основном, игрой в кворлы — разновидность шахмат с неподвластной человеческому уму логикой.

В замке Хагедорн содержалось около сотни птиц. Прислуживали им многострадальные пейзажи, которых птицы всячески третировали. Существа они были болтливые, невоспитанные и с врожденной тягой ко всему яркому и безвкусному. Дисциплины не признавали вовсе.

Ксантена встретил хор хриплых возгласов: «Кому-то захотелось на нас прокатиться, вот еще морока! А почему бы двуногим не отрастить собственные крылья? Друг, не доверяйся этим птицам. Они поднимутся повыше и заставят тебя полетать самому!»

— Тихо! — приказал Ксантен. — Мне нужна шестерка быстрых и сильных птиц для важного задания. Кто возьмется?

— Он спрашивает, кто возьмется! Ах, роз, роз, роз! Да уж неделю никто не разминался! Мы ему сейчас покажем «тихо»!

— А ну, пошли! Ты, ты, вот ты с хитрым глазом, и ты, взъерошенный, и ты с зеленым гребнем. Всем к корзине!

Выбранные птицы с ворчанием и стонами позволили пейзажам наполнить их мешки питательным сиропом. Затем они, хлопая крыльями, собрались вокруг Ксантена, сидевшего внутри корзины на плетеном стуле.

— Ваша задача — добраться к ангарам кораблей в Винцене. Лететь следует безмолвно, внизу враг. Мы должны выяснить, не угрожает ли опасность кораблям.

Каждая из птиц ухватила за прикрепленный к специальной раме канат и резким толчком они взмыли в небо, переругиваясь, пока наконец не вошли в ритм полета. После этого птицы притихли и летели молча, уносясь на юг со скоростью пятидесяти миль в час.

День клонился к вечеру. Древняя земля, место стольких побед и поражений, покрылась длинными, черными тенями. Глядя вниз, Ксантен подумал, что хотя предки его обосновались здесь семь веков назад, прародина все еще кажется ему чужой.

В этом не было ничего удивительного. После войны Звезд Земля была покинута людьми на три тысячи лет. Здесь оставалась лишь горстка сумасшедших, переживших катастрофу и давших начало полудиким кочевым Бродягам. Семь столетий тому назад несколько богатых лордов с Альтаира, отчасти из политических соображений, но, в основном, потакавая своему капризу, решили вернуться на Землю. Так появились девять резиденций, где жили благородные леди и джентльмены, а также прислуга из специализированных андроморфов.

Они пролетали над местностью, где какой-то любитель истории занялся раскопками. С высоты полета была видна белокаменная площадь с разрушенной статуей в центре. Этот вид навел Ксанта на размышления о вечном. Ему представилась вновь заселенная Земля, нивы, вспаханные и засеянные человеком, разбросанные и тут и там маленькие, уютные жилища.

Но мысли его вскоре переключились на более животрепещущее — на восстание меков, разом оборвавшее привычную жизнь.

Клагорн был сторонником той точки зрения, что никакое сообщество не пребывает долгое время в неизменности. И чем оно сложнее устроено, тем больше склонно к переменам.

Семь веков искусственно поддерживаемой, вычурной и многослойной жизни в замках следовало считать просто подарком судьбы. Если же согласиться с тем, что перемены неизбежны, то благородные жители должны быть готовы взять процесс под контроль. Эта теория подверглась яростным нападкам традиционалистов. Они обвиняли Клагорна в предвзятом толковании истории и в доказательство своей правоты приводили те же семь веков стабильного существования замков. Вполне достаточный срок, чтобы считать систему жизнеспособной.

Ксантен в разное время придерживался то одной, то другой точки зрения. Вообще его не слишком волновали научные теории, но факт принадлежности Гарра к традиционалистам

делал сторонников Клагорна более привлекательными в его глазах.

Кроме того, время подтвердило правоту Клагорна. Пора перемен пришла, жестоко перевернув привычный ход вещей.

Кое-что, правда, оставалось непонятным. Почему меки выбрали для восстания именно это время? Условия их жизни оставались неизменными на протяжении пяти веков, и, однако, раньше они не высказывали неудовольствия. Точнее сказать, они не выказывали никаких чувств, и никто не интересовался, есть ли они у меков, никто, кроме Клагорна.

Птицы несколько изменили направление полета, обходя Валаратские горы, где лежал в руинах огромный город, чье название кануло в лету. Внизу под ними проплывала Люцерновая долина, некогда цветущая и плодородная. Если присмотреться, можно было различить очертания бывших полей и ферм.

Впереди показались ангары. Там хранились в рабочем состоянии четыре космических корабля — общее достояние Хэгедорна, Джанейла, Туанга Утросветного и Маравала. Пользоваться ими еще не приходилось.

Садилось солнце, оранжевые блики сверкали на металлических стенах. Ксантен приказал:

— Опускайтесь вон там, за деревьями. Лететь низко, нас никто не должен видеть.

Птицы плавно заскользили вниз, вытянув длинные шеи. Ксантен приготовился к толчку — обычно птицы не утруждали себя мягкой посадкой, когда несли джентльмена. Если же они везли груз, в сохранности которого были заинтересованы, то земли касались с легкостью бабочки, садящейся на цветок.

Ксантен, умело славировав, сохранил равновесие. Не удалось птицам полюбоваться катящимся кувыркком джентльменом.

— У вас есть еда, — сказал он им, — не шумите, не ссорьтесь, отдыхайте. Если я не вернусь к завтрашнему вечеру, летите в замок и скажите, что я убит.

— Будь спокоен! — загалдели разом птицы. — Ждем, хоть целую вечность! В случае опасности — дай знать. Ах, роз, роз, роз! — мы страшны в гневе!

— Если бы так оно и было, — вздохнул Ксантен, — да все знают, вы — отъявленные трусы. Ладно, спасибо на добром слове. Самое главное — не поднимайте шума. Мне совсем не улыбается быть схваченным из-за вашей болтовни.

— Какая несправедливость! Мы всегда ведем себя тише воды, ниже травы!

— Отлично!

И Ксантен поспешил прочь, чтобы не слышать следующего залпа уверений в преданности.

Глава 4

Миновав небольшой лесок, он увидел луг, на противоположном конце которого, ярдах в ста от Ксантена, поблескивала металлическая стена первого из ангаров. Он задумался: что же делать дальше?

Необходимо было учесть многие факторы. Во-первых, здешние меки могут не знать о восстании — металлические стены экранируют радиоволны. Хотя вряд ли, если принять во внимание тщательную подготовку бунта. Во-вторых, меки обычно действовали как единый организм, и, значит, бдительность отдельно взятой особи была ослаблена. В-третьих же, если меки ждут незваных гостей, то они наверняка возьмут под наблюдение именно этот путь, как самый удобный.

Ксантен выждал еще десять минут, чтобы солнце, если кто-нибудь из меков следит за подступами к ангару, опустившись ниже, ослепило наблюдателя.

По прошествии назначенного срока он вздохнул, поправил мешок с оружием и, приготовившись, если что, пустить оружие в ход, зашагал вперед. Пробираясь ползком ему не позволило хорошее воспитание.

Ксантен беспрепятственно подошел к стене ближайшего ангара. Солнце еще не закатилось, и перед ним скользила его собственная, длинная тень. Он прижался ухом к стене ангара, но ничего не услышал. Тогда он дошел до угла и осторожно выглянул — нигде ни души. Что ж, тем лучше, теперь — к дверям.

Он отыскал административное помещение и смело толкнул дверь.

Комната оказалась пуста. Отполированные до блеска столы не покрывала пыль. Панели компьютеров и информационных устройств — черная эмаль, стекло, белые и красные переключатели — все казалось установленным только вчера.

Ксантен подошел к большому окну, выходившему в зал. Все пространство занимала черная громада космического корабля. Меков не было. На полу, разложенные аккуратными

стопками, лежали части механизмов, в корпусе зияли отверстия панелей, указывая места отсоединений. Несомненно, корабль выведен из строя.

Некоторые ученые в разных замках занимались теоретической стороной пространственно-временных переходов. Розенхокс из Маравала даже вывел несколько уравнений, которые, будучи примененными на практике, позволяли избежать опасного Гамус-эффекта. Но ни один джентльмен, даже если он и унижится до того, чтобы коснуться рукой инструмента, не в состоянии собрать заново, установить и настроить сваленные в кучу на полу приборы и механизмы.

Когда же меки успели сотворить это черное дело? Теперь уже не определить. Он проверил один за другим остальные ангары — картина повторялась. Лишь подойдя к четвертому он расслышал слабые звуки, доносившиеся изнутри. Сквозь окно администраторской он увидел работающих меков. Как всегда они поражали экономностью движений и отсутствием какого-либо производственного шума.

Ксантен пришел в ярость, видя, как хладнокровно уничтожается его имущество. Он ворвался в ангар и, хлопнув себя по бедру, сурово произнес:

— Немедленно приведите механизмы в порядок! Как вы посмели нанести ущерб собственности людей!

Меки повернули к нему свои жуткие лица, рассматривая Ксантена черными горошинами линзонаростов по обе стороны головы.

— Как?! — проревел Ксантен. — Вы еще раздумываете? — Он извлек припасенный заранее сталохлыст, обычно используемый как символ власти, и щелкнул им об пол.

— Слушаться меня! Ваше смехотворное восстание закончено!

Но меки не двинулись с места. Ни проронив ни звука, они стремительно обменивались мыслями и вырабатывали коллективное решение. Ксантен двинулся на меков, нанося безжалостные удары по их единственному уязвимому месту — липкому, бугристому «лицу».

— По местам! — гремел он. — Хорошенькие ремонтники! Вместо того, чтоб чинить, все переломали! А ну, за работу!

Издавая свои обычные тихие вздохи, которые могли означать все, что угодно, меки расступились, и Ксантен увидел еще одного, стоявшего на ведущем в открытый люк корабля трапе. Он был крупнее остальных — таких Ксантену встречать еще не приходилось — и в руке держал пулестрел, направляя его прямо в голову Ксантена. Взмахом хлыста тот вовремя осадил прыгнувшего на него с ножом мека и, не

целясь, выстрелил в стоящего на трапе. К счастью, он не промахнулся. Ответная пуля просвистела лишь в дюйме от его головы.

Остальные меки перешли в атаку. Прислонившись спиной к металлической обшивке корабля, Ксантен расстреливал их по мере приближения, уклоняясь от летящих в него кусков металла или перехватывая в воздухе и посылая обратно метательный нож.

Меки отхлынули. Видимо, они решили переменить тактику. Выходов у них два: добыть оружие или запереть его в ангаре. Остаться в зале было бессмысленно. Хлыстом он расчистил себе дорогу в администраторскую. Под градом металла, колотящего в обзорное окно, он не спеша пересек помещение и вышел в надвинувшуюся ночь.

Поднималась большая желтая луна, своим шафранным сиянием напоминая старинную тусклую лампу. Глаза меков не были приспособлены к темноте, и Ксантен решил подождать их у входа. Пустившиеся было за ним в погоню меки, выйдя на улицу, падали навзничь с отрубленными головами.

Меки отступили обратно в ангар. Вытирая клинок, Ксантен пошел прочь, глядя прямо перед собой. Вдруг неожиданная мысль заставила его остановиться. Тот мек, с пулестрелом, он был крупнее других, более темной окраски, но самое важное — в нем чувствовалась необычная для мека уверенность в себе, почти властность, как бы странно это ни звучало. Но, с другой стороны, кто-то ведь составил план восстания, у кого-то из них родилась эта дикая мысль!

Пожалуй, стоит продолжить разведку, хотя он уже узнал, что хотел.

Ксантен вновь направился через посадочную площадку к гаражам. Морщась от стыда, он еще раз напомнил себе об осторожности. Да, хорошие настали времена, если благородный джентльмен вынужден опасаться — подумать только! — каких-то меков. Он спрятался за гаражами, где дремало около полудюжины энергофур.

Энергофуры, так же, как и меки, были родом с планеты Этмин.

В естественном состоянии эти болотные жители представляли собой массивные, прямоугольные куски плоти. Их заключали в прямоугольную раму, защищали от солнца, насекомых и грызунов синтетическими кожами, приживляли резервуары для питательного сиропа и вводили проводники в двигательные центры очень примитивного мозга. Мышцы со-

единялись с рычагами шатунов, приводивших в движение роторы и колеса шасси. Энергофуры были очень экономичным, легко управляемым и долгоживущим видом транспорта. Использовали их, в основном, для перевозки грузов, земляных работ и пр.

Ксантен осмотрел погруженные в сон энергофуры. Все они были одного типа — металлическая рама на колесах, впереди прикреплен землеройный нож. Где-то рядом должен быть запас сиропа.

Он обнаружил небольшой бункер, где находилось несколько контейнеров. Ксантен погрузил с дюжину на ближайший экипаж, а все остальные проткнул ножом, залив весь пол липкой жидкостью. Меки питались сиропом несколько другого состава, их запас, видимо, хранится в другом месте, скорее всего, в жилых бараках.

Ксантен взобрался на энергофуру, повернул ключ на «активность», толкнул кнопку «Движение» и надавил рычаг реверса. Энергофура дернулась назад. Ксантен затормозил, развернул экипаж по направлению к баракам. То же самое он проделал с остальными тремя, а затем привел их в движение.

Энергофуры покатались вперед. Землеройные ножи пробили металл барачной стены, крыша задрожала и осела, а фуры продолжали движение, сокрушая все на своем пути.

Окинув взглядом результаты работы, Ксантен удовлетворенно хмыкнул и вернулся к фуре, которую оставил для себя. Взобравшись на сидение, он немного подождал. Из барачных никто не вышел, все меки были заняты в ангаре демонтажом. Запас питательного сиропа уничтожен, многие из них погибли от голода.

Вдруг от ангара отделилась одинокая фигура. Мек! Его, наверное, привлек шум в гараже. Ксантен сжался на сидении и, как только мек миновал энергофуру, оплел его шею хлыстом и потянул — мек рухнул на землю.

Не мешкая, Ксантен спрыгнул на землю, вытаскивая из-за пазухи пулестрел. Это был еще один необыкновенно крупный мек, но теперь Ксантен заметил, что у него нет сиропного мешка — это природный мек! Невероятно! Как ему удалось выжить? Возникало огромное количество вопросов, ответов на которые пока не находилось. Придавив шею мека ногой, Ксантен срубил торчавшую из его затылка антенну-шип. Теперь мек был лишен связи с остальными, брошен на произвол судьбы — состояние, непереносимое даже для самых стойких из них.

— Встань! — приказал Ксантен. — Полежай вверх! — Он щелкнул кнутом для большей убедительности.

Мек, поначалу настроившийся игнорировать Ксанта, после одного-двух ударов подчинился. Ксантен залез внутрь, включил энергофуру и направился на север. Птицы, скорее всего, не смогут доставить обратно и его, и пленного мек, и в любом случае поднимут слишком большой шум, а это опасно. И поэтому Ксантен отдал предпочтение энергофуре.

Глава 5

Благородные жители замков не любили покидать их стены в ночное время. Хотя признаваться в этом считалось недостойным, суеверные страхи одолевали обитателей. Многие повторяли рассказы якобы очевидцев о том, как застигнутые темнотой вблизи поросших травой развалин, они наблюдали лунных духов, слышали жуткую потустороннюю музыку или звуки охотничьего рога. Другим виделись зеленые огни и призраки, мчавшиеся меж деревьев нечеловеческими прыжками. Руины же аббатства Хог пользовались особо дурной славой из-за обитавшей там будто бы Белой Ведьмы. Утверждали, что она требует дань с проходящих мимо.

И хотя трезвомыслящие люди потешались над этими глупостями, гулять по ночам без особой надобности было не принято. Действительно, если приведения поселяются в местах упадка и трагедий, то равнины Старой земли должны просто кишеть потусторонними существами, особенно местность, которую пересекал сейчас Ксантен.

Луна поднялась довольно высоко. Экипаж катился на север по древней дороге, ее потрескавшиеся бетонные плиты ярко белели в свете луны. Дважды Ксантен замечал мигающий оранжевый свет по сторонам дороги, а один раз ему почудился высокий силуэт в тени кипариса: кто-то, казалось, следил за ними. Пойманный мек наверняка задумал какую-нибудь пакость, можно не сомневаться, с ним надо держать ухо востро.

Дорога вела через бывший город, от которого оставались еще кое-какие строения. Здесь витал дух упадка и печали, даже Бродяги не решались в нем останавливаться.

Луна достигал зенита. Вокруг расстился выписанный в тысячах оттенков серебра и тьмы пейзаж. Очарованный этой красотой, Ксантен решил, что, несмотря не все удобства их

собственной цивилизации, вольная жизнь кочующих Бродяг имеет свои преимущества.

Мек сзади еле слышно завозился. Ксантен, не поворачиваясь, щелкнул в воздухе кнутом. Пленник затих.

Всю ночь энергофура катилась вдоль старой дороги. Луна бледнела и клонилась к западу. Восточный горизонт заиграл всеми оттенками желтого, затем красного цвета, и над далекой горной цепью взошло наконец солнце.

В этот момент внимание Ксантина привлек поднимавшийся справа столб дыма. Он остановил энергофуру и, вытянув шею, разглядел стоянку Бродяг примерно в четверти мили от дороги. Ему показалось даже, что он различает на палатке знакомую идеограмму. Если так, то он встретил именно то племя, с которым недавно сразился отряд Гарра.

Ксантен по возможности привел себя в порядок и направил энергофуру к лагерю кочевников.

Около сотни долговязых, худых, одетых в черное мужчин наблюдали за его приближением, около дюжины выскочили вперед и направили свои стрелы прямо в сердце Ксантену. Тот ответил им недоумевающим взглядом и подъехал прямо к палатке. Встав с сиденья, он прокричал:

— Эй, Гетман, проснулись ли вы?

Через минуту из палатки появился сам Гетман. Как и остальные, он носил свободную, черную одежду, закрывавшую все тело и голову, с узкой прорезью для лица. Сквозь нее были видны светлые глаза и карикатурно длинный нос.

Ксантен вежливо кивнул.

— Взгляни сюда, — он указал на мека позади себя. Гетман отвлекся не больше чем на секунду, а потом снова продолжил тщательный осмотр Ксантина.

— Его народ восстал против благородных жителей замков, — рассказывал Ксантен. — Они задумали уничтожить всех людей. Замок Хагедорн делает предложение кочевым Бродягам. Приходите к нам! Мы накормим, оденем и вооружим вас. Мы обучим вас правилам боя, дадим искуснейших в военном деле предводителей. Когда мы сотрем меков с лица земли, вы сможете заняться интересной и важной работой по техническому обслуживанию замков.

Гетман молчал, потом лицо его исказилось зловещей усмешкой.

— Значит, эти чудовища решили покончить с вами. Жаль, что этого не случилось раньше! Но для нас это не имеет значения. И они, и вы — нам чужие, и скоро ваш прах развеет ветер!

Ксантен пропустил оскорбления мимо ушей — уж очень важен был этот разговор.

— Если я правильно понял, ты не считаешь нужным сплотиться перед лицом угрозы. Мы ведь с вами люди Земли, одно племя.

— Вы не люди. Это мы — всегда жившие на нашей планете, пившие ее воду, дышавшие ее воздухом — настоящие земляне. А вы и ваши безобразные слуги — вам здесь не место! Желаю успеха во взаимном истреблении.

— Ну что ж, я понял. Напрасно звать к родственным чувствам. А как насчет собственной выгоды? Ведь когда меки поймут, что добраться до жителей замков они не в состоянии, то повернут оружие против вас.

— Когда нападут — тогда и ответим. А пока пусть поступают как им вздумается.

Ксантен в раздумьи посмотрел на небо.

— И тем не менее, даже сейчас мы хотели бы принять вас в замок и сформировать военный отряд.

Кочевники презрительно засмеялись:

— А потом вы пришьете нам на спины мешки для сиропа. Ха-ха!

Ксантен оставался невозмутимым.

— Строп очень питателен и удовлетворяет все потребности организма.

— Так почему бы вам самим его не есть?

Он игнорировал наглую реплику.

— Если вы дадите нам оружие, мы используем его для защиты самих себя, и не ждите от нас помощи. Вы дрожите за свою шкуру — так покиньте замки и станьте вольными бродягами.

— Дрожим за свою шкуру? Что за чушь! Никогда! Замок Хагедорн неприступен, как и большинство остальных.

Гетман покачал головой.

— Если бы мы захотели, то в любой момент взяли бы ваш замок и перебили бы вас во сне, как глупых павлинов.

— Что?! — воскликнул в гневе Ксантен. — В своем ли вы уме?

— Несомненно. Темной ночью мы запустили бы лазутчика на воздушном змее. Оказавшись на крепостной стене, он спустил бы канатную лестницу, и через четверть часа замок был бы наш.

— Изобретательно, Но нереально. Птицы сразу обнаружат ваш змей. Или ветер вдруг стихнет... Но мы отклонились в сторону. Меки не станут запускать змея, они окружают Хагедорн и Джанейл, а потом, разъяренные неудачей, нападут на вас.

— Ну и что? Мы уже не раз сражались с людьми из Хагедорна. Труссы, один на одни мы заставим вас есть землю, презренные псы!

Брови Ксантена презрительно приподнялись:

— Боюсь, что ты забываешься. Я предводитель клана из замка Хагедорн. Лишь нежелание утруждать себя удерживает меня от того, чтобы проучить тебя как следует.

— Бах, — палец Гетмана указал на одного из лучников, — пощекочи-ка этого наглеца.

Тот спустил тетиву, но Ксантен его опередил. Луч пистолета превратил в пепел стрелу, лук и даже руку воина.

— Придется поучить вас вежливости, для вашего же блага.

Схватив Гетмана за волосы, он прошелся несколько раз хлыстом по спине и плечам.

— Пока хватит. Надеюсь, я могу требовать элементарного уважения от мерзких навозных жуков.

Он подхватил Гетмана и забросил его на энергофуру. Затем развернул экипаж и, не оборачиваясь, покинул лагерь Бродяг, защищенный от стрел спинкой кресла.

Гетман, придя немного в себя, выхватил кинжал.

Ксантен искоса взглянул на него.

— Не глупи! А то мне придется тебя связать и заставить бежать за фурой.

Гетман заколебался, потом сплюнул и спрятал кинжал.

— Куда ты меня везешь?

— Никуда. Просто нужно было выходить из положения. Можешь слезть. Как я понимаю, ты по-прежнему не согласен с моим предложением.

— Когда меки разрушат замок, мы уничтожим меков, и Земля очистится от звездной проказы!

— У вас просто не все дома. Ладно, ступай обратно. В следующий раз подумай, прежде чем неуважительно обратиться к джентльмену.

Гетман прыгнул с фуры и гордо зашагал прочь.

Глава 6

К полудню Ксантен добрался до Дальней долины, что располагалась недалеко от замка.

Здесь находилась деревушка Искупающих — жители замка считали их неврастениками: во всяком случае это был весьма любопытный народ. В прошлом многие из них занимали видное положение в обществе, некоторые прославились в науках и искусстве, но все они, включая и ничем не при-

мечательных, были приверженцами одного из самых оригинальных и даже эпатирующих философских учений. Им приходилось заниматься трудом, не отличающимся от труда пейзажистов, Но жизнь в трудах и нищете (по меркам замка, разумеется,) доставляла им удовольствие.

Учение это уже успело разделиться на разные направления. Приверженцев одного из них называли конформистами, другие же требовали перемен и получили за это название радикалов.

Замок и деревня не имели между собой прочных связей. Иногда Искупающие обменивали в замке фрукты и полированное дерево на инструменты, гвозди и лекарства, иногда благородные жители замков отправлялись на экскурсию в деревню, чтобы послушать песни и посмотреть пляски Искупающих. Ксантен не раз участвовал в таких вылазках, и у него возникла симпатия к жителям деревушки, таким простым и естественным.

Он свернул на знакомую тропинку, вьющуюся среди кустов смородины, и выехал на небольшое пастбище, где пощипывали травку корова и несколько коз. Оставив фуру под деревом, Ксантен проверил запас сиропа и обратился к пленнику:

— Ты что будешь есть? Сироп? Э-э, да ведь у тебя же нет резервуара... Чем ты питаешься? Болотной грязью? Боюсь, тут не найдется ничего в твоём вкусе. Ну, как хочешь, пей сироп, или жуй траву, только не вздумай бежать — я слежу за тобой!

Мек, скорчившийся в углу, даже не пошевелился.

Ксантен направился к поильному желобу. Набрав в ладони воды из-под крана, он омыл лицо и сделал пару глотков.

Повернув голову, он обнаружил приближавшихся к нему жителей деревни. Одного из них он хорошо знал. Это был член семьи Аури, недавно присоединившийся к Искупающим.

— Доброго здоровья, Филидор, — приветствовал его Ксантен. — Это я, Ксантен.

— Само собой, к чему эти формальности?

Ксантен отвесил легкий поклон.

— Прошу прощения, не учел местных нравов.

— Избавь меня от своего остроумия. Зачем ты привез этого ободранного мека? Чтобы мы его усыновили? — пошутил в ответ Филидор.

— Э, да ты не промах! Но разве вы ничего не знаете?

— Мы здесь как на необитаемом острове, Бродяги и то знают больше нас.

— Тогда приготовься. Меки подняли бунт и напали на

замки. Безмятежный и Делора уже разрушены, жители перебиты, то же самое грозит и остальным.

Филидор покачал головой:

— Меня это ничуть не удивляет.

— Неужели ты нисколько не взволнован?

Он подумал, прежде чем ответить.

— Лишь постольку, поскольку это может затронуть нас.

— Но если я не ошибаюсь, — напомнил Ксантен, — вам тоже угрожает опасность. Меки собираются уничтожить всех людей, бежать некуда.

— Да, пожалуй, — вздохнул Филидор, — нам придется собрать совет.

— Я могу кое-что предложить вам, если вы сочтете это приемлемым. В первую очередь необходимо подавить восстание. Дайте нам людей, мы их обучим, вооружим и приставим к ним лучших полководцев Хагедорна.

Филидор удивленно взглянул на него.

— Неужели ты действительно думаешь, что мы — Искупающие — станем вашими солдатами?

— Почему бы и нет? — совершенно искренне отвечал Ксантен. — Речь идет о вашей жизни.

— Человек умирает один раз.

Теперь настал черед Ксанта́на удивляться.

— И это говорит бывший джентльмен Хагедорна? Это слова храброго человека перед лицом опасности? Или ты забыл уроки истории?

— История человека — это не история его технических достижений, поражений и побед. Это, скорее, сложная мозаика, где каждое стеклышко — человек и его совесть.

Ксантен прервал его негодующим жестом.

— Ты чересчур все упрощаешь, благородный Филидор, я не так туп. Есть разные аспекты, а ты смотришь с точки зрения морали. Но краеугольный камень морали — выживание рода человеческого, и то, что способствует этому, то и хорошо.

— Неплохо сказано, — признал Филидор. — Но позволь продолжить свою мысль. Скажи, может ли народ уничтожить того, кто грозит заразить его смертельной болезнью? Да, скажешь ты. Хорошо. А если тебя преследуют десять умирающих от голода зверей — имеешь ли ты право убить их? Да, скажешь ты, хотя уничтожишь больше, чем спасешь. А если, скажем, человек живет один в хижине посреди долины, и с неба спускается сотня кораблей, чтобы стереть его в порошок, имеет он право уничтожить эти корабли, если сможет? Да, имеет. А если вся планета, все расы ополчатся против него — имеет ли он право уничтожить их, защищаясь? А если напа-

дающие такие же люди, как и он сам? А если существо, несущее болезнь — это он? Как видишь дать однозначный ответ не так просто. Мы долго его искали и не нашли. И поэтому мы избрали путь, дающий хотя бы спокойствие. Я — против убийств, я против всякого насилия и причинения вреда.

— Ух! — презрительно фыркнул Ксантен. — Значит, если в деревню придет отряд меков и начнет убивать детей, ты не встанешь на защиту?

Филидор сжал губы и отвернулся. Вместо него ответил другой Искупающий:

— Филидор определил основные принципы нашего мировоззрения. Но не всегда удается им следовать. В описанном тобой случае пришлось бы переступить через наш закон.

— Посмотри, Ксантен, узнаешь ли ты кого-нибудь из присутствующих? — сменил тему Филидор.

Ксантен огляделся. Неподалеку от него стояла девушка, как ему показалось, очень красивая. На ней была белая, свободная блузка, а в волосы вплетен красный цветок.

— Да, — кивнул он, — я ее видел — Гарр пытался увести ее в свой замок.

— А помнишь ли ты подробности?

— Конечно, помню. Совет старейшин категорически возражал — из соображений контроля над численностью. Гарр пытался обойти закон. Он сказал: «Я держу фанов. Иногда их число доходит до шести и даже до восьми, и никто против этого не возражает. Я буду называть девушку фаном и держать вместе с остальными». Но я и многие другие протестовали, едва не дошло до дуэли. Гарр был вынужден отказаться от своих намерений.

— Да, так и было, — подтвердил Филидор. — Мы пытались отговорить Гарра, но он отказался слушать нас и угрожал напустить на нас своих меков. Пришлось отступить. Правильно ли мы сделали, слабость это или сила?

— Иногда лучше забыть о морали, — ответил Ксантен. Но ведь то же самое и с меками. Они разрушают замки, уничтожают землян. Если мораль требует отойти в сторону — ее нужно отбросить!

Филидор горько усмехнулся.

— Какая ирония судьбы! Меки, так же как пейзажи, птицы и фаны были привезены с других планет, им переделали тела, их заставили удовлетворять наши капризы. Уже одно это было большим грехом и требовало искупления, но вместо того, чтобы раскаяться, вы хотите приумножить зло!

— Не стоит теперь копаться в прошлом, — сказал Ксантен, — но если таково ваше мнение, то укройтесь хотя бы за стенами замка.

— Я не пойду в замок, — решительно заявил Филидор, — может, другие сочтут возможным.

— Ты будешь ждать смерти?

— Нет, мы укроемся в горах.

Больше говорить было не о чем, и Ксантен побрел обратно к фуре.

— Если передумаете, приходите в Хагедорн!

И он покинул деревню.

Дорога пересекала долину, потом взбегала на холм. С его вершины Ксантен различил вдали очертания замка.

Глава 7

Ксантен докладывал Совету:

— Использовать корабли невозможно, меки привели их в негодность. Нам придется отказаться от надежды на помощь Обитаемых Миров.

— Печальные новости, — мрачно констатировал Хагедорн. — Ну что ж, продолжай благородный Ксантен.

— На обратном пути я встретил племя Бродяг и вступил в переговоры с их Гетманом. Я попытался склонить их к сотрудничеству с нами, описав все возможные выгоды. Но они, как мне показалось, не отличаются сообразительностью. Я с отвращением покинул их лагерь.

Посетил я также деревню Искупающих в Дальней Долине и сделал им сходное предложение, однако безуспешно. Они слишком далеки от действительности. И те и другие намерены скрываться.

— Это им не поможет, — покачал головой Беандри. — Они выиграют время, но рано или поздно меки до них доберутся, их педантизм слишком хорошо известен.

— И это в то время как мы могли бы организовать из них боевые отряды! — раздраженно заметил Гарр. — Что ж, пусть бегут, как-нибудь обойдемся.

— Пока что мы в безопасности, — возразил на это Хагедорн, — но что будет, когда останются машины? Когда перестанут действовать лифты или, к примеру, кондиционеры? Мы либо задохнемся, либо замерзнем.

Но Гарр продолжал оставаться оптимистом:

— Мы должны подготовиться к лишениям и перенести их достойно. Кроме того, машины в отличном состоянии и можно не опасаться поломок ближайшие лет пять или шесть. А за такой срок многое может случиться.

Заговорил Клагорн, до этого не принимавший участия в споре.

— Ваша программа так же утопична, как планы Бродяг и Искупающих. Она не предусматривает развитие ситуации.

— Достопочтеннейший Клагорн может предложить что-нибудь более действенное? — вежливо поинтересовался Гарр.

Клагорн кивнул. Как показалось Гарру, выглядел он невыносимо самодовольно.

— Существует очень простой способ победить меков.

— Так позвольте же нам, — вскричал Хагедорн, — ознакомиться с ним!

Взгляд Клагорна пробежал по лицам джентльменов, сидевших за покрытым бархатом столом: бесстрастное лицо Ксантена, напряженное, презрительное — Беандри, старый Иссет, все еще красивый, неподвластный времени, озабоченный Хагедорн, на чьем лице ясно читалась нерешительность, рядом — элегантный Гарр, потом Овернел, заранее обозленный будущими неудобствами; Аури, играющий табличкой слоновой кости, то ли уставший, то ли потерянный, и лица остальных — сомневающиеся, высокомерные, нетерпеливые. Лишь на лице Флоя играла тихая улыбка или, как назвал ее потом Иссет, ухмылка слабоумного, призванная подчеркнуть его полное неучастие в этом утомительном деле.

— Нет, пока не время. Но хочу предупредить: даже если мы переживем восстание, наш замок уже не сможет оставаться таким как раньше.

— Ох! — воскликнул Беандри. — Мы теряем достоинство, мы становимся смешны, рассуждая с тревогой о каких-то скотах!

Ксантен приподнялся в волнении:

— Беседа действительно не из приятных, но не забывайте! — разрушен Безмятежный, взята Делора. Кто знает, что происходит сейчас в остальных? Не будем же прятать головы в песок, перед нами серьезная угроза!

— Чтобы ни случилось, — подвел итог Гарр, — Джанейл в полной безопасности, мы также. Жители других замков могут погостить у нас, если, конечно, смогут найти оправдание столь унижительному бегству. Лично я не сомневаюсь: очень скоро меки уgomонятся и будут умолять нас пустить их обратно.

Хагедорн недоверчиво покачал головой:

— Маловероятно. Что ж, теперь, думаю, можно разойтись.

Первым вышел из строя радиопункт.

Это произошло неожиданно скоро и, как и предполагалось, восстановить систему не удалось: некоторые, в частности, ученый Гард и почтенный Урегус, предположили, что аппаратура была преднамеренно повреждена меками перед уходом. Правда, как отмечали другие, система и раньше не отличалась

надежностью, меки постоянно возились с какими-то поломками в контурах и, следовательно, выход аппаратуры из строя — результат непродуманности конструкции. Гард и Урегус осмотрели аппарат, но причину неисправности не обнаружили. Было решено, что починка предусматривает полную переделку схемы, для чего потребуются соответствующие приборы и инструменты, не говоря уже о новых деталях.

— Осуществить это невозможно, — заявил Урегус на Совете, — потребуется несколько лет квалифицированного труда, а у нас нет даже подготовленного техника. Починку придется отложить.

— Теперь ясно, — заявил старейший из предводителей Иссет, — что мы оказались недостаточно предусмотрительны. Конечно, трудно иметь дело с этими мужланами из Обитаемых Миров, но нам, все же, следовало позаботиться о связи с ними.

— Дело не в отсутствии предусмотрительности, — возразил Клагорн, — наши предки не желали, чтобы кто-то совал нос в их дела здесь, на Земле. В этом причина отсутствия связи.

Иссет хотел было что-то сказать, но его прервал Хагедорн:

— Как сообщил Ксантен, наши корабли приведены в негодность. Можно ли их починить? Кто из наших ученых смог бы на практике применить свои глубокие познания? Кроме того, необходимо взять ангары под наш контроль.

— Это не трудно! — заявил Гарр. — Дайте мне шесть взводов пейза и шесть энергофур, оснащенных лучевыми пушками, и я отоблю ангары.

— Вот это уже дело, — поддержал его Беандри, — это какое-то начало. Могу предложить свою помощь в обучении пейза. Пусть я ничего не понимаю в лучевых пушках, но моим военным опытом можете располагать.

Хагедорн нахмурился и сжал рукой подбородок.

— Здесь есть кое-какие трудности. Во-первых, у нас всего один экипаж — тот, на котором приехал Ксантен. И что касается пушек — они находились в ведении меков и могут быть умышленно испорчены, как корабли. Благородный Гарр, это по твоей части, что ты нам посоветуешь?

— В последнее время я не проверял состояние орудий. И вряд ли удастся сделать это сегодня — процедура «Созерцания Старинных Вышивок» займет все наше время, вплоть до «Часа Вкушения Закатной Тиши». — Он посмотрел на часы. — Пора заканчивать Совет. Через какое-то время я надеюсь собрать информацию относительно пушек.

«Созерцание Старинных Вышивок» и «Час Вкушения Закатной Тиши». Если название первого из занятий отражает его содержание, то название второго уже перешло в разряд

эвфемизмов. Так обозначалось время, когда жители замка обменивались визитами, наслаждались прекрасными винами и ароматом благовоний, короче, час отдыха и бесед в преддверии обеда.

— Наше время действительно истекает, — согласился с ним Хагедорн. — Твои фаны участвуют в представлении, Гарр?

— Только две, — ответил тот. — Лазуль и Одиннадцатая Загадка. Я не могу подобрать ничего подходящего для Воздушной Чудесницы или маленькой Голубой феи. А Глориана все еще требует выучки. Сегодня, я думаю, внимание привлечет Варифлора.

— Возможно, хотя я слышал о ней и другие отзывы. Ну что ж, продолжим завтра. Благородный Клагорн, ты, кажется, хочешь что-то сказать?

— Именно так, — подтвердил Клагорн. — У нас мало времени, и мы должны его использовать наилучшим образом. Я имею серьезные возражения против пейзажа в качестве солдат. Это кролики, а меки — волки. Нам нужны не кролики, а пантеры.

— Э-Э... возможно.

— Вы спросите, где же взять пантер? — Клагорн обвел взглядом собравшихся. — Нигде. Тогда следует срочно заняться превращением кроликов в пантер. Предлагаю отложить все развлечения, пока наше будущее не станет более определенным.

Предложение это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Некоторое время члены Совета сидели молча. Хагедорн открыл было рот, собираясь что-то сказать, но, не найдя слов, закрыл снова. Первым пришел в себя Беандри. Он издевательски захохотал:

— Похоже, наш эрудит ударился в панику.

— Здесь не о чем говорить, — пренебрежительно заметил Гарр. — Мы не будем менять образ жизни из-за наглой выходки слуг. Мне стыдно даже предположить такое.

— А вот мне несколько не стыдно, — заявил Клагорн с тем простодушным выражением лица, которое так бесило Гарра. — Нашей жизни грозит опасность, и надо отбросить второстепенное.

Гарр встал и сделал в сторону Клагорна традиционный жест, выражающий презрение. Клагорн комично передразнил его. Ксантен, не переносивший Гарра, откровенно рассмехался.

Гарр поколебался, но гордость подсказала ему, что продолжать не стоит. Он повернулся и прошествовал к выходу.

«Созерцание Старинных Вышивок» — зрелище, ежегодно разыгрываемое фанами, одетыми в роскошные одежды, происходило в Большой Ротонде, занимавшей северную оконечность центральной площади.

Многие джентльмены и кое-кто из дам содержали фанов. Это были существа из пещер луны Альбиеро VII — кроткий народец, игривый и привязчивый по натуре, который после нескольких лет направленной селекции превратился в расу очаровательных силфов весьма пикантной красоты. Закутанные в тончайшую дымку газа (выделявшегося железами за ушами) они были веселые, наивно-тщеславные и самые безобидные существа на Земле. Большинство джентльменов очень любили их, но что касается леди... Ходили слухи, что некоторые из них в припадке ревности поливали фанов специальной настойкой аммиака, отчего кожа тускнела и дымка исчезала навсегда.

Джентльмен, влюбившийся в фана, подвергался осмеянию. Хотя селекция придала фанам внешность грациозных девушек, если их использовали как заменителей женщин, то скрыть это было невозможно — бедное существо начинало чахнуть, дымка постепенно исчезала, и становилась ясно, что такой-то джентльмен обошелся со своим фаном неподобающим образом. В этом отношении женщины сохраняли приоритет. Вели они себя весьма зазывно, так что фаны рядом с ними выглядели наивно и бесхитростно. Продолжительность их жизни составляла примерно тридцать лет, причем последние десять фаны, уже потерявшие всякую привлекательность, исполняли черную работу на кухне, в детских и гардеробных.

В церемонии Созерцания больше внимания уделялось фанам, а не вышитым накидкам, хотя последние, сотканые из дымки фанов, отличались удивительной красотой.

Владельцы фанов занимали места в первых рядах, ликуя, когда фан делал удачный пируэт, и пряча глаза от стыда, если поза того была далека от совершенства. Представление сопровождалось игрой на лютне, играющий при этом не мог быть родственником семьи владельца фана.

Это не было признанным соревнованием, но зрители выделяли понравившихся им фанов, и их восторг весьма укреплял репутацию хозяина.

Сегодняшнее «Созерцание» было задержано почти на полчаса — из-за Совета. Паузу пришлось заполнять импровиза-

цией. Но леди и джентльмены проявили снисхождение к молодым пейзажам, прилежно исполнявшим не свойственные им функции.

Наконец представление началось. Фаны были как всегда очаровательны. Они изящно поворачивались под аккорды лютни, то принакая к помосту, то вдруг распрямляясь, упругие, как пружина, и, завершая выступление поклоном, прыгивали вниз.

В середине действия в зал робко протиснулся пейзаж и что-то взволнованно зашептал подошедшему к нему кадету. Кадет направился к кабинке из полированного янтаря, где сидел Хагедорн. Выслушав, тот кивнул, проронил что-то в ответ и спокойно продолжал смотреть. Зрители успокоились.

Развлечение продолжалось. Прекрасно выступила грациозная пара, принадлежавшая Гарру, но зрителей покорила очаровательная Лурлин, впервые принимавшая участие в празднестве, — ее хозяином был Флой.

В заключение все фаны вышли на помост и исполнили финальный менуэт, после чего, кокетливо попрощавшись с публикой, покинули Ротонду. Леди и джентльмены не спешили расходиться. Они потягивали ароматные напитки, обменивались впечатлениями, договаривались о встречах и назначали любовные свидания. Хагедорн сидел нахмурившись.

Внезапно он поднялся, и в зале сразу же воцарилась тишина.

— Мне жаль омрачать ваше веселье, но я только что получил известия... Замок Джанейл атакован. Огромное количество меков окружили его и, имея в своем распоряжении сотни энергофур, опоясывают замок земляным валом. Лучевая пушка неисправна.

— На что они рассчитывают, — донеслись до него удивленные возгласы, — ведь стены замка достигают двухсот футов в высоту!

— Трудно сказать, но известие это тем не менее вызывает тревогу. Мы должны быть готовы к подобной осаде. Наше положение не так плохо: вода поступает из глубоких скважин, прорытых здесь же, в замке. У нас достаточные запасы продовольствия, механизмы работают на солнечной энергии. При необходимости мы сможем синтезировать и пищу непосредственно из воздуха — так, по крайней мере, уверил меня наш знаменитый биохимик Ладиснейм. И все же хорошего мало. Пусть каждый из вас обдумает сказанное и сделает вывод. Завтра — собрание Совета.

Глава 8

— Думаю, что сегодня, — начал Хагедорн, открывая собрание, — следует оставить в стороне формальности и переходить сразу к делу. Благородный Гарр, что вы узнали касательно мушек?

Одетый в эффектную форму овервельских драгун — серое с зеленым — Гарр аккуратно поставил на стол свой морион, расправив при этом плюмаж, и начал доклад:

— Как удалось выяснить, из двенадцати пушек четыре функционирует вполне нормально, еще четыре — выведены из строя меками — они перерезали энергопроводы. Остальные не работают по неизвестным нам причинам. Я отобрал с полдюжины пейзаж, способных работать с инструментами, и приказал им сростить энергопроводы, чем они и занимаются. Вот все, что касается пушек.

— Новости не слишком утешительные, — заметил Хагедорн. — А как обстоят дела с формированием боевых отрядов?

— Скоро начнем обучение. Мулл и Берзелиус заняты отбором молодых самцов, пригодных к военному делу. Дело это трудное. Пейзаны лучше приспособлены к выпалыванию сорняков, чем к ведению боевых действий.

Хагедорн, выслушав, обратился к Совету:

— Будут ли еще какие-нибудь предложения?

— Если бы эти мерзавцы оставили энергофуры. — подал голос Беандри, — мы могли бы установить на них пушки, с этим бы пейзажи справились. Тогда мы отправились бы в Джанейл и, напав в тыла, перебили их, как собак!

— Но чего, собственно, хотят эти чертовы меки?! — воскликнул Аури. — Почему после столетий спокойной жизни они словно взбесились?

— Я тоже задаю себе этот вопрос, — отвечал Хагедорн. — Ксантен, ты вернулся с пленником, допросил ли ты его?

— Нет, сказать по-правде, я даже забыл о нем.

— Почему бы не сделать это прямо сейчас. Может, он нам что-нибудь подскажет. Благородный Клагорн, ответь нам как знаток меков — мог ли ты ожидать от них такого коварства? И чего они добиваются, захватывая наши замки?

— Мски способны планировать весьма сложные операции, — не спеша начал Клагорн. — Но их жестокость удивляет меня не меньше вашего. Как специалисту мне известно, что они напроць лишены преимуществ, даваемых цивилизацией: умения понимать и создавать прекрасное, и, как следствие, не обладают чувством собственности. Мне часто приходила в голову мысль — не осмелюсь назвать ее теорией —

о том, что биологическая структура мозга тесно связана с характером мышления. Принимая во внимание, как бессистемно формируются в нашем мозгу мысли, начинаешь удивляться способности человека к осмысленным действиям. Нам не присуща рациональность, мысль наша представляет собой импульс, генерируемый эмоциями.

В противоположность нашему мозг мека представляет собой чудо упорядоченности. Он имеет четкую форму куба и состоит из клеток, соединенных между собой волокнами микроскопической толщины. Сопротивляемость току в них равна нулю. Каждую клетку заполняет силика — жидкость с переменной проводимостью, образуемая соединением окислов металлов. Благодаря такому строению их мозг способен сохранять огромное количество информации, размещенной в определенном порядке. Мек ничего никогда не забывает, он лишь стирает ненужную информацию. Кроме того, общеизвестно, что мозг мека может работать как радиопередатчик или как радар.

Но при всем этом меки начисто лишены эмоций. Они ничем не отличаются один от другого, среди них нет личностей. Это естественное следствие коллективного мышления. Они служили нам потому, что не имели ни амбиций, ни зависти, ни стыда. К нам они не испытывали ни любви, ни ненависти. Не думаю, чтобы они так сильно изменились с тех пор. Нам трудно представить эмоциональный вакуум, в котором живут меки — ведь мы окутаны вихрем разнообразных чувств. Меки холодны, как кусок льда. Их кормили, давали жилье — и они находили такие условия вполне удовлетворительными. Что же случилось теперь? Я долго искал ответ на этот вопрос, но все причины, какие я только мог вообразить, оказывались просто смешны при ближайшем рассмотрении. Лишь одно предположение показалось мне заслуживающим внимания, хотя если это так, то ничего в итоге не изменится...

— Так что же? — нетерпеливо выкрикнул Гарр. — Говори!

Все взгляды были устремлены на Клагорна, и тому стало не по себе.

— Я думаю, они решили уничтожить человеческую расу. Молчание затягивалось и приобрело зловещий оттенок. Хагедорн повернулся к Ксантену.

— Это пригодится вам во время допроса. Действуйте!

— Если благородный Клагорн не против, мне бы хотелось, чтоб он присутствовал при этом.

— Рад быть полезным, но, боюсь, никакие сведения нам сейчас не помогут. Надо готовиться к войне.

— Нельзя ли воспользоваться каким-нибудь хитроумным

способом, вызвать, к примеру, электрический резонанс в мозгу мека?

— Это невозможно. Их организмы защищены от внешнего воздействия. Хотя стоит попробовать лишить их радиосвязи. Благородные Урегус и Бернал, вы обладаете необходимыми знаниями, могли бы вы сконструировать такой прибор?

Урегус нахмурился.

— Что значит сконструировать? Я мог бы начертить схему, но где взять детали? Не будем же мы, как чумазные подмастерья, рыскать по складам и мастерским. — Он возвысил голос. — Больно, что приходится напоминать об этом, неужели вы столь низкого мнения о наших способностях?

Хагедорн поспешил его успокоить:

— Конечно же, нет! Мне и в голову не пришло оспаривать ваши достоинства! И тем не менее в столь тревожной ситуации обстоятельства могут привести к большему унижению, если мы не поступимся некоторыми принципами сейчас!

— Отлично, — заявил Урегус, на губах его застыла невеселая усмешка, — тогда вы лично и отправитесь со мной в подвалы. Что вы скажете на это?

Хагедорн собрался было ответить, но его перебил Клагорн:

— Прошу прощения, джентльмены, но речь идет об основополагающих принципах и мы просто обязаны выработать общее для всех решение.

— Прошу всех высказаться, — добавил Хагедорн.

Поднялся Гарр:

— Благородный Клагорн может поступать так, как подсказывает его натура, — заговорил он сладким голосом, — я не вправе ему указывать. Что же касается меня, — голос его окреп и возвысился, — то я никогда не унижу высокого звания джентльмена. Это так же естественно для меня, как привычка дышать. Не собираюсь идти на компромисс и превращаться в пародию на самого себя! Мы, обитатели замка Хагедорн, являемся кульминацией развития человечества, любое отступление от наших правил есть шаг назад, то есть, деградация. Я слышал, здесь кто-то произнес слово «тревога». Какое постыдное заблуждение! Удостоить этого определения машиную возню разболтавшейся прислуги! По-моему, это просто недостойно!

Одобрительный шепот пробежал за столом совета.

Клагорн откинулся на спинку кресла, словно отдыхая. Его голубые глаза как бы перебирали лица присутствующих, раздумывая, на ком бы из них остановиться, затем он обратился к Гарру:

— Не стоит обижаться на ваши слова, ибо главное не в

них. Куда важнее то, что весь Совет полностью разделяет вашу точку зрения. Я больше не могу уговаривать, разъяснять, увещевать. Здешняя атмосфера стала слишком затхлой, я покидаю вас. Желаю вам пережить наступление меков, хотя сильно сомневаюсь в этом. Меки — народ умный, с большими возможностями, лишенный предрассудков и болезненной гордости. Вы их недооцениваете!

Клагорн опустил свою табличку в щель и встал из-за стола.

— Прощайте!

Хагедорн умоляюще протянул руки.

— Погоди, не покидай нас в гневе, Клагорн! Одумайся! Нам нужна твоя мудрость, твой опыт!

— Но вы не собираетесь им воспользоваться, и, значит, мое присутствие здесь — бесполезная трата времени.

С прощальным жестом он покинул зал Совета.

Хагедорн медленно опустился на прежнее место. Остальные крутились, покашливали, вертели в руках таблички. Чувствовалась общая неловкость. Гарр прошептал что-то на ухо сидевшему рядом Виасу, тот в ответ важно кивнул. Хагедорн снова заговорил:

— Нам будет очень не хватать благородного Клагорна, его интуиции и проницательности... К настоящему моменту мы достигли совсем немногого. Благородный Урегус, наверное, тебе придется развить идею излучателя на следующем заседании, а тебе, Ксантен, допросить пленного мека. Тебе же, благородный Гарр, мы поручаем ремонт лучевых пушек. Но главное, мы так и не выработали плана помощи осажденному Джанейлу!

— А что происходит в остальных замках? — поинтересовался Марун. — Мы давно не имеем новостей оттуда. Я предлагаю разослать птиц, пусть разведдают обстановку.

— Верно. Хорошее предложение. Ты и проследишь за этим, Марун. На этом мы завершим Совет.

Одна за другой вернулись посланные Маруном птицы. Они принесли печальные вести:

— Морской остров опустошен! Мраморные колонны усеяли берег. Жемчужный купол рухнул, в саду фонтанов плавают трупы.

— В Маравале все мертвы — джентльмены, фаны, пейзажи. Даже птицы, увы, покинули развалины.

— Делора — ах, роз, роз, роз! Гнетущая картина! Ни одной живой души!

— Алюм тоже опустошен. Знаменитые резные ворота разбиты в щепки. Погас вечный Зеленый Огонь.

- Безмятежный пуст. Трупы пейзажников заполнили колодцы.
- Туанг — безмолвие.
- Утросветный — смерть!

Глава 9

Три дня спустя после совета Ксантену пришла в голову одна идея. Чтобы ее осуществить, он запряг шестерку птиц и направился с ними к Дальней Долине.

Вскрикивая свои обычные жалобы, птицы сначала промчались большими прыжками по взлетной площадке, явно стараясь вытряхнуть Ксантена из кресла, потом оторвались от земли и начали по спирали набирать высоту, и замок Хагедорн превратился в изящную игрушку далеко внизу.

Совершив положенный круг над замком, промчавшись над утесами и сосновыми лесками Северного Гребня, птицы поймали восходящий поток теплого воздуха и, расправив крылья, начали медленно спускаться к Долине.

Они проплывали над веселыми землями Хагедорна: садами, полями, виноградниками, поселками пейзажников. Промелькнуло озеро Моод с его павильонами и доками для яхт, затем тучные пастбища, где бродили коровы и овцы. Наконец показалась и стала приближаться Дальняя Долина. Ксантен указал птицам место посадки. Птицы, которые из любопытства предпочли бы сесть поближе к деревне, обиженно загавкали и так тряхнули его при посадке, что он, несмотря на весь свой опыт, едва не вывалился кубарем.

С трудом удержавшись на ногах, Ксантен приказал птицам не ссориться и вести себя пристойно, дожидаясь его возвращения, и зашагал по знакомой тропинке, направляясь к видневшейся вдали деревушке Искупающих.

Ягоды уже поспели, и несколько девушек бродили по рощице, наполняя ими корзинки. Среди них была и та, которую собирался присвоить Гарр. Проходя мимо, Ксантен задержался и весело поздоровался с ней.

— Мы с вами уже встречались, если мне не изменяет память?

Улыбка девушки была одновременно печальной и капризной.

— Нет, память вас не подвела. Мы встречались в Хагедорне, потом вы доставили меня сюда. Тогда было темно, и я не рассмотрела как следует вашего лица. — Она протянула корзинку. — Вы голодны? Хотите ягод?

Такой красивой девушке трудно было в чем-либо отказать.

Разговорившись, Ксантен узнал, что зовут ее Глис Луго-росная и что родителей своих она не знает, но, скорее всего, это жители замка, отдавшие на воспитание Искупающим свое внелимитное дитя. Ксантен взгляделся в черты ее лица, но не смог обнаружить сходства ни с одним из семейств Хагедорна.

— Возможно, ты приходишь из замка Делора. В твоих чертах есть фамильное сходство с Косанзасами, славящимися красотой своих женщин.

— Есть ли у тебя супруга? — с наивной прямоотой спросила Глис.

— Нет, — честно ответил Ксантен, действительно за день до того порвавший с Араминтой. — А ты замужем?

Она отрицательно покачала головой:

— Тогда бы я не собирала сейчас ягоды, это работа для девушек. Зачем ты прилетел к нам?

— По двум причинам. Во-первых, чтобы повидаться с тобой, — услышав собственные слова, он с удивлением осознал, что это действительно так. — У меня не было возможности поговорить с тобой, я хочу узнать: такая ли ты веселая, как и красивая?

Девушка вздохнула, и Ксантен так и не понял, польщена ли она: ведь комплименты джентльмена иногда влекли за собой печальные последствия.

— И, кроме того, я прибыл поговорить с Клагорном.

— Ты найдешь его там. — Голос Глис стал холоден и не приветлив. — Он занимает крайний дом слева. — Она снова принялась собирать ягоды.

Ксантен поклонился в знак благодарности и направился к указанному дому.

Клагорн, облаченный в шаровары из домотканого полотна, рубил топором хворост для очага. Заметив Ксантена, он прекратил работу, оперся о топор и вытер пот со лба.

— А, это ты. Рад тебя видеть. Что нового в Хагедорне?

— Все по-старому. Рассказывать не о чем, хотя и пришел с новостями.

— В самом деле?

— Я допрашивал пленного мека. Жаль, что тебя при этом не было, многие ответы были мне не ясны.

— Продолжай, кажется, я смогу тебе помочь.

— По окончании Совета я спустился в кладовую, где был заключен пленный мек. От голода он совсем ослаб. Я дал ему воды и питательного сиропа, на которые он с жадностью набросился, а затем попросил принести рубленных моллюсков.

Я послал прислугу, и требуемую еду принесли. Он съел очень много. Как ты уже знаешь, это был необычный мек — ростом с меня и без сиропного мешка. Я внимательно рассмотрел его. Отрубленный шип-антенна уже вырос заново, и он мог связаться с остальными меками.

Я спросил:

— Благородные жители замка поражены самим фактом восстания. Нам казалось, вы вполне удовлетворены жизнью, это не так?

«Естественно». — Я вполне уверен, что мек просигналил именно это слово. Никогда бы не подумал, что меки способны острить.

— Хорошо, — сказал я, — так в чем же мы ошибались?.

«Мы больше не желаем на вас работать. Мы хотим жить в соответствии с нашими традиционными представлениями».

Этот ответ удивил меня. Я даже не подозревал, что у меков, могут быть какие-то представления, тем более традиционные.

Клагорн кивнул:

— Я тоже был поражен, обнаружив у них развитые умственные способности.

— Зачем же тогда убивать, — спросил я, — зачем уничтожать одну жизнь, чтобы улучшить другую.

Произнося эту фразу, я понял, как неудачно она сформулирована. Мек тоже это заметил, и просигналил что-то вроде:

«Вы сами вынудили нас к этому своим обращением. Мы могли бы вернуться на Этамин, но Земля нам нравится больше. Мы оборудуем ее по-своему».

— Казалось бы все ясно, но мне почудилась некоторая недоговоренность в его словах. Я сказал:

— Это понятно, но зачем убивать и разрушать. Земля велика, выберите место и живите там.

«Невозможно!» — ответил мек. — «По вашим словам, мир тесен для двух соревнующихся разумных рас. Вы хотите отослать нас обратно на Этамин».

— Чушь! — воскликнул я, — абсурд, неужели ты веришь в это?!

Но мек стоял на своем: «Нет. Два благородных жителя Хагедорна стремились занять высший пост. Один из них заверил нас, что, если его изберут, он отправит нас на родную планету, что это цель его жизни».

— Чудовищное недоразумение, — сказал я, — один человек не может говорить от лица всех.

«Разве?» — удивился мек. — «Один мек всегда говорит за остальных. Мы думали, у людей то же самое».

— У нас каждый говорит и думает отдельно, — объяснил

я ему, и безумец, который плел вам эту чушь, просто преступник. Но теперь все прояснилось. Мы обещаем не отвозить вас на Этамин. Снимите ли вы осаду с Джанейла? Тогда мы позволим вам спокойно уйти.

«Нет», — сказал мек, — «уже поздно. Мы уничтожим людей. Этот мир тесен для двух рас».

Тогда я сказал: «Мне очень жаль, но в таком случае придется тебя убить».

Он прыгнул на меня и накололся на мой кинжал. Это было легче, чем убивать спокойно сидящего. Теперь, Клагорн, ты знаешь все. Кто же из вас, ты или Гарр навлек на нас это несчастье? Боюсь, что вина за все ляжет на тебя!

Клагорн нахмурился?

— Вина? Ответственность, но не вина. Я был наивен но не имел злого умысла.

Ксантен в ужасе отшатнулся:

— Клагорн! Твое хладнокровие меня поражает! До этого, когда всякие недоброжелатели, вроде Гарра, открыто называли тебя сумасшедшим...

— Успокойся, Ксантен, — раздраженно воскликнул Клагорн. — Это показное биение в грудь неуместно. Что я сделал? Моя вина в том, что я слишком старался. Да, я хотел стать Хагедорном и отпустить рабов домой. Я потерпел поражение, рабы взбунтовались. О чем еще говорить? Мне это надоело, не тарашь на меня глаза!

— Ах, тебе надоело! — вскричал Ксантен. — Тебе не нравятся мои глаза, а кто ответит за тысячи смертей?!

— Рано или поздно это должно было случиться. Предлагаю оставить бесполезные упреки и с той же энергией заняться собственным спасением, от меня вы способа спастись не узнаете.

— Клагорн, я прилетел сюда, чтобы снести твою высокомерную голову с плеч...

Клагорн, не слушая больше, занялся рубкой дров.

— Клагорн!

— Ксантен, поори лучше на своих птиц.

Ксантен повернулся и пошел прочь. Девушки, собиравшие ягоды, с удивлением смотрели на него и уступали дорогу. Глис среди них не было. Еще более взбешенный, он зашагал дальше.

Пройдя ярдов сто, он увидел полянку с поваленным деревом. На пне сидела Глис и любовалась какой-то травинкой.

Глубоко вздохнув, Ксантен приблизился к ней. Она подняла голову, в ее волосах он заметил свежий цветок.

— Отчего ты такой сердитый?

Ксантен присел рядом с ней.

— Сердитый не то слово. Я просто в отчаянии. Клагорн знает как нам спастись, но не хочет открывать секрет.

Глис Лугоросная засмеялась, словно зазвенел веселый колокольчик. Ничего подобного ему слышать не приходилось.

— Секрет? Все его знают, даже я!

— Конечно, секрет, — настаивал Ксантен, — иначе зачем бы его скрывать?

— Тогда слушай. Если ты боишься болтливости птиц, я скажу тебе на ухо. — И она прошептала несколько слов в ухо Ксанта.

Сладчайший дурман окутал его, и простой смысл сказанного не сразу был им осознан. Он разочарованно вздохнул:

— Какой же это секрет? Древние скифы называли это «бафос», хитрая уловка. Но это позор для джентльмена. Ведь мы же на танцуем с пейзажами? И не приносим птицам ароматные настойки и не обсуждаем с ними достоинства наших фанов?

— Позор?! Ах, так. — Глис вскочила на ноги. — Тогда говорить со мной — это тоже позор! Или сидеть рядом со мной, или делать смехотворные предложения!

— Но я не делал никаких предложений! — запротестовал Ксантен, — и я сижу здесь, соблюдая все правила приличия...

— Слишком много приличий, слишком много чести! — С поразившей Ксанта страстью она вырвала из волос цветок и бросила его на землю, намереваясь растоптать. — Вот так!

— Подожди, — кротко остановил ее Ксантен. Он нагнулся, поднял цветок, поцеловал его и снова вплеп в волосы Глис. — Я вовсе не слишком гордый. И я буду стараться.

Он хотел было обнять Глис, но она отстранилась.

— Скажи мне, — с неожиданной суровостью спросила она, — у тебя есть эти ваши странные женщины-насекомые?

— Фаны? Нет, я не держу фанов.

Услышав это, Глис расслабилась и позволила Ксантену обнять себя.

Птицы при этот гоготали, мяукали и издавали отвратительный скрежет своими крыльями.

Глава 10

Проходило лето. Тридцатого июня в Хагедорне и Джанейле отпраздновали День Цветов, хотя насыпь вокруг Джанейла росла с каждым днем.

Ксантен на своей крылатой шестерке под покровом ночной темноты прилетал в Джанейл и предлагал эвакуиро-

ваться в Хагедорн с помощью птиц. Он хотел бы забрать с собой всех желающих, если таковые найдутся. Совет замка выслушал его с каменными лицами и разошелся, не удостоив ответом.

Ксантен возвратился в Хагедорн. Доверяясь только верным друзьям, он организовал тайную группу из тридцати или сорока джентльменов, придерживающихся одинаковых с ним взглядов. Но тайна сохранялась недолго, и основные принципы их организации стали вскорости достоянием всех.

Традиционалисты, как и следовало ожидать, обвинили их в трусости и всячески издевались над молодыми людьми. Ксантен и единомышленники сдерживались и не отвечали на оскорбления.

Вечером девятого сентября замок Джанейл пал. Страшную новость принесли в Хагедорн испуганные птицы, которые снова и снова повторяли свой рассказ визгливыми головами.

Хагедорн, измотанный постоянной тревогой, снова собрал совет. Совет констатировал печальный факт — Хагедорн остался последним замком на Земле.

— Меки не могут причинить нам вреда, — заявил Хагедорн, — у них не получится взять наш замок тем же способом, что и Джанейл — стены слишком высоки. Мы в безопасности. Но какой жуткий поворот судьбы — Хагедорн остался последним оплотом человеческой цивилизации.

Заговорил Ксантен, голос его звучал искренне и страстно:

— Двадцать лет, тридцать лет, пятьдесят — какая разница мекам? Стоит им окружить замок — и мы в ловушке. Неужели вы не понимаете, что у нас осталась последняя возможность бежать из этой огромной клетки, в которую превратится скоро Хагедорн!

— Ты предлагаешь бежать, Ксантен? Что за низкое слово! Какой позор! Забирай свою банду и беги — в степи, в болота, в тундру! Только избавьте нас от своих панических воплей, трусы!

— Что ж Гарр, коль скоро я превратился в «труса», не вижу ничего постыдного в бегстве, — невозмутимо отвечал Ксантен. — Стремление выжить вполне нравственно, эту мысль я слышал из уст крупного ученого.

— Неужели? Кто же он?

— Благородный Филидор, если тебя интересуют детали.

Гарр картинным жестом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Имеешь ли ты в виду Филидора-искупающего? Да ведь он из самых крайних радикалов, даст сто очков вперед всем искупающим вместе взятым. Ксантен, одумайся, сделай милость!

— Если мы освободим себя от замка, — упрямо продолжал Ксантен, — впереди у каждого будут еще годы жизни.

— Но ведь наша жизнь немыслима без замка! — возразил Хагедорн. — Что мы, в сущности, без него? Звери дикие? Кочующие бродяги?

— Живые люди!

Гарр фыркнул и демонстративно отвернулся. Хагедорн в растерянности помотал головой.

Раздался голос Беандри.

— Ксантен, ты всех нас растревожил, а зачем? В замке мы в полной безопасности, как в утробе матери. Какой же прок все бросать? Запятнать свое имя, отказаться от благ цивилизации — ради чего? Чтобы испуганно озираясь, пробираться среди диких лесов? Другой выгоды я не вижу.

— Джанейл тоже был неприступен, — возразил Ксантен. — Где теперь его неприступность? Там смерть и опустошение. Покинув замок, мы останемся в живых. И у нас есть более приятная перспектива, чем красться среди диких лесов.

— Иногда смерть предпочтительнее жизни, — ответил ему старый Иссет. — Почему я не могу дожить с честью последние годы?

В зал вбежал Робарт.

— Благородный члены Совета! К замку приближаются меки!

Хагедорн затравленным взглядом окинул присутствующих.

— Какие будут предложения? На чем мы остановимся?

Вскинулся Ксантен.

— Пусть каждый поступит так, как он считает нужным. Я устал спорить. Распусти Совет, Хагедорн, чтобы каждый мог заняться своими делами. Я лично намерен покинуть замок.

— Совет окончен, — объявил Хагедорн, и все поспешили к крепостным стенам, чтобы своими глазами увидеть происходящее.

По главной дороге двигались толпы пейзажистов, за плечами каждого болталась котомка. далеко за ними, у кромки Варфоломеевского леса уже виднелись энергофуры и аморфная коричнево-золотистая масса: полчища меков.

Аури указал окружающим на восток.

— Смотрите, там... вон они, поднимаются по Болотной низине.

Он повернулся к западу:

— И туда посмотрите — Бамбридж полон меков!

В одном порыве все повернулись к Северному Гребню.

Гарр указал на цепь из бронзовых фигурок.

— Вот они, проклятый сброд. Окружают! Что ж, пусть теперь отдохнут.

И направился к своему жилищу, демонстрируя окружающим спокойствие и презрение к опасности. Остаток дня он провел, занимаясь обучением любимой Глорианы — фана, подающего большие надежды.

На следующий день осада замка началась.

Повсюду можно было заметить следы активной деятельности меков — строились бараки, склады, бункеры для хранения сиропа. Внутри этого кольца, но за пределами радиуса действия лучевых пушек, работающие энергофуры выбрасывали на поверхность земли целые холмы породы.

За ночь холмы выросли и вытянулись в сторону замка. То же самое повторилось и на следующее утро. Замысел меков стал проясняться — это были защитные валы над входами в туннели. Туннели же вели к основанию скалы, на которой расположился замок.

На следующий день насыпи достигли скальной породы. Из противоположного отверстия стали появляться энергофуры, груженные битым камнем. Они сбрасывали свой груз на поверхность и снова исчезали под землей.

Всего было прорыто восемь туннелей. Из каждого рекой потек щебень и порода, выгрызаемые из основания скалы, поддерживающей замок. Все стало понятным усеявшим паркетом жителям Хагедорна.

На шестой день осады солидный кусок склона вдруг задрожал, раскололся, и громадный клин скалы, почти что доходивший острием до основания стен, рухнул вниз.

— Если так пойдет и дальше, — заметил Беандри, — мы не продержимся дольше Джанейла.

— Пойдемте! — призвал всех Гарр. — Пора испытать нашу пушку. Сейчас поднимем туннели в воздух и посмотрим, что будут поделявать эти негодяи.

Он направился к ближайшему орудийному посту и приказал пейзажам снять защитный чехол.

Оказавшийся неподалеку Ксантен насмешливо предложил свои услуги:

— Позвольте помочь вам, благородный Гарр, — сказал он сдергивая материю. — Теперь извольте пострелять, если желаете.

Гарр недоуменно взглянул на него, потом подскочил к пушке. Опустив книзу раструб излучателя он нацелил его в гребень насыпи — раскаленный воздух заструился перед соплом пушки и наполнился пурпурными искрами. Послышался треск. Попавшая под удар часть насыпи задымилась, по-

чернела, потом засветилась красным и превратилась в раскаленный вулкан. Но находящиеся ниже двадцать футов земли представляли собой прекрасную теплоизоляцию. И хотя кратер раскалился добела, диаметр его не увеличивался. Вдруг что-то щелкнуло, произошло короткое замыкание в одной из цепей, и пушка превратилась в бесполезную грудку металла.

Разозлившись, Гарр бросился осматривать механизм. Затем, махнув рукой, повернулся и пошел прочь. Эффективность оказалась явно недостаточной.

Через четверть часа еще один громадный ломоть скалы отвалился от восточного склона, а перед закатом то же произошло на западном, где линия стен составляла одну прямую со склоном.

В полночь Ксантен и его единомышленники вместе с женами и детьми покинули замок. Шесть птичьих команд совершали рейсы между замком и лугом неподалеку от Дальней Долины, успев задолго до рассвета перевезти всех.

Никто не пришел их проводить.

Глава 11

Неделю спустя обвалился еще один кусок восточного склона, увлекая за собой часть контрфорса из плавленного камня. У входов в туннели лежали огромные кучи вынесенной наверх породы.

Меньше всего пострадал южный, покрытый террасами склон. Но месяц спустя после начала осады от него неожиданно отделился солидный участок, при этом трещина пересекла главную дорогу, руша каменную балюстраду, украшенную бюстами знаменитостей.

Хагедорн собрал Совет.

— Обстоятельства, — начал он, тщетно пытаясь придать голосу энергию и живость, — несколько не улучшились за последнее время. Действительность превзошла самые худшие ожидания. Положение катастрофическое. Признаюсь, у меня не вызывает восторга перспектива провалиться в преисподнюю вместе со всеми нашими сокровищами.

— И мне тоже страшно! — в отчаянии признался Аури. — Смерть — что смерть! Каждый рано или поздно умрет. Но стоит подумать обо всех моих драгоценностях — как становится нехорошо. Мои хрупкие вазы разбиты в черепки! Мои драгоценные накидки изорваны! Мои фаны задушены! А фамильные люстры? Все это преследует меня каждую ночь.

— Твои вещи не ценнее других, — прервал его стенания

Беандри. — И они всего лишь вещи. Когда не станет нас, какое кому до них тогда дело?

Марун содрогнулся:

— В прошлом году я заложил в погреб восемнадцать дюжин бутылей первоклассных благовоний — двенадцать дюжин «Зеленого Дождя», по три дюжины «Валтасара» и «Файдора». Вот это трагедия!

— Если бы мы только знали... — простонал Аури. — Я бы тогда... Я бы... — Голос его затих.

Гарр раздраженно топнул ногой.

— Давайте обойдемся без рыданий. Ведь у вас был выбор, помните? Ксантен склонял вас к побегу. Сейчас он и его прихвостни скитаются где-то в северных горах вместе с Искупающими. Мы предпочли остаться — на горе или на радость. К сожалению, получилось на горе. Примем же как джентльмены свою участь.

Совет вяло поддержал Гарра. Хагедорн извлек на свет бутылку бесценной «Радаманты» и наполнил чаши с небывалой щедростью.

— За наше славное прошлое — если будущего уже не осталось!

Ночью было замечено какое-то беспокойство в окружающей замок цепи меков. В четырех местах вспыхнул огонь, доносились приглушенные крики. На следующий день темп работы несколько снизился.

После полудня большой участок восточного склона рухнул вниз. Через мгновение, помедлив в величественном раздумьи, высокая стена раскололась и рухнула тоже, оголяя тылы шести Жилищ благородных семейств.

Через час после захода на взлетную площадку опустилась шестерка птиц. Из плетеного кресла выскочил Ксантен, сбегал вниз по спиральной лестнице и спустился на центральную площадь перед дворцом.

Родственники позвали Хагедорна, не скрывшего своего удивления при виде Ксанта.

— Что ты здесь делаешь? Мы думали, ты на севере, вместе с Искупающими.

— Искупающие не ушли на Север, они присоединились к нам, и мы сражаемся.

Челюсть Хагедорна отвисла от изумления.

— Сражаетесь? Джентльмены сражаются с меками?!

— Да, и очень решительно.

Хагедорн недоверчиво покачал головой:

— И Искупающие тоже? Странно, мне казалось, они собирались бежать на Север.

— Да, некоторые так и сделали, Филидор, например, — среди Искупающих есть разные фракции, как и в замке. Но основная часть осталась. К нам присоединились также и Бродяги и с пылом фанатиков сражаются с врагом. Прошлой ночью мы подожгли четыре бункера с запасами сиропа и уничтожили более сотни меков, дюжину энергофур. У нас тоже есть потери, и очень болезненные, так как нас мало. Поэтому я здесь. Нам очень нужны люди, становитесь в наши ряды!

— Я созову жителей. Поговори с ними.

Горько жалуясь на тяжелую судьбу, птицы всю ночь трудились, перевоза благородных джентльменов, несколько протрезвевших после страшных событий и горящих желанием, позабыв условности, драться за собственную жизнь. Самые упрямые по-прежнему отказывались пойти на компромисс со своими принципами. Ксантен на прощанье «подбодрил» их:

— Оставайтесь, бродите по своему замку, как перепуганные крысы. Утешайтесь тем, что стены у вас по-прежнему надежные.

Затем он повернулся к Хагедорну:

— А ты летишь с нами или нет?

Хагедорн тяжело вздохнул.

— Замку пришел конец, что уж теперь... Я уйду с вами.

Неожиданно ситуация изменилась. Меки, окружая замок осадным кольцом, не рассчитывали на сопротивление со стороны Долины. На сопротивление замка они тоже не рассчитывали. Поэтому, располагая бараки и хранилища сиропа, они руководствовались соображениями удобства, а не возможности обороны. Это было на руку лазутчикам из стана людей. Можно приблизиться незамеченными, нанести ощутимый урон и отступить без потерь. Нападения диверсантов повторялись все чаще, и в конце концов меки вынуждены были отступить. Кольцо осады превратилось теперь в полукруг, но сдаваться они пока не собирались, хотя из осаждавших превратились, по сути, в осаждаемых.

На контролируемой территории меки собрали уцелевшие танки с сиропом, энергофуры, оружие и боеприпасы. Ночью подступы освещались прожекторами и простреливались часовыми, что делало лобовую атаку невозможной.

Просовещавшись целый день, повстанцы решили напасть с воздуха. Шесть легких платформ были нагружены пузырями с горючим, к каждому пузырю крепилась зажигательная граната. Каждую платформу должны были нести десять птиц.

В полночь они взлетели, и, набрав высоту, спланировали на лагерь мексов. Сидевшие на платформе люди сбрасывали зажигательные бомбы.

Лагерь мексов охватило пламя. Горели хранилища сиропа, метались перепуганные энергофуры, круша строения и давя своих новых хозяев. Проекторы оказались разбитыми, и люди под покровом темноты атаковали лагерь. После короткой, но жестокой схватки они овладели выходами из туннелей, где укрылись оставшиеся в живых меки. Восстание, похоже, было подавлено.

Глава 12

Постепенно пожар угасал. Люди — сотни три из замка, двести Искупающих и несколько десятков кочевников — собрались у одного из туннелей, обсуждая дальнейший план действий.

На рассвете группа джентльменов, чьи близкие остались в замке, отправились туда, чтобы привести их. Вместе с ними вернулись и те, кто не пожелал в свое время покинуть замок — Беандри, Гарр, Иссет и Аури. Они поздравили победителей искренне, но несколько сухо.

— Что же вы думаете делать теперь? — поинтересовался Беандри. — Меки в ловушке, но добраться до них невозможно. Если они запаслись сиропом, то смогут продержаться несколько месяцев.

Гарр, специалист в военном деле, предложил следующий план: установить на энергофуру лучевую пушку и ударить из нее по мекам. Большинство погибнут, а те кто выживет, пригодятся для работы.

— Нет! — воскликнул Ксантен, — этого больше не будет. Все оставшиеся в живых меки, а также пейзажи, будут отправлены на их родные планеты.

— Кто же по-вашему будет обслуживать жителей замка? — холодно поинтересовался Гарр.

— У вас остаются синтезаторы сиропа. Пришлите их на спину — и проблема питания решена!

Гарр надменно приподнял бровь.

— К счастью, это лишь твое дерзкое мнение. Хагедорн, ты тоже считаешь, что цивилизация должна угаснуть?

— Она не угаснет, — отвечал тот, — при условии, разумеется, что мы приложим к этому усилия. Но в одном я убежден окончательно — рабства больше не должно быть!

Вдруг со стен замка раздался отчаянный крик:

— Меки! Они проникли сюда и захватили нижние уровни! Спасите нас!! — И ворота медленно закрылись.

— Как это могло случиться? — воскликнул Хагедорн. — Ведь меки загнаны в туннель!

— Думаю, у них был заготовлен ход в замок, — сообразил Ксантен.

— Нужно немедленно выбить их оттуда! — Хагедорн бросился вперед, словно намереваясь в одиночку атаковать меков. — Мы не можем позволить им грабить замок!

— К несчастью, — вздохнул Клагорн, — стены защищают меков от нас гораздо надежнее, чем нас от них.

— Но можно использовать птиц!

Клагорн с сомнением покачал головой:

— Они выставят стрелков. Даже если удастся высадить десант, прольется море крови. А ведь они превосходят нас численностью!

Хагедорн застонал:

— Одна мысль о меках, роющихся в моих вещах, убивает меня!

— Слушайте! — Сверху донеслись хриплые выкрики и треск разрядов.

— Смотрите, люди на одной из стен!

Ксантен бросился к птицам, напуганным и поэтому смирным.

— Поднимите меня над замком! — приказал он. — Повыше, чтобы нас не достали пули.

— Будьте осторожны, — предупредила одна из птиц, — в замке творятся страшные вещи!

— У меня крепкие нервы! Поднимайтесь!

Птицы взмыли в воздух, стараясь держаться за пределами опасной зоны. Одна из пушек стреляла, за ней столпилось человек тридцать — женщины, дети, старики. На всей остальной территории, куда не доставали пушечные выстрелы, роились меки. Центральная площадь была усеяна трупами — джентльмены, леди, их дети — все, кто предпочел остаться в замке.

За пушкой стоял Гарр. Заметив Ксантена, он издал бешеный вопль, развернул пушку и выстрелил вверх. Двое из птиц были убиты, остальные, сплетясь в клубок вместе с Ксантеном, полетели вниз и каким-то чудом четыре оставшихся в живых сумели у самой земли затормозить падение.

Совершенно обессиленный, Ксантен пытался выпутаться из привязных ремней. К нему бежали люди.

— Ты не ранен? — кричал Клагорн.

— Нет, только очень испуган.

— Что там, наверху?

— Все мертвы, осталось буквально несколько человек. Гарр совсем обезумел, стрелял в меня.

— Смотрите! Меки на стенах! — закричал Морган.

— О-о! Смотрите, смотрите! Они прыгают... Нет, их сбрасывают!

Страшно медленно, как в кино, маленькие фигурки людей и меков, сцепившихся с ними, отделялись от парашюта и устремлялись вниз, навстречу гибели. Замок Хагедорн был теперь в руках меков.

Ксантен задумчиво рассматривал изысканный силуэт замка, такой знакомый, и теперь такой чужой!

— Они долго не продержатся. Надо разрушить солнечные батареи — и у них не будет энергии для синтеза сиропа.

— Давайте сделаем это немедленно, — предложил Клагорн, — пока они сами не догадались об этом. Птицы!

Вскоре четыре десятка птиц — каждая несла по два обломка скалы величиной с человеческую голову — тяжело поднялись в воздух, облетели замок и, вернувшись, доложили, что солнечных батарей больше не существует. Осталось только заложить выходы туннелей, чтобы меки не вырвались наружу.

— А что же будет с пейзажами? И с фанами? — тоскливо заметил Хагедорн.

Ксантен грустно покачал головой.

— Теперь мы все должны стать Искупающими — слишком много грехов.

— Меки продержатся не более двух месяцев, я уверен в этом. — Клагорн попытался как-то приободрить окружающих.

Но прошло почти полгода, пока однажды утром отворились ворота замка и наружу выбрался изможденный мек.

— Люди! — просигналил он. — Мы умираем от голода. Мы не тронули ваших сокровищ, выпустите нас или мы все уничтожим.

— Наши условия таковы, — отвечал ему Клагорн. — Мы сохраним вам жизнь, если вы приведете в порядок замок, соберете и похороните убитых. Потом вы почините корабли, и мы доставим вас обратно на Этамин.

— Ваши условия приняты.

Пять лет спустя Ксантен и его жена, Глис Лугоросная, находились по своим делам в окрестностях реки Сенц. Двое детей сопровождали их. Воспользовавшись возможностью, они посетили замок Хагедорн, в котором жили теперь всего несколько десятков человек. Среди них был и Хагедорн.

Он сильно постарел за эти годы. Волосы поседели, щеки ввалились. Трудно было определить его настроение.

Они стояли вблизи скалы с возвышающимся на ней замком, укрывшись в тени орехового дерева.

— Теперь это просто музей, — рассказывал Хагедорн, — а я в нем смотритель. Этим же, по-видимому, будут заниматься последующие Хагедорны. Ведь здесь собраны бесчисленные сокровища, их нужно беречь. Замок дряхлеет, уже появились призраки. Я сам не раз их видел по ночам. Эге-ге, какие были времена, правда, Ксантен?

— Да, — согласился тот, — но я бы не хотел их вернуть. Теперь мы стали хозяевами земли, а кем мы были раньше?

Они помолчали, оглядывая громаду замка, будто видели его впервые.

— Грядущие поколения — что они будут думать о нас? О наших сокровищах, книгах, искусных вышивках?

— Они будут приходить сюда наслаждаться, как это делаем мы сегодня, — задумчиво ответил Ксантен.

— Да, там есть, чем полюбоваться. Не пойдешь ли ты со мной, Ксантен? У меня еще сохранился запас старого благородного вина.

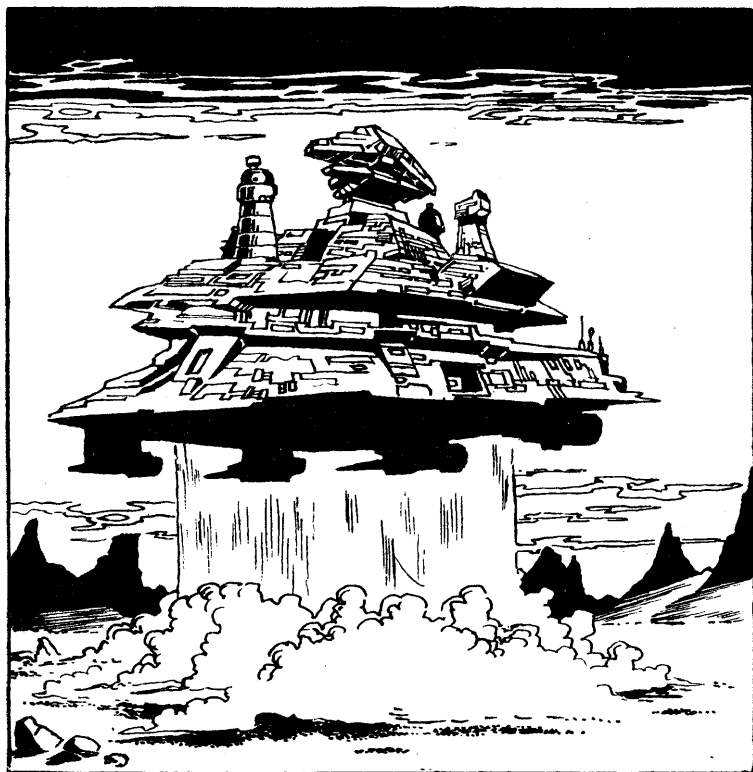
— Благодарю тебя, но мне не хочется тревожить старые воспоминания. Мы продолжим наш путь.

— Я понимаю тебя, Ксантен. Ну что ж, прощай, счастливого пути.

— Прощай, Хагедорн! — И они с сыном зашагали обратно в мир, снова принадлежащий людям.

ДЖЕЙМС БЛИШ

ЗЕМЛЯНИН, ВЕРНИСЬ ДОМОЙ!

Глава 1

Город сначала завис над землей, потом, в полной тишине, плавно опустился в указанном планетными прокторами месте — на обширной вересковой пустоши. В этот час Большое Магелланово Облако, похожее на влажный алмазный туман, только-только коснулось западного горизонта. Облако покрывало целых 35 градусов неба. В пять двенадцать утра облако зайдет, в шесть ровно должен показаться край родной галактики, но было лето, солнце поднималось рано, и поэтому видно ее не будет.

Обстановка вполне устраивала мэра Амальфи. Когда он выбирал эту планету, немаловажную роль сыграл тот факт, что родная галактика на ночном небосводе не покажется несколько месяцев. У города проблем хватало и без того, а возбуждать неутолимую тоску по дому ни к чему.

Город осел на грунт, растаял последний отголосок гула гирокрутов. Снизу донесся шум начинавшейся работы, с каждой секундой — все громче: голоса, топот, лязг и рев тяжелых машин. Как всегда, георазведка времени не теряла.

Тем не менее Амальфи не испытывал желания сойти на землю. Он остался на балконе Городского Совета, наблюдая за густозвездным ночным небом. Плотность светил здесь, в Большом Магеллановом, даже вне скоплений, очень высока. В большинстве случаев расстояние между системами равнялось световым месяцам, не годам. Если окажется, что город уже не поднять — а это неизбежно, гирокрут 66-й улицы только что разделил судьбу собрата с 23-й, отправился в шахту металлолома, — то можно будет наладить межзвездную торговлю на грузовых кораблях. Оставшиеся драйверы города, перемонтированные на корпуса по схеме «один корпус — один драйвер», обеспечат ядро небольшой флотилии.

Конечно, это не рейсы среди далекоудаленных цивилизаций Млечного Пути, но все равно, что ни говори, торговля.

Градоначальник Амальфи смотрел вниз. В ярком звездном свете было хорошо видно, что опаленный вереск тянется до самого западного горизонта. С восточной стороны вереск кончался примерно в километре от города, далее шли аккуратные квадратики обработанной земли. Возможно, каждый квадратик принадлежал отдельному фермеру, но у Амальфи на этот счет имелись собственные предположения. В языке прокторов, когда они давали городу разрешение на посадку, явственно присутствовали феодальные интонации.

Прямо на его глазах между городом и восточной полосой вереска вырос черный скелет некоей конструкции: команда

георазведки уже установила буровую вышку. Загудел телефон на поручне балкона. Амальфи снял трубку.

— Начальник, мы будем бурить, — послышался голос Марка Хейзлтона, городского администратора. — Вы спуститесь?

— Да. Что показывает локация?

— Ничего особо обнадеживающего, но скоро будем знать наверняка. Нефть здесь быть должна, если хотите знать мое мнение.

— Вашими бы устами... — проворчал Амальфи. — Приступайте, я иду вниз.

Он едва успел положить трубку в гнездо, как тишину летней ночи взорвал грохот молекулярного турбобура. Между городских стен запрыгало беспорядочное эхо. Можно было поспорить, что впервые планета в Большом Магеллановом услышала протестующие возгласы дезинтегрируемых молекул, хотя на мирах Млечного Пути технология эта успела устареть лет на сто.

На пути к буровой площадке Амальфи то и дело застревал, улаживая мелкие проблемы, поэтому до вышки он добрался, только когда начало светать. Контрольное бурение кончилось, бур подняли. Команда собирала вторую вышку, с верхушки которой градоначальнику махал Хейзлтон. Амальфи помахал в ответ и поднялся наверх лифтом.

Здесь дул сильный теплый ветер, который растрепал волосы Хейзлтона, прижатые дужкой наушников. Но Амальфи было все равно, он был лыс. Впрочем, привычка к кондиционированной атмосфере города стала второй натурой, и наслаждения он сейчас не испытывал.

— Что скажете, Марк?

— Вы вовремя пришли. Вот он ползет.

Первая буровая завибрировала, качнулась — длинный цилиндр керна вылетел из скважины, врезался в боковые балки. Черного фонтана за ним не последовало. Амальфи оперся о поручень, наклонился, наблюдая за группой аналитиков. Они заарканили обойму, заботливо опустили ее на грунт. Лебедка рокотала и пытела.

— Голый, — с отвращением произнес Хейзлтон. — Я чувствовал: не нужно было доверять прокторам.

Главный геолог раскрыл обойму керна, прошупывал образец карандашом масс-анализатора. Когда на него упала тень плечистого Амальфи, он бросил на градоначальника быстрый холодный взгляд.

— Купола здесь нет. — Главный геолог не любил лишних слов.

Амальфи обдумывал сложившуюся ситуацию. Город всегда отрезан от родной галактики. Деньги для него значения

больше не имеют. В первую очередь им необходима нефть, городу нужно питаться. А о работе за хорошую цену в местной валюте можно подумать позднее, намного позднее. Пока город будет оплачивать своим трудом разрешение на скважины.

Первый контакт прошел достаточно легко. Местные жители не умели бурить современные скважины, самые богатые нефтеносные слои были им недоступны, следовательно, для города оставалось нефти в избытке. В свою очередь город мог — в виде побочного продукта бурения — выдать достаточно низкосортного молибдена и тангстена, чтобы удовлетворить запросы прокторов.

Но если не будет нефти для синтеза еды...

— Сделайте еще две скважины, — приказал Амальфи. — Локация показывает нефть. В крайнем случае, мы выжмем нефть — если не встретим купола.

— Бифштекс вчера, бифштекс завтра, — пробормотал Хейзлтон, — а сегодня — разгрузочный день, как обычно.

Амальфи дернулся, крутанулся, встал лицом к лицу с администратором. Кровь ударила в лицо, мощная шея набухла.

— У вас есть другой способ прокормиться? Теперь это наш дом. Может, фермером станете, как туземцы? Я-то думал, после рейда на Горт с этим увлечением покончено.

— Я не это совсем имел в виду, — тихо сказал Хейзлтон.

Его покрытое густым космическим загаром, темно-бронзовое лицо не побледнело, но в нем появился чуть синеватый оттенок.

— Я не хуже вас, Амальфи, сознаю — мы здесь навсегда. Это наша последняя посадка. Просто как-то странно — мы бросаем мертвый якорь, но работа рутинная.

— Ладно, прошу прощения, — смягчив гнев, сказал Амальфи. — Что-то я разволновался. Мы еще не определили точно нашего положения. Туземцы не имеют технологий — они только пытались ковырнуть местные залежи, а очищают нефть в суповых кастрюлях. Если мы решим проблему еды, у нас останется приличный шанс раскрутить в Облаке неплохую корпорацию.

Он вдруг отвернулся и зашагал прочь от города, на восток.

— Что-то погулять захотелось. Не присоединитесь ли, Марк? — предложил он администратору.

— Погулять? — У Хейзлтона вид был озадаченный. — Ну... почему бы и нет? Прекрасная идея, начальник.

Они молча шли по вереску. Идти было не очень легко — почва оказалась глинистой, со множеством промоин, которые нелегко было заметить в обманчивом утреннем свете. Растительность была скудная: редкие кустики, низкорослые, из-

можденные, бурьян — что-то вроде ползучего сорняка, пучки каких-то толстых, вроде крапивы, стеблей.

— Не очень-то подходящая для фермерства земля, — сказал Хейзлтон. — Хотя я, конечно, не специалист.

— Дальше к востоку земля получше, — ответил Амальфи. — Но это в самом деле местность скудная. Пустошь. Я бы не поверил, что она не радиоактивна, если бы собственными глазами не проверил индикаторы.

— Война?

— Может быть, очень давно. Но скорее, естественная эрозия — чернозема практически не осталось. За землей нужно ухаживать. И это странно — в других областях они ведут тщательное хозяйство.

Они полусъехали в руслице высохшего ручья, вскарабкались на противоположный берег.

— Начальник, не пойму я одной вещи, — сказал Хейзлтон. — Здесь уже имеется население. Планета уже населена — зачем же мы решили осесть здесь? Мы миновали несколько вполне подходящих и ненаселенных. Мы что, намерены вытеснить отсюда местных? Это несправедливо и противозаконно, к тому же, вряд ли нам по зубам.

— Думаешь, земные легаши уже добрались до Большого Магелланова?

— Нет, я имею в виду оков. Если кто жаждет правды и справедливости, я бы на его месте обратился к окам, а не к полиции. Так что вы мне ответите, начальник?

— Возможно, нам придется немножко надавить, — сказал Амальфи, прищурившись — двойное солнце палило прямо им в лица. — Главное, знать, где нужно нажимать, Марк. Вспомни, что нам рассказывали об этой планете на внешних мирах, когда мы наводили справки.

— Они ее на дух не переносят, — сказал Хейзлтон, аккуратно снимая репейник, вцепившийся в брюки на лодыжке. — Подозреваю, местные прокторы негостеприимно обошлись с ранними экспедициями. И все же...

Амальфи преодолел склон холмика и предостерегающе поднял руку. Администратор понял и немедленно замолчал, встав рядом с мэром.

Всего в нескольких метрах от них начиналось хорошо обработанное поле. И на них смотрели два... существа.

Одно существо явно было мужчиной — голый, с кожей цвета шоколада, с копной иссиня-черных волос. Мужчина стоял у примитивного плуга с одним лезвием. Плуг явно был сделан из костей какого-то крупного животного. Борозда, которую он прокладывал, тянулась через все поле, вдали виднелась жалкая хижина. Прикрыв глаза ладонью на манер

kozyрька, мужчина всматривался в сторону, где совершил посадку город оков. У мужчины были очень широкие и мускулистые плечи, тем не менее он сильно сутулился, даже сейчас, когда стоял выпрямившись.

В толстые кожаные поводья, которые тянули плуг, был запряжен второй человек, женщина. Она стояла, натянув ремни, свесив голову и руки, волосы у нее были такие же иссиня-черные, но длиннее, чем у мужчины.

Хейзлтон затаил дыхание. В этот момент мужчина опустил взгляд и посмотрел на оков в упор. У него были голубые, неожиданно яркие глаза. Взгляд был пристальный.

— Вы боги из того города? — спросил он.

Губы Хейзлтона шевельнулись, но крестьянин не услышал ни звука — Хейзлтон сейчас говорил в ларингофон и слышал его только Амальфи, у которого в отросток височной кости справа был вращен микрофон.

— О Боги всех звезд! Он же по-английски говорит! Прокторы использовали интерлинг. Как же так, начальник? Получается, что Облако колонизировали еще...

Амальфи покачал головой.

— Мы из города, — сказал он по-английски. — Как тебя звать, парень?

— Карст, господин.

— Не называй меня «господин». Я не проктор. Это твоё поле?

— Нет, господин. Простите... я другого слова не знаю...

— Меня зовут Амальфи.

— Это земля прокторов, Амальфи. Я ее возделываю. Вы с Земли?

Амальфи послал Хейзлтону многозначительный взгляд. Лицо администратора ничего не выражало.

— Да. Как ты догадался?

— Чудо, — сказал Карст. — Вы совершили чудо — построили город за одну ночь. Чтобы построить Айэмти, как говорится в песнях, ушло заходов и восходов не меньше, чем пальцев на руках у девяти человек. Возвести целый новый город на Пустошах за одну ночь — чудо, неопишемое словами.

Он сделал несколько шагов вперед — нерешительно, неловко, как будто у него болели все его мощные мышцы. Женщина отвела с лица прядь волос, взглянула на оков. Взгляд ее был тускл, но сквозь тупую усталость просвечивала искорка тревоги. Она схватила Карста за локоть.

— Не надо...

Он нетерпеливо дернул локтем.

— Вы построили город за одну ночь, — повторил он. —

Вы говорите на языке Земли, как у нас в праздники. И с таким, как я, вы говорите словами, а не языком кнутов с железными концами. У вас богатая тонкая одежда с красивыми цветными штуками из тонкой материи.

Несомненно, это была самая длинная речь в жизни бедняги. Засохшая на лбу глина начала трескаться и осыпаться от умственных усилий.

— Ты правильно говоришь, — сказал Амальфи. — Мы в самом деле с Земли, хотя и очень давно ее покинули. И скажу тебе еще одну вещь, Карст. Ты тоже землянин.

— Не-ет, — протянул Карст и отступил на шаг. — Я здесь родился, и все мои родичи тоже. У нас земной крови нет...

— Это понятно. Ты родился на этой планете, но ты все равно землянин. И еще тебе скажу — я подозреваю, что прокторы — не земляне. Они потеряли право называться землянами, вот что я думаю. Это произошло давно, на планете Тор-5.

Карст потер мозолистые руки о бедра.

— Хочу понять, — сказал он. — Научи меня.

— Карст! — взмолилась женщина. — Не надо. Чудеса уходят. Нам сеять надо.

— Научите меня, — упрямо повторил Карст. — Мы пашем и пашем, а в праздники нам рассказывают о Земле. И все. И тут — чудо, город за одну ночь построен руками землян. Земляне разговаривают со мной... — Он замолчал, что-то мешало ему говорить.

— Продолжай, — ласково сказал Амальфи.

— Научите меня. Если на Пустоши есть теперь земной город, прокторам уже не закрыть от нас знания. И если вы уйдете, мы будем учиться в пустом городе, пока ветер и дождь его не разрушат. Господин Амальфи, если мы — земляне, научите нас, чему учат землян.

— Карст, — заговорила женщина. — Не наше это дело. Это все прокторы, это их волшебство. Волшебство знают только прокторы. Эти люди хотят, чтобы наши дети сиротами остались, чтобы мы умерли на Пустоши. Они нас искушают.

Крестьянин обернулся. В движении его мускулистого, с опаленной солнцем, обветрившейся кожей тела, загрубевшего от непосильной работы, было что-то неуловимо нежное.

— Ты оставайся, — сказал он на местном говоре — упрощенном варианте интерлинга. — Паши дальше, если хочешь. Но только этот город — тут прокторы ни при чем. И таких грязных рабов, как мы с тобой, они искушать ни за что не будут. Они до нас не унизятся. Мы законы не нарушали, десятину платили, все праздники соблюдали. Этот город — землянский, эти люди — земляне.

Женщина сцепила зароговевшие от мозолей ладони у подбородка, съежилась.

— Про Землю разговаривать только на праздниках разрешается. Я буду пахать. А то дети наши помрут.

— Пойдем, — сказал Амальфи. — Тебе многому нужно научиться.

К ужасу мэра, крестьянин опустился перед ним на колени. Секунду спустя, пока Амальфи никак не мог решить, как же ему надлежит поступить, Карст встал и начал карабкаться на холм. Хейзлтон протянул ему руку и чуть не полетел вниз, когда Карст помощь принял. Крестьянин был тяжел и мощен, как портативный реактор, и не менее прочно стоял на своих ногах-столбах.

— Карст, ты до вечера вернешься? — крикнула женщина ему вслед.

Карст не удостоил ее ответом. Амальфи направился обратно в город. Карст шел вторым. Хейзлтон уже спускался с холма, когда что-то заставило его оглянуться на жалкую ферму. Женщина, свесив голову, всем телом налегла на ремни, ветер теребил ее волосы. Плуг снова вгрызся в каменистую почву, но теперь уже некому было его направлять.

— Начальник, — сказал Хейзлтон в свой ларингофон, — вы слышите меня?

— Слышу.

— Что-то мне не хочется выдергивать планету из-под этих бедолаг.

Амальфи не ответил, потому что отвечать было нечего. Город оков уже никогда не воспарит в небеса. Теперь их дом — эта планета. Деваться им некуда.

Голос женщины, которая что-то напевала, волоча плуг, затих позади. Похоже, это была колыбельная для их детишек. Голодающих детишек где-то там, в хижине. На ее голову свалились с неба Амальфи и Хейзлтон и ограбили, оставили только землю — каменистую, малопригодную для добычи хлеба насущного. Амальфи очень надеялся, что вернет ей кое-что более ценное.

В первую очередь, конечно, виноваты были гирокруты — с их появлением возникла возможность создать летающие города на Земле, — а позднее и на многих других планетах, — которые затем ринулись в космос. Еще два общественных фактора сделали возможной культуру кочевников-оков, культуру, которой насчитывалось более трех тысяч лет и до полного упадка которой потребуется еще не менее пятисот.

Одним из этих факторов было физическое бессмертие отдельной личности. Так называемая «естественная смерть» была практически побеждена ко времени, когда исследовате-

ли на Юпитерианском Мосту открыли принцип Гирокрута. Первое пришлось ко второму, как ладонь — к перчатке скафандра. Ведь несмотря на то, что гирокруты разгоняли корабли — или целые летающие города — до сверхсветовых скоростей, межзвездные полеты все равно требовали определенного времени. И учитывая галактические дистанции, становилось ясно: даже при предельных скоростях некоторые экспедиции потребуют поколений участников.

Когда же смерть отступила перед антиатапическими препаратами, понятие «жизнь поколения» в старом понимании перестало существовать.

Второй фактор имел экономическую природу: металл германий стал джином электроники. Еще до начала полетов в дальний космос стало ясно — этот металл будет иметь фантастическую ценность. С началом освоения галактики цена упала до разумного уровня, и мало-помалу германий превратился в денежный стандарт межзвездной торговли. Монеты из проводящих металлов, чья ценность всегда зависела преимущественно от соотношения политических сил, исчезли. Стало невозможно поддерживать заблуждение, будто бы серебро — драгоценный металл. Ведь на любой новооткрытой планете земного типа этого серебра было, что камней. Звонкой монетой межзвездных владений человека стал германий.

Три тысячелетия спустя, лекарства, дающие бессмертие, и германиевый стандарт, объединив усилия, начали разрушать культуру летающих городов оков.

С самого начала было ясно, что германиевый стандарт не вечен. Должно было наступить время, когда найдут способ синтезировать этот металл с минимальными затратами, или откроют другой, более доступный полупроводник, или один из коммерческих центров сосредоточит в своих руках значительную долю оборота денег. Не имело смысла предсказывать, как именно начнется кризис, чтобы понять, что этот кризис натворит в галактической экономике. Случись он немного раньше, когда в тысячах звездных систем еще не утвердился новый стандарт, его последствия вполне могли бы иметь временную природу.

Но германиевый стандарт рухнул, и вместе с ним — экономический фундамент летающих городов. Германий отправился в преисподнюю, вслед за деньгами из проводящих металлов. Из непроводников самыми ценными веществами в галактике были антиатапические лекарства. Новые деньги были основаны на лекарствах против старения.

В качестве денежного стандарта лекарства эти не оставляли желать лучшего. Они отлично соответствовали всем требованиям. Их можно было разводить — эквивалент «размен-

ной монеты». Их невозможно было синтезировать. Любая другая форма подделки легко обнаруживалась посредством биопроб и других простых анализов. Лекарства эти были редки, очень редки. Они требовались всем и везде. Источники их добычи были немногочисленны, и поэтому их было легко контролировать.

К несчастью, межзвездным кочевникам, окам, лекарства эти были необходимы именно как лекарства. Они не могли себе позволить использовать эти лекарства вместо денег.

С этого момента оки перестали быть представителями своеобразной кочевой космической культуры. Они превратились в галактических бродяг, межзвездную рвань, в Галактике для них больше не было места.

За пределы Галактики торговые маршруты летающих городов никогда, естественно, не выходили.

Город этот был стар — в отличие от мужчин и женщин, которые его населяли. Те просто жили долго — а это совсем разные вещи. И как у любого разумного существа древнего возраста, старые грехи города притаились почти у поверхности. Только тронь — и они выскакивали, как чертик из коробки — то в обличье ностальгии, или под видом самоупреков. Стало трудно выудить какие-либо сведения у Отцов города, не подвергнувшись нудной проповеди, тон которой отличался высоким морализмом — насколько это было возможно для машин, чьей высшей моралью являлось стремление выжить.

Амальфи прекрасно понимал, на что идет, попросив Отцов города сделать обзор Реестра Нарушений. Он получил свой обзор — и еще как! Они ему все выдали, вплоть до того дня двенадцать столетий назад, когда они обнаружили — древние подземные коридоры города не убирались с самого начала полета. Жители города впервые узнали в тот день, что в городе есть еще и тоннели.

Но Амальфи проявил терпение и упорство, хотя на правое ухо давил наушник. Из сумбура мелких жалоб и тоскливых сожалений о потерянных возможностях ему удалось выудить кое-что определенное и в высшей степени важное.

Официально репутация города так и не была восстановлена после дела с захватом Утопии, когда полиция предъявила ордер на эвакуацию, а город не смог исполнить приказа. В дальнейшем, по ходу этого же дела, городу предъявили обвинение в технологической измене в период стоянки на соседней планете, Хрунте, — не такая уж серьезная вещь, как может показаться, но хороший повод как следует оштрафовать провинившегося, — и город покинул место действия

с неаннулированным обвинением в реестре. К тому же они сыграли с легашами маленькую шутку, и едва ли последние успели о ней позабыть. Ничего противозаконного, конечно, но над легавыми здорово потешались все оки в галактике, а легавые сильно не любят, чтобы над ними потешались.

Потом случился казус с транспортировкой Она. Город выполнил условия контракта с планетой до последней запятой, но, к сожалению, это невозможно было доказать — Он давно в пути к туманности Андромеды и свидетельствовать в защиту города не может. Что касается легавых, они были уверены, что город просто уничтожил планету — идея столь же нелепая, сколько и привлекательная для космической полиции.

Хуже всего — город действительно принимал участие в Походе на Землю. Это была трагедия от начала и до конца, и из нескольких сотен летающих городов уцелела горстка. Поход стал результатом общегалактической депрессии, которая последовала за падением германиевого стандарта. Амальфи принял участие в Походе, потому что лучшего выбора не существовало, — в системе, в которой начался Поход, его уже обвиняли в нескольких преступлениях, которые город, если разобраться, вынудили совершить, — и он сделал все, что было в его силах, чтобы из кровавой бойни Поход стал круглым столом переговоров, но бойня все равно случилась. В хаосе галактической катастрофы утонули голоса городов, сохранявших благоразумие, включая город Амальфи.

Амальфи грустно вздохнул. Судя по всему, земная полиция в конце концов не забудет город Амальфи. По двум причинам, не более. Первая: в городе имелся длинный Реестр Нарушений, и сам город все еще жил, следовательно, его стоило привлечь к ответственности. Вторая. город этот улетел в направлении Большого Магелланова Облака, то есть, в том же направлении, что и другой город — более старый, зловерный город, — тот самый, что натворил кровавых дел на Торе-5. Название этого города по-прежнему заставляло морщиться как легашей, так и всех уцелевших оков, без разницы.

Амальфи отключил канал связи с Отцами города, которые не успели еще добраться до конца воспоминаний, вытащил из натруженного уха наушник. Перед ним простирался пульт управления городом. Польза от этого пульта еще была, но главный его блок был мертв навсегда — тот, что использовался при полетах от одной звезды к другой звезде. Город совершил посадку, и выбора у города не оставалось, нравилось им это или не нравилось: им придется, так или иначе, завладеть этой несчастной планеткой.

ЕСЛИ ТОЛЬКО ЛЕГАВЫЕ НЕ СУНУТ НОС. Облака Магеллана неуклонно и с возрастающей скоростью удалялись от

родной галактики. Промежуток достиг столь значительного размера, что городу Амальфи пришлось использовать управляемую планету как стартовый ускоритель. Легавые не сразу примут решение — стоит ли преследовать один-единственный летающий городишко? Им понадобится время. Но в конце концов они примут решение. Чем успешнее будут они вычищать родную галактику от бродяг-оков, — а не было сомнений, что полиция уже расправилась с большей частью летающих городов, — тем сильнее желание выловить последних отбившихся от стада овечек.

Амальфи не верил, что звездное скопление-сателлит, такое, как Магелланово, сможет обогнать землян в области технологии. Ко времени, когда легавые решат наконец броситься в погоню за сбежавшим городом, их техника будет на уровень выше той, которой пользовался Амальфи. Если легавые захотят преследовать их в Большом Магеллановом Облаке, они найдут способ. Если...

Амальфи поднял наушник.

— Вопрос: может ли необходимость поймать нас оказаться достаточно острой, чтобы они пошли на разработку необходимой технологии?

ДА, МЭР АМАЛЬФИ. НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, В ОБЛАКЕ МЫ НЕ ОДНИ. НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ТОР-5.

Вот оно — древнее клеймо. Из-за него оков ненавидели даже на планетах, где и в глаза не видели летающего города. Имелось очень мало шансов, что город, сотворивший бойню на Торе-5, успешно достиг Большого Магелланова Облака — слишком давно это было. Но даже исчезающий малый шанс заставит легавых наведаться в эти места, если верить Отцам города. Рано или поздно они придут и уничтожат город Амальфи — во искупление преступления, память о котором все еще была жива.

«Не забывайте Тор-5». Не будет покоя городам оков, пока память о зверски уничтоженной планете жива. Даже здесь, в глуши скоплений-сателлитов родной звездной чечевицы.

— Начальник? Прошу прощения, мы не знали, что вы заняты. У нас готов рабочий график. Как только сможете взглянуть...

— Я могу прямо сейчас, Марк, — сказал Амальфи, поворачиваясь спиной к пульту. — Привет, Ди. Как тебе планета? Девушка с Утопии улыбнулась.

— Очень красиво.

— Преимущественно, — согласился Хейзлтон. — Но Пустошь — уродливое место. В остальном же — прелестная

планета, даже не скажешь, судя по способу, которым они возделывают землю. Она заслуживает лучшего, чем крошечные заплатки-поля. Сельское хозяйство здесь еще в зародыше. Даже я знаю способы получше тех, которые известны местным крестьянам.

— Ничего удивительного, — сказал Амальфи. — У меня есть теория — прокторы сохраняют власть с помощью запрета на знания, включая сведения из науки сельского хозяйства, если последние хотя бы чуть-чуть поднимаются над уровнем крайнего примитива. Нет нужды говорить, что такая политика — тоже крайний примитивизм.

— Относительно политики, — подчеркнуто спокойно сказал Хейзлтон, — я не со всем согласен. Но пока суть да дело, городом нужно управлять.

— Верно, — согласился Амальфи. — Что у нас в программе?

— Я устроил опытный участок на Пустоши, уже проведены анализы почвы. Конечно, это не выход из положения. Рано или поздно придется обзаводиться землями получше. Я набросал предварительный вариант договора с прокторами на аренду. Предполагается географическая ротация земель, чтобы свести перемещение крестьян к минимуму, сохраняя в полном масштабе принцип сезонности. По сути, это старый вариант стандартного контракта на колонию с ограниченными правами, я только постарался учесть предрассудки прокторов. Лично я не сомневаюсь, что прокторы подпишут договор. Далее...

— Они не подпишут, — сказал Амальфи. — Им даже показывать его нельзя. Более того, немедленно повывергивайте все, что успели насажать на вашем опытном поле.

Хейзлтон с неподдельным отчаянием прижал ладонь ко лбу.

— Начальник, если вы хотите сказать, что мы еще не окончили с этими тараканьими бегами и будем играть в интриги, интриги и еще раз интриги... Меня уже тошнит, честное слово, я так вот прямо вам говорю — тошнит. Две тысячи лет — этого мало? Я-то думал, мы сюда навсегда приземлились!

— Это так. Мы останемся здесь. Но как ты сам вчера мне напомнил, у планеты уже есть владельцы — и по закону выпихнуть хозяев из собственного дома мы не имеем права. При нынешнем положении дел мы не должны даже намекать, что собираемся здесь обосноваться. Они ведь сильно подозревают, что мы так и сделаем, и только ждут знака с нашей стороны.

— Джон! — Ди подошла ближе к мэру и положила руку

на его плечо. — Джон, ты ведь обещал, после конца, после Похода, ты обещал найти для нас дом. Пусть не на этой планете, пусть на другой какой-нибудь, здесь, в Облаке. Ты обещал, Джон.

Мэр поднял голову, посмотрел на девушку. Ни для нее, ни для Хейзтона не было секретом, что Амальфи любил Ди. И они оба хорошо знали, как жесток закон летающих городов — мэру запрещались более-менее постоянные связи с отдельной женщиной. По иронии судьбы, Амальфи был предан городу настолько, что подчинялся бы закону, даже если бы последний не существовал. За девянсто лет молодые люди не подозревали об этом чувстве, пока недавний кризис в скоплении Аколита не вынудил Амальфи поведать Хейзлону о своих чувствах к Ди.

Но Ди относительно недавно познакомилась с моральными ограничениями культуры оков, к тому же она была женщиной. Довольно было одного сознания, что ее любят. И она уже начала применять знание на практике.

— Я обещал, согласен, — сказал Амальфи. — И за две тысячи лет я ни разу не нарушил обещания и намерен продолжать в том же духе. Голая правда проста — Отцы города расстреляют меня, если я поступлю иначе. Марка они уже несколько раз чуть не казнили. И эта планета станет нашим домом — при условии, что вы поможете мне хоть немного. Из всех планет, что мы миновали, эта — лучшая. Причин много, включая парочку тех, что станут очевидны позднее, например, когда вы увидите местное небо зимой. Многие из них станут ясны не раньше, чем через столетие. Но одну вещь я наверняка обещать не могу: на золотом блюде нам планету никто подносить не собирается.

— Ладно, — сказала Ди и улыбнулась. — Я верю в тебя, Джон, ты знаешь. Но терпение — трудная вещь.

— Разве? — удивленно спросил Амальфи. — Как интересно, во время операции с Оном мне в голову пришла эта же мысль. Оглядываясь в прошлое, я нахожу проблему не такой уж большой.

— Начальник, нам бы какое-нибудь направление для действий, — холодноватым тоном вмешался в разговор администратор. — Исключая лично вас, население города, от взрослых мужчин и женщин и до последнего бродячего кота, роет копытами землю — как только выстрелит стартовый пистолет, они ринутся занимать планету. Мы в полной готовности, и вы до сих пор не старались нас убедить, что все случится по-другому. Если придется ждать, народу нужно чем-то занять руки.

Используйте обычные рабочие договоры, сказал

Амальфи. — Обычная процедура. То есть, никаких передвижных оранжерей или других видов планетной сельхозкультуры. Пусть направляют нефтяные цистерны, выводят новые штаммы хлореллы из местных источников — нужно использовать гетерозис и тому подобное.

— Не сработает, — с опаской сказал Хейзлтон. — Прокторов, может, мы и проведем, но как быть с нашими людьми, начальник? Например, охрана защитного круга? Как быть с ними? Сержант Патерсон и его ребята отлично понимают — ни в десантной команде им больше не участвовать, ни город оборонять, ни вообще служить. Девять десятых готовы прямо сейчас выбросить португепи и зарыться в пашню. Что с ними делать?

— Пошли их в патруль на экспериментальный участок, на твои картофельные грядки, — предложил Амальфи. — Пусть тащат из земли все, что зеленого цвета.

Хейзлтон, который уже повернулся было к лифту, протянув руку Ди, вдруг замер и обернулся.

— Но почему, начальник? — задумчиво сказал он. — Может, прокторы и не подозревают захвата? А если и да, что они могут предпринять?

— Прокторы согласились на обычный рабочий договор, — напомнил Амальфи. — Они знают, что это такое, и будут настаивать на соблюдении договора до последней запятой, что подразумевает — город должен покинуть планету в указанный срок. Ты знаешь, мы этого условия выполнить не можем, ни в течение срока договора, ни после. Но придется делать вид, будто мы договор выполним. Будем тянуть время до последней минуты.

Вид у Хейзлтона был ошарашенный. Ди, чтобы подбодрить его, взяла администратора за руку, но последний, кажется, этого даже не заметил.

— Что касается возможных действий прокторов, — сказал Амальфи, поднимая наушник, — этого я пока не знаю. Могу сказать одно: прокторы уже вызвали легавых!

Глава 2

В туманном, рассеянном свете учебной комнаты родились образы. Они проникали даже в сознание постороннего посетителя. Источником служили памятные ячейки Отцов города. Амальфи чувствовал давление где-то у самого порога восприятия, и ощущение было неприятное, частью потому, что он уже знал содержание. Повторная впечатлка

упрямо стремилась завладеть всем его вниманием с силой и яркостью реального впечатления.

Накладываясь на туманный интерьер учебной комнаты, в поле зрения Амальфи проплывали летающие города. Города искали работы, пищу для жителей синтезировали из нефти, которую добывали на планетах, чья технология уступала технологии оков. Разжившись нефтью и другим сырьем, города отправлялись дальше, в поисках новой работы. Как правило, им недоплачивали, часто встречали далеко не гостеприимно, иногда прогоняли. Города были потенциальными разбойниками, полиция гегемона-Земли ревниво за ними следила. И все же, города продвигались дальше и дальше, до самых краев галактики...

Амальфи раздраженно помахал перед глазами ладонью, искал ближайший монитор, обнаружил, что монитор стоит рядом. Интересно, долго он был в учебном трансе? Удалось им все-таки его убаюкать...

— Где Карст? — ворчливо потребовал Амальфи. — Первый крестьянин? Он мне нужен.

— Понял вас. Вот там, в передних рядах.

Монитор, чьи обязанности включали в себя функции классного надзирателя и медсестры, повернулся к ближайшему гнезду распределителя на стене, гнездо раскрылось, и навстречу выплыл высокий металлический стакан. Монитор взял стакан и повел Амальфи между кушетками, в расположении которых видимого порядка не было. Обычно большая часть кушеток пустовала — требовалось всего пятьсот часов, чтобы обучить обычного ребенка всему, включая тензорное исчисление, а это, в свою очередь, был предел обучаемости методом пассивного внушения. Сейчас тем не менее почти все кушетки были заняты, и лишь немногие из них — детьми.

Потусторонний голос бормотал:

— «Некоторые города не стали пиратствовать и участвовать в рейдах на мирные планеты. Вместо этого они продолжили курс к удаленным мирам, где основали тиранические правительства. Большая часть из них была свергнута силами земной полиции, потому что летающие города — не очень эффективные военные машины. Те, кому удалось выстоять первый натиск, иногда оставались у власти — по разнообразным политическим соображениям. Но подобные планеты не могли участвовать в галактической торговле, это правило соблюдалось строго. Где-то на окраинах сферы влияния земных законов до сих пор могут существовать подобные «империи поневоле». Самый печально известный из подобных рецидивов империализма — захват и подавление Тора-5. Совершено это преступление было одним из первых летающих

городов, сильно военизированным. Он заслужил прозвище «Бешеные собаки». Этот эпитет, который до сих пор в ходу как у населения летающих городов, так и у планетарных жителей, первоначально относился...»

— Вот тот, кто вам нужен, — тихо сказал монитор.

Амальфи посмотрел на Карста. Крестьянин успел заметно перемениться. Он перестал быть карикатурным подобием человека, с шоколадной от солнца, ветра и вьевшейся грязи кожей, загрубелым почти до того предела, когда испытывать к нему сочувствие уже нельзя. Теперь он больше напоминал эмбрион во чреве матери. Его предстояло еще доводить до ума, совершенствовать — в его жизни ничего настоящего еще не случилось. Его жизнь в прошлом — и вряд ли она была долгой, ведь, хотя по его словам жена его, Эдит, была у него пятой, ему едва ли было больше двадцати лет от роду, — была до предела однообразна и жестока. При первой же возможности он избавился от прошлого, как змея, сбрасывающая старую кожу. Карст, по сути, как понял Амальфи, был гораздо больше ребенком, чем любой из детишек-оков.

Монитор коснулся плеча Карста, крестьянин недовольно заворочался, потом сел, мгновенно пробудившись, яркие голубые глаза вопросительно смотрели на Амальфи. Монитор вручил Карсту металлический стакан, успевший покрыться капельками осевшей влаги. Карст отпил. Едкий напиток заставил его чихнуть — чихал он, как кошка: быстро, даже не замечая.

Как успехи Карст? спросил Амальфи.

Тяжко сказал крестьянин и сделал еще один мощный глоток. — Но как только ухватишь суть, все остальное раскрывается само собой, как цветок. Повелитель Амальфи, прокторы твердили, что город их, ИМТ, опустился с небес на облаке. Вчера я в это просто поверил, а сегодня, кажется, понимаю, как такое возможно.

— Не сомневаюсь. И ты не один. У нас здесь десятки других крестьян, они тоже учатся — ты только взгляни вокруг. И учат они кое-что большее, чем физику или морфологию культуры. Они учатся быть свободными, начиная с самой первой свободы — свободы ненавидеть.

Этот урок я усвоил бесстрастным, как вечный лед, голосом сказал Карст. Но вы меня разбудили — зачем?

— У меня есть причина, — мрачно сказал Амальфи. — У нас гость, и его, я думаю, ты сможешь опознать. Это один из прокторов. Мы с Хейзлтоном пока не можем понять, что у него на уме, но на уме у него явно какой-то фокус. Ты нам поможешь?

— Мор, ему бы немного отдохнуть, — вмешался монитор

неодобрительно. — Если вырвать человека из гипнопедического транса может случиться шок. Ему нужен час, чтобы прийти в себя.

Амальфи скептически посмотрел на монитор и уже собирался заметить, что ни у Карста, ни у города нет возможности позволить подобную роскошь, как вдруг он сообразил, что вместо десяти слов с избытком хватит одного.

— Исчезни, — сказал он.

Монитор исполнил приказ с предельным усердием.

Карст внимательно смотрел на экран скрытой камеры. Человек на экране стоял к объективу спиной, глядя в большой координационный куб в кабинете городского администратора. Отблески света падали на выбритую и смазанную маслом голову проктора. Амальфи смотрел поверх левого плеча Карста, крепко зажав в зубах свежую сигару с гидропонных плантаций.

— Лысина у него не хуже моей, — сказал мэр. — И, судя по черепу, он еще юноша, сорок пять, не больше. Ты его узнаешь?

— Пока нет, — ответил Карст. — Все прокторы бреют головы. Если бы он обернулся... ага, ясно. Это Хелдон. Я сам его только раз видел, но узнать его нетрудно. Для проктора он молод. В Большой Девятке считается возмутителем спокойствия. Кое-кто подозревает в нем друга крестьян. Во всяком случае, за плетью он хватается не так скоро, как остальные.

Зачем он мог к нам пожаловать?

Наверное сам расскажет — сказал Карст не спуская глаз с фигурки проктора на экране.

— Ваша просьба меня озадачила, — произнес голос Хейзлтона из громкоговорителя над экраном.

Сам администратор оставался за границей поля зрения, но его интонация была красноречива: за мурлыканьем кота пряталась решимость тигра.

— Мы рады, конечно, что можем оказать клиенту новые услуги. Но мы даже не подозревали, что в ИМТе сохранились антигравитационные машины.

— Не делайте из меня дурака, господин Хейзлтон, — сказал Хелдон. — И вы и я — мы оба знаем, что когда-то ИМТ был небесным странником, таким же, как ваш город. Мы знаем также, что ваш город, подобно всем окским городам, желал бы заполучить собственную планету. Вы ведь не будете возражать, что ума у меня достанет сообразить хотя бы это?

— Будем считать, что да, — сказал голос Хейзлтона.

— Тогда позвольте заметить — у меня нет сомнений, что вы готовите восстание. Вы осторожны, вы не нарушаете буквы

контракта, вы просто не осмеливаетесь, и мы тоже — земная полиция в том отношении защищает нас друг от друга. Сам мэр Амальфи знает, и ему так же напомнили, что крестьянам разговаривать с жителями города запрещается законом. К сожалению, жителям не запрещается вступать в беседу с крестьянами. И если мы не в состоянии запретить крестьянам приходить в город, вы не обязаны делать сие вместо нас.

— Вы избавили меня от необходимости обратить ваше внимание на данное обстоятельство, — заметил Хейзлтон.

— Именно. И скажу еще, что когда эта ваша революция начнется, вы, нет сомнений, одержите победу. Не знаю, какое оружие вы дадите в руки сервам, но полагаю, оно будет много лучше любого нашего. Нам далеко до вашей технологии. Товарищи со мной не согласны, но я люблю смотреть на вещи, как они есть.

— Интересная теория, — промурлыкал Хейзлтон.

Последовала недолгая пауза, и в тишине явственно послышалось негромкое постукивание. Пальцы Хейзлтона, догадался Амальфи. Администратор постукивает по столешнице, как бы в некотором нетерпении. Лицо Хелдона по-прежнему не выражало ничего.

— Прокторы уверены, что своего не отдадут, — сказал Хелдон наконец. — Если вы превысите сроки стоянки, указанные в контракте, они начнут войну против вас. И закон будет на стороне прокторов. К сожалению, до Земли очень далеко. Вы победите. Меня интересует одно — подготовиться к побегу.

— С помощью антигравов?

— Совершенно верно. — Улыбка чуть тронула углы каменного рта проктора. — Буду откровенен с вами, господин Хейзлтон. Если дойдет до войны, я буду драться до последнего вместе со всеми другими прокторами, мы будем драться за эту планету. К вам я пришел только потому, что вы можете починить гирокруты ИМТа. И не более. Предателем я становиться не намерен, можете не сомневаться.

Хейзлтон как будто решил играть роль упрямого тупицы.

— Одного я понять не в состоянии — почему я должен вам помогать?

— Оцените ситуацию. Прокторы будут сражаться, они убеждены, что ничего другого не остается. Бой, скорее всего, будет безнадежно проигран, но какие-то повреждения вашему городу они в любом случае причинить успеют. Честно говоря, если только вам сильно не повезет, ваш город будет покалечен до неремонтируемого состояния. Далее. Кроме меня и еще одного человека, никто из прокторов не знает, что гирокруты ИМТа все еще способны действовать. Следова-

тельно, прокторы не совершат попытки бежать с помощью антигравов, вместо этого попробуют вас разгромить, выбить с планеты. Но если машины будут отремонтированы, и у пульта окажется знающий человек...

— Понимаю. Вы предлагаете запустить ИМТ в полет, пока город не разрушен. Нам вы предлагаете планету и шанс свести повреждения нашего города до минимальных. Гм-м, довольно интересное предложение. Допустим, мы сделаем осмотр ваших гирокрутов, чтобы убедиться — они все еще в рабочем состоянии. Не сомневаюсь, что ими давненько не пользовались, а машины, оставшись без присмотра, имеют свойство стопориться. И если ваши антигравы еще подают надежды, мы поговорим об условиях сделки. Согласны?

— Придется, — проворчал Хелдон.

Амальфи увидел блеск холодной радости в глазах проктора. Амальфи сразу узнал этот блеск — ведь он сам не раз скрывал подобный же в собственных глазах, хотя всегда скрывал намного удачнее, чем этот юный проктор. Амальфи включил экран-шпион.

— Итак? — сказал мэр. — Что у него на уме?

— Он задумал недоброе, — медленно произнес Карст. — Глупо было бы давать ему хоть какое-нибудь преимущество. Причины, которые он назвал, выдуманы.

— Конечно, — сказал Амальфи. — Кто же выдаст истинные причины? А, привет, Марк. Что скажешь о нашем новом друге?

Хейзлтон вышел из лифта, подпрыгнув разок на упругом бетоне, который покрывал пол рубки.

— Глупец, но опасный, — сказал администратор. — Понимает, что ему известно не все. Понимает также, что мы не знаем, к чему он ведет на самом деле. И он на своем поле. Такое сочетание мне не по душе.

— Мне оно самому не по душе, — согласился Амальфи. — Если враг начал выдавать сведения, значит, держи ухо востро! Ты веришь, что большинство прокторов не подозревают о гирокрутах?

— Я уверен, что не подозревают, — осторожно сказал Карст, и мэр с администратором повернулись к нему. — Прокторы не верят, что вы задумали захватить их планету. По крайней мере, они думают, что вы хотите не этого, и вообще, мне кажется, их это не волнует.

— Почему же? — удивился Хейзлтон. — Меня бы очень волновало.

— Вам просто не приходилось владеть миллионами сервов-крестьян, — сказал Карст, но совершенно без злобы. —

Для вас работают сервы, и вы им платите жалованье. Для прокторов это само по себе провал. И они ничего не могут поделать. Вы платите деньги, эти деньги не фальшивые, за ними — власть и мощь Земли. И запретить нам зарабатывать эти деньги прокторы не в силах. Сразу начнется восстание.

Амальфи посмотрел на Хейзлтона. Город расплачивался окскими долларами. Здесь это были хорошие деньги, но дома, в родной галактике — просто бумажки. Они обеспечивались лишь германиевым эквивалентом. Неужели прокторы настолько наивны? Или ИМТ так стар, что на нем не установлены мгновенные передатчики Дирака, с помощью которых прокторы могли бы узнать об экономической катастрофе в родительской звездной линзе?

— Как насчет гирокрутов? — спросил Амальфи. — Кто еще среди Большой Девятки может о них знать?

— Азор в первую очередь. Он председательствует и он — единственный религиозный фанатик в группе. Говорят, он все еще каждый день выполняет все тридцать йогических поз Семантической Тщательности, подтягивается на каждой ступени Лестницы Абстракции. Пророк Маальвин навсегда запретил человеку летать, поэтому Азор вряд ли позволит городу подняться в небо.

— У него есть на то причины, — задумчиво сказал Хейзлтон. — Религии редко существуют в безвоздушном пространстве. Они оказывают влияние на сообщества, отражением которых сами являются. Скорее всего, он боится гирокрутов. С таким оружием сотня человек с первой попытки опрокинет их феодальную систему. В ИМТе не решились бы оставить гирокруты в рабочем состоянии.

— Продолжай, — сказал Амальфи, нетерпеливым жестом останавливая Хейзлтона. — Остальные прокторы?

— Следующий — Бемажди, — но едва ли стоит принимать его в расчет. Так, подумает... Я ведь большинство из них никогда не видел. По-моему, следует опасаться только Ларре. Угрюмый старик с изрядным животиком. Обычно он на стороне Хелдона, но почти никогда — до конца. Деньги, которые вы платите сервам, его мало волнуют — он отыщет способ выдоить деньги обратно — может, объявит праздник в честь посещения нашей планеты землянами. Сбор десятины — это его обязанность.

— Он позволит Хелдону отремонтировать гироктуры ИМТа?

— Нет скорее всего, — сказал Карст — Скорее всего, Хелдон не врал, когда говорил, что делать это придется в тайне от всех

— Не знаю, — проворчал Амальфи. — Не нравится мне все это. На первый взгляд — прокторы намерены взять нас на испуг, вытурить с планеты, как только кончится контракт, а деньги у сервов отнять — земная полиция будет их прикрывать с тыла. Но если взглянуть повнимательнее — безумная ведь затея. Как только легавые пронюхают, что за город этот ИМТ — а на это много времени не понадобится, — они сокрушат оба города и еще рады будут такому случаю.

— Потому что ИМТ — тот самый город, который... был на Торе-5? — с запинкой сказал Карст.

Амальфи вдруг обнаружил, что у него проблемы с Адамовым яблоком.

— Забудем об этом, Карст, — проворчал он. — Не стоит распускать слухи в Облаке. Нужно было вырезать этот абзац из твоей учебной ленты.

— Но теперь я знаю, — спокойно сказал Карст. — И я понимаю. Прокторы остаются прокторами.

— Забудь, забудь об этом, слышишь? Ты можешь на один вечер снова стать тупым крестьянином?

— Вернуться на мое поле? Вот уж не знаю... Наверное, у жены теперь другой мужик...

— Нет, на поле возвращаться не надо. Я намерен отправиться с Хелдоном взглянуть на их гирокруты. Мне понадобится кое-какое оборудование в помощь. Ты пойдешь со мной?

Хейзлтон удивленно приподнял брови.

— Вам не провести Хелдона, начальник.

— Полагаю, что справлюсь. Он знает, конечно, что мы обучили некоторых сервов, но ведь знания — вещь глазу невидимая. И за всю жизнь он привык к другому. Он просто не умеет видеть в сервах думающих образованных людей. Он знает, что у нас их — тысячи, но по-настоящему идея его не пугает. Он думает, мы их вооружим, сколотим банду. Он еще даже не представляет, что крестьянин способен научиться кое-чему большему, чем владение оружием — кое-чему намного более опасному...

— Почему вы так уверены? — спросил Хейзлтон.

— Сравни — помнишь планету у Фетиды Альфа, она называлась Фитиджеральд. Там они пользовались большим домашним животным для разных работ — животное называлось лошадь. Для скачек, для перевозки тяжестей. Теперь представь, ты прилетел на планету, где, как тебя предупредили, есть говорящие лошади. Ты работаешь, к тебе подходит некто, ведя за уздечку хромую клячу с соломенной шляпой на ушах и вьюком на спине. (Прости, Карст, но дело — есть дело). Ты не подумаешь даже, что эта лошадь — говорящая,

ты не привык видеть в подобных животных говорящих созданий.

— Прекрасно, — согласился Хейзлтон, с усмешкой наблюдая за полнейшим замешательством Карста. — Так какая у нас главная линия, начальник? Догадываюсь, вы уже все продумали. Название уже прилепили?

— Нет пока. Если только ты не любитель длинных заглавий. Пока мы имеем дело с очередной проблемой политического псевдоморфизма.

Амальфи заметил подчеркнуто скучающее выражение на лице Карста, и усмешка его стала шире.

— Или, — добавил мэр, — тонкого искусства заставить противника напороться на свой собственный удар.

Глава 3

ИМТ оказался городом приземистым, прочно и давно пустившим корни в каменистую почву. Он был похож на лес памятников-кенотафий, такой же неподвластный переменам. Тишина в нем тоже напоминала тишину кладбища, а прокторы, с их веерами-жезлами, на концах которых позвякивали пластиночки, были подобны нищенствующим монахам, бредущим среди царства мертвых.

Тишину, конечно, легко было объяснить. В стенах ИМТа сервам запрещалось разговаривать, если только к ним не обращались, а прокторов в городе было относительно немного для оживленной беседы. Но Амальфи чувствовал и другую тишину — молчание истребленных миллионов с Тора-5. Молчание гробовой завесой душило вздох. Слышат ли его прокторы?

Голый коричневый серв, проходивший мимо, взглянул на их группу и поднял палец к губам — установленный жест почтительности. Хелдон чуть кивнул. Амальфи, как того и требовала ситуация, внешне не обратил внимания, но подумал: «Вот что это значит, не так ли, Хелдон? Но поздно, тайна перестала быть тайной».

Карст трусил позади, время от времени бросая с опаской взгляд на проктора. Хелдон, впрочем, не обращал на него ни малейшего внимания, Карст старался зря. Они прошли давно пришедшую в упадок площадь. Посреди площади имелась заброшенная скульптурная группа. От древности она потеряла почти всякую целостность, но, подумал Амальфи, целостность не есть признак монументальных

памятников. Только зоркий глаз мог увидеть в камне на пьедестале нечто большее, чем простой крупный метеорит, усеянный множеством вмятин, что характерно для больших сидеритов*.

Но Амальфи не мог заметить, что выемки в камне, сделанные в стиле произведений древнего скульптора по имени Мур, когда-то выражали определенную идею. Внутри камня когда-то возвышалась мощная фигура человека, чья нога покоилась на шее поверженного, менее сильного врага. Да, когда-то ИМТ в самом деле гордился памятью о Торе-5...

— Храм прямо впереди, — вдруг произнес Хелдон. — Механизмы в тайнике под храмом. Там сейчас никого быть не должно, никого, кто мог бы помешать, но я лучше сначала посмотрю. Ждите здесь.

— А если нас кто-нибудь заметит? — спросил Амальфи.

— На площадь обычно не выходят, избегают. Кроме того, я выставил вокруг людей, на всякий случай. Они не пропускают случайных прохожих. Оставайтесь на месте и будете в безопасности.

Проктор зашагал к обширному зданию с куполом на крыше и вдруг исчез, повернув в боковую улицу. За спиной Амальфи Карст очень тихо запел. Явно какая-то народная песня. Мелодия, когда-то имевшая отношение к земному городу Казани, была слишком стара для Амальфи, чтобы он мог ее узнать — на несколько тысячелетий слишком стара. К тому же мэру на ухо медведь наступил еще в детстве. Тем не менее песня вдруг завладела вниманием мэра, он прислушался к словам с напряжением совы, отслеживающей своим сонаром-локатором полевую мышку. Карст торжественно распевал:

«Правдивый гнев Маальвина оседлал ураган,

Раскаленным клеймом выжег он Пустоши,

Испепелил бунтарей, которых было больше,

чем пальцев на всех наших руках,

Ни звезды, ни луны не украсили небосвода в ту ночь, когда ИМТ заставил само небо

Рухнуть!»

Увидев, что Амальфи прислушивается, Карст остановился, жестом попросил прощения.

— Продолжай, — тут же попросил его Амальфи. — Что дальше говорится в песне?

— Времени не хватит. В ней сотни куплетов, каждый по-

* Сидерит — большой железно-никелевый метеорит.

ющий в конце добавляет собственный — по крайней мере, один. Заканчивается она, как правило, вот этим:

«Черна от их крови была кирпичная кладка,
Рухнули стройные башни, обращенные в глину,
Не выжил никто из восставших против Маальвина,
Земля извергла их души в космос со стоном,
ИМТ заставил само небо
Рухнуть!»

— Потрясающе, — мрачно похвалил Амальфи. — Мы попали в жаркое! Да еще и на самом дне горшка. Жаль, что ты не спел эту песенку неделю назад.

— А что вы в ней нашли? — удивился Карст. — Это же давняя легенда.

— Теперь мне понятно, почему Хелдон хочет починить гирокруты. Я знал, что он играет в нечестную игру, но старый фокус под названием «Лапута» как-то мне и в голову не пришел — более современные города не так устойчивы в киле. Но при всей своей массе этот городок сплющит нас в лепешку — нам нужно только тихонько сидеть и ждать!

— Не понимаю...

— Очень просто. Ваш пророк Маальвин использовал ИМТ как молоток для раскалывания орехов. Он поднимал город в воздух, перелетал к месту сопротивления и снова опускал. Трюк придуман задолго до эры космических полетов, если не ошибаюсь. Карст, не отходи от меня ни на шаг, возможно, придется незаметно от Хелдона что-то тебе передать, поэтому смотри, когда я... тс-с, он возвращается.

Проктор вылетел из отверстия переулка, словно непечатное слово. Он чуть не бегом направился к Амальфи и Карсту, прыгая по крошившейся брусчатке.

— Полагаю, — сказал Хелдон, — мы готовы принять вашу ценную помощь, мэр Амальфи.

Хелдон опустил ногу на выступ пирамидки и надавил. Амальфи был весь внимание, но ничего не произошло. Он провел лучом фонарика по голым стенам подземной комнаты, снова посветил на пол. Хелдон нетерпеливо наступил на пирамидку еще раз.

На этот раз послышался протестующий скрежет. Скрежеща, очень неохотно, каменная плита — примерно пять футов на два, — начала подниматься. Очевидно, на дальнем конце она была подвешена на петлях или имела ось. Луч фонарика мэра упал в отверстие: там обнаружилась узкая каменная лестница.

— Я разочарован, — откровенно сказал Амальфи. — Я

ожидал увидеть самого Джонатана Свифта. Ну ладно, Хелдон, ведите.

Проктор, приподняв полы своего балахона, осторожно двинулся вниз по ступенькам — камень был осклизлый. Карст замыкал процессию. Он согнулся под тяжестью рюкзака, руки его свободно болтались. Сквозь тонкие подошвы сандалий мэр чувствовал, какие холодные и скользкие ступени. По стенам бежали ручейки влаги. Амальфи почувствовал неодолимое желание закурить сигару, он явственно чувствовал аромат табака, пробивающий запах плесени. Но ему были нужны свободные руки.

Не разрушила ли влага тонкий механизм гирокрутов? Амальфи тут же отбросил эту идею. Слишком легкий выход, и в конце концов — ведущий к катастрофе. Если оки хотят назвать эту планету своей, ИМТ должен быть запущен во что бы то ни стало.

Но как удержать его от атаки на родной город — этого мэр еще не придумал. Как всегда получалось в опасных переделках, он пилотировал на чистом вдохновении.

Лестница неожиданно оборвалась, выведя их в тесную комнату, очень влажную и промозглую, почти пещерку. Световой глаз фонарика побродил по стенам, остановился на овальной двери, запечатанной тусклым серым металлом. Не было сомнений, что это свинец. Так гирокруты у них еще и «горячие»? Плохая новость сама по себе: гирокруты гораздо более древние, чем надеялся Амальфи.

— Здесь? — спросил он.

— В эту дверь, — кивнул Хелдон.

Он повернул малозаметную рукоятку.

Древние флюоресцентные светильники замигали, разгорелись голубоватым светом, засверкали на горбах металлических кожухов. Воздух был сухой — очевидно, большую камеру надежно запечатывали. Амальфи не мог подавить приступа разочарования. Он осмотрел корпуса машин, отыскивая пульт управления или его аналог.

— Ну? — хрипло спросил Хелдон.

Он явно испытывал изрядное напряжение. Амальфи предположил, что операция Хелдона могла в самом деле оказаться его личной авантюрой, а вовсе не одобренной интригой Большой Девятки. Тогда Хелдону не позавидуешь, если его обнаружат в этой камере в компании с оком.

— Вы разве не испытаете их готовность?

— Конечно, — сказал Амальфи. — Меня просто поразили их размеры.

— Это старые механизмы, — сказал Хелдон. — Не сомневаюсь, теперь строят гораздо большие.

Что, разумеется, не соответствовало истине. Современные гирокруты были раз в десять меньше этих монстров. Замечание Хелдона заставило усомниться в истинном положении последнего в иерархии прокторов. Амальфи предполагал, что проктор позволит ему лишь осмотреть антигравы, что в ИМТе найдется довольно людей, способных совершить ремонт по инструкциям Амальфи, что Хелдон и любой другой проктор знают физику достаточно хорошо, чтобы понять предложенные Амальфи объяснения. Теперь он не был в этом уверен. А от этого вопроса зависело, как далеко может Амальфи зайти.

Мэр приставил металлическую стремянку к подвесной дорожке, бежавшей вдоль верхушек генераторов, потом посмотрел вниз на Карста.

— Эй, тупица, чего стоишь, — проворчал он. — Поднимайся и тащи сюда инструмент.

Карст послушно вскарабкался на мостик. Хелдон следовал по пятам. Амальфи не обращал на них внимания, он искал инспекционный иллюминатор в кожухе. Нашел один и открыл. Внизу оказался, судя по всему, контур-выпрямитель и усилитель для какого-то монитора, наверное, цифровой компьютер. В усилителе имелось радиоламп больше, чем Амальфи видел в своей жизни в одной схеме. Для подачи прямого тока на их сетке накала имелся особый питающий контур. Две лампы были вообще размерами с кулак Амальфи.

Карст опустил рюкзак на мостик. Амальфи вытащил моток тонкого черного провода и вставил концы в ближайшее гнездо. Маленькая неоновая лампочка на конце провода замерцала красным.

— Компьютер продолжает работать, — сообщил Амальфи. — Другое дело, соображает он еще что-нибудь или совсем спятил. Я могу включить питание?

— Я сам включу, — возразил проктор.

Он опустился на пол камеры.

Амальфи тут же забормотал сквозь сжатые губы, глядя в обзорный лючок. Результат должен был показаться ушам Карста весьма необычным. Секрет заключался в замещении согласных, которые не требовали движение губ, таких, как «й», теми, что требовали, например «в». Если полученный в результате применения такого приема звук ловился внутри резонирующей камеры, например, ларингофоном, слышна почти нормальная речь, только немного невнятная. Извне же назофарингальной полости говорящего, тем не менее, звук напоминает примитивный вариант японского.

— Смотри а им. Смотри кой вычатель он намет, запомни. Пони? Хошо.

Радиолампы начали светиться. Карст чуть заметно кивнул. Проктор наблюдал за Амальфи снизу.

— Они будут работать? — приглушенно крикнул он.

— Полагаю, будут. Одна из ламп протекает, могут случиться другие неполадки, то там, то здесь. Лучше сразу все проверить. У вас есть стенд для проверки ламп, а?

На лице Хелдона появилось откровенное облегчение, хотя он и старался не выдавать чувств. Может, своих людей он бы и обманул, но только не Амальфи, который, как и любой мэр-ок, умел читать паратаксическую «речь» мышц лица и позы не хуже, чем понимать нормальную речь. Для него выражение на лице Хелдона было яснее подписанного признания.

— Естественно, — сказал проктор. — Это все?

— Далеко нет. Вам придется снять половину контуров, установить транзисторы всюду, где можно. По моей оценке, на блок здесь подвести-триста ламп, а если в полете перегорит лампа... тут одно только слово подходит — бабах!

— Вы сможете показать, как это делается?

— Вероятно. Если позволите осмотреть всю систему я дам точный ответ

— Отлично, — согласился Хелдон. — Но не откладывайте. И постарайтесь побыстрее. Больше, чем на полдня, я рассчитывать не могу.

Это было даже лучше, чем Амальфи ожидал, куда лучше. Имея в запасе полдня, он успеет проследить достаточно цепей, чтобы обнаружить главный пульт. То, что выражение на лице Хелдона противоречило словам, сильно беспокоило Амальфи, но пока он все равно ничего не мог поделать. Он вытащил из рюкзака бумагу и стило и начал быстро набрасывать схемы цепей.

Получив достаточно ясное представление о первом генераторе, он уже быстрее разобрался со вторым. Конечно, понадобилось время, но Хелдон не выказывал усталости.

Третий антиграв завершил картину, и Амальфи озадаченно попытался представить назначение четвертого. Оказалось, что это стуер, компенсирующий потери первых трех, когда кривая на их выходе начинала отклоняться от эталона, выдаваемого неуклюжим генератором. Бустер помещался на задней стороне петли обратной связи, после комьютера, а не перед ним, как можно было бы предположить, руководствуясь логикой. Все корректирующие команды проходили через него. В результате, Амальфи был уверен, во время каждой кор-

рекции появлялся небольшой, но заметный «базовый всплеск».

Гирокруты ИМТа явно настраивались каким-то кроманьонцем.

Но они могли поднять город в небо. Это главное.

Амальфи закончил осмотр бустера и выпрямился, потягиваясь. Спина затекла. Он понятия не имел, сколько потратил времени. Казалось, прошли месяцы. Хелдон наблюдал за ним. Под его глазами появились темные круги, но проктор оставался настороже.

И Амальфи не нашел места в зале, откуда гирокруты могли бы управляться. Пульт находился в другом помещении, кабель уходил в трубу, труба исчезала прямо в потолке зала.

«...ИМТ заставит небо рухнуть!»

Амальфи нарочито зевнул, принялся прилаживать на место крышку смотрового люка. Карст сидел на карточках рядом, как кот на высокой полке — спокойно и лениво. Хелдон внимательно наблюдал за тем, что делает Амальфи.

— Мне придется все делать самому, — сказал Амальфи. — Работа сложная, понадобится несколько недель.

— Я так и думал, — сказал Хелдон. — И я рад, что вы сами пришли к этому выводу. Но мне кажется, мы ничего менять не станем.

— Замены необходимы.

— Возможно. Но и без них механизм обладает запасом надежности, иначе наши предки никогда не смогли бы летать на нем. Поймите, мэр Амальфи, мы не можем рисковать и допускать вас к машинам, не имея понятия, что именно вы будете с ними делать, лишь предполагая, что вы, быть может, намерены повысить их эффективность. Они и в нынешнем виде могут работать, как вы сами заметили, значит, они достаточно хороши.

— О, работать они будут — согласился Амальфи и начал аккуратно складывать инструменты в рюкзак. — Но некоторое время. Я вам прямо скажу — эти генераторы небезопасны.

Хелдон пожал плечами и по спиральной лестнице спустился на пол машинного зала. Амальфи еще несколько мгновений рылся в рюкзаке. Потом он нарочито грубо пнул дремавшего Карста — и пнул как следует, зная, что играть сейчас нет смысла: они имели дело с прирожденным надсмотрщиком, — жестом приказал серву взять вещи. Они последовали за Хелдоном.

Проктор улыбался, но в его улыбке не было ничего хорошего.

— Генераторы небезопасны? — переспросил он. — Но я и не воображал обратного. Теперь, я думаю, опасность имеет политический характер.

— Как это понимать? — потребовал объяснений Амальфи, стараясь успокоить дыхание.

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Сколько часов ушло? Он не имел ни малейшего представления.

— Вы знаете, который час, мэр Амальфи?

— Утро, наверное, — устало сказал Амальфи, поправляя сползший рюкзак на левом плече Карста. — Поздно.

— Очень поздно. — Теперь он не скрывал радости, он был похож на бойцового петуха, гордо кукарекающего над побежденным соперником. — Контракт между нашими городами истек в полдень. Сейчас почти час пополудни. Мы пробыли здесь всю ночь и утро. И ваш город все еще на нашей земле. Это нарушение условий контракта, мэр Амальфи.

— Мы просмотрели...

— Нет, мы победили. — Хелдон вытащил из складок балахона серебристую трубочку, дунул в нее. — Мэр Амальфи, считайте себя военнопленным.

— Из трубочки не слышалось ни звука, но в комнате вдруг оказалось десять вооруженных людей. Их мезотронные ружья были древней модели, еще до-Каммермановской, как и гирокруты ИМТа.

Но, как и гирокруты, судя по их виду, вполне могли срабатывать.

Глава 4

Карст остолбенел, но Амальфи привел его в чувство свирепым ударом пальца по ребрам и принялся перекладывать содержимое своего маленького рюкзака в рюкзак крестьянина.

— Вы вызвали полицию, я полагаю?

— Давным-давно. Дорога к побегу перекрыта. Позвольте заметить, мэр Амальфи, что если вы надеялись найти здесь пульт управления антигравами, — а я предоставил вам полную свободу поиска, — то вы считали меня намного глупее, чем я есть на самом деле.

Амальфи ничего не сказал. Он тщательно и без спешки перекладывал инструменты из одного рюкзака в другой.

— Слишком много движений, мэр Амальфи. Руки вверх и медленно повернитесь, медленно-медленно.

Амальфи поднял руки вверх и повернулся. В каждой руке

у него было по предмету черного цвета. Формой и размерами они очень напоминали куриные яйца.

— Я ждал от вас ровно столько глупости, сколько вы успели обнаружить, — как ни в чем не бывало сказал Амальфи. — Вот это видите? Если в меня выстрелят, я уроню — оба или одно. Я их даже просто так могу уронить. Этот провинциальный город мертвых уже сидит у меня в печенках.

Хелдон фыркнул.

— Взрывчатка? Газ? Не смешите меня — они слишком малы, чтобы уничтожить целый город. И у вас нет газовой маки. За дурака меня принимаете?

— События доказывают, что вы и в самом деле дурак, — невозмутимо возразил Амальфи. — Вероятность засады была очень велика. Я мог бы прийти с охраной — вы еще не познакомились с нашей охраной периметра, ребята там крепкие и соскучились по работе. Они были бы в восторге повозиться с вашей бригадой. Неужели вам и в голову не пришло, что я покинул свой город без охраны? И я позаботился о другом способе защиты. Он много проще.

— Яйца, — с презрением процедил Хелдон.

— Кстати, это в самом деле яйца. Их выкрасили анилином — мера предосторожности, чтобы не спутать с обычными. Эмбрионы в этих яйцах заражены риккетсиальным сифилисом — альвеолитическая мутация земного штамма, инкубационный период — два часа. Этот штамм был выведен в нашей лаборатории биологического оружия. Кстати, распространяется он по воздуху. Знаете, космос — отличное место для работы с подобными штучками. Секретом с нами поделился пару веков назад один оки-город, который специализировался по агрономии. Вот, всего два яйца, но стоит их уронить, и вы на брюхе поползете за мной, умоляя сделать укол антибиотика — мы его тоже синтезировали сами.

Последовала недолгая пауза, и хриплое дыхание проктора лишь подчеркивало тишину. Охранники с опаской поглядывали на черные овалы яиц, стволы винтовок неуверенно рыскали. Амальфи очень тщательно выбирал оружие — консервативные феодальные общественные формации панически боятся эпидемий, слишком хорошо знают они, что такое чума.

— Это тупик, — наконец сказал Хелдон. — Ну хорошо. Вы и ваш раб, вы покинете помещение, и я гарантирую вашу безопасность...

— И если я услышу хотя бы отзвук погони, я швырну яйца вам на голову. Кстати, они взрываются — вирус образует изрядный объем газа внутри эмбриона.

— Прекрасно, — сквозь зубы процедил Хелдон. — Вы по-

кинете здание. Но ничего этим не выиграете, мэр Амальфи. Если успеете добраться до своего города, станете свидетелем победы ИМТа. И вы помогли эту победу одержать. Вы будете изумлены, увидев, как основательно умеем мы действовать.

— Не думаю, — сказал Амальфи, и в ледяном его тоне не было ни капли жалости. — Я знаю о вашем городе все, Хелдон. Бешеным Псам конец. И в последний момент, перед смертью, вы и ваша банда под названием Интерзвездные Мастера Торговли, вспомните Тор-5!

Лицо Хелдона посерело, и то же самое, как это ни странно, приключилось с четверкой охранников. Потом к рыхлым щекам проктора вновь прилила кровь.

— Убирайтесь, — прохрипел он едва слышно, и вдруг заорал во всю силу: — Убирайтесь прочь! Прочь!

Небрежно жонглируя смертоносными черными овоидами, Амальфи направился к свинцовой двери. Карст, рабелепно съезжившись, когда проходил мимо Хелдона, шаркал следом. Персигрывает, подумал Амальфи. Впрочем, Хелдон не обратил внимания. На месте Карста с таким же успехом могла быть... какая-нибудь лошадь.

Свинцовый экран встал на место, скрыв лицо Хелдона — испуганное и бешеное одновременно, синеватое в мерцании древних флюоресцентных ламп зала антигравов. Амальфи сунул одно яйцо обратно в рюкзак Карста, поместив биологическую бомбу в специальное гнездо из силиконовой пены. Когда он вытащил руку обратно, его ладонь крепко сжимала уродливый шмайсер — рулевой пистолет. Пистолет он сунул за ремень брюк.

— Наверх, Карст, быстро. Времени в самый обрез. Я сразу за тобой. Где может быть пульт, как думаешь? Кабель уходил в потолок.

— На верхнем этаже храма, — сказал Карст, громадными прыжками преодолевая ступени — внешне это ему никаких усилий не стоило. — Там Звездная комната, в ней Девятка проводит собрания. Как туда пробраться — я не знаю. Ни малейшего представления.

Они выскочили в холодную каменную комнатуху-пещеру. Луч фонарика в руке Амальфи нащупал пирамидку. Амальфи как следует пнул верхушку, и со стоном наклонная плита встала на место, закрыв отверстие в полу и лестницу. Наверняка, был способ открыть ее изнутри, но Хелдон осмелится использовать его не сразу. Плита перемещалась с изрядным скрипом, значит, Амальфи мог услышать звук погони и без колебания исполнить угрозу.

— Теперь уходи из города и уводи всех крестьян, кого

только не встретишь, — приказал Амальфи. — Но не сразу — здесь нужна большая точность. Кто-то должен повернуть выключатель, тот, что ты запомнил. Мне придется пробраться в Звездную комнату. Хелдон догадается, где я. Как только он покинет подземный зал, тебе, Карст, нужно будет спуститься и повернуть выключатель.

Перед ними была низенькая дверь, через которую Хелдон впустил их в храм. Вверх от двери бежал другой лестничный пролет, из-под него в щель пробивался яркий дневной свет.

Амальфи чуть приоткрыл древнюю створку, осторожно выглянул. Несмотря на послеполуденное сияние, сгрудившиеся приземистые здания города накрыли улочку разноцветными путанными тенями. Мимо брели крестьяне, человек шесть, с уныло-свинцовыми взглядами и полусонным проктором позади.

— Не заблудишься в подземелье? — прошептал Амальфи

— Там только один путь.

— Отлично. Тогда возвращайся. Рюкзак брось за дверь, он больше нам не нужен. Как только Хелдон и его люди поднимутся, сразу спускайся в машинный зал и включай питание. Потом уходи из города. Лампам нужно минуты четыре для нагрева. У тебя будет примерно четыре минуты — и не трать зря ни секунды. Уразумел?

— Да, только..

Что-то, словно каменная лавина, пронеслось над храмом и затихло в отдалении. Амальфи прищурился в небо.

Ракеты определил он. Иногда сам себе удивляюсь, зачем выбрал такую примитивную планету? Со временем, может быть, смогу ее полюбить. Ну, удачи тебе, Карст

Он повернулся к ступенькам вверх

— Они вас выследят там, наверху, — сказал Карст — Это ловушка.

— Нет, только не меня, не мэра Амальфи. Давай без разговоров, Карст. Время идет

Над храмом пронеслась новая ракета, где-то вдали тяжело ухнуло. Амальфи разъяренным буйволом помчался вверх по ступенькам

Лестница оказалась длинной, очень узкой и с таким множеством поворотов, что это приводило в ярость. Амальфи вспомнил, что сами прокторы по ней не ходили, их наверх поднимали на плечах крестьяне. Такие ступени — надежная вещь, на них непросто оступиться, вот только для бега приспособлены плохо.

Если Амальфи вычислил правильно, лестница плавными завитками обегала до самой верхушки наружный изгиб купола храма. Зачем? Врядли прокторы, даже на плечах крестья-

ян, взбирались бы по длинным пролетам только из любви к прогулкам. А если Звездная комната все же не под куполом, а наоборот, под машинным залом антигравов?

Амальфи не успел миновать первый полувиток, как причина стала очевидной. Сквозь щели из купола донесся шорох и голоса — там, очевидно, начиналось собрание. Чем выше поднимался Амальфи по плавной спирали лестницы, тем четче становились голоса. В конце концов можно было разобрать слова и даже определить, кто из произнес. Наверху архитектор храма ухитрился соорудить «шепчущую галерею». Прокторы, приложив ухо к своду, подслушивали разговоры в толпе прихожан, улавливая самый слабый шепот возможных заговорщиков

Хитроумно, согласился про себя Амальфи. Заговорщики на религиозных планетах, как правило, видят в церквях безопасное место для разговоров. Амальфи был убежден, что на любой планете, где процветают церкви, зреет бунт

Пыхтя, как дельфин, который слишком долго был под водой, он преодолел последний виток. Двустворчатая дверь солидного вида, изукрашенная псевдовизантийскими волютами-завитками, презрительно смотрела на него сверху вниз. Он не остановился, чтобы полюбоваться на нее, он ударил прямо по паре явно искусственных сапфиров чуть выше середины, и ударил очень сильно. Створки распахнулись, как будто взорвалась граната.

Разочарование было так велико, что на несколько секунд он застыл. Комната была овалом, близким к кругу голая, как монастырская келья. Из мебели имелся тяжелый деревянный стол и девять стульев, которые сейчас выстроились у стены. Никакого пульта не было и в помине, так же как и намек на место, где он мог прятаться. Окон в комнате не было.

Отсутствие окон — эта деталь сообщила мэру все, что нужно было сейчас знать. Вот вторая весомая причина разместить пульт управления на верхушке купола. Для такого старого города, как ИМТ, важна близкая к обзору на все 360 градусов хорошая видимость. Значит, Амальфи забрался недостаточно высоко.

Он посмотрел на потолок. На одной из каменных плит имелась полукруглая выпуклость-манжета размерами с монету. Плоский край был сильно истерт

Амальфи усмехнулся и заглянул под стол. Так и есть — шест с кривым лезвием на одном конце на манер алебарды покоился в скрепах. Амальфи выдернул шест из гнезда, выпрямился во весь рост и приладил крюк в отверстие на потолке.

Плита легко подалась, край опустился — другая сторона плиты крепилась, очевидно, на петлях, как и та, внизу, в зале

генераторов. Предки прокторов не любили разнообразить инженерные принципы. Свободный конец плиты почти касался крышки стола. Амальфи прыгнул на стол, полез по наклонной плите. Когда он был близок к концу пути, сработал скрытый неведомо где механизм-противовес, и плита закрылась, прокатив Амальфи на себе оставшуюся часть дороги.

Это была рубка управления, сомнений не оставалось. Тесное помещение было плотно начинено панелями, все было покрыто толстым слоем пыли. Иллюминаторы из толстого стекла пилились на все четыре стороны света и пара имелась в потолке. На одной из панелей одиноко горел зеленый огонек. Амальфи направился к панели, и пока он шел, огонек погас.

Это Карст отключил питание. Амальфи пожелал ему счастливо выбраться наружу. Он успел полюбить крестьянина. Непокколебимая храбрость и ненасытность, с которой Карст удовлетворял изголодавшийся ум, — все это напоминало Амальфи одного человека, а именно, самого Амальфи, каким он был в двадцать пять.

По сути своей гирокруты — простая вещь. Амальфи без труда произвел небольшие переключения внутри панелей — это был хитроумный саботаж. Труднее было придумать, как замести следы — каждое движение оставляло широкие полосы на слое тяжелой пыли. В конце концов он решил проблему единственно возможным путем: снял рубашку и принялся размахивать ею над панелями. Пришлось чихать, пока на глаза не навернулись слезы, но способ сработал.

Теперь оставалось выбраться из храма.

Внизу уже слышались голоса, но прямого нападения он не боялся — у него осталось второе яйцо, и прокторы об этом знали. Более того, в его распоряжении была алебарда, и поэтому, чтобы проникнуть в рубку, прокторам придется выстроить гимнастическую пирамиду. Их спортивная форма была не настолько хороша, к тому же любителя подобных трюков легко будет обезвредить простым пинком.

И все-таки Амальфи не собирался провести остаток жизни в рубке управления ИМТа. Чтобы выбраться из города, оставалось шесть минут.

Секунды четыре Амальфи напряженно размышлял, потом встал на плиту, нарушил равновесие механизма и торжественно соскользнул прямо на стол посреди Звездной комнаты.

Миг изумления — и полдюжины рук вцепились в него. Прямо перед ним возник Хелдон — лицо проктора неузнаваемо переменялось под воздействием страха и ярости.

— Что ты там делал? Отвечай, или прикажу разорвать тебя в клочки!

— Не будь идиотом, Хелдон. Скажи своим людям, чтобы отпустили меня. Ты ведь обещал мне неприкосновенность... а если ты решил взять обещание обратно, мое оружие при мне. А ну, отскочили дружно в сторону, а не то...

Он не успел договорить, а охрана Хелдона поспешно его отпустила. Хелдон с трудом вскарабкался на стол и пополз вверх по плите. Несколькое человек, тоже в балахонах проторов и с наголо обритыми головами, отталкивая друг друга, протиснулись следом. Судя по всему, Хелдон, охваченный страхом, успел поделиться новостями кое с кем из Большой Девятки. Амальфи вышел из комнаты, спустился на пару ступенек, потом обернулся и положил яйцо на порог. Потом бросился бежать вниз по лестнице, словно за ним гналась сама Смерть.

Хелдону понадобится около минуты, чтобы обнаружить отключение генераторов. Еще минута — в лучшем случае, — чтобы спуститься в подземелье и снова включить питание. Потом четыре минуты на разогрев ламп. Затем — взлет.

Амальфи вылетел в переулок, оттуда — на площадь, налетел на изумленных стражников, отскочил карамболом. Позади уже раздавались крики. Амальфи пригнулся, втянул голову в плечи и удвоил скорость.

Двойное солнце успело закатиться, и улица была погружена в сумерки. Стараясь держаться в местах потемнее, Амальфи добрался до ближайшего угла. Карниз дома впереди вдруг раскалился, стал белым, как вулканическая лава, потом начал тускнеть, стал вишнево-красным. Амальфи не слышал визга мезотронной винтовки, он сосредоточил внимание на более важных вещах.

Он обогнул угол здания. Если он помнил, самый короткий путь к городской черте шел вдоль улицы, которую Амальфи только что оставил. Этот путь исключался — стореть заживо у Амальфи желания не было. Успеет ли он выбраться из ИМТа каким-нибудь другим путем — это предстояло выяснить.

Он побежал дальше. В него выстрелили еще раз — стрелявший едва ли знал, в кого палит. Амальфи был просто бегущим человеком, который не подходил ни под одну из местных категорий. Выстрел был инстинктивной реакцией, и, следовательно, стрелок не мог не промазать.

Мостовая содрогнулась, как шкура чудовища, которое почувствовало укусы блохи. Амальфи попробовал прибавить скорости, и это, к его собственному удивлению, ему удалось.

Снова дрожь в плитах, на этот раз сильнее. Скалистое ложе города застонало. Из зданий высыпали жители — и проткты, и крестьяне.

После третьего толчка в центре города что-то рухнуло.

Амальфи был втянут в поток охваченной паникой толпы, ему пришлось пустить в ход руки, ноги, он кусался и таранил головой...

Камни застонали снова, намного громче. Мостовая вдруг вздыбилась, как необъезженная лошадь. Амальфи потерял равновесие, полетел лицом вниз. Люди кричали, падали, особенно плохо пришлось тем, кто остался внутри домов. Над головой Амальфи с треском и звоном разлетелось окно, выбросило скорчившуюся женщину

Амальфи рывком встал на ноги, сплюнул кровь, побежал. Тротуар впереди прорезали трещины, он теперь напоминал мозаику. Впереди — затор из каменных блоков. Амальфи вспомнил морской волнолом, он видел его на какой-то плянете. При чем здесь волнолом.

Он уже карабкался на эти камни, как вдруг сообразил, что это и есть граница настоящего ИМТа. По другую сторону тоже были дома, но возникший из недр заслон указывал периметр древнего летающего города, некогда заполненный каменными блоками, утопленными в грунт. Глотая воздух, как выброшенная на берег рыба, Амальфи совершал отчаянные прыжки с камня на камень, пробиваясь к дальнему краю рва. Он находился в самом опасном месте — если ИМТ сейчас начнет подниматься, Амальфи окажется в камнеломке и будет растерт в тонкий фарш. Если он успеет добраться до границы Пустоши.

Подземный стон за его спиной не прекращался, высота звука возрастала, словно там раздирали надвое бесконечный лист металла. Впереди, за Пустошью, в последних лучах двойного солнца сверкал родной город Амальфи. Там шел бой, по периметру то и дело вспыхивали огоньки выстрелов. Четыре ракеты мчались к городу Амальфи, город выстрелил навстречу дымными полосками.

Ослепительная вспышка, и когда к Амальфи вернулось зрение, он увидел только три ракеты. Еще несколько секунд — и не останется ни одной. Отцы города никогда не промахивались.

Легкие жгло огнем. Сквозь подошвы сандалий он почувствовал мягкость дерна, скрюченный усик-побег утенника поймал в свою петлю лодыжку Амальфи, и мэр опять упал.

Он хотел встать, но не смог. Опаленный торф, на котором когда-то в древности стоял непокорный город, угрожающе задрожал, зарокотал. Амальфи перекатился на спину. Приземистые башни ИМТа качались, громадные каменные блоки по периметру подскакивали, переворачиваясь в облаках пыли. Это напоминало прибой. Тонкая полоска красного света

появилась над гребнем каменного приборя — двойное солнце просвечивало из-под города...

Полоска стала шире. Древний город подпрыгнул, вспарил. С громом, от которого лопались барабанные перепонки, город рвал каменные корни. Люди в отчаянии спрыгивали по краям, бросались вниз, надеясь добраться до Пустоши. Прокторов среди них Амальфи не заметил. Прокторы, естественно, пытались управлять полетом ИМТа.

Медленно, величественно, набирая скорость, город поднимался в небо. Если Хелдону и его команде удастся вовремя сообразить, что именно сделал Амальфи с системой управления, древний сюжет баллады будет разыгран заново, и владычеству прокторов ничто уже не будет грозить...

Но Амальфи сделал все как надо. ИМТ продолжал подниматься. С глубоким потрясением Амальфи сообразил, что город уже на высоте около мили и продолжает разгон. Воздух в городе уже становится разреженным, а прокторы забыли слишком многое и не знают, что делать...

Полторы мили.

Две мили.

Город стал заметно меньше. На высоте пяти миль он казался освещенным с одной стороны пятнышком. На высоте семи — святящейся точкой.

Из ближнего овражка показалась голова с начавшими отрастать волосами и широченные мускулистые плечи. Это был Карст. Он еще несколько секунд смотрел в небо, но на десятимильной высоте ИМТ стал невидим. Карст посмотрел на Амальфи.

— Они... они вернутся? — севшим голосом спросил он.

— Нет. — Амальфи почти успел отдышаться. — Следи, Карст, это еще не конец. Вспомни, прокторы вызывали полицию...

Как раз в этот миг ИМТ снова стал видимым — в некотором смысле. В небе вспыхнуло третье солнце. Оно сияло три-четыре секунды, затем померкло и погасло.

— Легавые были начеку, — тихо сказал Амальфи. — Они ждали, когда с планеты поднимется город оков. Их ведь предупредили, что город попыбует сбегать. Они ждали не напрасно. Конечно, разделились они не с тем городом, которого ждали, но об этом уже не узнают. Теперь они отправятся домой — а мы останемся дома, и ты, и твой народ. Земля — наш дом навсегда.

Вокруг слышались голоса, люди разговаривали тихо, они еще не пришли в себя после потрясения, после пережитой катастрофы... но уже чувствовали присутствие чего-то ново-

го, чего-то, чье название было забыто на планете, управляемой ИМТом. Это была свобода.

— Земля? — переспросил Карст.

Оба — Карст и мэр — с трудом поднялись на ноги.

— Как понимать? Это не Земля...

За Пустошью блестели башни города оков. Они прилетели сюда поискать работы — например, подстричь пару газончиков... Над горизонтом поднималось облако звездного скопления.

— Теперь это Земля, — сказал Амальфи. — Мы все — Земляне. Земля — это больше, чем маленькая планета, затерянная совсем в другой галактике. Земля — это большее, чем планета. Земля — не точка на галактической карте. Это идея.

ПОЛ АНДЕРСОН

ЛЮДИ НЕБА

Глава 1

Флот людей Неба достиг цели перед самым восходом. С высоты полета — почти пять тысяч футов — земля казалась синеvато-серой, кое-где — дымчатой из-за тумана. Каналы орошения, поймавшие первые солнечные лучи, казались полными ртути. На западе мерцал океан, сливаясь у горизонта с пока еще фиолетовым небом, в котором светилась пара последних звезд.

Локлани сунна Холбер облокотился о поручень галереи своего флагмана и направил подзорную трубу на город. Лабиринт стен, плоских крыш, квадратных сторожевых башен. Еще невидимое с земли солнце окрашивало в розовый цвет шпили соборов. Аэростатов заграждения видно не было. Очевидно, слухи, дошедшие до Каньона, были правдивы — Перри бросил внешние провинции на произвол судьбы и, значит, сокровища Мейко перетекли в хранилища С'Антонa. Локлани усмехнулся: налет совершать стоило, они не зря потратили время.

Молчание нарушил Робра сунна Стам, первый помощник капитана «Бизона».

— Лучше снизитьvся до двух тысяч, — предложил он. — Чтобы не сдуло за городских стены.

— Согласен. — Шкипер кивнул. Он был уже в боевом шлеме. — Пусть будет две тысячи.

Голоса на такой высоте казались необычайно громкими. Здесь тишину нарушали лишь свист ветра и скрип такелажа. Небо вокруг было бездонно-туманным, с червонно-золотым оттенком на востоке. Палубу галереи покрывала роса. Но когда деревянные сигнальные рожки выдули приказ, ни сам звук рогов, ни голоса, долетевшие с других роверов, ни стук подошв по палубам, ни скрип лебедок, брашпильей и ручных насосов не нарушили утренней гармонии. Для небоходов эти звуки были так же привычны, как голос ветра.

Пять громадных воздушных кораблей начали медленный спуск по спирали. Медь фигур, гордо украшавших носы гондол, засверкала в первых солнечных лучах, соперничая с пестрыми эмблемами и узорами на боках газовых баллонов. Паруса и рули казались невероятно белыми на темном фоне неба на западе.

— Привет! — сказал вдруг Локлани, изучавший гавань в подзорную трубу. — Что-то новое. Интересно, что бы это могло быть?

Он предложил Робре взглянуть в трубу. Первый помощник поднял окуляр к единственному глазу. В стеклянном

кружке появились каменные доки, склады, построенные несколько веков назад, в эпоху процветания и могущества Перио. сейчас они не использовались и на четверть. Шелуха рыбацких лодчонок, одинокая шхуна... Ага, клянусь Октаи Буренесущим, экий великан, больше кита, семь мачт, и какие высоченные!

— Не знаю. — Помощник опустил трубу. — Иностранец? Но откуда? На всем континенте нет...

— Я такой оснастки еще не видал, — сказал Локланн. — Квадратные паруса на стенах, косые внизу. — Он провел рукой по короткой бороде. В утренних лучах борода отливала огненной медью. Капитан был из тех голубоглазых и светловолосых людей, которые редко попадались даже среди небоходов.

— Конечно, в морских кораблях мы смыслим мало. Мы видим их только сверху.

В его словах слышалось добродушное пренебрежение. Из моряков получались хорошие рабы, но старая пословица гласила, что для настоящего воина есть два способа передвижения: добрый конь дома, и добрый воздушный ровер вне.

— Наверное, торговец, — решил капитан. — Мы, если получится, захватим его.

Более насущные заботы требовали сейчас его внимания. Он не бывал над С'Антоном раньше, карты у него не было. Совершая воздушные налеты, небоходы никогда еще не забирались так далеко на юг. Раньше роверы были очень примитивными, а Перио — слишком сильным государством. Локланну придется одновременно изучать город сверху, сквозь белесые пряди облаков, и разрабатывать план налета. К тому же, план должен быть достаточно простым, потому что для коммуникации Локланн располагал только сигнальными флажками, рогом и глашатаем с бочкообразной грудью.

— Большая площадь перед собором, — пробормотал капитан. — Высадимся на ней. Люди с «Грозовой тучи» займутся зданием к востоку... видишь, похоже, там живет их правитель. Так, вдоль стены на север идут типичные казармы и плац. Гарнизон займется «Койот». На доках пусть высадутся люди с «Ведьмы небес», захватят береговые батареи и вот то непонятное судно, потом присоединятся к атакующим гарнизон. «Огневой лось» приземлится за восточными воротами и направит отряд в южную сторону, чтобы закупорить гражданское население. Как только центральная площадь будет в наших руках, я начну направлять подкрепления туда, где они будут нужны. Все ясно?

Он опустил на глаза защитные очки. Кое-кто из бойцов, столпившихся вокруг, был одет в кольчуги, но Локланн пред-

почитал носить кирасу, сплетенную из упроченной кожи, как у монгов. Она почти не уступала в прочности кольчугам, но зато была много легче. У него был пистолет, хотя больше он полагался на боевой топор. Пользоваться огнестрельным оружием становилось не по карману, ресурсы серы таяли. К тому же, лук мог стрелять почти так же быстро и метко, как пистолет.

Он чувствовал знакомую дрожь внутри, словно он опять стал маленьким мальчиком в предвкушении Средизимнего Утра и подарков в коробке. Добыча будет богатой: золото, ткани, инструменты, рабы. Будет бой, славные подвиги, вечная слава. Возможно, смерть. Локланн знал, что рано или поздно погибнет в бою, но он принес столько жертв своим идолам, что они не откажут ему в услуге: он умрет в бою и снова родится небоходом.

— Пошли! — приказал он, вспрыгнул на поручень галереи и ринулся вниз.

На мгновение мир завертелся волчком, город оказался вверх, мимо пронесся корпус «Бизона». Потом капитан потянул шнур, ремни перевязи дернулись, встали на место. Вокруг и над ним распустился алый парашют. Локланн оценил силу и направление ветра и, потягивая стропы, начал спускаться.

Глава 2

Дон Мивель Карабан, кальд С'Антонa, устроил щедрый Дпир для заморских гостей. Это было историческое событие. Возможно, оно станет вехой, знаком надежды в эпоху упадка. (Дон Мивель был редким сочетанием прагматика и грамотного человека и понимал, что отступление войск Перо в Бразилию не было «временным». Прошло двадцать лет, и они уже не вернутся. Внешние провинции должны выкручиваться сами.) Но иностранцев нужно убедить, что они нашли страну богатую и цивилизованную, что приплывать к берегам Мейко и торговать выгодно. В итоге возможен союз против северных варваров.

Банкет длился почти до полуночи. Хотя в некоторых регионах оросительные каналы засорились и не были приведены в порядок, а кактусы и змеи заплонили дальние покинутые поселения, провинция Мейко была все еще плодородной и изобильной. Пять лет назад, во время набега узкоглазых монгов из Теккаса, были истреблены тысячи и тысячи пеонов, и теперь пройдет еще лет десять, пока население восстановится.

Поэтому дом Мивель потчевал гостей говядиной, ветчиной со специями, сливками, фруктами, винами, орехами, кофе. С последним мореходы не были знакомы и не проявили должного интереса, но далее следовали развлечения: музыка, танцы, жонглеры, показательные поединки между молодыми благородными воинами.

Хирург с «Дельфина», выпив довольно много, предложил показать всем присутствующим традиционный островной танец. Его коричневое, мускулистое и предельно татуированное тело проделало серию сокращений, подергиваний и других телодвижений, от которых у почтенных донов неодобрительно поджались губы. Сам Мивель заметил:

— Это напоминает ритуалы праздника плодородия у наших пеонов.

Сказано было с подчеркнутой вежливостью, чтобы дать понять капитану Руори Ранги Лоханассо, что пеоны имеют культуру особую и не очень тонкую.

Хирург окинул за спину косу и усмехнулся.

— Капитан, давайте приведем с корабля наших вахинас и устроим настоящий хула!

— Нет, — сказал капитан Руори. — Боюсь, мы их и без того шокировали. Как гласит поговорка: «На Соломоновых островах поступай, как соломодец».

— Я сомневаюсь, что они умеют развлекаться по-настоящему, — пожаловался веселый доктор.

— Но мы не знаем местных табу, — предупредил капитан. — Лучше примем такой же суровый вид, как эти остробородые господа. А веселиться и заниматься любовью будем на корабле, среди наших вахинас.

— Но глупо же! Пусть сожрет меня акулозубый Нан, если я...

— Постыдись своих предков, они краснеют за тебя, — сказал Руори. Это был самый суровый упрек. Капитан старался как моно смягчить тон, но нужно было заставить доктора заткнуться. Доктор пробормотал извинения, покраснел и удалился в темный угол.

Руори повернулся к хозяину.

— Прошу прощения, сынёр, — сказал он на местном, спанском, языке. — Мои люди владеют спанским еще хуже, чем я.

— Ну что вы! — Дон Мивель отвесил церемонный поклон. его шпага смешно вздернулась, придавая тощей черной фигуре сходство с птицей. Один из офицеров Руори не сдержался и фыркнул. Однако, подумал капитан, чем узкие брюки и кружева хуже, чем саронга, сандални и клановые татуировки? Всего навсего разные традиции. Нужно проплыть всю

Федерацию Маураи, от Авай до родной Нъзилан и на запад, до Моайи, и тогда начинаешь понимать, как огромная планета и сколько загадок она еще таит

— На нашем языке вы говорите преотлично, сънёр, — улыбнулась очаровательная доньита Треза Карабан. — Может, лучше нассамих, потому что вы изучали язык по книгам многовековой давности, а спанский так сильно изменился с тех пор.

Руори ответил улыбкой на улыбку. Дочь дона Мивеля того стоила. Богатое черное бархатное платье облегалo фигуру, от которой бы не отказалась любая красавица подлунного мира. И хотя люди Моря обращали мало внимания на лицо женщины, капитан не мог не отметить, гордость и скульптурную отточенность ее прекрасных черт. Орлиная линия носа, унаследованная от отца, стала мягче, глаза сияли, волосы были цвета полнoчного океана. Как жаль, что мейканцы благородного сословия берегут девушек исключительно для будущего супруга. Вот если бы она сменила жемчуга и серебро на леи и го, и они вместе отправились в каноэ встречать восход, любили бы друг друга.

Тем не менее.

— В вашем присутствии, — тихо сказал Руори, — у меня есть стимул овладеть современным языком в самый короткий срок

Треза воздержалась от кокетливого жеста веером, но ресницы ее затрепетали. Они были такие длинные, а глаза — зеленые, с золотистыми искорками.

— Манерами каб'леро вы овладеваете не менее скоро, сънёр, — заметила красавица.

— Только не называйте наш язык «современным», умоляю, — вмешался в разговор ученого вида господин в длинной сутане. Руори узнал Биспо дон Карлоса Эрмозильо, священника церкви Езу Карито, который, кажется, соответствовал маурийскому Лезу Харисти.

— Не современный, а испорченный. Я тоже изучал древние книги, напечатанные еще до Судной Войны. Наши предки говорили на истинном спанском. Мы используем вариант столько же искаженный, как и наше нынешнее общество. — Он вздохнул. — Но чего ждать, если даже среди благородных донов только один из десяти способен написать собственное имя?

— В дни расцвета Перио образованных было больше, — сказал дон Мивель. — Вам нужно было приплыть лет сто назад, капитан. Тогда бы вы увидели, на что мы способны.

— Но что такое Перио? Всего лишь отпрыск другого великого государства, — с горечью изрек Биспо. — Перио объ-

единил под своей властью большие территории, на некоторое время установил закон и порядок. Но ничего нового созданное было. История Перии столь же печальна, как и история тысяч государств до него. Следовательно, его постигла та же участь.

Доньита Треза перекрестилась. Даже Руори, имевший диплом не только навигатора, но и инженера, был поражен.

— Разве не атомной бомбы?

— Что? Вы имеете в виду старинное оружие, уничтожившее Старый Мир? Нет, конечно, нет. — Док Карлос покачал головой. — Но мы были в своем роде столь же глупы и грешны, как и наши легендарные праотцы, и результаты были под стать. Можете называть это человеческой жадностью, можете называть эль Дио. Как угодно. С моей точки зрения, особой разницы нет. Первое и второе означают примерно одно и то же.

Руори пристально смотрел на священника.

— Я был бы счастливо побеседовать с вами еще, сеньор, — сказал он, надеясь, что выбрал верную формулу обращения. — Сейчас редко можно встретить человека, знающего историю, а не мифы.

— Обязательно, — сказал дон Карлос. — Окажите честь.

Доньита Треза нетерпеливо переступила с ножки на ножку.

— У нас есть обычай танцевать.

Ее отец рассмеялся.

— О да! Юные дамы слишком долго ждали. Терпение дается им нелегко. У нас есть довольно времени продолжить беседу завтра, сеньор капитан. А теперь — музыка!

Он подал знак. Вступил оркестр. Некоторые инструменты были похожи на маурийские, некоторые казались неизвестными. Сама музыкальная гармония отличалась... что-то подобное встречалось в Стратии. На руку Руори легла ладонь. Он посмотрел на Трезу.

— Поскольку вы меня не приглашаете, могу я быть столь нескромной и пригласить вас?

— Что значит «быть нескромной»? — поинтересовался он.

Она покраснела и попробовала объяснить, но ничего не получилось. Руори решил, что это очередная местная моральная концепция, которой не было аналога в моральном спектре мореходов. К этому времени мейканские девушки и их кавалеры уже вышли на середину зала. Несколько секунд Руори наблюдал за парами.

— Это незнакомый танец. Я не знаю движений. Но, кажется, я быстро научусь.

Она скользнула в его объятия, и это было приятно.

— У вас хорошо получается, — сказала Треза минуту спустя. — У вас все так пластичны?

Лишь немного спустя он понял, что это комплимент. Но будучи истинным островитянином, он воспринял вопрос буквально.

— Мы много времени проводим в море. Чувство ритма и равновесия — необходимые качества, если не хочешь постоянно падать в волны.

Она наморщила нос.

— Довольно, перестаньте! — засмеялась она. — Вы такое серьезный, как С'Осе в соборе.

Руори тоже улыбнулся. Он был высокий, молодой, смуглокожий, как и все островитяне, но с серыми глазами — память о его английских предках. Будучи н'зеланцем, он имел на теле меньше татуировок. Но, с другой стороны, в косу он вплет филигрань из китовой кости, саронг был сшит из самого тонкого батика, и он добавил к костюму рубашку с кружевами. С костюмом контрастировал нож, без которого любой мауриец чувствовал себя до неприличия беспомощным: старый, потертый. Но стоило лишь взглянуть на лезвие, и становилось ясно, что это идеальное оружие.

— Я хотел бы увидеть этого С'Осе, — сказал он. — Вы мне покажете?

— Как долго вы у нас пробудете?

— Сколько будет возможно. Мы намерены исследовать весь мейканский берег. До сих пор все контакты Маураи с Мерикой ограничивались экспедицией с Авайев к Калфорни. Там была обнаружена пустыня, редкие племена дикарей. Но от оккайданских торговцев мы слышали, что на севере есть леса и там противостоят друг другу люди белой и желтой расы. До нашей экспедиции мы не имели понятия, что лежит на юг от Калфорни. Может быть, вы нам расскажете, чего ждать в Южмерике?

— Очень немногого, — вздохнула Треза. — Даже в бразилии.

— Зато в Мейко цветут восхитительные розы.

К ней вернулось хорошее настроение.

— А в Н'зелании процветает искусство комплиментов, — засмеялась она.

— Отнюдь, мы слишком прямолинейны. Конечно, если не рассказываем о наших странствиях. Тогда мы плетем фантастические небылицы.

— А что вы будете рассказывать об этой экспедиции?

— Буду немногословен, иначе все юноши Федерации ри-

нутя сюда. Но я вас приглашу на корабль, доньита, покажу вам главный компас. И с этого момента компас всегда будет показывать на С'Антон д'Иньо. Вы станете, так сказать, розой нашего компаса.

К некоторому удивлению Руори, она поняла шутку и засмеялась. Ловкая и гибкая, она изящно вела танец.

Ночь близилась к концу. Они танцевали еще несколько раз, стараясь не нарушать рамок дозволенного и не привлекать внимания, обменивались всякими веселыми глупостями. Когда рассвет был уже недалеко, оркестр был отпущен отдыхать, и гости, скрывая зевки ладонями, начали понемногу расходиться.

— Как это скучно, стоять и говорить всем «до свидания», — прошептала Треза. — Пусть думают, что я уже ушла спать.

Она взяла Руори за руку и увлекла за колонну, а оттуда на балкон. Старая служанка-дуэнья, наблюдавшая зорким оком за парочками, забредавшими в этот укромный уголок, уже заснула, завернувшись в мантилью от рассветной прохлады. Теперь, кроме них, никого здесь, среди цветущих кустов жасмина, не было. Туман окружал дворец, издали доносился голос часового на крепостной стене: «Все спокойно». Туман скрывал контуры окружающих домов. На западе небо было еще почти черным, сверкали последние ночные звезды. Но верхушки мачт «Маурийского дельфина» уже поймали первые солнечные лучи и были словно объаты пламенем.

Треза поежилась, стала ближе к Руори. Некоторое время они молчали.

— Не забывайте нас, — сказала она наконец очень тихо. — Когда вернетесь к своему счастливому народу, не забывайте нас.

— Как бы я мог забыть? — ответил он, на этот раз совершенно серьезно.

— У вас столько всего, чего нет у нас, — печально сказала она. — Вы рассказывали, как невероятно быстро плавают ваши корабли, даже против ветра. И как ваши рыбаки всегда добывают полные сети. Ваши китовые пастухи разводят стада китов, такие огромные, что вода темнеет, когда они плывут. Вы превратили океан в источник пищи и сырья... — Она потрогала мерцающую ткань его рубашки. — Ты говорил, что такой материал вырабатывают из простых рыбьих костей. И что у каждой вашей семьи есть просторный дом, и каждый в семье имеет лодку. И даже на самых далеких островах маленькие дети умеют читать и у них есть напечатанные книги... И у вас нет болезней, от которых мы погибаем... И никто

никогда не голодает и все свободны... О, не забывайте о нас, вы, кому улыбнулся эль Дио!

Смутившись, она замолчала. Руори заметил, как гордо вскинула она голову, словно жалея о минутной слабости. В конце концов, подумал он, Треза — потомок древнего рода, который привык подавать, а не принимать милостыню.

Поэтому он постарался подбирать слова осторожно, чтобы ее не задеть.

— Дело не в добродетели, доньита. Просто нам повезло. Мы меньше других пострадали в Судной Войне. Сама война, и тот факт, что мы всегда были островитянами, помогло нам начать разумно использовать ресурсы океана, не истощать, а умножать их. Мы не сохранили каких-то древних секретов. Но мы возродили научный метод мышления. Это и есть главное — наша наука.

— Атом! — ахнула Треза и перекрестилась.

— Нет, нет, доньита, — запротестовал Руори. — Мы обнаружили, что многие народы верят, что именно наука стала причиной гибели Старого Мира. Саму науку они представляют набором сухих рецептов, инструкций, как строить высокие дома и разговаривать между собой на расстоянии. Это не имеет ничего общего с истиной. Наука — это метод, способ изучать мир. Это способ начинать снова и снова, на голом месте. И вот почему вы, майканцы, можете нам помочь не меньше, чем мы вам. Вот почему мы искали вас и теперь будем посещать постоянно.

— Не понимаю, — нахмурившись, сказала она.

Он огляделся, чтобы найти наглядный пример. Наконец, он показал на ряд отверстий в каменном балконном поручне.

— Что здесь было раньше?

— Ну... не знаю. Так всегда было.

— Кажется, я могу объяснить. Подобное я уже где-то видел. Здесь была фигурная железная решетка. Но много лет назад ее вытащили и сделали из нее оружие или инструменты.

— Может быть, — кивнула Треза. — железо и медь добывать очень трудно. Мы посылаем караваны через весь континент, к Руинам Тамико. Это опасные экспедиции, караванам угрожают бандиты и дикари. Но нам нужен металл. Когда-то всего в километре отсюда были железные рельсы, мне рассказывал дон Карлос...

Руори кивнул.

— Именно. Наши предки истощили планету. Они добыли всю руду, сожгли всю нефть и уголь, испортили эрозией плодородный слой почвы. В конце концов, не осталось ничего полезного. Я, конечно, преувеличиваю. Залежи минералов сохранились, но их уже не хватает. Другими словами, старая

цивилизация истратила свой капитал. Теперь, когда почва и лес самовосстановились, можно было бы попробовать возродить машинную цивилизацию. Но топлива и минералов для этого нет. Столетиями человеку приходилось разбирать древние постройки, чтобы добыть металл. Ведь знаниям предков не дали пропасть, но их просто нельзя применить: мы теперь слишком бедны.

Увлечшись, он подался вперед.

— Но умение открывать, изобретать зависит не от богатства. Наверное, именно из-за скудных ресурсов у нас на Островах мы устремили поиски в другую область. Научный метод так же применим к ветру, солнцу, живой ткани, как и к нефти, железу, урану. Изучая гены, мы разработали способ выводить водоросли, планктон, рыб с нужными нам качествами. Научное лесоводство дает нам теперь отличную строительную древесину, материалы органического синтеза, немного топлива. Солнце заливает нас океаном энергии. Мы научились концентрировать и использовать ее. Дерево, керамика, камень — очень часто они с равным успехом заменяют металл. Ветер, благодаря таким методам, как аэрофольга, законы Вентуры и труба Хилоча, обеспечивает нас рабочей силой, согревает и охлаждает. Мы надели узду на приливы, заставили их работать на нас. А параматематическая психология уже сейчас, на раннем этапе своего развития, помогает разумно управлять населением так же как я... О, прошу прощения, доньита, я увлекся. Я забыл, что я сейчас не инженер.

— Я хочу сказать одно: если бы у нас были союзники, такой народ, как ваш, например, то даже в масштабах всей планеты мы могли бы сравняться с предками и превзойти их... Но другим путем, будучи не столь близорукими и беспечными, как они...

Он замолчал, потому что Треза его не слушала. Она смотрела куда-то поверх его головы, в небо, и на лице ее застыл ужас.

На крепостных стенах грянули трубы, ударил колокол собора.

— Девять дьяволов! — воскликнул Руори, стремительно поворачиваясь на каблуках. Небо в зените стало уже совсем голубым. Пять акульих силуэтов плыли над С'Антоном. Солнце нового дня весело играло на зубчатых геральдических эмблемах на их боках. Чувствуя легкое головокружение, Руори оценил длину каждого сотни в три футов.

Вдруг под воздушными акулами распустились в воздухе кроваво-красные цветы и медленно поплыли к земле.

— Небоходы! — прошептала Треза. — Сантоима Мари, молись за нас теперь!

Глава 3

Плиты мостовой ударили в подошвы. Локланн перевернулся и вскочил на ноги. Рядом блестел фонтан, над которым возвышался каменный всадник. На секунду небоход залюбовался линиями скульптуры. В Каньоне ничего подобного делать не умели. Там же, как и в Зоне, в Корадо — ни в одном из горных королевств. А храм, выходявший фасадом на площадь, был белоснежным воплощением устремления к небу.

Площадь была полна народу. Фермеры и ремесленники готовили прилавки к торговому дню. Когда приземлились первые небоходы, большинство в панике разбежалось. Но один высокий и широкоплечий мужчина, схватив молот, бросился на Локланна. Он прикрывал бегство молодой женщины с младенцем, наверное, его жены. Несмотря на мешковатое платье, Локланн оценил ее фигуру. Монги-работорговцы дадут за такую женщину хорошую цену. Ее муж тоже был хорошим рабом, но времени не оставалось. Локланн, все еще скованный стропами и ремнями парашюта, выхватил пистолет и выстрелил. Мужчина охнул, прижал ладони к животу и упал на колени. Сквозь пальцы побежала струйка крови. Локланн сбросил парашютную перевязь и застучал сапогами по плитам, устремившись в погоню. Женщина закричала, когда пальцы Локланна крепко сжали ее запястье. Она попыталась вырваться, но ей мешал ребенок. Локланн потащил ее к храму. Робра уже ждал на ступеньках.

— Выставляй охрану, — приказал капитан. — Пока можно держать пленных в храме.

В дверях храма показался старик в одежде священника. Перед собой он держал фигурку крестообразного мейканского идола, словно преграждая им дорогу. Ударом топора Робра вышиб старику мозги, пинком отбросил с дороги мертвое тело и потащил женщину в храм.

С неба сыпался дождь вооруженных до зубов солдат Локланна. Локланн поднял к губам сигнальный рог. В любую минуту возможна контратака. И она не заставила себя ждать.

Стуча подковами, показался эскадрон мейканской кавалерии. Молодые надменные воины в мешковатых штанах, в кожаных нагрудниках и шлемах с плюмажами. Их плащи развевались на скаку. Пики были из обожженного дерева, но сабли — стальные. Очень похоже на желтокожих кочевников Теккаса, с которыми народ Локланна сражался веками. Локланн побежал к началу цепи, где уже развернули штандарт Молнии. Полвина парашютистов с «Бизона» выстроилась в цепь, заслоном выставив пики с керамическими наконечни-

ками, прочно уперев концы в плиты. Они замерли в ожидании. Первая волна атаки напоролась на них. Кони надевались на пики, как на вертела, поднимались на дыбы. Ржание, крики. Острия пик ударили по седокам. Вперед ступила вторая цепь парашютистов, с мечами и кривыми ножами, которыми было удобно подрезать сухожилия. Несколько минут кипела свирепая бойня. Мейканцы не выдержали и в панике отступили. Тогда запыли каньонские луки.

Очень скоро площадь покрывали только раненые и убитые. Локланн энергично сортировал первых. Тех, кто был ранен легко, отгоняли в храм.

Издалека донесся громовой удар.

— Пушка! — сказал Робра, подбегая. — Возле казарм.

— Пусть позабавятся, пока наши ребята на добрались до их позиций... — мрачно усмехнулся Локланн.

— Ну да. — Вид у Робры был нервный. — Что-то ничего от них не слышано. Мы так и будем стоять?

— Недолго, — предсказал Локланн.

Он не ошибся. Пошатываясь, подбежал вестовой с полуманной рукой.

— «Грозовая туча», — еле выдавил он. — Нас послали к большому зданию... там полно вооруженных людей... они нас отбросили.

— Вот как? А я думал, это королевский дворец, — засмеялся Локланн. — Наверное, король устроил пир. Ладно, за мной! Я сам сейчас разберусь. Робра, останешься за старшего.

Он отсчитал тридцать человек, и они поспешили за ним. Они бежали трусцой по пустым и тихим улицам, и тишину нарушал только их собственный топот и звон оружия. Жители в ужасе затаились за стенами домов. Это хорошо, легче будет их потом собрать в кучу.

Повернув за угол, Локланн услышал рев атаки. Перед ним открылось здание дворца, старое, с красной черепичной крышей и множеством окон. В окнах блестело стекло. Люди с «Грозовой тучи» дрались у главных дверей. Мостовую вокруг густо усеяли небоходы, убитые и раненные в последней атаке.

Одним взглядом Локланн оценил ситуацию.

— Тупоголовые! Не догадались зайти с тыла! — простонал он. — Джонак, возьми пятнадцать человек, вышиби черный ход и ударь в тыл. Остальные, помогайте мне отвлекать их!

Он вскинул окровавленный боевой топор.

— Каньон! — заорал он. — Каньон!

Остальные повторили клич и ринулись в битву.

Волна нападающих в очередной раз откатилась от двери. Десантники переводили дух и считали раны. В широком двер-

ном проеме стояло полдюжину мейканцев. Все — благородные доны: мрачные мужи с козлиными бородками, напояженными усами, в строгих черных костюмах, с красными плащами, намотанными на левую руку, словно щит, и с длинными тонкими мечами в правой. Мечи эти назывались у них шпагами.

За их спинами другие доны ждали, готовые занять место убитых или раненых.

— Каньон! — взревел Локланн.

— Кель Дио вела! — воскликнул высокий седеющий дон с золотой цепью предводителя, и его клинок стальной змеей метнулся к груди Локланна.

Локланн парировал выпад топором. Но дон был искусным бойцом. Он ответил новым выпадом, который завершился ударом в грудь воздушного пирата. Но скрученная в шесть витков кожа кирасы выдержала удар острия. Локланн выбил шпагу из руки врага. «Ах, но, дон Мивель!» — воскликнул молодой воин рядом с кальдом. старик фыркнул, ловко перехватил рукоять топора и с силой подземного тролля выдернул оружие из рук Локланна. Локланн видел глаза старика, говорившие «Смерть!». Дон Мивель занес топор, но Локланн нажал на курок пистолета, на лету поймал падающего дона Мивеля, сдернул золотую цепь и надел себе на шею. Клинок шпаги прозвенел у его шеи. Локланн поднял топор, крепче уперся подошвами в плиты мостовой и ударил.

Цепь защитников прогнулась, подалась.

Вдруг шум послышался за спиной Локланна. Обернувшись, он увидел блеск оружия за спинами своих людей. Проклятье! Во дворце было гораздо больше людей, и пока одни держали главный вход, остальные теперь атаковали его с тыла!

Острие шпаги вонзилось в бедро. Он почувствовал лишь слабый укол, словно ужалила пчела, но гнев затянул глаза красной пеленой.

— Чтоб ты заново родился такой же свиньей, как сейчас! — взревел он. Почти ничего не видя, он бешено завертел топором. Ему удалось очистить пространство вокруг себя вырваться из кольца и взглянуть на бой со стороны.

Напавшие с тыла были преимущественно дворцовой охраной, судя по их полосатой форме, пикам и мачете. Но среди находилась дюжина людей в одежде, которой Локланну еще видеть не приходилось. У них были черные волосы и очень смуглая кожа, как у индийцев, хотя чертами лиц они больше напоминали людей белой расы. Кожа была плотно покрыта сложными синеватыми узорами, одеты эти незнакомцы были только в какие-то цветные простыни вокруг бедер и

венки из цветов. Иноземцы с феноменальной ловкостью манипулировали ножами и дубинками.

Локланн разорвал штанину и взглянул на рану. Ничего серьезного. Куда тяжелее приходилось сейчас его людям. Морк сунна Бренн с занесенным мечом ринулся на одного смуглокожего иностранца, довольно плечистого малого, на котором кроме простыни на бедрах была еще блуза с кружевами. Дома Морк убил четверых в законных поединках, а скольких он зарубил в набегах, было вообще трудно сказать. Смуглокожий стоял спокойно, сжав в зубах нож, свободно опустив руки. Когда меч опустился, иностранца просто не оказалось на старом месте. Усмехнувшись сквозь сжатые зубы, иностранец рубанул ребром ладони по кисти Морка. Локланн услышал хруст кости. Морк вскрикнул. Иностранец ударил его в горло, в кадык. Морк медленно опустился на колени, выплюнул кровь, сложился вдвое и замер. Иностранца атаковал другой небоход, с топором. Тот опять текучим движением ловко ушел от удара, поймал нападающего за бедро и послал головой вперед в мостовую. Небоход остался лежать неподвижно.

Локланн заметил, что иностранцы кольцом окружали женщин. Женщин! Октаи и людоед Улагу, эти подонки выводили из дворца женщин! И атака против них уже сама собой захлебнулась. Мрачно хмурясь и зажимая раны, воздушные пираты отступили.

Локланн бросился на врага.

— Каньон! — заревел он. — Каньон!

— Руори Ранги Лоханассо, — вежливо ответил иностранец в блузе. Он протарахтел серию приказов. его товарищи начали быстро отходить.

— Что стоите, дерьмо! Нападайте! — заорал Локланн.

Но преследование началось без энтузиазма, кроме того, пики арьергарда отбросили преследователей назад. Тогда Локланн сам повел наступление.

Плечистый иностранец в блузе заметил его, серые глаза остановились на золотой цепочке убитого кальда и сразу стали ледяными, как северная зима.

— Ты убил дона Мивеля! — сказал Руори на спанском. Локланн, опытный небоход, понял его. Он выучил основы спанского от пленных и наложниц.

— Паршивый сукин сын!

Пистолет был уже в руке, но Руори резко дернул плечом, и в правый бицепс воздушного пирата воткнулся нож. Пистолет покатился по плитам.

— Я за ним вернусь! — крикнул Руори и приказал товарищам: — Назад, на корабль!

Локланн смотрел на бегущую по руке кровь. Словно со стороны он слышал звон оружия, крики — это отступающий отряд прорвал хлипкое ограждение небоходов. В дверях дворца, теперь пустых, появился Джонак с отрядом. Но уцелевшие защитники ушли с Руори.

К Локланну, который смотрел на рану, как загнипнотизированный, подбежал небоход.

— Нам их преследовать, шкипер? — спросил он почти сочувственно. — Джонак может вас сменить.

— Нет.

— Но они уведут сотню женщин. И очень много молодых.

Локланн потряс головой, словно пес, выбравшийся на берег из глубокого и холодного ручья.

— Не надо. Мне нужен медик, пусть зашьет рану. А с иноземцами мы еще сквитаемся. Сейчас есть дела поважнее. Ребята, у нас целый город на разграбление!

Глава 4

Причал был усеян трупами, некоторые были обуглены. Рядом с массивными каменными стенами складов мертвые казались маленькими, как поломанные куклы. В щелях щипало от гари, пушечного дыма.

Навстречу Руори спешила команда во главе с первым помощником «Дельфина», Ателем Хамидом Серайо. Он отдал честь на островитянский неофициальный манер, так небрежно, что несколько мейканских офицеров переглянулись, не смотря на явно неподходящую ситуацию.

— Мы почти собрались идти за вами, капитан!

Руори посмотрел на мачты и оснастку «Дельфина».

— Что здесь было?

— Банда вот этих чертей приземлилась возле батареи. Пока мы соображали, что происходит, они овладели огневой позицией. Часть из них поспешила на шум в северном квартале. Кажется, там казармы. Остальные бандиты напали на нас. Ну вот, планшир наш на десять футов выше пристани, а мы все знаем, что надо делать, если нападают пираты. В общем, шансов у них не было. Я их немного поджарил.

Руори с содроганием посмотрел на черные обугленные трупы. Они того заслужили, несомненно, и все же ему не нравилась идея использовать горящую ворвань против живых людей.

— Жаль они не попробовали с морской стороны, — вздох-

нул Атель. — У нас там такая симпатичная гарпунная катапульты. Помню, пару лет назад я такую опробовал неподалеку от Хиджи, когда к нам подошел синизский буканьер. Как они орал!

— Люди не киты! — вспыхнул Руори.

— Хорошо, капитан, хорошо! — Атель попятился, слегка испугавшись. — Я ничего плохого не имел в виду.

Руори уже успокоил себя, сложил вместе ладони.

— Я поддался напрасному гневу, — подчеркнуто вежливо сказал он. — Я смеюсь над самим собой.

— Чепуха, капитан. Значит, мы их отбросили. Но подозреваю, они вернутся с подкреплением. Что будем делать?

— Хотел бы я знать, — мрачно сказал Руори.

Он повернулся к мейканцам, увидел их лица.

— Прошу меня извинить, доны и доньиты, — сказал он на спанском. — Мой помощник вводил меня в курс последних событий.

— Не извиняйтесь! — шагнув вперед, воскликнула Треза Карабан. Мужчины обиженно переглянулись, но все были слишком утомлены, чтобы открыто осудить ее за несдержанность. Для Руори же было вполне естественно, если женщина поступала так же свободно, как и мужчина.

— Вы спасли нам жизнь, капитан. И даже больше, чем жизнь!

Что может быть хуже смерти? Рабство, разумеется. Веревки, кнут, принудительный труд в чужой стране, до конца жизни. Взгляд его задержался на Трезе: длинные пряди волос разбросаны по плечам, платье порвано, на лице усталость и следы слез. Знает ли она, что ее отец убит? Треза старалась держаться независимо и смотрела на Руори с непонятным для последнего вызовом.

— Мы еще не знаем, что теперь делать, — сказал он с запинкой. — Нас всего пятьдесят человек. Мы можем помочь городу?

Один из молодых дворян, покачнувшись, ответил:

— Нет, с городом кончено. Вы могли бы доставить нам в безопасное место. Это все.

— Вы уже сдались, снёр Дуножу? — запротестовала Треза.

— Нет, доньита, — прошептал молодой человек. — Но мне лучше исповедаться сейчас же, до возвращения в бой. Мне уже не жить.

— Поднимемся на борт, — предложил Руори кратко.

Он повел их к трапу. Лиу, одна из пяти корабельных вахи́нас, бросилась навстречу. Она обняла Руори за шею, крепко прижалась.

— Я так боялась, что вас убьют! — воскликнула она сквозь слезы.

— Пока мы живы. — Руори освободился из ее объятий со всей возможной мягкостью. Он заметил, как замерла, глядя на них, Треза. Странно, неужели забавные мейканцы думают, будто команда отправится в многомесячную экспедицию без девушек? Может, одежда вахины, не отличавшаяся от облачения его товарище, противоречит местным табу? К Нану глупые предрассудки! Но неприятно, что Треза сразу так замкнулась.

Мейканцы с любопытством и даже изумлением смотрели постороннам. многие еще не успели побывать на борту «Дельфина». И сейчас они рассматривали леера и рангоуты, гарпунные катапульты, кабестаны, бушприт и самих моряков. Маурийцы ободряюще улыбались в ответ. Многие воспринимали происходящее как забавное приключение. Стычка с воздушными налетчиками не могла испугать людей, для развлечения нырявших с одним ножом за акулами или ездивших в гости к друзьям за тысячу миль в утлых каноэ.

Ведь им не довелось беседовать с благородным доном Мивелем, веселым доном Ваном, добрым и образованным Биспо Эрмозильо. Они не видели их мертвыми на полу дворца, где только кружились в танце пары.

Мейканские женщины и их слуги сгрудились вместе, многие тихо плакали. Треза и несколько благородных донов поднялись вместе с Руори на полуют.

— Давайте поговорим, — предложил Руори. — Кто эти бандиты?

— Люди Неба, небоходы, — прошептала Треза.

— Это я уже понял. — Руори искоса посмотрел на патрулирующий неподалеку аппарат. Его очертания отличались зловещим изяществом барракуды. Над городом в нескольких местах поднимался столбами дым.

— Но кто они? Откуда?

— Они не мейканцы. Они с диких высокогорий вокруг большой реки Корадо. — Треза отвечала каким-то сухим, плоским тоном, словно боялась выдать свои чувства. — Корадо течет по дну Гранд Каньона. Они горцы. Полагают, что когда-то их вытеснили туда с восточных равнин монги. Но закрепившись в горах, они разгромили несколько племен монгов, с остальными заключили союз. Вот уже столетие они нападают на наши северные границы. Но так далеко на юг они забрались впервые. Мы не ждали. Их шпионы, очевидно, проникли, что наши войска сейчас возле Рио Гран, преследуют армию бунтовщиков... — Треза поежилась.

— Паршивые собаки! — презрительно процедил дон Ду-

ножу. — Они способны только грабить и убивать, жечь! — Он бессильно опустил голову. — Что мы такое совершили? За что небо наслало их на нас?

Руори задумчиво потер подбородок.

— Едва ли они такие уж дикари, — пробормотал он. — Даже в нашей Федерации не умеют делать таких дирижаблей. Ткань... наверное, специальная хитрая синтетика, иначе она бы долго не удержала водород. Не думаю, что они используют гелий! Но чтобы производить столько водорода, нужна целая промышленность. И отлично развитая практическая химия, по крайней мере. Может, они даже используют электролиз... Великий Лезу!

Он заметил, что разговаривает сам с собой на родном языке.

— Прошу меня простить, я задумался над нашими дальнейшими действиями. Итак, что бы мы могли предпринять? На корабле, к сожалению, нет летательных аппаратов.

Он снова посмотрел на дирижабли. Атель подал бинокль. Руори навел линзы на ближайший воздушный корабль, настроил резкость. Огромный вытянутый газовый баллон, под ним гондола. Длинной сама гондола не меньше многих маурийских кораблей. Вместе баллон и гондола создавали единое обтекаемое целое. Гондола, кажется, из плетеного тростника на деревянной раме, легкая и прочная. В трех четвертях высоты гондолы от киля бежала смотровая галерея для работы и перемещения экипажа. Через промежутки на ней были установлены разнообразные механизмы. Лебедки и, похоже, катапульты. Значит, дирижабли разных северных королевств сражались между собой. Нужно взять это на заметку. Политикопсихологи Федерации были искусны в играх типа «Разделяй и властвуй».

Но сейчас...

Руори крайне интересовал принцип движения воздушных кораблей.

У носа гондолы в радиальном направлении отходили два лонжерона, каждый длиной около пятидесяти футов, один над другим. На них держались две поворотные рамы по каждую сторону. К рамам крепились квадратные паруса. Аналогичная пара лонжеронов проходила через гондолу к корме. Всего восемь парусов. Рулевые плоскости, треугольные, как акульки плавники, были прикреплены к газовому баллону. Под гондолой виднелась пара выдвижных ветряных колес. Судя по всему, они выполняли функции фальшкиля. Паруса управлялись через систему лееров, которые проходили к брашпильным лебедкам гондолы. Наверное, комбинируя их взаимное расположение, можно было застав

дирижабль идти даже против ветра, галсами. Кроме того, на разных высотах воздух движется в разных направлениях. Дирижабль может подниматься и опускаться, меняя объем газа в ячейках баллона или сбрасывая балласт. (Этот прием наверняка держат про запас на обратную дорогу, когда потери из-за неизбежной утечки сильно урежут запас газа.) Паруса, рули и ветры разных направлений позволят такому дирижаблю совершать полеты на несколько тысяч километров, с грузом в несколько тонн. Какой восхитительный аппарат!

Руори опустил бинокль.

— Разве в Перио не изобрели летательных аппаратов, чтобы бороться с дирижаблями?

— Нет, — пробормотал мейканец. — У нас есть только аэростаты. Мы не умеем делать ткань, достаточно долго держащую поднимающий газ. И мы не знаем, как управлять полетом, поэтому...

— И будучи ненаучной цивилизацией, вам не пришлось в голову заняться исследованиями и научиться подобным приемам, — сказал Руори.

Треза, смотревшая в сторону города, стремительно обернулась.

— Вам легко говорить! — воскликнула она. — Вам не нужно из века в век отбивать монголов с севера и рауканцев на юге, вам не пришлось потратить двадцать тысяч лет и десять тысяч жизней на постройку каналов и акведуков, чтобы люди не умирали от голода и засухи! У вас нет на шее пеонов, которые умеют только тупо работать и не способны о себе позаботиться, потому что их никогда этому не учили, потому что само их существование — непосильное бремя для нашей страны и не остается сил на их просвещение... Вам легко говорить! Плаваете себе спокойно в компании полуголых шлюх и смеетесь над нами! А что бы вы сделали на нашем месте, могущественный сынё капитан?

— Успокойтесь, — упрекнул Трезу Дуножу. — Он спас нам жизнь.

— Пока что! — процедила она сквозь слезы и бальной туфельной топнула по палубе.

Руори не понял слова «шлюха». Кажется, что-то нелестное. Может, имелись в виду вахины? Но что бывает почётнее, чем честно заработанная хорошая плата за разделенные бок о бок с мужчинами опасности и приключения дальней экспедиции? О чем думает Треза рассказывать внукам в дождливые вечера?

Потом его озадачила другая мысль. Почему Треза так его волнует? Он замечал нечто подобное у некоторых мейканцев.

Неестественно напряженные отношения мужчин и женщин, словно женщина была чем-то большим, чем просто уважаемым товарищем, партнером, помощником. Но разве могут быть другие отношения? Специалист-психолог нашел бы ответ. Руори был в тупике.

Он сердито потряс головой и громко сказал:

— Не время пикироваться. — Его пришлось использовать спанское слово, хотя он не был уверен в правильно подтексте. — Нужно принимать решение. Вы уверены, что нет способа отбить пиратов?

— Нет, если только сам С'Антон не явит нам чудо, — голосом мертвого человека ответил Дуножу.

Вдруг он выпрямился.

— Но одно вы можете сделать, сьнёр. Покиньте порт и доставьте этих женщин в безопасное место, среди них благородные дамы, и они не должны попасть в рабство, испытать бесчестье. Доставьте их на юг, в порт Ванавато. Тамошний калдь возьмет на себя заботу об их благополучии.

— Мне эта идея не нравится. Я не хочу убегать, — сказал Руори, глядя на трупы небоходов, усеявшие пристань.

— Сьнёр, речь идет о жизни дам! Во имя эль Дио, сжальтесь над ними.

Руори внимательно посмотрел на суровые бородатые лица мужчин. Они были гостеприимными хозяевами и не знали другого способа отплатить за добро.

— Если вы настаиваете, — медленно произнес он. — А что будете делать вы?

Молодой дворянин склонил голову, как перед королем.

— Мужчины пошлют вам вслед благодарности и молитвы, а потом, естественно, вернутся в бой.

Он выпрямился и рявкнул голосом плац-парадов:

— Смирно-о! В шеренгу — ста-ановись!

Несколько быстрых прощальных поцелуев, и мейканские воины промаршировали по трапу защищать родной город.

Руори ударил по гакборту кулаком.

— Если бы я мог, — прошептал он, — если бы я мог что-то сделать! Думаете, пираты могут нас снова атаковать? — спросил он с надеждой в голосе.

— Только если вы останетесь у причала, — сказала Треза. Ее глаза были, как изумрудный лед.

— А если они нападут на нас в море...

— Едва ли. У вас на борту всего сотня женщин и почти никаких товаров. Небоходы заняты городом, где в их власти десять тысяч женщин, есть из кого выбирать. И все сокровища нашего города. Зачем тратить время и преследовать вас?

— Так, так...

— Поднимайте якоря, — процедила Треза. Не стоит рисковать. Мне кажется, вы не осмелитесь задержаться.

Он вскинул голову, словно получив пощечину.

— Что вы хотите сказать? Что маурийцы — трусы?

Она ответила не сразу, но сказала с неохотой:

— Нет.

— Тогда зачем вы меня дразните?

— Оставьте меня в покое! — Она склонилась к поручню, спрятала лицо в ладонях и замерла.

Руори исполнил просьбу, оставил ее одну и пошел отдавать приказы. Матросы начали карабкаться на мачты. Свернутые парусные полотнища разворачивались с сухим треском, хлопали на свежем ветру. Море, темно-синее за молом, покрылось белыми барашками, чайки дугами чертили небосвод. Перед глазами Руори вдруг встали сцены, виденные на пути отступления из дворца.

Безоружный человек на мостовой. Голова разбита. Двое пиратов тащат в переулок двенадцатилетнюю девочку. Она отчаянно кричит. Пожилой горожанин пытается убежать от четверых лучников, которые со смехом стреляют в него. Пронзенный, он падает и пытается уползти, упираясь в мостовую руками. Лучникам было очень весело. Словно окаменевшая, женщина в разорванном платье, сидящая на мостовой, рядом ее ребенок с вытекающим из раздробленной головы мозгом. В нише стены статуя, символ святости, с увядшим букетиком фиалок у ног, обезглавленная небрежным ударом топора. Горящий дом...

Воздушный корабль над головой вдруг перестал казаться Руори красивым.

Дотянуться до налетчиков и швырнуть с неба на землю!

Руори застыл, словно его ударила молния. Вокруг деловито сновала команда. Он слышал веселые голоса здоровых, всегда свободных и никогда не знавших голода молодых людей. Но они лишь отдавались слабым эхом в дальнем уголке сознания Руори.

— Отдать швартовы! — донесся голос помощника.

— Стоп! Еще не время! Подождите!

Руори помчался на ют, где оставил доньиту Трезу. Она стояла с опущенной головой, упавшие пряди волос закрыли лицо.

— Треза! — выпалил Руори, не переводя дыхания. — Треза, у меня идея. Кажется, может получиться... Мы сможем ответить ударом на удар!

Она подняла глаза. Пальцы сжали руку Руори, ногти до крови впились в кожу.

— Нужно заманить их в погоню... хотя бы пару их дири-

жаблей. Я еще не продумал детали, но мы сможем устроить бой или даже заставить их отступить, оставить город в покое...

Она молча смотрела на него. Он вдруг почувствовал, что ему не хватает слов.

— Конечно, мы можем и проиграть бой. И у нас на борту женщины...

— Если вы потерпите поражение, — сказала она едва слышно, — мы умрем или попадем в плен?

— Наверное, умрете.

— Хорошо. Тогда деритесь.

— Но пока не ясна одна важная деталь. Как заманить пиратов в погоню? — Он помолчал. — Если бы кто-то позволил им взять себя в плен... И убедил, что у нас на борту огромное, невообразимое сокровище... Они бы поверили?

— Возможно, поверили бы. — В голос ее вновь вернулась энергия. — Скажем, речь идет о казне кальда. На самом деле ее никогда не существовало, но грабители способны поверить, что подвал отца был нафарширован золотом.

— Тогда кто-то должен пойти к ним. — Он отвернулся, сплетя пальцы, и сделал последний вывод, тот, который больше всего ему не нравился. — Это должен быть не простой человек. Мужчину они запихнут к остальным рабам, так? Они его не станут слушать?

— Нет. Почти никто из небоходов не знает спанского. Пока они поймут, о чем бормочет раб, они уже будут на полпути домой. — Треза нахмурилась. — Что же делать?

Руори знал ответ, но язык не поворачивался во рту.

— Простите, доньита, — пробормотал он наконец. — Моя идея оказалась нестоящей. Мы отдаем швартовы.

Девушка преградила ему дорогу, встала между ним и поручнем. Она была совсем рядом, как тогда, на балу, во время танцев. Ее голос был абсолютно спокоен.

— Вы знаете способ. Вы знаете, что нужно сделать.

— Нет!

— Не лгите! Вы не умеете лгать, я вас хорошо изучила, хотя и всего за одну ночь. Говорите!

Он старался не смотреть ей в лицо.

— Женщина... и если это будет красивая женщина... ее могут отвести к предводителю?

Треза отшатнулась, краска покинула лицо.

— Да, — наконец сказала она. — Наверное.

— Но, с другой стороны, могут просто убить. Они убивают просто так, без причины. Я не могу подвергать риску человека.

— Глупец. Думаете, я боюсь смерти? — сквозь зубы прошептала она.

— А что же еще может случиться? — удивился Руори.
— Ах да, конечно, если мы проиграем, женщина останется рабыней. Но если она красивая, с ней будут хорошо обращаться.

— И на большее вы не способны... — Трезза замолчала. Руори впервые увидел улыбку, которая выражает и горе, и боль. — Конечно, я могла бы сама догадаться. У вашего народа другие мерки.

— Что вы имеете в виду?

Она сжала пальцы в кулаки, зажмурилась, сказала сама себе:

— Они убили отца, я видела, как он упал. Они оставят мой город в руинах, и обитать там будут только призраки умерших.

Она подняла голову.

— Я пойду.

— Вы? — Он крепко схватил ее за плечи. — Нет! Только не вы! Какая-нибудь другая девушка...

— Неужели я стану посылать кого-то вместо себя? Я дочь кальда!

Она освободилась и быстро пошла к трапу. Назад она не смотрела. Он услышал только:

— Еще монастырь...

Руори не понял, о чем идет речь. Он стоял на юте, смотрел ей вслед и ненавидел себя самого. Потом приказал:

— Отдать швартовы!

Глава 5

Мейканцы упорно сопротивлялись, и приходилось отбивать дом за домом, улицу за улицей. Но через пару часов уцелевшие солдаты гарнизона были закупорены в северо-восточном районе С'Антоня. Сами они едва ли это понимали, но вождь небоходов имел хороший вид сверху. Его ровер пришвартовался к шпилю собора, для спуска и подъема была сброшена веревочная лестница. Партрульный дирижабль доставил сообщение.

— Отлично, — сказал Локланн. Он был доволен. — Пусть сидят в норе. Выставим в заслон четверть людей. Остальные займутся городом, а то хитрые горожане спрячут свое серебро. Нельзя давать им передышки. Вечером, отдохнув, сбросим парашютистов в тыл окруженным, выгоним на наши ряды и уничтожим.

Чтобы немедленно погрузить самую ценную часть награб-

ленного, он приказал посадить «Биозна» на площадь. Ребята были хорошими бойцами, но с красивыми вещами обращаться не умели, могли невзначай порвать чудное платье, разбить чашу или испортить впопыхах драгоценный инкрустированный крест-распятие. А мейканские вещицы иногда были до того красивые, что их даже продавать было жалко.

Флагман снизился до минимальной высоты. Но до площади все равно оставалось около тысячи футов. Ручными помпами и с резервуарами из алюминиевого сплава невозможно было достаточно плотно сжать водород. Если бы воздух был плотнее или более холодным, они бы зависли даже выше. Дома всего четыре женщины могли посадить ровер с помощью храповых кабестанов. Сейчас же пришлось бросать посадочные тросы, газ выпускать было жаль. Несмотря на недавно появившиеся солнечные энергоблоки, водорода едва удавалось добывать в достаточном количестве. Хранители брали за солнечную электроэнергию не меньше, чем за водную. (Хранители пользовались своим преимуществом. Будучи выше королей, они без всякого контроля назначали цены. Поэтому некоторые короли, в том числе и Локланн, начали собственные опыты по добыче водорода. Но дело было долгим, принимая во внимание, что даже Хранителям ремесло его добычи не было полностью понятно.)

Сейчас кабестаны заменила толпа сильных воинов-небоходов. И вскоре «Бизон» был надежно пришвартован на соборной площади, которую занял почти целиком. Локланн лично осмотрел каждый канат. Раненая нога болела, но ходить было можно. Раздражала правая рука, где швы болели больше, чем сама рана. Медик предупредил, чтобы он руку слишком не нагружал. Значит, драться придется левой, чтобы никто не посмел сказать, будто бы Локланн сунна Холбер увильивает от схватки. Но теперь он был всего полбойца.

Он потрогал нож, нанеся ему рану. Теперь у него отличное стальное лезвие. И разве владелец лезвия не обещал встретиться и выяснить, кому достанется клинок? Такие слова имеют силу пророчества. Было бы неплохо встретиться с этим Руори в следующей жизни.

— Шкипер! Шкипер!

Локланн посмотрел вокруг. Кто его звал? Ю Красный Топор и Аалан сунна Рикар, люди одной с ним логи, приветствовали его. Они держали молодую женщину в черном бархате и серебряных украшениях. Из толпы небоходов одобрительно засвистели.

— Что такое? — сердито спросил Локланн. У него дел было по горло.

— Вот эта баба, сэр. Ничего смотрится, а? Мы поймали ее недалеко от пристани.

— Ну хорошо, запихните в собор, к остальным. О...!

Локланн качнулся на каблуках, прищурился, глядя в горевшие холодным зеленым пламенем глаза. Однако!

— Она трещала одно и то же. Шеф, рей, омбро гра.. Я наконец подумал, может, она имеет в виду вас, чиф, — сказал Ю. — Потом она закричала «Хан! Хан!» и я уже не сомневался. Так что мы ею не пользовались, — скромно пояснил он.

— Аба ту спаньёл? — сказала девушка.

Локланн усмехнулся.

— Да, — ответил он на том же языке, с густым акцентом, но достаточно вразумительно. — Я даже заметил, что ты обращаешься к мне на «ты». — Ее красивые губы сжались в нить. — Значит, ты считаешь себя выше... Или я твой бог, или любовник.

Она вспыхнула, гордо подняла голову. Солнце заиграло на волосах цвета вороньего крыла.

— Тогда прикажи этим болванам меня отпустить!

Локланн отдал приказ на англизе. Ю и Аалан отпустили девушку, на руках которой остались синяки от их пальцев. Локланн погладил бороду.

— Зачем ты хотела меня видеть?

— Ты вождь? Я дочь кальяда, доньита Треза Карабан. — На мгновение голос дрогнул. — На твоей шее цепь моего отца. Я пришла вести с тобой переговоры от имени его людей.

— Что? — Локланн мигнул. Среди бойцов кто-то захохотал.

Она не просит пощады, тон у нее резкий.

— Принимая во внимание неизбежные ваши потери, если вы продолжите бой до конца, учитывая угрозу ответного нападения на вашу страну, не согласитесь ли вы принять выкуп? Вы получите охранное свидетельство, вернетесь в безопасности домой, но вы должны освободить всех пленных и прекратить дальнейшее разрушение города.

— Клянусь Октаи Буренесущим! — пробормотал Локланн. — Только женщина могла вообразить, что мы... Ты сказал, что вернулась?

Она кивнула.

— Чтобы вести переговоры. У меня нет законного права обсуждать условия перемирия, но практически...

— Тихо! — рявкнул он. — Откуда ты вернулась?

Она замолчала.

— Это не имеет отношения...

Вокруг было слишком много лишних глаз. Локланн отдал

приказ начинать тщательный грабеж города. Потом повернулся к девушке.

— Поднимись со мной на борт корабля. Там мы поговорим.

Она на миг зажмурилась, губы шевелились. Потом она посмотрела ему в глаза. (Он вспомнил когуара, которого однажды поймал в сеть). Она сказала бесцветным тоном:

— Да, у меня есть другие доводы.

— Как у любой женщины, — засмеялся он. — Но ты не любая, далеко не любая!

— Я не об этом! — вспыхнула она. — Я хотела сказать... Нет, Мари, молись за меня!

Раздвигая бойцов, Локланн пошел к трапу. Она последовала за ним.

Они миновали свернутые паруса, спустились с галереи. Люк в нижнюю часть трюма был открыт, можно было увидеть грузовые камеры и кожаные петли-наручники для рабов. На галерее стояло несколько часовых. Они облокотились на пикеты, вытирая пот, текший из-под шлемов, перебрасываясь шутками. Когда Локланн провел мимо девушку, часовые приветствовали его восхищенно-завистливыми репликами.

Он открыл дверцу.

— Ты раньше видела наши корабли?

Верхняя часть гондолы включала в себя длинную комнату. Она была пуста, если не считать рам для спальных гамаков. За перегородкой находился крошечный камбуз и, наконец, на самом носу — комната с картами, навигационными приборами, переговорными трубами, окна которой давали хороший обзор во время полета. Под оружейным стеллажом, на полке, стоял маленький идол, клыкастый и четверорукий, пол был устлан ковром.

— Это мостик, — сказал Локланн. — И каюта капитана одновременно.

Он жестом пригласил садиться в любое из четырех плетеных кресел, принаитованных к полу.

— Прошу садиться, доньита. Не желаешь чего-нибудь выпить?

Она села, ничего не ответив. Крепко сжатые в кулаки пальцы лежали на ее коленях. Локланн налил полстакана виски, сделал изрядный глоток.

— Ага! Позднее достану тебе местного вина. Но просто стыд, что вы не строите винокурень.

Она подняла на него полные отчаяния глаза.

— Сънёр, прошу вас во имя Карито... во имя вашей матери... Пощадите мой народ.

— Моя мама умерла бы от смеха, услышав такое, — ска-

зал Локланн. Не будет зря тратить время. — Он подался вперед. — Ты убежала, но вдруг вернулась. Откуда?

— Я... Это важно?

Хорошо, она начинает поддаваться, подумал он.

— Важно! — рявкнул он. — Я знаю, на рассвете ты была во дворце. Потом бежала с темнокожими иноземцами. Их корабль покинул порт час назад. Ты, надо полагать, была на борту, но вернулась. Так?

— Да. — Она дрожала.

Он сделал еще глоток жидкого огня и сказал спокойно:

— Так расскажи, доньита, чем ты собиралась торговать? Что у тебя есть для сделки? Ты же не думала, что мы остаим добычу и отличных рабов ради охранного свидетельства? Тогда нам домой лучше не возвращаться, все Небесные королевства небоходов отрекутся от меня. Ну, что у тебя припасено?

— Не совсем так...

Он отвесил хлесткую пощечину, и ее голова дернулась.

Она съежилась, прижала ладонь к красному пятну.

— У меня нет времени! — зарычал Локланн. — Говори! Или отправишься в трюм, к рабам. За тебя в Каньоне дадут хорошую цену. Будет у тебя новый дом: избушка в лесах Орегона или юрта монга в Теккасе, а может, бордель на востоке, в Чай-ко-го. Если честно все расскажешь, я тебя прощать не стану.

Она смотрела в пол.

— На корабле иноземцев спрятано все золото калыда. Отец давно хотел перевезти личную казну в безопасное место, но не рискнул. В землях между нами и Фортлез до'Эрнан много всяких разбойников. Такое количество золота обратило бы в бандитов даже солдат конвоя. Капитан Лоханнас дал согласие доставить золото в порт Ванавато. Ему можно доверять, его правительство очень заинтересовано в торговле с нами, а он официальный представитель. Когда начался налет, казна была уже погружена на борт. На корабле укрылись женщины из дворца. Вы ведь их пощадите? На корабле добычи больше, чем может поднять весь ваш флот.

— Клянусь Октаи Буренесущим! — прошептал Локланн.

Он подошел к окну. Мысли ворочались в голове с почти явственно слышным треском. Очень даже может быть! Вполне резонно! Дворец их разочаровал... Вдосталь дамаска, серебра, посуды, конечно. Но ничего действительно похожего на дворец владыки. Или калыд имел больше власти, чем богатств, или он успел припрятать накопленное. Локланн намеревался устроить допрос с пытками для пары слуг, чтобы выяснить правду. Теперь он увидел третью возможность.

Всетаки лучше допросить пару пленных, чтобы убедить-

ся.. Нет, времени мало. При попутном ветре такой корабль в два счета обгонит любой ровер. Но если нет Гм, напасть на корабль непросто. Волны, прыгающий на волнах корпус, слишком маленькая цель для парашютистов, и столько снастей на дороге... Стоп. Отважный бойцы всегда найдут путь. А если зацепить кошками верхние снасти? Если кошку вырвет — тем лучше — трос с грузом отличный спуск на палубу. Если крюки выдержат, абордажная команда соскользнет по тросам на верхушки мачт. Нет сомнений, матросы ловкие парни, но им приходилось рифовать парус ровера в мейканский ураган, в миле над землей?

Ход боя подкажет детали, он будет действовать по обстоятельствам. И вообще, интересно попробовать! Вот будет потеха! В случае победы он родится заново не меньше, чем покорителем мира!

Он радостно и громко засмеялся.

— Мы сделаем!

Трезва поднялась.

— Вы пощадите город? — прошептала она севшим голосом.

— Этого я не обещал, — спокойно сказал Локланн. — Конечно, груз с корабля займет много места. Но мы можем повести корабль в Калфорни вместе с грузом, а там встретимся с другими роверами. Почему бы и нет?

— Клятвопреступник! — презрительно бросила она.

— Я обещал не продавать тебя. — Он медленно провел по ней взглядом. — И я не стану

Одним шагом покрыв разделявшее их расстояние, он схватил девушку. Она сопротивлялась, осыпая его проклятиями, ей даже удалось вытащить нож Руори, но кираса не пропустила лезвия, нож скользнул по коже, не причинив вреда.

Наконец, они встали с пола. Трезва плакала, лежа у его ног на ее обнаженной груди остался красный отпечаток цепи отца. Локланн сказал тихо:

— Нет, Трезва, я не продам тебя. Я тебя оставлю себе.

Глава 6

— Дирижабли, хо-о! Крик марсового завис одиноко между ветром в небе и простором волн.

Но под грот-мачной, на палубе, уже кипела бурная деятельность. Матросы мчались к местам по боевому расписанию.

Руори, прищурившись, смотрел на восток. Земля стала всего лишь темной полоской под нагромождением кучевых облаков. Он не сразу заметил противника. Наконец, их выдал солнечный блик. Руори поднял бинокль. Два воздушных кита-убийцы в боевой устрашающей раскраске медленно спускались с высоты.

Он вздохнул.

— Всего два.

— Нам и двух будет много, — успокоил его Атель Хамид. На лбу помощника выступили бисеринки пота.

Руори пристально посмотрел на него.

— Ты не боишься? Рискну напомнить, что суеверный страх — один из главных козырей противника.

— Нет, капитан. Я знаю законы душевной энергии и как ею управлять. Но эти парни наверху, они сильные бойцы. И они сейчас в родной стихии.

— Так же, как и мы. — Руори хлопнул помощника по спине. — Принимай команду. Танароа знает, что будет. Если меня прикончат, действуй по обстановке.

— Лучше бы ты разрешил мне подняться, — запротестовал Атель. — Что-то мне не нравится эта затея. Я останусь в безопасности внизу, а самое главное будет на верхних снастях.

— Не волнуйся, внизу работы хватит. — Руори заставил себя усмехнуться. — И кто-то должен привести нашу лоханку домой вручить драгоценные отчеты Геотехнической Исследовательской Экспедиции.

Он спустился на палубу и поспешил к вантам грот-мачты. Команда заорала, засверкало оружие. Два больших коробчатых воздушных змея подрагивали наготове, зацепленные за швартовую тумбу, а Руори пожалел, что они не успели сделать еще несколько змеев.

Но он и без того тянул время дольше разумного. Сначала он направился в открытое море, чтобы заставить врага их искать, пока он составлял план боя. Отпустив Трезу, он еще никакого плана не имел, кроме уверенности, что сможет сразиться с воздушными пиратами. Он испытывал, рискуя его истощить, терпение небоходов. Вот уже около часа «Дельфин» плелся под полусвернутыми парусами, выставив только грот, геную и летящие кливера, в надежде, что скромная парусная площадь не вызовет подозрений в такую отличную мореходную погоду.

Но дирижабли прилетели, и теперь конец тревогам, конец угрызениям совести из-за одной девушки. Для островитянина такие чувства были редкостью. Просто ужасно было обнаружить, что они сосредоточились на одном человеке из всех

земных миллионов. Руори так быстро карабкался по линиям, словно за ним гнались, словно пытался убежать от самого себя.

Дирижабли были еще высоко, поток высотного бриза пронесил их над головами маурийцев. Внизу ветер был почти южный. Воздушные корабли должны снизиться, оказавшись с наветренной стороны парусника. Но даже тогда хладнокровно оценивала ситуацию логическая часть мозга Руори. «Дельфин» мог бы без труда уклониться от атаки неуклюжих аппаратов.

Но «Дельфин» не собирался уклоняться от атаки.

Вооруженные матросы уже усеяли снасти. Руори подтянулся и уселся на салинг, свободно свесив ноги. Порыв, накренил парусник, и Руори завис над зелено-голубыми волнами с белыми прошивками, привычно сбалансировал, сохранил равновесие и спросил Хити:

— Ты приготовился?

— Да.

Мускулистый высокий гарпунер, с головы до пят испещренный татуировками, кивнул бритой головой. Он сидел на корточках на флагтоке, вместе с гарпунной катапульты. Катапульта была на взводе, заряженная длинным железным стержнем с зубцами. Такой снаряд с первого попадания убивал спермацетового кита. Пара запасных гарпунов находилась рядом в специальных зажимах. За спиной Хити готовились к бою два помощника и четыре палубных матроса. Каждый был вооружен маленьким, всего шестифутовым гарпуном. Такие гарпуны бросали с лодок руками.

— Пусть подходят, — ухмыльнулся Хити во всю ширину круглого добродушного лица. — Проглоти меня Нан, если сейчас не произойдет кое-что достойное танца, когда мы вернемся.

— Если вернемся, — сказал Руори. Он потрогал топорик за набедренной повязкой. Словно из-за кулисы, картины родного дома проступили сквозь ослепительное солнце и синее море: луна, белые гребни волн в лунном свете, костры и танцы на берегу, пальмы, бросающие тени на уединившиеся пары... Интересно, подумал он, как бы это понравилось дочери кальда? Если только ей еще не перерезали горло.

— Капитан, вы грустны, — сказал Хити.

— Погибнут люди.

— Ну и что? — Маленькие доброжелательные глаза гарпунера внимательно смотрели на него. — Они погибнут по собственному выбору, ради песен, которые потом будет о них сложены. У вас другая беда.

— Давай оставим меня в покое!

Гарпунер, явно задетый, молча отодвинулся. Пел ветер и сверкал океан.

Воздушные корабли подруливали все ближе, по одному с каждой стороны. Руори снял с плеча мегафон. Атель Хамид держал «Дельфина» на широком галсе.

Теперь Руори был хорошо виден ухмыляющийся медный бог на носу дирижабля по правому борту. Он должен пройти как раз над стеньгой, чуть в наветренную сторону от поперечины... С нок-реи ударили стрелы, не нанося дирижаблю вреда. Стрелки успокоили импульс нетерпения. Хорошо, что все держали себя в руках достаточно надежно и не истратили зря винтовочную обойму. Хити развернул катапульту.

— Погоди, — сказал Руори. — Посмотрим, что они станут делать.

Над поручнем галереи показались пираты в шлемах. Один за другим, они завертели тросами с трехзубыми железными кошками. Одна ударила в фок-мачту, отскочила, зацепила кливер. Натянулся, запел уходящий к дирижаблю трос, зазвенел, но выдержал. Кливер лопнул, треснула парусина, одного матроса ужарило в живот, смахнуло с реи... Матрос в падении успел прийти в себя, сгруппироваться и войти в воду головой вперед... Лезу, спаси его... Кошка впилась в гафф гротмачты, застонало дерево. Корпус «Дельфина» вздрагивал, по мере того, как крюки один за другим, натягивая тросы, цеплялись за мачты.

Парусник дал сильный крен. Захлопали паруса. Пока не было угрозы оверкиля, но такое усилие могло выдернуть мачту целиком из гнезда. Перепрыгивая через поручень галереи, вниз по тросам полетели пираты. С гиканьем, как дети в игре, они слетали на реи, цепляясь за первую попавшуюся под руку оснастку.

Один с ловкостью обезьяны вспрыгнул на гафель гротмачты ниже салинга. Помощник Хити с проклятием метнул ручной гарпун и прошил пирата насквозь.

— Отставить! — рявкнул Хити. — гарпуны нам еще нужны!

Руори оценил ситуацию. Дирижабль с подветренной стороны продолжал маневрировать, обходя товарища, которого ветер сносил к левому борту. Руори поднял мегафон ко рту, и его голос, пройдя через усилитель на солнечных батареях, громом раскатился над кораблем:

— Слушай меня! Сожгите второй дирижабль, не давайте ему бросить крючья! Рубите тросы, отбивайте атаку абордажной команды!

— Стрелять? — спросил Хити. — Лучшей позиции у меня не будет.

— Стреляй!

Гарпунер нажал на спуск катапульты. С рокотом распрямилась пружина. Зазубренная стальная мачта пробила днище гондолы и крепко застряла во внутренних планках.

— Накручивай! — рявкнул Хити. Его огромные, как у гориллы, ладони уже сжимали рукоять коленчатого вала. Двое его помощников как-то умудрились пристроиться рядом и помогали.

Руори соскользнул по футоксным вантам и прыгнул на кафель. Здесь приземлился один небоход, второй следовал за ним, еще двое скользили по тросу. Пират, босоногий и ловкий, балансировал на бруссе не хуже любого матроса. Он обнажил меч. Руори нырком ушел от просвистевшей над головой стади, рукой поймал кренгельс-кольцо и завис, рубанув абордажный трос топориком. Пират сделал новый выпад. Руори вспомнил Трезу, наотмашь полоснул лезвием топора по лицу пирата и пинком послал противника вниз на палубу. Потом снова ударил по тросу. Крученные кожаные волокна были прочны, но и топор был очень острый. Наконец трос змеей полетел в сторону. Освободившийся гафель едва не выдернул пальцы Руори из суставов. Второй небоход сорвался, ударился о надстройку внизу и остался лежать в ореоле красных брызг. Скользившие по тросу двое пиратов остановить падение не смогли. Один упал в море, второго расплющило о мачту.

Руори занял надежную позицию верхом на гафеле и перевел дух. Легкие жгло. На вантах, перекаладинах, внизу на палубе кипел бой.

Расстояние до второго дирижабля становилось все меньше.

С кормы запустили змея. Корабль шел против ветра, и поток воздуха, подхватив коробку змея, поднял его над кормой. Атель пропел команду и переложил штурвал. Несмотря на бремя прицепившегося дирижабля, «Дельфин» послушно подчинился рулю. Змей был уже высоко, и по шнуру побежали «письма» — горящие кусочки бумаги.

Пропитанный китовым жиром змей вспыхнул.

В этот момент дирижабль повело в сторону, и пороховой заряд змея взорвался внезапно и напрасно, не причинив воздушному кораблю вреда. Атель в сердцах выругался. «Дельфин» лег на новый галс. Второй змей, уже запущенный и уже горящий, попал в цель. Заряд сдетонировал.

Из пробоины в баллоне дирижабля ударил горящий водород. Взрыва не произошло, просто дирижабль оказался в венке лепестков пламени. В слепящем солнечном свете пламя казалось бледным. Появился дым — это загорелся разделяющий газовые ячейки пластик. Словно усталый метеор, пылающий дирижабль медленно ушел к волнам.

Товарищам погибшего экипажа на первом дирижабле не оставалось выбора, только как перерезать оставшиеся абортдажные тросы и оставить десант на произвол судьбы. Их капитан не знал, что на «Дельфине» было только два змея. Пару раз с дирижабля ударили в отместку из катапульт, потом ветер быстро понес его к корме. Маурийский парусник, выпрямившись, закачался на ровном киле.

Враг мог планировать новую атаку или решил отступить. Руори Не устраивало ни первое, ни второе. Он поднял мегафон:

— К лебедкам! Подтягивайте мерзавцев! — И он полетел по вантам вниз на палубу, где еще кипело сражение.

К тому времени Хити с командой всадил в гондолу дирижабля три основных и полдюжины малых гарпунов.

Их тросы, поблескивая, как жилы, тянулись к кабестану на корме. Опасаться перегрузки не было причин. «Дельфин», как любой маурийский парусник, строился с расчетом на полной самообеспечение в плавании. Парусник уже не раз укрощал могучих китов, подтягивая морских великанов к борту. Дирижабль был пушинкой в сравнении с ними. Но нужно было спешить, пока команда не поняла, что происходит, и не отыскала способа освободить корабль.

— Тохиха, хихоха, итоки, итоки!

Зазвенел старинный напев гребцов каное. У кабестана ритмично затопали матросы. Руори spryгнул на палубу, заметил, как на одного матроса надел небоход с мечом, и ударом топора в затылок раскроил налетчику череп. Бой был недолгим, силы были не в пользу людей Неба. Но полдюжины матросов получили тяжелые ранения. Руори приказал бросать уцелевших пиратов в лазарет, а своих раненных отправил вниз, к анальгетикам, антибиотикам и воркующим доньятам. Потом быстро подготовил команду к следующему этапу.

Дирижабль уже подтянули почти к бушприту. Его катапульты были теперь неопасны. Пираты, грозно потрясая оружием, выстроились на галерее. Количеством они раза в три-четыре превосходили команду «Дельфина». Руори узнал одного, высокого, с соломенными волосами, с которым дрался возле дворца. Это было словно во сне.

— Подогреем? — спросил Атель.

Руори поморщился.

— Придется. Но постарайся не зажечь сам корабль. Мы должны его захватить.

Направляемый мускулистыми руками, пришел в действие балансир. Из керамического сопла ударило пламя. Дым, запах горящего жира и мяса, страшные крики. Когда Руори прекратил огонь, островам открылась картина, от кото-

рой даже у ветеранов противокорсарного патруля побледнели смуглые лица. Маурийцы не страдали сентиментальностью, просто не любили причинять боль другим людям.

— Бранспойт, — хрипло приказал Руори. Как благословенье, ударил поток воды. Зашипел начавший тлеть тростник гондолы.

С «Дельфина» полетели крючья. Пара юнг быстро вскарабкалась по тросам, чтобы оказаться в первых рядах абордажной команды. Сопротивления им не оказали. Оставшиеся в живых пираты стояли, опустив руки, словно каменные, забыв про оружие. Из них вышибло боевой дух.

За юнгами по штурмтрапам вскарабкались матросы и занялись пленными.

Вдруг из дверцы выскочило несколько небоходов с оружием в руках. Среди них был и знакомый Руори светловолосый гигант. В левой руке блестел кинжал Руори, правая, кажется, была выведена из строя.

— Каньон! Каньон! — воскликнул гигант, но у него получилось лишь жалкое подобие боевого призыва.

Руори ступил в бок, увернувшись от выпада, выставил ногу. Великан споткнулся. Он не успел упасть, когда тупой стороной топора Руори поймал его шею. Небоход рухнул на пол гондолы, дернулся, попробовал встать и опять упал.

— Я пришел за ножом. — Руори присел рядом, снял с пирата кожаный ремень и начал стягивать руки и ноги вместе, как дикому кабану.

В помутневших голубых глазах читался немой вопрос.

— Ты не убьешь меня? — пробормотал пират на спанском.

— Харисти, нет, конечно, — удивился Руори. — Зачем?

Он пружинисто выпрямился. Сопротивление было подавлено полностью, дирижабль был в его руках. Руори открыл дверцу, ведущую к носу. Очевидно, там располагался эквивалент мостика.

На мгновение он застыл. Он слышал только свист ветра и гул собственной крови.

Трезва подошла к нему сама. Она протянула перед собой руки, словно слепая, глаза смотрели сквозь Руори.

— Это вы, — сказала она пустым голосом.

— Доньита, — выдавил Руори, схватив ее ладони. — Если бы я знал, что вы на борту... я бы никогда не рискнул...

— Почему вы не сожгли нас, как второй корабль? Почему мы теперь должны возвращаться в город?

Она высвободила руки и, с трудом ступая, словно ее не слушались ноги, вышла на палубу, споткнулась и подошла к перилам. Ветер играл волосами и разорванным платьем.

Глава 7

Управлять воздушным кораблем было непросто. Требовались специальные, достаточно тонкие навыки. Руори чувствовал, что тридцать человек его команды едва справляются с пилотированием. Опытный небоход уже заранее знал, где и когда следует ожидать восходящих или нисходящих потоков. Ему достаточно было бросить взгляд на сушу или воду внизу. Он мог оценить высоту, на которой дует нужный ветер, мог плавно поднимать или опускать судно. Он даже мог бы вести воздушный корабль против ветра галсами, хотя и медленно из-за сильного обратного дрейфа.

Тем не менее, часа тренировок хватило на усвоение основных навыков. Руори вернулся на мостик и начал командовать через переговорную трубу. Суша приближалась. «Дельфин» шел за ними на половине парувов. Здорово посмеются над аэронавтами Руори — дирижабль тащился со скоростью улитки. Но Руори не улыбнулся при этой мысли и не стал готовить заранее смешной ответ, как он сделал бы еще вчера. Треза тихо сидела за спиной.

— Вы не знаете названия этого судна, доньита? — спросил он, чтобы нарушить тягостное молчание.

— Он называл его «Бизон». — Ее голос был далеким, равнодушным.

— Что это такое?

— Разновидность дикого рогатого животного.

— Как я понимаю, он разговаривал с вами, пока дирижабль искал нас. Он не упомянул что-нибудь достаточно интересное?

— Он говорил о своем народе. Хвастался разными вещами, которых нет у нас... двигателями, машинами, сплавами, энергией. Словно от этого они переставали быть бандой грязных дикарей.

Голос ее, наконец, перестал быть равнодушным. Руори уже начал опасаться, что она решила остановить свое сердце. Впрочем, вспомнил он, эта обычная для маурийцев практика едва ли была известна в Мейко.

— Он так плохо обошелся с вами? — спросил Руори, не поворачивая головы.

— С вашей точки зрения это едва ли было оскорблением, — гневно сказала она. — Ради всего святого, оставьте меня в покое!

Он слышал, как она встала и ушла в кормовую секцию.

Что ж, в конце концов, ее отец убит. Это горе для любого человека, в любой стране. В Мейко ребенка растили исклю-

чительно родители. В отличие от островных детей, он не проводил половины времени с бесчисленными родственниками. Поэтому родители психологически значили здесь гораздо больше. По крайней мере, это было единственное объяснение, которое приходило в голову Руори.

Показался город. Над ним сверкали три оставшихся дирижабля людей Неба. Три против одного... Да, если им будет сопутствовать успех, это станет легендой для людей Моря. Руори понимал, что может испытывать то же бесшабашное удовольствие, как и во время катания на волнах в шторм, или ведя парусник в тайфун, или охотясь на акул. Любой из этих головокружительно-рискованных видов спорта в случае успеха означал славу и любовь девушек. Он слышал, как поют его люди — ритмичная боевая песня, военный ритм, хлопки и топанье ногами. Но в его собственном сердце царила антарктическая зима.

Ближайший вражеский дирижабль был уже рядом. Руори постарался встретить врага профессионально. Он облачил отборную команду в одежды, отобранные у небоходов. Быстрый взгляд мог и не заметить разницу между фальшивыми и подлинными каньонарцами.

Когда северяне подружили поближе, Руори приказал в переговорную трубу:

— Так держать! Открыть огонь, когда противник окажется на траверзе!

— Есть, — сказал Хити.

Минуту спустя Руори услышал выстрел катапульты. Сквозь иллюминатор он видел, что гарпун вонзился во вражескую гондолу почти точно посередине.

— Трави канат, — приказал он. — Мы ее ударим змеем. Но надо, чтобы мы сами не загорелись.

— Есть, капитан, — засмеялся Хити. — Я в детстве любил играть в меч-рыбу.

В панике второй дирижабль подался в сторону. Несколько раз выстрелили катапульты. Одна попала в газовый мешок, но пара пробитых ячеек погоды не делала.

— Поворот! — крикнул Руори: не было смысла подставлять бок. — В подветренную сторону!

Теперь «Бизон», скользя маневры жертвы, стал воздушным соответствием плавучего якоря, и пришло время пустить в ход приготовленный по дороге змей. На этот раз ему были приданы еще и рыболовные крючки. Змей надежно прицепился к газовому баллону каньонцев.

— Пускай огонь! — крикнул Руори.

Огненные шарики побежали по шнуру. Через несколько минут воздушный корабль противника пылал. Несколько парашютистов унесло в море.

— Второй готов, — сказал сам себе Руори. Но оставалось еще два, и в голосе его не слышно было триумфа, охватившего команду.

Пираты не были дураками. Два оставшихся дирижабля отошли к городу, после чего один начал срочную посадку. С него сбросили тросы и сейчас быстро опускали на площадь. Тем временем второй, на котором был, скорее всего, только патрульный экипаж, начал маневрировать.

— Кажется, они решили навязать нам бой, — предупредил Хити. — А второй тем временем поднимет на борт пару сотен бойцов и пойдет на abordаж.

— Знаю, — сказал Руори. — Мы пойдем им навстречу.

Патрульный дирижабль не пытался уклониться, чего в душе опасался Руори. Впрочем, он зря опасался — культура небоходов непременно должна включать условие обязательной демонстрации силы и отваги. Патрульный дирижабль поспешил выбросить abordажные крючья, чтобы дать товарищу максимальное время для погрузки и взлета и был уже совсем близко.

Чтобы посеять среди врагов страх, Руори приказал:

— Зажечь стрелы!

Лучники на галерее воткнули поршни из твердого дерева в маленькие деревянные цилиндры, на дне которых был заготовлен трут. Вскоре трение добыло огонь, от которого запылали смазанные китовым жиром древка. Когда враг подошел на дистанцию стрельбы, к нему помчались красные огневые кометы.

Если бы план не сработал, Руори повернул бы прочь. Он не желал жертвовать людьми в рукопашной схватке и попытался бы зажечь врага на безопасном расстоянии. Но эффект паники был еще очень силен после только что случившейся катастрофы с товарищами пиратов. Поэтому, когда горящие стрелы начали втыкаться в палубу и борта гондолы — совершенно незнакомая каньонцам тактика боя, — патрульная команда тут же выбросилась с парашютами. Быть может, пока они спустились, кто-то заметил, что ни одна из стрел не была направлена в газовый баллон.

— Бросай кошки! — рявкнул Руори. — Быстро гаси огонь!

Полетели abordажные кошки. Дирижабли, покачивушись, остановились относительно друг друга. На галерею второго судна прыгнули маурийцы, заливая огонь из ведер.

— Приготовиться! Половину команды на приз!

Руори опустил переговорную трубу. За спиной скрипнула дверь. Он повернулся и увидел Трезу. Она все еще была бледна, но уже привела в порядок волосы и гордо держала голову.

— Еще один! — сказала она почти радостно. — И всего один остался!

— Но на нем будет полно бойцов, — нахмурился Руори.

ри. — Я теперь жалею, что отпустил вас с «Дельфина». Я как следует не подумал. Все это слишком опасно.

— Думаете, меня волнует опасность? Я не боюсь! Я из семьи Карабан! Но опасность волнует меня...

Возбуждение оставило ее и она тронула его руку.

— Простите меня. Вы столько для меня сделали. Мы никогда не сможем вас отблагодарить.

— Сможете, — сказал Руори.

— Как?

— Не останавливайте свое сердце, доньита, только потому что оно было ранено.

В ее глазах словно заиграли отблески солнечного восхода.

В дверях показался боцман.

— Все готово, капитан. Мы держимся на тысяче футов, у у всех клапанов на обоих кораблях стоят люди. Они знают, что делать.

— Всем выделены спасательные линии?

— Да. — Боцман ушел.

— Вам тоже понадобится линия.

Руори взял Трезу за руку и вывел на галерею. Открылось небо, бриз охладил лица, палуба под ногами покачивалась, как спина живого существа. Руори показал на один из линий — их захватили со склада «Дельфина», — надежно привязанный к поручню.

— Опыта у нас нет, и с парашютами прыгать мы не рискуем, — объяснил Руори. — Но и по линии вы тоже никогда, наверное, не спускались. Я сделаю вам перевязь, с ней вы будете в безопасности. Спускайтесь медленно, перебирая руками. На земле просто отрежете линию.

Он ловко вырезал ножом несколько кусков веревки, которые связал с привычным проворством морехода. Когда он надевал и подгонял перевязь, Треза, почувствовав прикосновение его пальцев, вдруг напряглась.

— Я друг, — тихо сказал Руори.

Треза успокоилась, расслабилась. Потом улыбнулась дрожащими губами. Руори отдал ей нож и вернулся на мостик.

Глава 8

Последний пиратский дирижабль поднялся с площади. Он приближался. Два дирижабля Руори бежать не пытались. Руори видел блеск солнца на клинках. Он понимал, что пираты были свидетелями гибели товарища, и старая тактика теперь не поможет. Даже загоревшись, они пойдут в атаку. В крайнем случае, они могут поджечь и корабли Руори,

а сами спокойно вспрыгнут на парашютах. Стрелы он посылать не стал.

Когда его и врага разделяло совсем немного, Руори отдал приказ:

— Открыть клапаны!

Водород с шумом ринулся наружу из обоих газовых баллонов. Связанные вместе дирижабли пошли вниз.

— Стреляй! — крикнул Руори.

Хити быстро развернул катапульту и послал гарпун с якорным канатом в днище атакующего судна.

— Зажигай корабль! Все за борт! Покинуть судно!

Разлитая по галереям ворвань вспыхнула в одну секунду. Языки пламени потянулись вверх.

Каньонский дирижабль, не выдерживая веса двух тянущих вниз кораблей, начал терять высоту. На пятистах футах линии коснулись крыш, потянулись по мостовым улиц. Руори прыгнул через поручень. Слетая вниз по линю, он чуть не сжег кожу ладоней.

И он торопился не зря. Загарпуненный дирижабль использовал запасы сжатого водорода. Несмотря на бремя двух падающих кораблей, судно умудрилось подняться до тысячи футов. Вероятно, на борту никто не заметил, что их груз охвачен пламенем. В любом случае, освободиться от груза им было бы нелегко, тем более — учитывая качество гарпунов и выстрелов Хити.

Пламя на ветру было бездымным, как маленькое яростное солнце. Руори не ожидал, что пожар застанет противника врасплох: он предполагал, что небоходы парашютируют на землю, где их смогут атаковать мейканцы, и был почти готов предупредить их.

Потом пламя добралось до остатков водорода в сморщившихся баллонах. Раздался могучий вздох невидимого великана. Верхний дирижабль в мгновение ока превратился в летящий погребальный костер. Несколько муравьиных фигурок успели выпрыгнуть. Парашют на одном горел.

— Сантсима Мари, — прошептала Треза. Руори обнял ее, и она спрятала лицо у него на груди.

Глава 9

Когда наступил вечер, во дворце были зажжены свечи. Но и мерцающий свет не мог скрыть уродливых ободранных стен и закопченных потолков. Стражники вдоль стен тронной залы стояли усталые, в рваной форме.

Да и в самом городе С'Антон не было слышно радости.

Руори сидел на троне калыда. Справа сидела Треза, слева — Паволо Дуножу. До выборов новых властей им предстояло вершить управление. Дон сидел прямо, стараясь не шевелить забинтованной головой. Время от времени, несмотря на все усилия, веки у него опускались. Закутавшись в плащ, Треза блестела огромными глазами из-под капюшона. Руори расположился поудобнее. Теперь, когда с боем было покончено, он чувствовал себя почти счастливым.

Это было мрачное приключение, даже когда воодушевленные успехом воины города погнали поддавшихся панике пиратов. Но многие из людей Неба дрались до последнего. И несколько сотен пленных оказались довольно опасной добычей. Никто не знал точно, что же с ними делать.

— По крайней мере, с войском покончено, — сказал Дуножу.

Руори с сомнением покачал головой.

— Едва ли, сынёр. Прошу прощения, но конца пока не видно. На севере остаются тысячи таких воздушных кораблей, много сильных, голодных воинов. Они придут опять.

— Мы встретим их достойно, капитан. К следующему разу мы будем готовы. Мы увеличим гарнизон, поставим заградительные аэростаты, создадим собственный воздушный флот... Мы сможем этому научиться!

Сидевшая неподвижно Треза вдруг заговорила:

— И в конце мы придем к ним с огнем и мечом. На корадских плоскогорьях не останется ни одной живой души.

В ее словах опять появилась энергия жизни, но энергия, которая ненавидит.

— Нет, — твердо сказал Руори. — Этого быть не должно.

Она вздрогнула, пристально посмотрела на Руори и, наконец, сказала:

— Верно, мы должны любить даже врагов. Но не этих же небоходов! Они не люди!

Руори обратился к пажу:

— Пошлите за вождем пленных!

— Чтобы он услышал наш приговор? — предположил Дуножу. — Но это надлежит делать формально, в присутствии общественности...

— Я просто хочу с ним поговорить, — сказал Руори.

— Не понимаю, — воскликнула Треза. Голос ее дрогнул, словно она хотела вложить в слова максимум презрения. — После всего, что вы совершили, вы вдруг перестали вести себя, как мужчина.

Странно, подумал Руори, почему ей так трудно было сказать это? Если бы на ее месте был он, ему было бы все равно.

Двое охранников ввели Локланна. Руки небохода были связаны за спиной, на лице запеклась кровь, но шагал он с видом завоевателя. Возле тронного возвышения он остановился, нагло расставив ноги, и ухмыльнулся Трезе в лицо:

— Итак, ты обнаружила, что эти двое не могут тебя удовлетворить, и послала за мной?

— Прикончите его! — вскрикнула Трезе, вскакивая.

— Нет! — приказал Руори.

Охранники замерли в нерешительности, наполовину обнажив мачете. Руори поймал Трезе за запястья.

— Хорошо, пусть не сейчас, — сказала она, овладев собой. — Пусть умрет медленно. Задушите его, сожгите заживо, бросьте на копья...

Руори крепко держал ее, пока она не успокоилась до конца.

Паволо Дуножу сказал голосом, похожим на сталь:

— Кажется, я понимаю. Соответствующее наказание будет приготовлено.

Локланн сплюнул.

— Конечно. Связали человеку руки... Тогда с ним легко играть в грязные игры.

— Тихо, — приказал Руори. — Ты вредишь и себе, и мне.

Он сел, обхватив колено сплетенными пальцами, глядя пристально в темноту, сгустившуюся в другом конце зала.

— Я знаю, вы все пострадали от рук этого человека, — сказал он, тщательно выбирая слова. — И в будущем, возможно, ничего хорошего его соплеменники вам не принесут. Они — молодой народ. Они не умеют себя контролировать, они — как дети. Но и ваши, и мои предки когда-то тоже были такими. Думаете, Перио создавался тихо и мирно? Или спандев местные племена иниос встречали с распростертыми объятиями? А инглисы — они устроили на Н'Зелане кровавую бойню. А маурийцы были людоедами. В эпоху героев у героя должен быть противник.

— Ваше настоящее оружие против людей Неба — это не армия, посланная в неведомые горы... Это ваши священники, торговцы, художники, мастера, ваши манеры, моды, ваши учения. Вот чем вы в конечном итоге поставите людей Неба на колени. Если правильно используете это оружие!

Локланн хмыкнул.

— Черт тебя задери! — прошептал он. — Ты в самом деле думаешь обратить нас в баб? Посадить в клетки городов? — Он тряхнул гривой соломенных волос и рывкнул так, что это прозвучало по залу. — Никогда!

— Понадобится столетие или два, — спокойно сказа Руори.

Дон Паволо усмехнулся в редкую бородку.

— Очень тонкая месть, сынёр капитан, — заметил он.

— Слишком тонкая! — Треза подняла лицо, которое до этого момента прятала в ладонях, глубоко вздохнула. Ее пальцы, согнутые, как когти, готовы были вцепиться в лицо Локланна и вырвать ему глаза. — Даже если бы у них в самом деле были души, — фыркнула она, — зачем нам их дети и внуки? Они сегодня убивали наших младенцев. Клянусь всемогущим Дио, у меня есть союзники в мейканском правительстве, я все-таки еще Карабан. Они скажут за меня слово... Клянусь, эти дикари получают то, что заслужили — полное истребление! Мы сделаем все, клянусь! Теккас станет нашим союзником, они позарятся на добычу. И я еще увижу, как пылают твои дома, грязная свинья, а твоих сыновей травят собаками!

Она в отчаянии повернулась к Руори.

— Как же нам иначе защитить нашу землю? Нас кольцом окружают враги. У нас нет выбора. Только полное уничтожение, или они уничтожат нас. А мы — последняя мериканская цивилизация!

Вся дрожа, она села. Руори взял ее за руку. На секунду ее рука сжала его ладонь, ответив на пожатие, но потом она выдернула руку.

Он устало вздохнул.

— К сожалению, согласиться с вами не могу. Я понимаю ваши чувства, но...

— Нет, не понимаете, — сказала она сквозь сжатые зубы. — Вы не можете, не в состоянии понять.

— Кроме того, я не просто человек с человеческими желаниями. Я представляю мое правительство. Я вернусь, чтобы рассказать о том, что происходит здесь. И я предвижу их реакцию. Они помогут вам выстоять. И от такой помощи вы не сможете отказаться, не так ли? Люди, отвечающие за всю Мейко, — кроме нескольких экстремистов, — не отклонят предложение нашего союза ради некоей эфемерной независимости в действиях. А наши условия будут самыми разумными. Мы потребуем политики, направленной на сотрудничество с людьми Неба. После того, конечно, как они истощат силы бесполезными атаками на наши союзные армии.

— Что? — сказал Локланн.

Повисла тишина, только белки глаз мерцали из-под шлемов. Все смотрели на Руори.

— Начнем с тебя. В надлежащий срок ты и твои люди будете отпущены домой. Выкупом будет разрешение на нашу дипломатическую и торговую миссию в Каньоне.

Нет, — прошептала Треза. Казалось, что-то причиняет

ей страшную боль в горле, не дает говорить. — Только не он. Отправляйте остальных, если необходимо, но не его... Чтобы он хвастал тем, что сделал сегодня...

Локлани опять нагло ухмыльнулся.

— И еще как!

Гнев молнией прошел Руори, но он заставил себя молчать.

— Но я не понимаю! — сказал дон Паволо. — Почему вы так добры к этим животным?

— Потому что они цивилизованнее вас, — сказал Руори.

— Как? — Дворянин схватился за эфес шпаги, но заставил себя сесть. — Объяснитесь, сьнёр!

Руори не видел лица Трезы, скрытого тенью капюшона, но чувствовал, что сейчас она дальше от него, чем звезды.

— Они создали воздухоплавательные аппараты, — сказал он, чувствуя пустоту внутри и ни малейшей радости победы. О великий творец Танароа, пошли мне сон сегодня ночью...

— Но...

— Они начали с нуля, — объяснил Руори. — Это не подражание старой технике. Сначала люди Неба наладили сельское хозяйство, способное прокормить тысячи воинов там, где раньше была только пустыня, и при этом они обошлись без орд пеонов. Я выяснил, что у них есть солнечная и гидроэнергия, развита химия синтеза, хорошо развиты навигация и сопутствующая ей математика, они производят порох, есть металлургия, они открыли заново основы аэродинамики... Согласен, их цивилизация однобока: тонкий слой образованных людей над подавляющей массой неграмотных. Но эта масса уважает технологическую элиту, без поддержки масс элите так далеко не продвинуться.

— Короче, — вздохнул он, не надеясь, что Треза его поймет, — небоходы — единственная научная цивилизация, кроме нас самих. И поэтому они слишком дороги, чтобы их потерять. Вы воспитаннее, у вас более гуманные законы, гораздо выше развиты искусство, философия, все традиционные человеческие добродетели. Но вы забыли принципы науки. Потеряв ископаемое топливо, вы оказались в зависимости от мускульной силы, отсюда класс крестьян-пеонов. Исчерпали себя медные и железные рудники — вы начали разбирать руины. Я не заметил и намека на попытки освоить энергию солнца, ветра, живой клетки, не говоря уже о теоретической возможности водородного синтеза без урана. Вы тратите силы на ирригацию пустыни, а океан мог бы давать столько же еды, но с меньшими затратами. Вы не научились добывать алюминий, а его еще много в обычных глинах. Из него можно делать прочные сплавы. Нет! Ваши фермеры пользуются орудиями из дерева и вулканического стекла.

Вы образованы, у вас широкое мировоззрение, нельзя сказать, что вы суеверно боитесь науки. Но вы разучились добывать новые знания! Вы прекрасный народ и я люблю вас так же сильно, как ненавижу вот этого дьявола перед нами. Но, в конечном итоге, друзья мои, предоставленные самим себе, вы изящно и плавно соскользнете в каменный век.

Пока он говорил, к нему даже вернулись силы, и голос его властвовал над залом.

— Путь людей Неба — варварский путь, но это путь вверх, к звездам. И в этом отношении, самом весомом, они больше похожи на нас, маурийцев, чем вы. Мы не можем позволить, чтобы они погибли, исчезли.

Она замолчал. Локланн издевательски ухмылялся. Дуножу смотрел огорашенно. Охранник, скрипнув кожей перевязи, переступил с ноги на ногу.

Наконец, Треза тихо сказала:

— Это ваше последнее слово, сынёр?

— Да.

Он повернулся к ней лицом. Она наклонилась, капюшон немного сдвинулся, свет свечей упал на лицо. Руори увидел зеленые глаза, раскрывшиеся губы, и к нему вернулось ощущение победы.

Он улыбнулся.

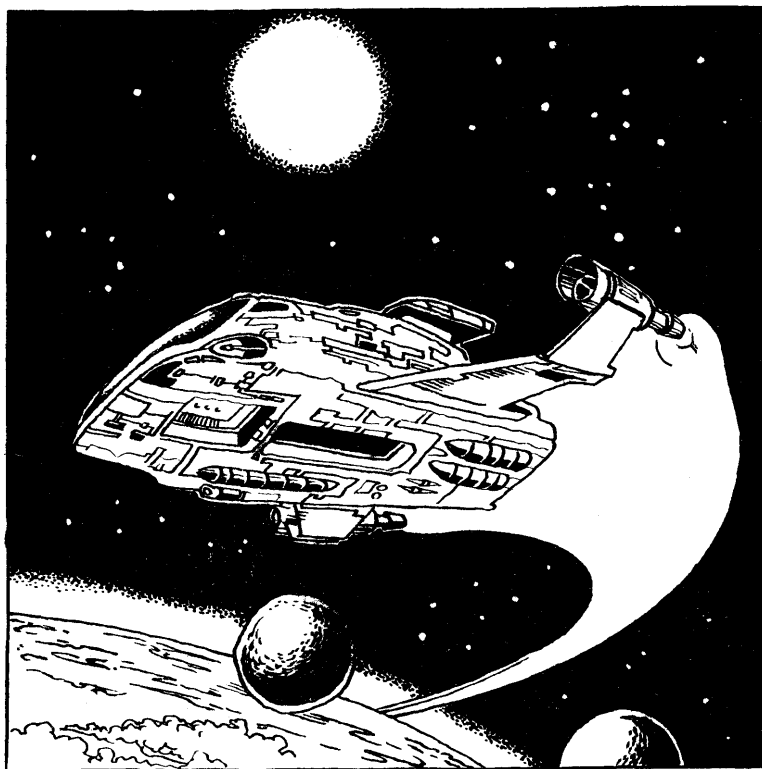
— Я понимаю, сразу вы этого не поймете. Но если можно, я вернусь к этой теме, и не раз. Когда вы увидите острова, я думаю, что вы...

— Ты! Иностранец! — вскрикнула она.

Звонко треснула пощечина. Треза вскочила и побежала вниз по ступенькам, прочь из зала...

ДЖЕЙМС Х.ШМИЦ

ВЕДЬМЫ КАРРЕСА

Глава 1

Вечер был в самом разгаре, когда капитан Позерт, коммивояжер с Никкельдепейна, познакомился с первой ведьмочкой Карреса.

Случилось это на планете Порлумма и, насколько понимал капитан Позерт, по чистой случайности.

В прекрасном расположении духа, собираясь вернуться на свой корабль, капитан вышел из престижного бара на мощеную булыжником припортовую улицу. Нельзя сказать, что в баре приключилась ссора, нет. Просто стоило капитану произнести имя своей планеты, как кое-кто начал ухмыляться, скалить зубы, и капитану пришлось обратить внимание собравшихся, — он был горд собственным остроумием, — насколько нелепее называть планету, например, Порлуммой.

Затем капитан сравнил немаловажную, а иногда — выдающуюся роль, которую Никкельдепейн сыграл в истории, со статусом Порлуммы — несчастного, жалкого, глухого форпоста Империи, имевшего всего-навсего шестой класс.

В заключение он так прямо им и выдал: мол, не хотелось бы ему окончить свои дни в таком месте, как Порлумма.

Кто-то отчетливо на имперском универсальном посоветовал ему не слишком задерживаться на планете, если он не желает окончить свои дни именно здесь и именно сейчас. Капитан в ответ лишь скорчил идиотскую рожу, заплатил за две выпитые рюмки и вышел.

На пограничных планетах не стоит затевать ссоры. Граждане здесь все еще уверены, будто должны вести себя подобно истинным пионерам окраин, да только Рука Закона незамедлительно дает о себе знать.

Капитан чувствовал себя прекрасно. До последнего времени он никогда не считал себя ярым патриотом, но за последние четыре месяца молодой капитан успел сравнить Никкельдепейн и большинство миров Империи. Никкельдепейн был намного привлекательнее. К тому же, он возвращался домой платежеспособным — вот все уж удивятся!

Иллила ждет его, тоскует, сама молодая госпожа Онсвуд, прекрасная дочка могущественного советника Онсвуда. Они тайно были помолвлены уже почти год. Она одна поверила в него!

Капитан сверился с маяком космопорта и нежно улыбнулся. Не больше полумили... Он снова зашагал вперед. Не пройдет и шести часов, как он окажется за пределами космических границ Империи, а корабль помчит его прямо к долгожданной Иллиле.

Да, никто в него не верил, только она одна! После крушения первого предприятия — питомника по разведению пушистых миффелей, деньги капитан занял преимущественно у советника Онсвуда, — перспективы выглядели мрачно. Ему грозило даже наказание в виде десяти лет штрафных работ за «преднамеренную растрату вверенных денежных средств»: законы Никкельдепейна безжалостны к должникам.

— Но ты давно искал человека, который вернул бы в строй старушку «Авантюру», — со слезами на глазах напомнила папочке Иллила.

— Хе, в самом деле! Лапочка, но все дело в наследственности! Его прадед Требус сбился на ту же кривую дорожку! Лучше отдать его в руки закона, — сказал советник Онсвуд, бросая пылающий взор на хранившего угрюмое молчание Позерта.

Он несколько раз старался объяснить, что таинственная эпидемия, прикончившая почти все поголовье ценных миффелей, приключилась не по его вине. Честно говоря, он был почти уверен, что к эпидемии приложил руку юный советник Раппорт, который года два напрасно увивался за Иллилой.

— «Авантюра», говоришь!.. — Советник почесал в затылке, потом погладил словно вырубленную из гранита челюсть. — Позерт с пилотированием управляется неплохо, это верно, — признал он.

Вот как все началось. Теперь он их удивит! Даже Позерт догадался, чем именно наполнил советник трюмы «Авантюры», — нераспроданным хламом, который накопился за пятьдесят лет на складах советника.

Советник надеялся вернуть хотя бы часть вложенных в миффелей денег. Груз стоит восемьдесят две тысячи маэлей. Если капитан вернет хотя бы три четверти наличными, все будут довольны.

Вместо этого... Ну, все началось со счастливого случая. Капитан заключил пари с имперским чиновником в столице и выиграл. Потом была шестичасовая гонка с быстроходной яхтой, и капитан выиграл ее честно — старушка «Авантюра 7333» в прошлом столетии работала в патруле и до сих пор умела развивать скорость раза в два выше, чем кто-либо мог предположить, глядя на антикварное суденышко. После этого капитан был повсюду, как дома, все считали его истинным спортсменом, он посещал приемы, вечеринки и так далее.

Вечеринки были не только веселыми, но и выгодными в деловом смысле. Богатые имперцы не могли сопротивляться искусству азарта. А проигравший, как настаивал непременно капитан Позерт, должен был покупать!

Он продавал направо и налево. Через двенадцать недель

от груза почти ничего не осталось — только два десятка связок дорогих, но бесполезных удочек из звенящего дерева и дюжина больших тюков с практичными, но очень невзрачного вида всепогодными накидками. Даже на пари никто не желал их покупать! Но у капитана имелось подозрение, что не кто иной, как советник Раппорт, прибавил эти товары к грузу. Поэтому капитан не переживал.

Он получил целых двадцать процентов чистой прибыли, как...

Как вдруг подвернулся заказ на сверхсрочную доставку медикаментов на Порлумму — как раз по обратному маршруту «Авантюры»! Плата за перевозку сама по себе в три раза покрывала потери от питомника миффелей!

Капитан счастливо усмехнулся. Было темно. Да, удивит же он их всех, только... где это он очутился?

Он поискал в небе маяк космопорта. Ага, вот он — слева и немного сзади. Странно, как это он успел сделать крюк?

Он зашагал по темной улочке. В таких городках с наступлением темноты жители запирали парадные двери и удалялись в уютные дворики. На улицу доносились голоса, стук посуды, взрывы смеха, где-то пели — но все за высокими стенами, которые преграждали доступ свету в переулок.

Переулочек внезапно кончился стеной и другим переулочком, идущим наперерез. Поразмыслив с секунду, капитан снова повернул налево. Ярдах в ста впереди на тротуар упал сноп света — открытая дверь. Оттуда, когда капитан приблизился, донесся грохот захлопнутой двери, потом — крики.

— Иииии! — завизжал ребенок.

Не то смертельный страх, предсмертные муки, а может быть, — истерический смех. Капитан, предчувствуя недоброе, побежал трусцой.

— Я тебя вижу! — послышался сердитый мужской голос. — Я тебя поймал! А ну-ка слезай с ящиков! — Говорящий пользовался имперским универсальным. — Я шкуру с тебя спущу! Пятьдесят два клиента с несварением желудка... Ну, ты!

За последним возгласом раздался грохот — как будто рухнул небольшой деревянный домик, потом — череда визгов, оханий, свирепого рычания. Капитан разобрал только: «...ящиками в меня кидаться...»

— Эй! — негодуя окликнул капитан.

Наступила тишина. Узкий дворик, залитый ярким светом большой лампы, был наполовину засыпан мусором, судя по всему, остатками деревянных упаковочных ящиков. Крупный, очень толстый мужчина, одна нога у которого прочно

застряла в уцелевшем ящике, был одет в белое и размахивал палкой. Мужчине удалось загнать в ловушку между стеной и двумя большими ящиками, на один из которых она пыталась вскарабкаться, маленького роста девчонку. На ней тоже был белый халат, а на вид — не старше четырнадцати. Беспомощное дитя, подумал капитан.

— Тебе чего? — проворчал толстяк, с некоторым достоинством тыкая концом палки в направлении капитана.

— Оставьте ребенка в покое! — осторожно приближаясь, рявкнул капитан.

— Не суйте нос в чужие дела! — крикнул толстяк, размахивая палкой на манер дубинки. — Я сам с ней разберусь. Она мне...

— Не делала я! — всхлипнула девчонка и разрыдалась.

— Хочешь рискнуть, жирная уродина? — грозно поинтересовался капитан у толстяка. — А ну, рискни! Я эту палку вставлю тебе в глотку!

Толстяк вздохнул, как доведенный до отчаяния человек, освободил ногу, замахнулся и опустил палку на форменную фуражку капитана. Капитан двинул толстяка со всего размаху в солнечное сплетение.

Потасовку несколько сдерживали разбросанные повсюду ящики. Потом капитан, тяжело дыша, выпрямился. Толстяк же остался сидеть, ловя ртом воздух и призывая на помощь «...закон!»

Капитан несколько удивился, обнаружив рядом с собой девчонку. Она заметила его взгляд и улыбнулась.

— Меня зовут Малин, — сообщила она и показала на толстяка: — Он серьезно ранен?

— Хм... нет, — пропыхтел капитан. — Но нам бы лучше...

Но поздно! Громкий, уверенный голос раздался в проходе, ведущем в переулочек.

— Так-так-так! — укоризненно сказал голос.

Этот тон, как бы говоривший: «Спокойно, я держу ситуацию под контролем», казался капитану одинаковым на всех планетах и на всех языках.

— Что здесь происходит? — прозвучал риторический вопрос. — Вам придется пройти! — тут же был дан ответ

Суд на Порлумме, как выяснилось, работал круглосуточно и очень деловито. Ждать им почти не пришлось.

Никсельдепейн? Странное название, не так ли, улыбнулся судья. Затем он внимательно выслушал обвинения, объяснения, отрицания и доводы обеих сторон.

Брут-пекарь обвиняется в нанесении удара гражданину иностранного происхождения и подданства потенциально

смертельным орудием в область головы. (Улики представлены). Вышеназванный гражданин предположительно пытался вмешаться в процесс наказания Брутом-пекарем принадлежащей ему рабыни по имени Малин (представлена в вещественных доказательствах). Он подозревал рабыню в добавке некоего ингредиента к партии тортов, выпеченных в тот день, в результате чего пострадало пищеварение пятидесяти двух клиентов Брута-пекаря, и были жалобы.

Вышеназванный иностранный гражданин употреблял оскорбительные обороты речи — капитану пришлось признать-ся, что он обозвал толстяка «жирной уродиной».

Есть основания предполагать, что Брут-пекарь был спровоцирован, но их недостаточно. Брут побледнел.

Капитан Позерт, подданный — все, кроме арестованных, улыбнулись, — Республики Никкельдепейн, обвинялся в: а) намеренном вмешательстве в личную жизнь, б) намеренном оскорблении достоинства, в) намеренном нанесении сильных ударов Бруту-пекарю в область желудка в ходе разбираемого инцидента.

Удар в область головы, нанесенный капитану Позерту, признается как провокация в действиях по обвинению пункт в), но недостаточной.

Никто ни в чем, похоже, не обвинял рабыню Малин. Судья лишь раз, покачав головой, с интересом на нее посмотрел.

— Этот прискорбный инцидент, — заметил судья, — обернутся для вас, Брут, двумя годами заключения, а для вас, капитан, тремя. Очень, очень сожалею.

Капитану показалось, что пол под ногами сейчас провалится. Он кое-что слышал о нравах имперского правосудия на окраинных системах.

Наверное, удастся вывернуться, но придется раскошеляться

Он заметил, что судья задумчиво на него смотрит

Суд желает отметить, — продолжил речь судья, — что действия обвиняемого Позерта имели причиной естественное человеческое сочувствие капитана к положению, в котором оказалась рабыня Малин. Тем самым суд предлагает следующую Брут-пекарь продает Малин с Карреса — чья служба его не удовлетворяет — капитану Позерту с Никкельдепейн на за сумму в пределах разумного. Обвинения аннулируются в двустороннем порядке

Брут-пекарь шумно и с облегчением вздохнул. Капитан был не так уверен в своих чувствах. Покупать людей-рабов — на Никкельдепейне это серьезное преступление! С другой стороны, он не обязан делать официальное сообщение. Если с него не сдерут три шкуры

Именно в этот момент, как нельзя кстати, Малин с Карреса чуть слышно жалобно всхлипнула.

— Сколько вы хотите за ребенка? — поинтересовался капитан, недружелюбно рассматривая недавнего противника.

Он не знал, что придет день и он не столь сурово осудит толстяка Брута. Но этому дню еще суждено было наступить.

Брут хмуро посмотрел на него и ответил с некоторой живостью:

— Сто пятьдесят ма...

Полицейский за его спиной ткнул толстяка пальцем в ребра, и Брут прикусил язык.

— Семьсот маэлей, — невозмутимо сказал судья. — Сюда не входит плата за услуги суда, налог на оформление покупки... — Он быстро подсчитал в уме. — Тысяча сорок два маэля. — Судья повернулся к писарю. — Ты его проверил?

Писарь кивнул.

— Полный порядок!

— Мы готовы принять ваш чек, — подвел итог судья, дружелюбно улыбаясь капитану.

— Следующее дело!

Капитан пребывал в некотором замешательстве.

Что-то тут не то! Слишком легко он отделался. Империя прекратила завоевания, молодые рабы с хорошим здоровьем стали очень дорогостоящим товаром. К тому же, Брут-пекарь явно спешил сбыть рабыню за десятую часть суммы, которую придется уплатить!

Что ж, он не станет жаловаться. Капитан быстро подписал, заверил печатями и отпечатками пальцев разнообразные бланки, которые к нему подтолкнул услужливый писарь, написал чек.

— Кажется, нам пора на корабль, — сказал он Малин.

Что теперь делать с этим ребенком? — вышагивая по темным улицам, думал капитан. Рабыня тихо следовала за ним. Если он сунется на Никкельдепейн с симпатичной девочкой-рабыней, пусть даже подростком, многочисленные недоброжелатели упекут его лет на десять штрафных работ. А Иллила предварительно собственными руками снимет ему скальп: Никкельдепейн был высокоморальной планетой.

Каррес?

— Как далеко до Карреса, Малин? — спросил он в темноту.

— Две недели, — со слезами в голосе ответила Малин.

Две недели! Сердце капитана провалилось куда-то в желудок

— Ты чего хнычешь-то? — поинтересовался он смущенно.

Малин зарыдала в полную силу.

— У меня две сестрички!

— Ну, ну! Очень мило, скоро с ними увидишься. Я отвезу тебя домой.

Великий Патам, зачем он пообещал?! Ну, все-таки...

Хорошая новость произвела на юную рабыню впечатление, обратное ожидаемому. Всклипывания стали еще громче.

— Нет! — прорыдала она. — Они ведь здесь!

— Что? — Капитан встал, как вкопанный. — Где — здесь?

— И хозяева с ними жестоко обращаются! — рыдала Малин.

Сердце капитана проскочило с пятки: он стоял, объятый темнотой, и уже знал, что сейчас услышит.

— Вы их страшно дешево купите, честное слово! — сказала Малин с Карреса.

Глава 2

В ситуациях, связанных с первым потрясением, юные жители Карреса явно испытывали тяготение к возвышенностям. Наверное, на этом Карресе много гор.

Ливит сидела на верхней полке стеллажа в глубине антикварной лавки, мудро прикрыв фланги двумя дорогими на вид вазами. Ливит была уменьшенной копией Малин, только глаза были серые, холодные, а у Малин — голубые и полные слез. Лет пять-шесть, прикинул капитан. Он слабо разбирался в таких вещах, если дело шло о маленьких девочках.

— Добрый вечер, — поздоровался капитан, входя в лавку.

Найти лавку под названием «Фарфор и антиквариат» было нетрудно — как и пекарня Брута, лавка оказалась единственным освещенным местом в округе.

— Добрый вечер! — сказал некто, очевидно, хозяин.

Он сидел на стуле посреди лавки спиной к двери, футах примерно в двадцати от Ливит.

— ...сиди себе, без еды и питья, а утром придет Святой! — продолжил хозяин, а тон его выдавал человека, только-только успевшего вернуться в состояние здравого рассудка.

Капитан догадался, что обращается он к Ливит.

— Предыдущий ваш Святой долго не задержался! — пропихало создание с полки, так же не обращая внимания на капитана.

Очевидно, она не заметила еще Малин, которая пряталась за спиной капитана.

— Этот будет из очень мощной церкви... очень мощной! — дрожащим голосом отвечал хозяин. — Он изгонит тебя, демон-недоросток! У него ты пуговичек не посвистываешь! Давай, свисти, сколько влезет! Кончилось твое время! Можешь тут все переколошматить...

Ливит задумчиво посмотрела на хозяина, моргнула.

— Это можно! — сказала она.

— Но если только сунешься вниз, — продолжал хозяин, повысив тон, — в куски разрублю, маленькие-маленькие кусочки!

Он поднял руку и вяло помахал неким предметом, в котором капитан к своему ужасу узнал старинный, но все еще острый боевой топор.

— Ха! — хмыкнула Ливит.

— Я прошу прощения, — прокашлявшись, поспешил обратиться на себя внимание капитан.

— Добрый вечер! — повторил хозяин лавки, не повернув головы. — Чем могу быть полезен?

— Я хотел кое-что узнать относительно этого ребенка, — нерешительно сказал капитан.

Хозяин шевельнулся, уставился на капитана. Глаза у него были усталые, красные.

— Вы не Святой! — воскликнул он.

— Привет, Малин! — крикнула Ливит. — Это он?

— Мы пришли тебя выкупить! Прикуси язык!

— Ладно! — согласилась Ливит.

— Выкупить? Вы издеваетесь надо мной?

— Тихо, Мувель!

В дверном проеме дальней стены появилась темноволосая женщина решительного вида. Она сделала шаг вперед, оказалась под полками. Ливит свесила голову и зашипела. Женщина поспешила отступить обратно в проем.

— Может, он не шутит, — сказала она, понизив голос.

— Продавать гражданам Империи запрещено законом, — обреченно сказал владелец лавки.

— Я не гражданин Империи. — На этот раз капитан не собирался называть родную планету.

— Нет, он с Никкель... — начала Малин.

— Замолчи! — в отчаянии оборвал ее Позерт.

— Не слышал я о такой планете. Никкель... — с сомнением пробормотал хозяин.

— Малин! — пронзительно вскрикнула женщина. — Так вторую звали... она Бругу-пекарю досталась. Он не шутит, честное слово. Он их скупает

— Сто пятьдесят маэлей! — решил не упустить случая Позерт. — Наличными!

Хозяин был в трансе.

— Этого мало, Мунель! Смотри, сколько она поломала! Пятьсот!

Что-то засвистело, тонко-тонко. Звук проник в уши и словно иглами уколол перепонки. Две эмалевые вазы справа и слева от капитана сделали «клик-клик», покрылись сеткой трещин и превратились в кучки черепков.

Наступила тишина. Присмотревшись, капитан повсюду увидел кучки черепков. Кое-где следы разрушения были выметены и остались лишь разноцветные полосочки пыли.

Хозяин осторожно положил топор рядом со стулом, встал, чуть качнувшись, подошел к капитану.

— Сто пятьдесят маэлей, говорите? — спросил он быстро. — Согласен — вот свидетели! — Он схватил правую руку капитана в свои обе и энергично тряхнул.

— Продано! — вскричал он.

Потом он подпрыгнул, развернулся и дрожащей рукой указал на Ливит.

— Теперь попробуй что-нибудь разбить! — взвыл он. — Ты теперь его! Он мне выплатит каждый маэль! Он до конца жизни мне убытки возмещать будет!

— Помоги же мне спуститься, Малин! — вежливо попросила Ливит

В магазине ювелира Вансинга, наоборот, было тихо. Мягкое освещение, лощеный дорогой магазин в престижном квартале, недалеко от космопорта. Дверь была незаперта, и сам Вансинг оказался в магазине.

Капитан и девочки вошли, дверь с шелестом затворилась за ними. За огромной витриной-прилавком из хрустального стекла, вдоль открытых полочек сновал Вансинг, тихо разговаривая сам с собой. Под кристаллом витрины и на шелке полочек тесными рядами покоились многоцветные, сверкающие, переливающиеся драгоценности: Вансинг был парень не промах.

— Добрый вечер! — сказал капитан, чтобы привлечь внимание.

— Утро уже! — заметила Ливит.

— Ливит! — повысил голос капитан.

— Мы сохраняем спокойствие, — объяснила Малин Ливит.

— Ладно, — согласилась сестричка.

Вансинг вздрогнул и обернулся. Как и у остальных рабовладельцев вид у него был несчастный, хотя в целом это был респектабельный господин. в мочках ушей сверкали камни, пахло от него дорогими маслами и духами.

— Магазин постоянно под наблюдением видеокамер, — сообщил он капитану. — Что со мной может случиться? Ничего! Чего же я так боюсь?

— Только не меня, держу пари, — сказал капитан в неудачной попытке на дружелюбный тон. — Хорошо, что магазин открыт, — быстро продолжил он. — Я пришел по делу...

— О, конечно, конечно, — сказал Вансинг.

Он неуверенно улыбнулся капитану и вернулся к полочкам.

— Я провожу ревизию, вот почему! Со вчерашнего раннего утра провожу. Я семь раз их пересчитал...

— Вы очень скрупулезны.

— Очень! — Вансинг кивнул в сторону полочек. — Оказывается, я стал богаче на миллион мазелей. Но за два предыдущих раза я терял примерно ту же сумму. Еще раз придется пересчитывать, очевидно. — Он осторожно закрыл полочку. — Эти я точно уже считал. Только они все время меняют место. Все время! Ужасно!

— У вас есть рабыня по имени Гоф? — спросил капитан, переходя к сути дела.

— Да, имеется, — кивнул Вансинг. — И она уже должна была убедиться — я не желаю ей зла! Может, в начале, чуть-чуть... но она уже должна понять, давно понять!

— Где она? — спросил капитан, которому стало немного не по себе.

— В своей комнате, очевидно, — предположил Вансинг. — Когда она в комнате, и дверь закрыта — тогда еще ничего. Но она любит сидеть в темноте, смотреть... смотрит так, смотрит на вас.. — Вансинг приоткрыл следующий ящик, заглянул. — Да, перемещаются, — прошептал он. — Все время...

— Послушайте, Вансинг, — громко и уверенно сказал капитан. — Я не подданный Империи. Я хочу выкупить Гоф. Плачу сто пятьдесят мазелей, наличными.

Вансинг развернулся на сто восемьдесят градусов, пристально посмотрел на капитана.

— В самом деле? Вы не гражданин Империи?

Он обошел витрину, присел за маленький стол, включил настольную лампу, потом спрятал лицо в ладонях.

— Я богат, — забормотал он, — влиятелен! Имя Вансинга кое-чего стоит на Порлумме. Если Империя предлагает купить, надо покупать, конечно... но почему именно мне досталась именно она? Я думал, она в деле пригодится, а теперь даже я не могу ее перепродать в пределах Империи. Она здесь уже неделю!

Он посмотрел на капитана, улыбнулся

— Сто пятьдесят ~~мазей~~! — воскликнул он. — Продано! Нужно оформить купчую...

Он полез в ящик стола, извлек несколько бланков, с большой поспешностью принялся их заполнять. Капитан достал свои документы.

— Гоф! — вдруг позвала Малин.

— Здесь! — ответил тихий голос.

Рука Вансинга дернулась, но он не поднял головы: он продолжал заполнять бланки.

Некто миниатюрный, изящный, почти бесплотный, облаченный в темную куртку и облегающие сапожки до колена, бесшумно ступая по толстым коврам, подошел и встал рядом с капитаном. Ей было лет девять или десять.

— Я приму ваш чек, капитан! — очень вежливо сказал Вансинг. — Уверен, вы человек слова. Кроме того, я его хочу в рамочку вставить.

— Теперь мы отправимся на корабль, — как бы со стороны услышал капитан свой собственный голос.

Небо затянули серые облака, уже рассвело. Позерт заметил, что Гоф непохожа на сестричек. Каштановые волосы были коротко пострижены, кроме того, имелись карие глаза, длинные черные ресницы, маленький нос и остренький подбородок. Она напоминала какое-то небольшое хищное животное, вроде ласки или горностая.

Она бросила на капитана насмешливый взгляд, ухмыльнулась и сказала:

— Спасибо!

— Что с этим-то стряслось? — прочирикала Ливит и обернулась, чтобы бросить прощальный взгляд на магазин Вансинга.

— Тяжелый тип, — пробормотала Гоф.

Ливит захихикала.

— Предвид получился шикарный, Малин! — заявила Ливит секунду спустя.

— Попридержи язык, — прошипела Малин.

— Хорошо. — Она посмотрела на капитана. — Вы дрались! — воскликнула она. — Вы победили?

— Естественно, капитан победил! — фыркнула Малин.

— Молодец! — похвалила Ливит.

— Как насчет взлета? — спросила Гоф: вид у нее был несколько озабоченный.

— Полный порядок! — уверенно ответил капитан.

Как она догадалась, что взлет — единственный маневр, во время которого он и старушка «Авантюра» плохо друг друга понимают? Невероятно!

— Я имею в виду — когда?

— Прямо сейчас. Мы уже получили разрешение. Вот-вот дадут стартовый сигнал.

— Очень хорошо! — сказала Гоф и не спеша удалилась в сторону кают.

Взлет получился из рук вон плохой, но «Авантюра» в очередной раз превозмогла саму себя. Полчаса спустя, когда Порлумма превратилась в шарик за кормой и продолжала становиться все меньше, капитан облегченно включил автопилот и спустился вниз. После целой серии проб и ошибок он настроил электродворецкого на приготовление четырех завтраков, включая кофе. Ливит подавала многочисленные советы и даже пыталась помочь лично, Малин тоже вставляла время от времени словцо, Гоф хранила молчание.

— Несколько минуток — и все готово! — жизнерадостно объявил капитан.

Позднее он обнаружил в этом определенное ужасное значение.

— Если бы вы меня послушались, мы бы уже четверть часа назад позавтракали! — сказала довольная Ливит — все-таки права оказалась она!

— Эй, Малин! — вдруг обратилась она к сестре. — Опять предвид?

Предвид? Капитан взглянул на Малин. Лицо у нее было бледным и встревоженным.

— Космическая болезнь? Сейчас принесу пилюли...

— Нет, у нее предвид, — возразила Ливит хмуро. — Чего там, Малин?

— Заткнись, — процедила Гоф.

— Ладно. — Ливит немного помолчала.

— Все уже, — сказала Гоф.

— Что уже? — удивился капитан.

— Ничего, ладно, — сказала Ливит, бросив взгляд на капитана.

Он пристально посмотрел на девочек, они пристально посмотрели на него — три пары глаз, голубых, серых и карих. Они сидели кружком на полу рубки управления, пятую сторону занимал электродворецкий.

Какие забавные, необыкновенные бродяжки, подумал капитан. Он еще не знал, насколько они необыкновенные. Они смотрели и смотрели на него.

— Ну хорошо! — с энтузиазмом сказал капитан. — Малин, следовательно, делает «предвиды» и портит незнакомым людям пищеварение

Малин загадочно улыбнулась и отвела прядь русых волос, падавшую на лоб.

— Ничего у них не болело, они это просто выдумали, — тихо сказала она.

— Коллективная история, — поспешила объяснить Ливит.

— Истерия, — поправила Гоф. — ИмперIALьцы суеверны.

— Да, я заметил, — кивнул капитан. — А наша маленькая Ливит, что она умеет делать? Свистеть и ломать вещи?

— Я не маленькая! — Нахмурилась Ливит.

— Понятно, — улыбнулся капитан. — Ты с большой буквы, да?

— Теперь правильно, — сказала Ливит и тоже улыбнулась.

— А что умеет делать наша маленькая Гоф? — обратился капитан к третьей ведьмочке.

У Гоф вид был обиженный. За нее ответила Малин:

— Гоф преимущественно телепортирует.

— В самом деле? Наслышан, наслышан об этой чудесной способности, — добавил он с некоторой запинкой.

— Но только всякие мелочи, честное слово! — воскликнула вдруг Гоф.

Она сунула руку за отворот куртки и вытащила матерчатый узелок величиной в два капитанских кулака. Гоф развязала узелок и высыпала содержимое на коврик. Послышался звук, как будто опустошили мешочек мраморных шариков.

— Вот такие, — сказала Гоф.

— Великий Патам! — выругался капитан, уставившись на приличную кучку драгоценных камней: если там было меньше, чем на четверть миллиона, то он отправится вырашивать миффелей!

— Мамочки! — Ливит вскочила. — Малин, скорее!

Две русоволосые ведьмочки, точно две стрелы, вылетели из каюты. Капитан положительно не обратил на их исчезновение никакого внимания. Он рассматривал Гоф.

— Дитя, осознаешь ли ты, что в такой дыре, как Порлумма, нас могут просто линчевать, без суда и следствия?

— Мы не на Порлумме, — возразила Гоф с некоторым раздражением. — Это вам. Вы ведь потратили из-за нас деньги, верно?

— Но не в таких же размерах! Если Вансинг успел заметить... Это его камни, я полагаю?

— Разумеется! Я их перед самым взлетом стянула!

— Если он успел сообщить в полицию, в любую секунду на хвосте у нас.

— Гоф! — завизжала, как поросенок, Малин.

Перекувырнувшись, Гоф в мгновение ока вскочила на ноги.
— Иду! — крикнула она, потом: — Прошу прощения! —
пробормотала она капитану, и Позерт остался в каюте один.

С самыми мерзкими предчувствиями он бросился к пульту управления и включил все обзорные экраны.

Вот они! Два черных обтекаемых крейсера быстро приближались и уже почти вышли на дистанцию прицельного огня! Это были не обычные полицейские корабли, а особые суда Имперского пограничного флота. Капитан немедленно врубил полную тягу на двигатели «Авантюры». В тот же миг в пространстве за кормой начали распускаться огненно-красные вспышки выстрелов, потом огненное щупальце ударило совсем рядом, ярдах в ста справа от корабля.

Тем не менее коммуникатор помалкивал. Порлумцы готовы были погубить драгоценности в огне взрыва, но не дать похитителям и шанса на капитуляцию! Позерта приводила в ужас возможная судьба его трех сбившихся с пути праведного подопечных. О том, что ему придется эту судьбу разделить, он почти не думал. Он совершил серию отчаянных маневров в надежде сбить канонирам прицел, одновременно другой рукой снимая с замка турель нова-пушки.

Как вдруг...

Нет, решил капитан, не стоит даже и пытаться понять... Имперские корабли исчезли с экранов. Экраны потемнели, пошли полосами все одновременно. На несколько мгновений спирали тьмы, как дым, окружили корпус «Авантюры», тьма рассеялась, в глаза капитану ударил холодный жесткий свет и тоже померк, странно пульсируя.

Двигатели «Авантюры», вероятно, заглохли.

Потом, совершенно неожиданно, старая посудина дернулась, завибрировала, взревела оскорбленно и ринулась вперед на вновь оживших двигателях!

Но только солнца Порлуммы в поле зрения больше не наблюдалось. Звезды мерцали в черноте космических глубин, созвездия казались знакомыми, но капитан был не из числа хороших астрогаторов.

Капитан встал на непослушные ноги, испытывая тяжесть во всем теле, словно он попал в липкий свинцовый туман. В этот миг весело закудахтал электродворецкий, по очереди выдав четыре горячих завтрака прямо на пол посреди рубки управления.

Первый голос сказал:

— Оставим?

Второй голос, какой-то приглушенный, пробормотал:

— Да, давайте! Вдруг опять понадобится:

Третий голос только свистнул.

Оглядывая темную рубку, озадаченный капитан сообразил, что голоса доносятся из динамика корабельного интеркома и что источник их — бывшая капитанская каюта.

Он прислушался — неразборчивое бормотание, потом тишина. Он двинулся к двери, потом вернулся и осторожно выключил интерком. Крадучись, Позерт прошел вдоль коридора до капитанской каюты. Дверь была закрыта.

Прислушавшись, он стремительно распахнул ее.

— Только не это! Вы испортили его! — завопила троица в унисон.

Капитан, недвижим, встал на пороге. Лишь на миг увидел он что-то вроде конструкции из черной проволоки в виде усеченной пирамиды, которая возвышалась посреди кабины. Там, где должна была находиться вершина пирамиды, крутился клубок оранжевого огня. Три ведьмы стояли вокруг стола, оранжевые отблески играли на их лицах.

Потом пламя погасло, проволочная пирамида разрушилась. В каюте загорелся нормальный свет, и юные ведьмы посмотрели на непрошенного гостя: Малин — с улыбочной сожаления, Ливит — раздраженно, Гоф — вообще без выражения.

— Что это еще такое, клянусь Седьмым пеклом Великого Патама! — поинтересовался капитан.

Ливит посмотрела на Гоф, Гоф — на Малин. Малин сказала неуверенно.

— Мы можем, пожалуй, сказать вам его название.

— Это Вжжиикк—двигатель, — сообщила Гоф.

— Какой-какой двигатель?

— Вжжиикк, — повторила Малин.

— Это самим надо делать, — поспешила на помощь Ливит.

— Заткнись, — фыркнула Малин.

Произошла продолжительная пауза. Капитан рассматривал пригоршню тонких черных проволочек дюймов по двенадцать в длину, потрогал одну. Проволочка была совершенно холодная.

— Понятно, — сказал он. — Нам, кажется, нужно серьезно поговорить.

Пауза.

— Где мы находимся сейчас?

— Примерно в трех световых годах по ранее проложенному курсу, — сказала Гоф. — Мы только тридцать секунд работали!

— Двадцать восемь! — поправила Малин, поскольку была старшей. — Ливит устала.

— Понятно, — с опаской сказал капитан Позерт. — Ну что ж, давайте завтракать.

Глава 3

Девочки ели молча и жадно — изящная Малин, изысканная Ливит и проворная Гоф. Капитан, давно закончив свой завтрак, с некоторой опаской наблюдал за ними.

— Это из-за вжжиикк-двигателя, — пояснила Малин, поймав взгляд Позерта.

— Выкручивает человека, как мокрую тряпку, — добавила Гоф.

Ливит вздохнула в знак согласия и запихнула в рот новый кусок.

— Его долго делать нельзя, — сказала Малин. — И часто — тоже. Может убить.

— Что собой представляет вжжиикк-двигатель? — спросил капитан.

Девочки проявили скрытность. На Карресе все знают, как его делать. Им пользуются, если нужно быстро добраться в другое место.

— Но мы, — добавила Малин, — еще очень юны, чтобы правильно делать вжжиикк-двигатель.

— Получилось неплохо! — возразила Ливит, которая, вроде бы, покончила с едой.

— Но что именно вы сделали?

— Если вы его делать не можете, — сказала Малин, — то вы и не поймете...

Капитан решил на время оставить болезненную тему

— Теперь, полагаю, нужно отвезти вас домой, — сказал он, и юные ведьмы с ним согласились.

Каррес, как выяснилось, находился в системе Ивердаля. На своих картах Позерт не нашел планеты с подобным названием в указанном районе, но это ничего не значило. Карты устаревали, не отличались точностью, местные названия быстро менялись.

Придется делать крюк и, если исключить помощь смертельно опасного чудо-двигателя, обойдется это капитану в изрядную долю добытой прибыли, а так же целый месяц во времени. Драгоценности, телепортированные Гоф, придется вернуть владельцу. В этом месте беседы капитан попытался сурово взглянуть на виновницу, но... в конце концов, она ведь хотела как лучше! Они ведь дети, очень необычные, но все-таки — дети.

— Придется остановиться на какой-нибудь имперской планете, где имеется банковая сеть, и уладить дело, — добавил капитан. — Это должна быть достаточно далекая планета, чтобы полиция не проявила особого интереса к визиту «Авантюры»

Три юные ведьмы встретили предложенный капитаном план угрюмым молчанием. Обитательницы Карреса, похоже, были не в восторге от умения капитана мыслить логически.

— Ну ладно, — вздохнула Малин наконец. — Деньги мы вам вернем каким-нибудь другим способом.

Младшие ведьмочки хладнокровно кивнули.

Капитан решил сменить тему.

— А как вы попали в такую переделку? — поинтересовался он.

Они вместе покинули Каррес с целью повидать мир, объяснили ему. Нет, они не сбежали — у капитана сложилось впечатление, что подобные вылазки были нормальным явлением среди молодежи Карреса. Когда они находились на одной планете, достаточно цивилизованной, но расположенной за пределами границ Империи, на городок был совершен набег — налетел маленький флот работорговцев. Вместе с большей частью местной молодежи были схвачены и три юные ведьмы.

— Удивительно, как вы не захватили корабль работорговцев, — задумчиво пробормотал Позерт.

— Да что вы! — воскликнула Ливит.

— Только не тот! — сказала Гоф.

— Это же был имперский работорговец, — сообщила Малин. — На таких кораблях лучше вести себя прилично.

Все равно, подумал капитан, усаживаясь на кушетку, которую перетащил в рубку, теперь я понимаю, почему Империя не хочет ввозить рабов с Карреса! Самые странные детишки... Возможно, родители возместят расходы. Возможно, дело окажется даже весьма прибыльным...

Главное, правильно оформить запись в журнале. За любые операции, связанные с продажей или покупкой рабов, законы Никкельдепейна наказывали виновного жестоко.

Капитан намеренно не выключил интерком, чтобы слушать разговоры девочек в их каюте. Тем не менее уже некоторое время оттуда доносились лишь взрывы детского смеха. Потом несколько раз подряд пронзительно завизжала Ливит. Похоже, Малин силой заставила ее вымыть за ушами и почистить зубы. Девочки готовились ко сну.

Они договорились, что в каюту капитан входить не будет. В его присутствии вжжиикк-двигатель не мог оставаться в рабочем состоянии, а ведьмочки хотели подготовиться на всякий неожиданный случай — за границами Империи процветало пиратство, а кораблю придется совершать большую часть перелета именно за этими границами, уклоняясь от опасной встречи с полицейским патрулем. Позерт познако-

мил ведьмочек с возможностями нова-пушек, которыми гордилась старушка-«Авантюра», но девочки, очевидно, поняли не все. Во всяком случае, рассказ впечатления не произвел.

Вжжиикк-двигатель! Если бы он мог выяснить, на каком принципе работает это чудо! Быть может, еще удастся...

Он поднял голову. Из интеркома доносился звонкий голосок Ливит.

— ...он незлой старикашка! Могло быть и хуже.

Капитан негодуяще заморгал.

— Он совсем не старый! — мягко возразила Малин. — И очень приятный.

Позерт улыбнулся. Хорошая девочка Малин!

— Ага, ага! — угрожающе завизжала Ливит. — У Малин появился онтульп!

Некоторое время слышалась возня. Капитан надеялся, что кое-кого придушили подушкой.

Он заснул под звуки борьбы и придавленных визгов.

Если забыть о некоторых необычных возможностях, девочки мало отличались от нормальных детей. С самого начала они проявили льстящий самолюбию капитана интерес к его собственной персоне. И он поведал им о Никкельдепейне. В конце он даже показал им снимок Иллилы — тот самый, с которым он так часто вел сердечные беседы на более раннем этапе экспедиции.

Почти сразу же он понял, какую допустил оплошность. Девочки в напряженном молчании изучали снимок, склонив головки друг к другу.

— Ой, вот это да! — прошептала Ливит, но с интонацией, обратной ожидаемой.

— Что ты имеешь в виду? — холодным тоном спросил капитан.

— Милашка! — сказала Гоф, но при этом на секунду зажмурилась, будто в приступе тошноты.

— Прикуси язык! — одернула сестру Малин. — По-моему, очень ми... то есть, очень симпатичная девушка!

Капитан был сердит. Он молча забрал снимок оклеветанной Иллилы, вернул его на должное место в нагрудном кармане. Не сказав ни слова, он вышел.

Позднее, наедине, он снова вытащил снимок и с тревогой в него всмотрелся. Иллила, Иллила моя! Он поворачивал снимок так и сяк в луче лампы. Не очень удачный снимок, решил капитан, испорченный.

Ой, что за мысли! Капитан был потрясен.

Он решил поупражняться в стрельбе и поэтому открыл замки на турелях нова-пушек. Предполагалось, что пользоваться ими он не будет, кроме случаев крайней необходимости.

ти. Нова-пушки были очень эффективным, но не совсем надежным в обращении оружием, и уже несколько десятилетий на Никкельдепейне предпочитали более безопасные виды вооружения. Уже на третий день после взлета с Никкельдепейна Позерт сделал запись в корабельном журнале: «Атакован двумя пиратскими судами. Один из нападающих уничтожен, второй бежал...»

Капитану очень нравился этот сухой мужественный стиль, и время от времени он перечитывал запись. Конечно, это все были выдумки. Капитан провел четыре увлекательных часа, расстреливая крупные метеориты — «Авантюра» как раз проходила метеорный поток. Нова-пушки оказались отличнейшей штучкой! Нацеливаешь турель на объект — и если объект остается на месте, все нормально. Но пусть только дернется — и ему крышка! Конечно, если предварительно не увести турель в сторону. Лучшего способа перехватывать пиратские суда не придумаешь!

Четыре дня спустя «Авантюра» вновь углубилась в пространство Империи, направляясь к столице местной провинции. Дважды их окликали патрульные корабли — и капитан с облегчением отмечал, как три пассажирки немедленно уединялись в своей каюте. Он знал, что колдовской оранжевый шарик огня пляшет над срезанной верхушкой проволоочной пирамиды — вжжиикк-двигатель был готов включиться в любую минуту.

Полиция тем не менее удовлетворялась обычной процедурой опознания. Видимо, о приключениях «Авантюры» здесь пока не знали, и в список «Разыскивается...» корабль пока не попал.

Малин составила капитану компанию, когда он отправился в местный банк, через который предполагалось вернуть на Порлумму собственность Вансинга. Сестры ее, по настойчивой просьбе капитана, остались на борту.

Сама процедура прошла без видимых затруднений. Драгоценности будут возвращены на Порлумму в течение месяца. Но капитану пришлось выложить несусветную сумму, чтобы уплатить страховку. «Пираты, знаете ли, грабители! — с улыбкой объяснил клерк. — Даже смертной казни не боятся эти крысы!» И капитану, естественно, пришлось зарегистрировать имя, название корабля, планету приписки и тому подобное. Поскольку на Порлумме эти сведения уже были известны, капитан без колебаний сообщил требуемую информацию.

На обратном пути в космопорт он отослал кодированное сообщение на Порлумму, в котором ставил ограбленного юве-

лира в известность о содеянном и выражал искреннее сожаление по поводу недоразумения.

После этого капитан почувствовал себя несколько лучше, несмотря не жестокий удар, который нанесла его бюджету страховка. Если на Карресе он не найдет способа выдоить солидную прибыль, потери от разоренной фермы миффелей будут едва-едва покрыты.

Потом он обратил внимание, что с Малин что-то не то. Девочка явно нервничала.

— Нужно спешить! — объяснила она, и больше он не выудил из нее ни слова. Лицо у Малин стало белым, как мел.

Капитан все понял. У Малин случился очередной предвид. Ее дар имел, судя по всему, один крупный недостаток — если назревали неприятности, Малин предвидела лишь сам голый факт, а детали приходилось угадывать самостоятельно. Они поймали аэротакси и помчались в порт.

Едва корабль успел получить разрешение на взлет, как капитан заметил несколько человек в форменной одежде. Люди эти на всех парах неслись к причалу «Авантюры». Когда корабль, словно пьяно покачиваясь, с трудом поднялся в воздух, все они поспешили разбежаться. И не только эти, в форме, но и вообще все, кто находился в поле зрения капитана.

Взлет был крайне неудачный — один из худших, какие капитану приходилось переживать. Но подняв корабль, тем не менее, капитан направил его на ночную сторону планеты, где развернул носом в сторону границ имперской зоны. «Авантюра» еще не забыла былые дни работы в противопиратном патруле и, если ее как следует пришпорить, выдавала хорошую скорость. На время ночного отдыха капитан позволил ей показать все, на что она способна.

К чудесному вжжиикк-двигателю на этот раз прибегнуть не пришлось.

На следующий день Позерт имел продолжительную беседу с Гоф на тему Золотого Правила и Буквы Закона. Жаль, что советник Онсвуд не присутствовал при этом, он наверняка не удержался бы от ворчливого одобрения, услышав некоторые из капитановых изречений. Юная правонарушительница выслушала Позерта бесстрастно, но капитану показалось, что его суровый тон произвел определенное впечатление.

Два дня спустя, уже далеко за границами Империи, пришлось совершить непредвиденную остановку на одном сателлите, где добывали минералы. Капитан обнаружил, что он переоценил ресурсы «Авантюры» — слишком долго корабль летел в овердрайве. Им придется дозаправиться...

На станции рядом с «Авантюрой» оказался большой, очень красивый грузовоз с Сириуса. Поскольку грузовоз крейсиро-

вал преимущественно в заграничных пространствах, он был наполовину военным кораблем. Им пришлось ждать, пока обслужат сириан, и времени это заняло немало. Сириане оказались настолько же несимпатичными, насколько красив был их корабль: задиристые волосатые воображалы, они разговаривали исключительно на собственном диалекте и делали вид, будто о существовании Имперского Универсального не подозревают

Неприятные манеры сириан начали выводить Позерта из себя — особенно после того, как сириане высмеяли его дискуссию с начальником станции по поводу стоимости заправки «Авантюры».

— Вы же в глубоком космосе, капитан! — заявил начальник. — У вас горючки не хватит даже обратно до границы. Цены у нас, само собой, пограничные!

— Но с них вы содрали меньше! — Капитан сердито ткнул пальцем в направлении сирианского грузовоза.

— Это постоянные клиенты, — пожал плечами смотритель. — Залетайте к нам каждые три месяца, и тоже получите скидку

Это был настоящий грабеж! Фактически, капитан оказался у черты банкротства! Но что он мог поделать?

Настроение у капитана не стало лучше, когда он опять напортачил на взлете. Сирианский же грузовоз, как лебедь, чуть позже «Авантюры» выплыл в свободное пространство

Час спустя, когда Позерт в мрачном состоянии духа сидел у пульты управления и пытался оценить шансы на компенсацию потерь, Малин и Ливит влетели в рубку и защелками клавишами управления экранами обзора.

— Видишь, это они! — воскликнула Ливит невинным голосом довольного ребенка.

— Кто они? — рассеянно поинтересовался Позерт.

— Сирианский корабль, — сказала Малин менее радостным тоном. — Они следуют за нами.

Капитан ошарашенно уставился на экран. В самом деле, корабль. В самом деле, сирианский грузовоз, и он явно преследовал их

— Что им нужно? — удивился капитан. — Ведь они не пираты, хотя противнее народа не встречал. Даже будь они пиратами, не стали бы тратить целый час на погоню за такой калошей.

Малин ничего не сказала в ответ, а Ливит заметила:

Братцы, они выдвинули боевые турели... Надо бы нам приготовить пушки!

— Чушь! — Капитан покраснел от злости и повернулся к

передатчику. — Длина официальной имперской волны связи?

— 0,0044, — ответила Малин.

В рубке загрохотал голос разъяренного сирианца. Капитан понял только одно слово — «Авантюра». Его часто повторяли, иногда — вопросительно.

— Ты сириан понимаешь? — спросил он у Малин.

— Ливит умеет, — покачала та головой.

Серые глаза Ливит сверкали. Она кивнула.

— Что он говорит?

— Говорит, что вы должны остановиться, — начала быстро переводить Ливит, явно упрощая синтаксис оригинала. — Говорит, с вас живьем снимут кожу... Ха! Говорит, остановитесь сейчас же, чтобы вас повесили. Говорит...

Малин умчалась. Ливит вцепилась кулачком по передатчику.

— Бик-вок! — крикнула она, и злобный сирианец на пару секунд замолчал.

— Бик-вок? — обиженно проревел он в ответ.

— Бик-вок! — с явным наслаждением подтвердила Ливит и добавила целую связку фонем аналогичного звучания.

Ответом был нечленораздельный гневный вопль.

Капитан, бешено манипулируя прицелом нова-пушек, одновременно орал на Ливит, чтобы она заткнулась, а сирианцам советовал отправиться во Второй Ад Великого Патама — самый плохой. Нет, с него довольно! Сейчас он...

В ж ж и и и к !!!

Вжжиикк-двигатель пришел в действие.

— И где мы теперь? — неестественно спокойным голосом спросил капитан Позерт.

— Примерно на том же месте, — сказала Ливит. — Сириане на экране. Но они отстали — уйдет час, чтобы нас догнать. — У нее был разочарованный вид, потом она просила: — Вы успеете приготовить нова-пушки!

Капитан не ответил. Широкими шагами он двигался вдоль коридора к кормовому отсеку. Проходя мимо капитанской каюты, он отметил, что дверь закрыта, но останавливаться не стал. Он был в бешенстве, он знал, что произошло!

Гоф опять телепортировала — и это после их разговора по душам!

Да, товар оказался в кормовом трюме. Похоже, Гоф имела власть над предметами не больше полуфунта весом. Но этим требованиям отвечало поразительное количество вещей: бутылочки с чем-то — то ли парфюмерия, то ли алкоголь, то ли наркотики, — дорогие на вид одежды, ткани всех цветов

радуги, какие-то коробочки, прочие мелочи и, само собой, драгоценности!

Полчаса понадобилось капитану, чтобы погрузить все в стальной контейнер в кормовом шлюзе, загерметизировать внутренний люк и нажать рычаг автоматического выброса.

Наружный люк закрылся с громким щелчком. Гордо шагая, капитан вернулся в рубку. Ливит не покинула поста, она возилась с передатчиком.

— Можно было бы посвистеть на них, — предложила она.

— Дай мне связь! — приказал капитан.

— Есть, сэр, — удивленно сказала Ливит.

Рев сирианца был приглушен расстоянием.

— ЗАТКНИСЬ! — рявкнул капитан на имперском универсальном.

Сирианец заткнулся.

— Скажи им, что товар я выстрелил за борт в контейнере, пусть забирают! Скажи, что я следую собственным курсом и если попробуют преследовать, хоть на одну световую минуту сунутся дальше контейнера, я вернусь, отстрелю им нос и зад и протараню брюхо!

— Есть, сэр! — засияла Ливит.

«Авантюра» проследовала собственным курсом. Ее не преследовали.

— Теперь я поговорю с Гоф, — объявил капитан. — С глазу на глаз, — добавил он. — В кормовом трюме...

Гоф спокойно проследовала за ним в трюмный отсек. Капитан затворил дверь в коридор, отломил двухфутовый кусок от одного из сверхдорогих удилиц из звенящего дерева, которые подсунул коварный советник Раппорт. Получилась приличная розга.

Но Гоф — какая она маленькая, беззащитная! Капитан прокашлялся. Ему снова захотелось домой, на Никкельдепейн.

— Я тебя предупреждал, — сказал он нерешительно.

Гоф хранила спокойствие. Но секунду спустя она, казалось, заметно выросла. Карие глаза пристально смотрели на Адамово яблоко шеи капитана, она оскалилась уголком рта: на лице появилось несколько хищное выражение.

— Я бы не стала, — тихо, но с угрозой посоветовала она.

Почувствовав свежий прилив бешенства, капитан захватил в горсть ее кожаную куртку. Что-то мелькнуло, и его левая коленная чашечка будто взорвалась. Застонав от боли и удивления, капитан рухнул на тюк с всепогодными накидками, которые ему всучил тот же Раппорт. Но он не отпустил куртку... Гоф упала на него сверху, и это была удачная по-

зиция. Вдруг шея Гоф вытянулась, как у змеи, и зубы впились в кисть капитана.

У горностаев хватка мертвая...

— Думала, он сдрейфит! — донесся из интеркома голос Гоф.

В тоне слышалось ворчливое восхищение. Кажется, она осматривала синяки.

Капитан был занят накладыванием повязки на прокушенное запястье. Надеюсь, подумал он, синяков у нее немало. Долго будет считать. Колено распухло — казалось, теперь оно размерами с подушку дивана, — и боль пульсировала, как поршень двигателя внутреннего сгорания.

— Капитан — храбрый человек, — с укором сказала Малин. — Тебе следовало быть осторожнее...

— Только он не очень умный! — намекнула Ливит.

Пауза.

— Правда, Гоф? — с надеждой сказала Ливит.

— Да, наверное.

— Оставьте его в покое! — приказала Малин. — Если только... — многозначительно добавила она, — не желаете плыть домой по трассе Охотника!

— Только не я! — Ливит была лаконична.

— Могла бы и попробовать, — задумчиво сказала Гоф. — Кажется, она размышляла. — Ну ладно, мы его оставим в покое. Это была честная драка.

Глава 4

Каррес возник в поле зрения на шестнадцатый день с момента взлета на Порлумме. Последняя часть пути прошла без происшествий. Впрочем, остановок больше не делали и в контакт с беззащитной Империей не вступали. Малин сварганила какие-то припарки, чудесным образом исцелившие колено Позерта. Поскольку уже показался родной берег, волнение спало. Малин даже с каждым часом немного грустнела — видимо, предчувствуя расставание.

Обнаружить Каррес было нетрудно, так как планета вращалась вокруг светила в противоположную движению остальных планет сторону.

Это закономерно, поразмыслив, решил капитан.

Корабль вошел в атмосферу планеты на дневной стороне, не вызвав никакого внешнего интереса обитателей. Передатчик молчал, ни один корабль не поднялся навстречу для осмотра. Каррес имел вид необитаемой планеты. Много мо-

рей — слишком большие, чтобы называться озерами, и слишком маленькие для океанов. Громадная горная гряда бежала от полюса до полюса, имелось также довольно более мелких горных цепей. Полюса были накрыты солидных размеров снежными шапками, в южном полушарии было много снеговых пятен. Кроме того, почти всю сушу покрывал дремучий лес.

У этой планеты была своеобразная мрачная красота.

Они плыли над ней — из полдня в закат и снова в рассветную зону — капитан сидел за пультом, Гоф и Ливит расположились на флангах, Малин — в тылу. Девочки указывали направление. Ливит, после нескольких восторженных взвизгов, вдруг погрузилась в молчание. Немного спустя капитан с изумлением услышал, что юная ведьма всхлипывает.

Реакция Ливит поразила его, и он уловил движение за спиной — Гоф протянула руку, обняла сестричку. Младшая ведьма счастливо шмыгнула носом.

— Красиво как! — проворчала она.

Капитан вновь почувствовал прилив теплых дружеских чувств, желания защитить, которые поначалу вызывали в нем девчонки. Несладко им пришлось, должно быть. Он вздохнул. Жаль, что они не смогли подружиться!

— Куда все попрятались? — спросил он, чтобы нарушить молчание.

До сих пор признаков человеческого обитания не встретилось.

— На Карресе мало людей, — объяснила из-за его плеча Малин. — Мы летим в Город... там живет почти половина.

— А что это внизу? — с внезапным интересом спросил капитан.

В дно долины будто вделали громадную известково-белую чашу.

— Это Театр, здесь — ой! — Ливит замолчала, бросив на Малин смущенный взгляд.

— Секрет, да? Не для чужаков? — снисходительно предположил капитан. Гоф искоса взглянула на него.

— У нас тоже есть правила.

Позерт немного снизился, проводя корабль над чашей. Что-то вроде арены с многочисленными рядами сидений на склонах. Все голо и безлюдно.

По указанию Малин он повернул направо в месте, где долина расходилась вилкой на две, и снизился еще больше. Здесь он впервые познакомился с фауной Карреса. Почти под ними промелькнула стая кремово-белых птиц весьма земного вида. На корабль птицы не обратили внимания. Лес внизу кончился, уступив место сочной траве лугов со множеством

змеившихся ручейков. Здесь паслось стадо животных размером с мастодонтов и сходного строения. Спина у них были безволосые, черные и блестящие. Они провожали «Авантюру» какими-то сардоническими улыбками, задирая вытянутые тяжелые головы.

— Черные болемы, — сказала Гоф, явно наслаждаясь выражением на капитановом лице. — Они прирученные. А в горах — дикие, серые. На них здорово охотиться.

— И мясо вкусенькое! — вставила Ливит, изящно проведя кончиком языка по губам. — Завтрак! — вздохнула она. Мысли ее влились в привычное русло. — Мы должны как раз успеть!

— Вот то поле! — воскликнула Малин, показывая пальцем. — Опускайтесь туда, капитан!

Поле оказалось всего-навсего коротко подстриженной лужайкой. Слева лужок непосредственно переходил в горный склон. На поле стоял небольшой аппарат ярко-синего цвета. С двух сторон поле ограничивали высокие деревья с черносиней листвой.

Вот и все.

Капитан тряхнул головой. Потом он посадил корабль.

Город поразил капитана. Во-первых, он был намного обширнее, чем можно было предположить, глядя с воздуха: город растянулся на мили сквозь лес, вверх по склонам и через всю долину, группами домов, тщательно укрытыми со всех сторон и сверху деревьями.

На Карресе любили яркие цвета. Зачем же потом их прятали в листве? Дома были, как цветы: красные, белые, зеленые, золотисто-коричневые, щеголеватые чистюли, наполненные свежим лесным воздухом. Ручьи и пруды, множество защищенных древесными кронами огородов. Рискованно заброшенные на верхушки деревьев прощадки-платформы и галереи — каково их назначение, угадать было невозможно. Внизу — лабиринт тропинок, песчаные дорожки змеились между бурых древесных корневищ и серых валунов. На тропинках было много опавшей хвои, а когда капитан пытался отправиться погулять в одиночку, он безнадежно терялся уже несколько минут спустя.

Но труднее всего было отыскать людей! В городе обитало, предположительно, тысячи четыре, примерно столько же растворилось где-то в планетных просторах. Но за раз более трех-четырёх капитан не видел, не считая ребятишек, которые стайками время от времени возникали на тропинке перед ним и тут же исчезали в подлеске.

Ростом все они были не выше Ливит.

Что касается остальных, то иногда до капитана доносилось

пение, иногда целый концерт под аккомпанемент деревянных инструментов.

Все-таки ненастоящий город, думал капитан. Не по-человечески они живут, эти ведьмы Карреса. Словно стая странных лесных птиц, но все были чем-то заняты. А чем они занимаются?

Ему не хотелось задавать Толл слишком много вопросов на эту тему. Толл была мамой трех юных знакомых капитана. Но только Гоф действительно была похожа на нее. Трудно было представить Гоф повзрослевшей, с приятными округлостями фигуры — но такова была Толл. Тот же мурлыкающий голос, та же привычка наблюдать искоса и втайне над чем-то размышлять. Она отвечала на все вопросы капитана откровенно. Тем не менее ему никак не удавалось добыть из нее настоящие сведения.

Странное положение! Ведь он каждый день проводил несколько часов в обществе Толл — или в одной из соседних комнат, пока она хлопотала по дому. Дочери Толл привели капитана в свой дом после посадки, и он был размещен в комнате, принадлежавшей их отцу. Как понял капитан, сам отец в данный момент был занят исследованиями в области геологии где-то в другом месте Карреса. Поначалу он испытывал определенную неловкость, тем более что он и Толл довольно много времени проводили в доме одни. Малин посещала что-то вроде школы, убегала рано утром, а Гоф с Ливит просто-напросто бесились! Обычно они возвращались, когда капитан давно отошел ко сну, и покидали дом родной пока капитан не успел даже выйти к завтраку.

Неужели можно вот так воспитывать детей? Однажды он обнаружил свернувшуюся калачиком Ливит в кресле, которое капитан облюбовал на крыльце. Она проспала часа четыре кряду, пока Позерт сидел неподалеку и перелистывал книгу со светящимися иллюстрациями. Книга называлась «История древнего Ярта». Время от времени он отхлебывал прохладного зеленого напитка, слегка пьянящего, который незаметно принесла Толл, или затягивался ароматическим дымом громадной трубки, вмонтированной в пол — как он понял, это была любимица мужа Толл.

Потом Ливит вдруг проснулась, потянулась, посмотрела на капитана — полухмуро-полудружелюбно, соскользнула с крыльца и растворилась в листве ближайших деревьев.

Капитан ничего не понял. Станный взгляд! Возможно, ему показалось, а возможно...

Капитан отложил книгу и предался тревожным мыслям. Чего нет, его присутствие никого не волновало. Все на Кар-

ресе каким-то образом знали о капитане, со многими людьми он теперь здоровался на дружеской ноге. Но никто не удосужился взять у него интервью или просто навестить капитана. К тому же, муж Толл скоро должен вернуться и...

Сколько же он провел на Карресе?

Великий Патам, потрясенно подумал капитан, я потерял счет времени!

Дни? Или недели?

Он пошел искать Толл.

— Я чудесно погостил у вас, но кажется, мне пора отправляться домой. Завтра утром, рано...

Толл отложила вышивку в стеклянную корзинку, сложила тонкие сильные руки колдуньи на коленях и улыбнулась капитану.

— Мы предвидели ваше желание и поэтому... Понимаете, капитан, нелегко было найти способ вознаградить вас за возвращение девочек домой.

— Правда? — Капитан только сейчас вспомнил, что он — полный банкрот! И впереди маячит возмездие. Гнев советника Онсвуда.

— Золото и драгоценные камни — это было бы то, что нужно. К сожалению, мы так и не удосужились заняться их поисками — хотя где-то на Карресе и первого и вторых должно быть в избытке. Деньгами мы тоже не пользуемся — во всяком случае, привычными для вас деньгами.

— Да, понимаю, — печально согласился капитан.

— И все же, — продолжала Толл, — мы всем городом обсудили проблему и загрузили ваш корабль. Надеюсь, вы сможете прибыльно продать эти вещи.

— О, что вы, — с благодарностью сказал капитан, — это очень мило.

— Меха, — объявила Толл, — самые нежные меха — две тысячи шкурок!

— О! — воскликнул капитан, продолжая мужественно улыбаться. — Просто чудесно!

— И благовонные эссенции! Все принесли по бутылочке, получилось восемь тысяч триста двадцать три флакона, все разные.

— Духи! — простонал капитан. — Чудесно, чудесно, но, в самом деле, не стоило...

— И, наконец, — торжественно заключила Толл, — зеленое вино ягод лепти, которое вы так полюбили, и мармеладки из ягод винтен! — Она нахмурилась. — Вот беда, забыла, сколько именно кувшинов и банок, — призналась она. — Очень много, во всяком случае. Все уже погружено. Думаете, вы сможете все это продать?

— Никаких сомнений! — твердо сказал капитан. — Ничего подобного в Империи не видывали.

Это была чистая правда. Мех миффелей на Карресе даже для подкладки не взяли бы. Но будь капитан сейчас один, он бы точно расплакался.

Ведьмы Карреса выбрали самый непродажный товар. Меха, косметика, пищевые продукты и вина — если Позерт попытается сунуться с ними в Империю, его расстреляют еще на орбите! По той же причине он не мог продать товар на Никкельдепейне — там очень боялись заразы и уничтожали любой товар с нелегализованных планет.

На следующее утро он завтракал один. Толл оставила записку, в которой объясняла причину отсутствия — ей нужно найти Ливит. Если капитан улетит до ее прихода, она желает ему удачи.

Он смазал две булочки мармеладом из ягод винтен, выпил большую чашку кофе из местных шишек, подобрал остатки омлета из яиц лебедеястреба, потом, чувствуя приятную тяжесть в желудке, погонял по тарелке аппетитные ломтики жареной печени боллема. Какая еда! На Карресе он поправился фунтов на пятнадцать, не меньше.

Интересно, как удастся Толл сохранять стройную фигуру?

Он с сожалением встал из-за стола, сунул записку в карман — на память — и вышел на крыльцо. В его объятия бросилась заплаканная Малин.

— Капитан! — всхлипнула она, — вы улетаете...

— Ну, ну! — тронутый и немного удивленный ее печалью, он погладил Малин по плечу. — Я вернусь! — вырвалось у него.

— Конечно, обязательно возвращайтесь. — Помолчав, Малин добавила: — Через два года мне уже можно выходить замуж.

— Гм, в самом деле, — пробормотал капитан ошарашенно.

Несколько минут спустя он шагал по тропинке, в ушах звенела незнакомая мелодия. За первым поворотом мелодия вдруг перешла в довольно противный тонкий визг. Источник располагался, вроде бы, футах в двухстах впереди. Миновав следующий поворот, капитан вышел на каменистую площадку. В туманном утреннем свете всеми цветами радуги играл плавный фонтан прозрачных пузырей. При ближайшем рассмотрении фонтан оказался гроздью разноцветных мыльных бульб, которые поднимались над большим деревянным корытом, полным горячей воды и мыла. Над корытом склонилась Толл. Ливит возражала против утренней ванны — она делала паузы ровно на столько, чтобы втянуть в легкие свежую порцию воздуха.

Капитан остановился, и над краем корыта появилось злое раскрасневшееся личико Ливит.

— Урод! — взвизгнула она в новом порыве сил. — Чего уставился?

Во взгляде ее сверкала решимость, она чуть вытянула губы вперед трубочкой...

Толл поспешно шлепнула Ливит по заду.

— Она на вас посвистеть хотела, — в спешке пояснила Толл. — Вы лучше отойдите подальше, пока я держу ей голову. Удачи, капитан!

В это утро Каррес казался пустынным обычного. Конечно, было еще очень рано. Меж темных древних деревьев седыми полосами лежал густой туман. Высоко в кронах печально вздыхал ветерок. Откуда-то, с большей высоты, доносились птичьи голоса — наверное, лебедястребы не могли простить капитану омлет.

Где-то вдали нежно играла свирель.

Капитан преодолел половину тропинки, ведущей к посадочному полю, как мимо что-то прожужжало и с громким «Клинк!» вонзилось в ствол прямо перед Позертом.

Это была длинная стрела. На ее древке висела белая карточка, на которой красными буквами было напечатано:

«Никкельдепейнец, замри!»

Капитан замер и осторожно посмотрел вокруг. Никого. Что все это значит?

Его вдруг охватило чувство, будто весь Каррес превратился в холодную туманную западню. По коже побежали мурашки.

— Ха! — рассмеялась Гоф, материализовавшись на скале. — Остановился!

Капитан медленно выдохнул.

— А ты что думала? — поинтересовался он, испытывая легкую слабость.

Словно ящерица, Гоф скользнула вниз, встала перед ним.

— Я хотела попрощаться!

Тоненькая, загорелая, в куртке, бриджах, высоких сапогах и в шапочке серо-зеленого цвета, Гоф явно была в своей стихии. Карие глаза пристально смотрели на капитана, на губах играла чуть заметная улыбка, но в остальном лицо, как и всегда, оставалось бесстрастным. На плече, на ремне, висел хорошо набитый стрелами колчан, в руке — какое-то устройство для стрельбы.

Она заметила его взгляд.

— Охотилась на боллемов в горах, — объяснила она. — На диких. У них мясо вкусное...

Капитан припомнил — в самом деле, домашних боллемов держат в основном для молока, масла и сыра. Да, он успел выяснить множество важных вещей относительно Карреса, ничего не скажешь!

— Ну ладно, прощай, Гоф!

Они солидно пожали друг другу руки. Вот это настоящая ведьма Карреса, решил про себя капитан — более чем сестры, более чем даже Толл. Но ведь практически ничего о них он так и не узнал.

Необычные люди!

Капитан зашагал к кораблю. Ему было грустно.

— Капитан! — окликнула его Гоф. Капитан обернулся. — Поаккуратней на взлете. А то убьетесь!

Капитан ругался вполголоса всю дорогу до шлюза «Авантюры», но взлет действительно получился отвратительный! За ним наблюдало несколько лебедястребов и больше, как показалось капитану, никого.

Глава 5

Возобновить коммерцию внутри Империи не было, конечно, никакой возможности. Но чем больше размышлял капитан Позерт, тем менее вероятным казалось ему, что советник Онсвуд позволит истинному сокровищу проскользнуть сквозь пальцы из-за какого-то там эмбарго. На Никкельдепейне знали все хитрости межзвездного обмена товарами, а сам советник, несомненно, был наиизворотливейшим миффелем во всей республике.

С вновь ожившей надеждой капитан принялся рассуждать о возможности своеобразной торговли между Карресом и Никкельдепейном. Время от времени он вспоминал Малин. и то, что через два года — по времени Карреса — она вступит в брачный возраст. Всякий раз, когда мысли его сворачивали на эту дорожку, в ушах звенели колдовские мелодии.

По корабельному календарю-хронометру он провел на Карресе три недели, но капитан не мог припомнить соотношения тамошнего года к стандартному галактическому.

Обратный путь, как оказалось, получился исключительно скучным. Капитан не в состоянии был хоть чем-нибудь занять себя. Ему впервые пришло в голову, что полеты в космосе — не что иное, как масса полезного времени, убитая самым нудным способом. Он пытался возобновить беседы с Иллилой посредством портрета последней, но портрет хранил холодную отстраненность.

В корабле было непривычно тихо — вот в чем был корень зла! Каюта капитана и, в особенности, коридор навевали кладбищенскую тоску

Но вот на носовые экраны всплыл Никкельдепейн-2. Капитан вывел «Авантюру 7333» на орбиту, передал опознавательный код корабля. Полчаса спустя его вызвал Центр посадочного контроля. Капитан повторил код, добавив название корабля, собственное имя, имя владельца, порт приписки и характер груза.

Груз пришлось описать детально.

— Перейдите на посадочную орбиту номер 21 203 по шкале вашего пульта, — проинструктировал Центр контроля. — К вам причалит таможенная инспекция.

Капитан вышел на указанную орбиту и принялся мрачно рассматривать уныло-плоские континенты и океаны Никкельдепейна-2, проплывавшие под ним.

Три часа спустя к «Аванюре» приблизился корабль. Капитан отключил орбитальную тягу. Зажужжал сигнал передатчика. Капитан щелкнул переключателем.

— Изображение, будьте добры! — попросили его официальным тоном

Капитан нахмурился, отыскал тумблер видеозэкрана и надавил. На экране возникло четыре лица, изображение было мутным,

— Иллила! — воскликнул капитан.

— По крайней мере, — проворчал советник Раппорт, — он вернулся вместе с кораблем, папа Онсвуд!

— Иллила! — сказал капитан.

Советник Онсвуд молчал, и Иллила тоже. Они, кажется, пристально смотрели на капитана, впрочем, изображение было плохое и нельзя было понять, что написано на лицах.

Четвертое лицо, незнакомое, принадлежало мужчине в мундире. Это он разговаривал с капитаном.

— Вам надлежит открыть носовой шлюз, капитан Позерт — сказал таможенник. — Мы проведем официальный досмотр.

Только разблокировав замки шлюза, капитан осознал, что мундир-то у этого типа на таможенный: на досмотр прилетела республиканская полиция.

Он заколебался лишь на секунду. Потом наружный люк носового шлюза широко раскрылся.

Он пытался им объяснить, но они и слушать ничего не хотели. Они вошли на борт в защитных костюмах-репульсорах, все четверо. Капитана они словно не замечали. Иллила, бледная, сердитая и прекрасная, тоже избегала на него смот-

реть, но он все равно не хотел с ней разговаривать при посторонних.

Как хозяева, направились они в трюмный отсек, небрежно осмотрели груз с Карреса.

— Спасательная шлюпка повреждена! — отметил советник Раппорт.

Они обошли капитана стороной и вернулись в рубку. Офицер попросил представить корабельный журнал и регистр коммерческих операций. Капитан предоставил и первое, и второе.

Трое мужчин просмотрели документы. Иллила с каменным лицом глядела в иллюминатор.

— Не очень аккуратно велись записи! — заметил полицейский.

— Удивительно, что он вообще удосужился их вести! — сказал советник Раппорт.

— Впрочем, все и так ясно! — заключил советник Онсвуд.

Трое выпрямились, встали развернутым строем лицом к лицу с Позертом. Советник Онсвуд скрестил руки на груди, выставил подбородок. Советник Раппорт чему-то улыбался.

Офицер замер по стойке «смирно».

Иллила наблюдала сцену со стороны.

— Капитан Позерт, — начал полицейский, — против вас выдвигаются следующие обвинения, частично подтверждаемые проведенным предварительным расследованием...

— Обвинения? — изумился капитан.

— Прошу молчать! — рявкнул советник Онсвуд.

— Во-первых: похищение четверти миллиона мазлей в виде драгоценных камней и ювелирных изделий у гражданина имперской планеты Порлумма...

— Их уже вернули! — запротестовал капитан.

— Возмещение убытков, в особенности вызванное страхом возмездия, не облегчает серьезности обвинения, — процитировал советник Раппорт, разглядывая потолок.

— Во-вторых: покупка людей-рабов, разрешенная законом Империи, но запрещаемая кодексом республики Никкельдепейн и наказуемая от десяти годов штрафных работ до пожизненного срока.

— Я же просто хотел отвезти их на родную планету!

— Об этом мы поговорим позднее, — ответил полицейский. — В-третьих: похищение разнообразных товаров на сумму в сто восемьдесят тысяч мазлей с корабля, принадлежащего имперской планете Леппер, сопровождаемое угрозами применить насилие к экипажу данного корабля...

— Хотел бы сделать разъяснение, — добавил советник Раппорт, разглядывая пол. — Регентство Сириуса, включа-

ющее Леппер, является союзником нашей республики. Мы связаны военными и торговыми договорами значительной важности. Регентство дает нам понять, что подобные враждебные акции гражданина Республики относительно подданных Регентства могут повлечь неблагоприятные последствия для продления этих договоров. К данному обвинению следует, соответственно, присовокупить факт измены.

Он посмотрел на капитана.

— Полагаю, обвиняемый собирается возразить. Украденные ценности были якобы возвращены владельцу. Еще бы — перед лицом превосходящей огневой силы!

— В-четвертых, — терпеливо продолжал полицейский, — порочное и беспутное поведение во время выполнения обязанностей коммерческого агента работодателя, повлекшая ущерб для его репутации и...

— Что? — задохнулся капитан.

— ...включая трех печально известных Ведьм с запрещенной планеты Каррес...

— Точь-в-точь его прадеда Требус, — кивнул советник Онсвуд с мрачным видом. — Это в крови, я же всегда говорил!

— ...и подозрение в продолжительном пребывании на упомянутой запрещенной планете...

— Да я до этого вообще о таком месте не слышал! — возмутился капитан.

— А надо было почитать вот этот экземплярчик «Инструкций и правил»! — воскликнул Раппорт. — Там все сказано!

— Прошу молчать! — рыкнул советник Онсвуд.

— Пятое, — тихо сказал полицейский. — Целенаправленные действия, повлекшие для работодателя материальные потери в размере восьмидесяти двух тысяч маэлей.

— У меня осталось еще пятьдесят две тысячи. И товары из трюма, — сказал капитан, тоже понизив голос, — там их по меньшей мере на полмиллиона!

— Товар контрабандный, а следовательно — бесполезный! — объявил офицер.

Советник Онсвуд громко кашлянул.

— Товар будет конфискован, разумеется, — сказал он. — В случае, если предоставить возможность перепродажи, прибыль — если будет таковая, — пойдет на уплату ваших долгов. В какой-то мере это поможет сократить срок наказания. Теперь другой вопрос...

— Шестое обвинение: разработка и публичная демонстрация нового космического двигателя, который надлежало в самые краткие сроки — и тайно! — представить на рассмотрение соответствующих учреждений республики Никкельдейн!

Они напряженно смотрели на него — и с явным голодным блеском в глазах.

Так вот оно что — вжжиикк-двигатель им нужен!

— Срок вам в значительной мере могут сократить, Позерт, — вкрадчиво сказал советник Онсвуд. — Будьте благодарны. Познакомьте нас с этим изобретением.

— Папа, осторожно! — взвизгнула Иллила.

— Позерт, — севшим голосом поинтересовался Онсвуд, — что у вас в руке?

— Излучатель Блайта, — весь кипя гневом, процедил капитан. На секунду в рубке повисла тишина. Все замерли. Потом правая рука офицера непроизвольно дернулась.

— Но-но! — предупредил капитан.

Советник Раппорт сделал осторожный шаг назад.

— Стой, где стоишь! — приказал капитан.

— Позерт! — в унисон закричали Онсвуд и Иллила.

— Заткнитесь! — сказал им капитан.

Все снова замерли.

— Если бы вы посмотрели повнимательнее, — почти спокойно сказал капитан, — вы бы заметили, что нова-пушки нацелены на ваш корабль. Кораблик сидит тихонько и держит ротик на замке. Вам рекомендую то же самое.

Он ткнул пальцем в полицейского.

— Ваш репульсор включен, — сказал капитан. — Вылезайте через иллюминатор, и живо!

Внутренняя крышка иллюминатора со скрипом растворилась. Волна теплого воздуха лениво прокатилась по рубке, разбросала страницы бортового журнала и регистра коммерческих сделок. В рубку проник холод верхних слоев атмосферы.

— Теперь ты, Онсвуд! — Несколько секунд спустя: — Раппорт, если только голову повернешь...

Юный советник выбрался в иллюминатор куда проворнее, чем можно было ожидать, даже учитывая эффект костюма-репульсора. Капитан поморщился, потер ушибленную ногу. Но игра стоила свеч.

— Позерт! — с нехорошим предчувствием в голосе сказала Иллила. — Ты маньяк!

— Нисколько, моя милая! — жизнерадостно объявил капитан. — Теперь мы с тобой начнем новую жизнь, полную приключений.

— Но Позерт...

— Привыкнешь, — заверил капитан. — Я ведь привык. И Никкельдепейн покажется тебе такой унылой дырой!

— Мы приказали вызвать штурмовые корабли! — побледнев, прошептала Иллила.

— Расстреляем их по всей стратосфере! — воинственно

сказал капитан, защелкивая замок иллюминатора. — Пока ты со мной, они стрелять не посмеют.

Иллила покачала головой.

— Ты не понимаешь, — она в отчаянии заломила руки. — Я не могу остаться!

— Почему же?

— Позерт, я теперь мадам Раппорт.

— Ах, вот как, — сказал капитан. Наступила тишина. — И давно? — упавшим голосом просил он.

— Вчера исполнилось ровно пять месяцев.

— Великий Патам, — с некоторым негодованием вскричал капитан. — Я же к тому времени только-только покинул Никкельдепейн! Мы же были обручены!

— Тайно... и полагаю, — к Иллиле вернулось самообладание, — я имела право передумать!

Снова тишина.

— Полагаю, имела, — согласился капитан. — Ну что ж, иллюминатор можно открыть еще раз. Твой муж ждет. Пошевеливайся!

Он остался один, захлопнул иллюминатор, нажал рычажок дополнительного впрыска кислорода — воздух стал немного редковат. Потом выругался.

Затарактел коммуникатор, требуя внимания. Капитан включил связь.

— Позерт! — Голос советника Онсвуда слегка дрожал. — Мы можем отчалить? Ваши пушки нацелены на нас!

— А, пушки... — Он отклонил прицел немного. — Все, можете валить отсюда.

Полицейский корабль исчез из виду.

Но на смену ему появилась новая компания. Далеко внизу показались мощно набирающие высоту три грозных штурмовых крейсера. Они начали новый виток спирали. Стрелять начнут, когда подберутся поближе — и постараются оставаться внизу, чтобы случайно не отстрелить кусочек Никкельдепейна.

Секунду он сидел, размышляя, но штурмовики начали новый виток, и капитан врубил вспомогательные двигатели, направив нос корабля вниз. Мимо пронесли белые хлопья — «Авантюра» миновала плоскость полета штурмовиков. Потом она оказалась ниже и со стоном во всех сочленениях начала выходить из пике.

Штурмовики уже кинулись врассыпную, начали контрманевр. Капитан выбрал ближайший, навел нова-пушки.

— И... и протараню брюхо! — процедил он сквозь зубы.

ВЖЖ-ИИ-КК!

Это был он, вжжиикк-двигатель. И словно в кошмаре, он все гудел и гудел...

Глава 6

— **Малин!** — взревел капитан, забарабанив кулаками в запертую дверь каюты. — Малин, выключи! Ты убьешь себя!

«Авантюра» вдруг содрогнулась по всей длине, снова, на этот раз сильнее, подпрыгнула и как бы закашлялась. И понеслась дальше на вспомогательных моторах. В какие космические дебри их забросило, мелькнула мысль у капитана. Неважно!

— Малин! — завопил он. — Что с тобой?

Из кабины донеслось тихое «фамп-фамп» и — тишина. Целую минуту капитан потратил, отыскивая в кладовой подходящий режущий инструмент. Несколько секунд спустя секция дверной панели ввалилась, капитан ухватился за край и вместе с панелью кувыркнулся в каюту

Мелькнул мячик оранжевого пламени, неуверенно крутившийся над пирамидкой из черных кривых проволочек, потом огонь исчез, проволочки попадали на столешницу

На полу за столом скорчилась фигурка — вот почему он не сразу ее заметил. Капитан опустился на пол рядом, ноги его вдруг подкосились.

На него взглянули карие глаза, моргнули.

— Выжимает человека, как мочалку! — простонала Гоф. — Есть хочу

— Душу выну! — пообещал капитан. — Если попробуешь еще хоть раз..

— Да брось! — фыкнула Гоф. — Мне надо поесть.

Насыщалась она минут пятнадцать, потом откинулась на спинку кресла и вздохнула.

— Возьми еще мармелада, — предложил капитан участливо. Вид у Гоф был довольно бледный.

Гоф покачала головой.

— Ни кусочка больше! Наконец-то ты разговорился. А то влетел, «Малин!», — кричит, — «Малин!» Ха! У Малин, между прочим, мальчик есть!

— Не шуми, дитя, — остановил ее капитан. — Я размышлял. — Немного спустя он добавил: — В самом деле есть?

— Подцепила в прошлом году, — кивнула Гоф. — Очень симпатичный мальчик... Как только будет можно, они пожениятся. Она просила тебя вернуться, потому что тревожилась. У нее был предвид. Тебя ждали крупные неприятности!

— Она была права, малыш, — зловеще сказал капитан.

— А о чем ты думал?

— Я думал, что как только ты придешь в себя, я отвезу тебя прямо на Каррес!

— Я уже почти пришла. Может, живот будет болеть, и все. На Карреса меня отвезти не получится.

— Кто же меня остановит, позволю узнать? — поинтересовался капитан.

— Нет больше Карреса, — вздохнула Гоф.

— Нет? — тупо повторил капитан, чувствуя, как растет внутри зародыш не совсем определенного страха.

— Нет, он не взорвался или что-нибудь подобное, — успокоила его Гоф. — Его передвинули! У имперцев снова начали трястись поджилки, выслали большущий флот, с бомбами и так далее. Поэтому всех вызвали домой. Им пришлось ждать, пока нас не отыскиали — Малин, Ливит и меня. Потом ты нас привез, и пришлось снова ждать, пока решили, что с тобой делать. И как только ты улетел — мы улетели, я хочу сказать — планету переместили.

— Куда?

— Великий Патам! — пожала плечами Гоф. — Откуда же я знаю? Места полно!

Это верно, внутренне согласился капитан. Перед ним вдруг всплыла сцена... огромная известково-белая чаша наподобие арены, с крытыми рядами сидений... «Театр, здесь...»

Но только теперь сцена была погружена в неестественный мрак, накрывший весь мир. Восемь тысяч ведьм и колдунов Карреса заняли кольцевые ряды Театра, склонив головы вперед, к центру арены, где над пирамидой странно изогнутых стальных балок пылал огромный оранжевый шаг.

И вся планета умчалась со скоростью... какую только способен развить вжжиикк-двигатель! Места полно, совершенно верно. Какие необыкновенные люди!

— Ладно, — вздохнул капитан. — Придется заняться твоим воспитанием. Больше не говори этих слов — «Великий Патам». Это ругательство!

— Я услышала их от тебя! — заметила Гоф.

— Да, верно, — признал капитан. — Я тоже больше не буду. А они не будут волноваться, что ты пропала?

— Не особенно. Мы редко попадаем в серьезные переделки, особенно, когда молодые. В этом возрасте у нас все способности: телепортация, предвиды, свист, как у Ливит. С возрастом это проходит. Но сейчас этой проблемой занимаются, так что у нас не пройдет. Малин уже только и умеет, что предвидеть.

— Но шикарно, согласишься. И... вжжиикк-двигатель — это у вас все умеют, да?

— Угу, — кивнула Гоф. — Но этому обучают. Эту штуку

уже знают досконально. Только тебе я рассказать не могу, пока ты сам не станешь, — добавила она немного стесненно.

— Пока я что? — капитан был вновь озадачен.

— Пока не станешь, как мы. У нас такое правило. А случится это не раньше, как через четыре года по времени Карреса.

— А что будет через четыре года?

— Мое совершеннолетие. Мне можно будет выходить за муж, — сказала Гоф, хмуро разглядывая банку с мармеладом из ягод винтен. — Все уже продумано, — твердо сказал она долькам мармелада в банке. — Как только они решили найти тебе на Карресе жену, я сразу сказала — это буду я. И все потом согласились, даже Малин, у нее ведь уже был мальчик.

— То есть, все было заранее спланировано?

— Конечно. — Гоф поставила банку на место, посмотрела на капитана. — Три недели весь город только о тебе и говорил! Это первый случай! Это очень важно.

Она неуверенно замолчала.

— Теперь все понятно, — согласился капитан.

— Угу, — облегченно вздохнула Гоф, откидываясь на спинку кресла. — Но только мой папа смог придумать, как все устроить, чтобы ты порвал с никкельдепейцами. Он сказал, это у тебя в крови.

— Что же у меня в крови? — терпеливо сказал капитан.

— Что ты с ними порвешь. Моего папу зовут Требус. Ты его пару раз видел в городе. Высокий, блондин с бородой — Малин и Ливит пошли в него.

— Не хочешь ли ты сказать, что это мой прадед Требус? Он чувствовал неестественное спокойствие.

— Именно. Ты ему очень понравился.

— Тесна Галактика! — философски вздохнул капитан. — Так вот куда Требуса занесло... Я бы с ним с удовольствием как-нибудь побеседовал.

— Мы отправимся вдогонку за Карресом через четыре года, когда ты сможешь научиться нужным вещам, — сказала Гоф. — Всего тысяча триста семьдесят два дня, — добавила она. — Но у нас будет много дел. Ты же хочешь расплатиться с долгами, верно? Есть у меня пара идеек...

— Только никаких фокусов с телепортацией! — предупредил капитан.

— Игрушки для младенцев, — презрительно фыркнула Гоф. — Я из них выросла. Это будет честный обмен. Но мы разбогатеем.

— Я не удивлюсь, — признал капитан. Он задумался на

секунду. — Поскольку мы оказались очень дальними, но родственниками, я могу тебя удочерить, на время, пока...

— Само собой, — сказал Гоф и поднялась.

— Ты куда?

— Спать. Устала. — Она остановилась в дверях. — Пока ты можешь почитать «Инструкции и правила». Там про нас много всякого. Правда, и вранья хватает

— А когда ты узнала про интерком? — спросил капитан.

Гоф усмехнулась.

— Еще тогда. А те две ничего не заметили!

— Ну, хорошо. Спокойной ночи, ведьма. Если живот заболит, крикни, я тебе лекарство принесу

— Спокойной ночи, — зевнула Гоф. — Я крикну.

— И помой за ушами! — добавил капитан, припомнив наставления Малин.

— Ладно, — сонно пробормотала Гоф.

Дверь за ней затворилась — но полминуты спустя опять была распахнута. Капитан, который уже склонился над увесистым томом «Общих космических инструкций и правил поведения в пространстве для граждан республики Никкель-депейн», удивленно поднял голову. Книжищу он только что обнаружил в ящике пульта. В дверях, хмурясь, стояла Гоф.

— И ты тоже помой за ушами! — сказала она.

— Как? — Капитан немного подумал. — Ладно, мы оба помоем.

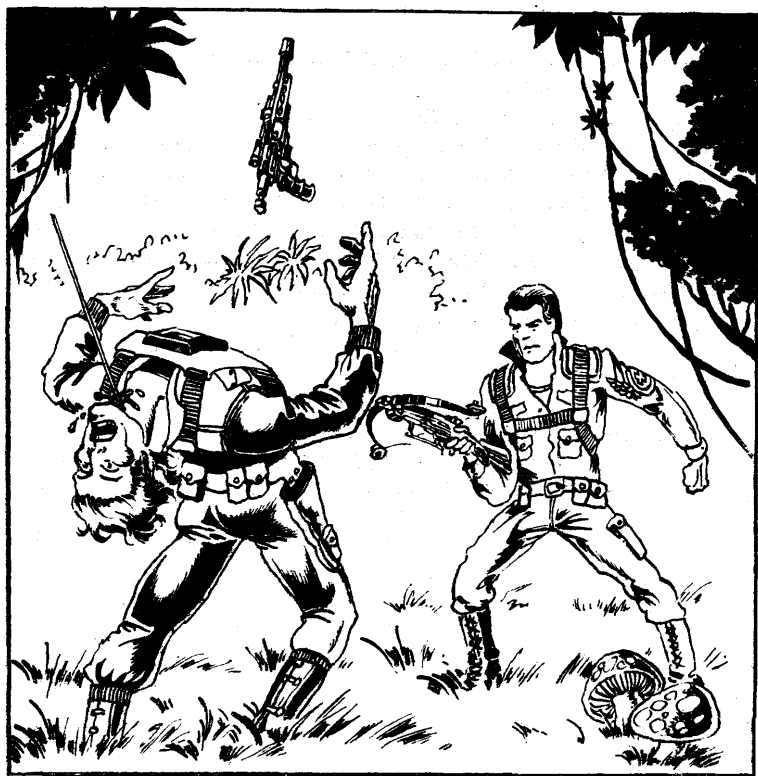
— Годится. — Гоф была довольна.

Дверь снова затворилась.

Капитан провел пальцем вдоль длинного алфавитного указателя на букву «К» — или лучше бы обратиться к «В»?

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

ОРУЖИЕ — МУТАНТ

Глава 1

«При любых обстоятельствах вероятность неблагоприятных последствий всегда больше нуля. Но эта вероятность возрастает многократно, если увеличивается продолжительность действий или поступков. Эффект морального контроля может быть представлен как математически описанное количество, процент, на который сокращается число вероятных неблагоприятных случайностей. Разумеется, назвать этот процесс можно по-разному — разумным использованием вероятности или просто благочестием. В любом случае, это метод сделать неблагоприятные последствия поступка менее вероятными. Поступки, определенные как преступления, математически оправданы быть не могут. Например...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека»

Кэлхаун лежал на койке и читал книгу Фитцджеральда «Вероятность и поведение человека». Его кораблик, принадлежавший Медицинской Службе, парил в гиперпространственном режиме, иначе называемом овердрайвом. Этот режим позволял перемещаться со сверхсветовой скоростью. Во время полета в овердрайве делать совершенно нечего, кроме как убивать время. Друг и помощник Кэлхауна, тормал по имени Мургатройд, свернувшись клубком, спал в углу кабины, тщательно прикрыв нос хвостом. В тишине кабины то и дело раздавались какие-то щелчки, шорохи, постукивания: звуковой фон был необходим человеку, чтобы не сойти с ума в мертвой неподвижности гиперпространственного полета.

Кэлхаун зевнул и перевернул страницу. Что-то зашуршало, громко щелкнуло, и записанный на пленку голос сказал: — Пять секунд до выхода в нормальное пространство после окончания сигнала.

Сурово зазвучал отсчет метронома. Заложив недочитанную страницу, Кэлхаун заставил себя перейти к пульту, сесть в кресло и пристегнуть ремни.

— Мургатройд! — обратился он к тормалу. — Травка зеленеет, солнышко блестит, и кто-то там в гости к нам летит. Очнись, мы прибываем!

Мургатройд открыл один глаз, увидел Кэлхауна в пилотском кресле, встал, потянулся и побрел искать место, где можно за что-нибудь ухватиться. Большие светлые глаза торма внимательно смотрели на Кэлхауна.

— Банг! — сказал голос, и начался отчет: — Пять... четыре... три... два... один...

На счет «один» корабль выскочил в нормальное пространство. Ощущение было незабываемое. Желудок у Кэлхауна вывернуло наизнанку, потом обратно, и так еще два раза. Возникло чувство головокружительного спирального спуска по конусу. Кэлхаун с трудом сглотнул слюну, а снаружи все переменилось.

В иллюминатор заглядывало местное светило, ослепительная Марис. Созвездие Кита осталось за кормой. Хотя Кэлхаун лишь три недели назад покинул штаб-квартиру Медицинской Службы, свет этих звезд должен путешествовать много-много лет, чтобы дойти до точки, где он сейчас находился. Третья планета звезды Марис величественно кружилась по своей орбите. Кэлхаун сверил данные, довольно кивнул и сказал через плечо, обращаясь к Мургатроиду:

— Все в порядке, мы на месте!

— Чи! — пронзительно завопил Мургатройд, раскрутил хвост, которым придерживался за ручку ящика, и вспрыгнул на крышку, чтобы посмотреть на экран.

Конечно, изображение для него смысла не имело. Просто тормапы имитировали поведение людей подобно попугаям, подражающим человеческой речи.

— Это — Марис-3, — объяснил ему Кэлхаун. — До него рукой подать. Там колония с Деттры-2. Как сказано в рапорте, город построен два года — земных года — назад. Сейчас там должна быть приличная колония.

— Чи-чи! — согласился Мургатройд.

— Прочь с дороги! — приказал Кэлхаун. — Начинаем подтягиваться на посадочную орбиту. Я сообщил, что мы прибыли.

Он начал стандартный маневр подхода на внутрисистемной тяге, что, само собой, потребовало времени. Несколько часов спустя он щелкнул тумблером передатчика и запросил разрешения на посадку по стандартной формуле.

— Говорит корабль Медслужбы «Эклипсус-20». Прошу посадки. Прошу координаты космодрома. Наша масса — пятьдесят тонн. Повторяю, пять-ноль тонн. Цель визита — планетарная санинспекция.

Он откинулся на спинку кресла. Задание было рутинным. В космопорту на Марисе-3 должна быть посадочная решетка. Диспетчер сообщит координаты точки, в которой должен зависнуть медкорабль. Посадочная решетка протянет в космос, на расстояние пяти планетных диаметров, щупальце посадочного поля, поймает корабль и, мягко притянув к поверхности, опустит на посадочную решетку. После этого Кэлхаун, как официальный представитель Медслужбы, вступит в серьезные переговоры с властями колонии с целью выяснить состояние общественной системы здравоохранения.

Кэлхаун ждал ответа на запрос и рассматривал диск планеты.

— Судя по карте, — заметил он, обращаясь к Мургатроиду, — город расположен на берегу вон того залива.

С поверхности пришел наконец ответ. В динамике космического фона раздался удивленный голос:

— Что? Что вы там такое сказали?

— Корабль медслужбы «Эклипсус-20», — терпеливо повторил Кэлхаун. — Прошу координаты посадки. Масса пять-ноль тонн. Цель визита: планетарная санинспекция.

— Медкорабль? — с еще большим удивлением сказал голос. — Великие Небеса! — Судя по тону, человек у микрофона отвернулся в сторону: — Эй, вы только послушайте его!

Наступила тишина. Кэлхаун приподнял брови. Он не ожидал затруднений. Он должен был познакомить медиков Мариса-3 с последними достижениями в области медицины. Если даже эти сведения уже имелись на планете, добытые обычным путем обмена и торговли, Кэлхаун должен был в этом убедиться. В любом случае, через три дня он вернулся бы на борт медкорабля, посадочная решетка забросила бы «Эклипсус-20» на орбиту, и Кэлхаун с Мургатройдом поспешили бы с докладом в штаб-квартиру Службы. Возможно, — хотя и маловероятно — он увез бы с собой какую-нибудь новинку, придуманную медиками этой колонии.

Кэлхаун нетерпеливо постукивал по приборной панели пальцами. Слишком долгая пауза. Наконец послышался новый голос.

— Эй, наверху! Отзовитесь!

Кэлхаун очень вежливо ответил.

— Ждите, — сдавленно сказал голос.

Послышалось неразборчивое бормотание. Люди, собравшиеся вокруг передатчика в пятидесяти тысячах миль внизу, совещались. Потом — щелчок. Кэлхаун снова вопросительно поднял брови — это абсолютно не вписывалось в рамки рутинной процедуры! Важность Медслужбы еще никто и никогда не оспаривал. Штаб-квартира местного сектора находилась в созвездии Кита. Сотрудникам приходилось работать с двойной и тройной нагрузкой и существовать Медслужба могло лишь благодаря согласию колоний помогать. Ведь Медслужба была чем-то вроде межзвездной клиники. Сюда собирався и отсюда распространялся новый опыт лечения и диагностики, а время от времени местная служба входила в контакт с аналогичной штаб-квартирой соседнего сектора. Например, новой технологии генной селекции понадобилось всего пятьдесят лет, чтобы пересечь Галактику. Неплохая скорость, учитывая, что полет по прямой в овердрайве занял бы три года. Медицинская служба стоила затраченных усилий. Десятки колоний выжили только благодаря помощи медкораблей. И никогда, нигде медкораблю еще не отказывали в гостеприимстве.

— Слушайте, внизу! — нарушил молчание Кэлхаун. — В чем дело? Вы думаете меня сажать?

Молчание. Потом, совершенно внезапно, кабину наполнил оглушительный грохот. Вибрировало все, что могло вибрировать, подпрыгивать, дребезжать и стучать. Отключилась

система освещения — сработали предохранители. Затарахтел клаксон детектора наружных объектов. Вскрикнул индикатор температуры корпуса. Внутреннее гравиполе дало всплеск интенсивности и полностью исчезло. Пульт словно сошел с ума. На несколько секунд воцарился бедлам.

Потом все стихло. Мертвая тишина. Невесомость, темнота. Где-то жалобно мяукнул Мургатройд.

Кэлхаун вспомнил книгу, которую читал во время полета. По книге, он имел дело с «неблагоприятными последствиями», нацеленными, скорее всего, на прекращение существования медкорабля.

— У кого-то чешутся руки, — подчеркнуто спокойно сказал Кэлхаун. — Черт подери, какая муха их укусила?

Он щелкнул клавишей экранов. Видеоэкраны имели сложную чувствительную систему предохранителей, потому что нет в космосе объекта беспомощнее ослепшего корабля. Экраны, вопреки надежде Кэлхауна, не загорелись: значит, предохранители вовремя не сработали.

Волосы на затылке Кэлхауна зашевелились. По мере того, как глаза привыкли к темноте, он начал различать слабое флюоресцентное свечение и понимать, что произошло. Посадочная решетка «шлепнула» медкорабль силовой «ладонью», рассчитанной на посадку лайнера массой в двадцать тысяч тонн. Такая энергия парализовывала любой прибор и сжигала любой предохранитель. Это не было случайным совпадением и несчастным случаем. Они поняли, с кем имеют дело, переспросили, велели подождать... Да, попытка уничтожить медкорабль налицо.

— Возможно, — сказал сам себе Кэлхаун, окруженный чернильной темнотой кабины, — прибытие медкорабля невыгодно вследствие чьего-то нехорошего поступка и теперь они стараются от нас избавиться. Очень на то похоже.

Мургатройд жалобно завыл.

— И мне кажется, — холодно продолжал Кэлхаун, — что кое-кому не помешает хороший ответный пинок.

Обратная связь!

Отстегнув привязной ремень, он нырком пересек кабину, открыл металлическую дверцу. То, что он сейчас делал, обычно производилось в пункте обслуживания посадочной решетки людьми в толстых изолирующих перчатках. Чудовищная энергия уходила на ввод в овердрайв даже пятидесятитонного корабля и чудовищная энергия возвращалась в аккумуляторы, когда корабль выходил обратно. Теперь Кэлхаун перекинул контакты так, что всю эту энергию можно было сбросить на посадочную решетку.

Он поплыл обратно к пульту.

Корабль дернуло: посадочное поле решетки безжалостно затрясло корпус. Кэлхаун успел схватиться за спинку кресла, но новый жестокий толчок едва не вырвал кресло из его рук. Если бы он не удержался, ускорение расплющило бы его о стенку. «Эклипсус-20» висел как бы на одном конце рычага с плечом в пятьдесят тысяч миль, и сейчас этим рычагом старались как следует его потрясти. Для этого требовались специальные переключения и настройка посадочной решетки. Кто-то их сделал. Новый толчок, в другую сторону. Кэлхаун старался не выпустить спинку. Опять толчок. И еще один. На этот раз повезло — его бросило прямо в кресло.

За спиной сердито шипел Мургатройд — его пронесло через всю кабину, а всеми четырьмя лапами и хвостом зверек пытался за что-нибудь зацепиться.

Кэлхаун едва успел шелкнуть ремнем, как последовал новый рывок — опоздай он на долю секунды, и его макушка протаранила бы потолок. Жуткий всплеск ускорения. Кэлхаун пытался дотянуться до пульта. Рывки становились все чаще, и у него начала кружиться голова. После особенно мощного рывка он на секунду потерял сознание, но каждый раз, когда руки попадали на пульт, Кэлхаун пытался привести в действие нужную цепь. Почти все цепи пережжены, но эта...

Онемевшие пальцы попали на нужную клавишу. Последовал взрыв — это ревели, разряжаясь, аккумуляторы Духанна. Энергия в сотни миллионов киловатт ушла к посадочной решетке в долю секунды. В кабине, как после удара молнии, запахло озоном.

И вдруг все кончилось. Состояние полного покоя казалось до невозможного блаженным. Кэлхаун принялся дрожащими пальцами выключать цепи предохранителей. Замигал и загорелся свет, но экраны оставались слепыми. Кэлхаун в сердцах выругался, негодуя зашипел Мургатройд, висевший на стеллаже для инструментов. Индикатор внешних объектов показывал, что в сорока с чем-то тысячах миль плывет в пространстве коварный Марис-3. Температура наружного корпуса поднялась на пятьдесят шесть градусов, генераторы искусственной гравитации пришли в норму, невесомость исчезла. Только экраны были мертвы. Кэлхауну понадобилось несколько секунд, чтобы подавить бессильную ярость и взять себя в руки.

— Чи-чи-чи! — отчаянно зашелкал Мургатройд. — Чи!

— Заткнись, и без тебя тошно! — проворчал Кэлхаун. — Какой-то шутник на посадочной решетке думал, что изобрел новый способ убийства. Он тряс нас, как собака крысу. Теперь, надеюсь, я его немного поджарил!

Хотя едва ли. Энергия, сброшенная Кэлхауном, распла-

вила трансформаторы решеток, но едва ли добралась до тех, кто стоял у пульта управления комплексом посадки.

Выражение лица Кэлхауна вдруг изменилось — он пытался представить последствия управления ослепшим кораблем. Электронный телескоп! Он не был включен и не мог перегореть, как обзорные экраны! Кэлхаун нажал на клавишу телескопа, и над головой возникло звездное поле.

— Чи-чи! — истерически прокомментировал Мургатройд.

Кэлхаун мельком взглянул на зверька и обнаружил причину — хотя инструменты были плотно закреплены в гнездах стеллажа, хвост Мургатройда оказался защемленным.

— Погоди чуть-чуть, — попросил Кэлхаун. — Нужно создать видимость неуязвимости корабля, иначе они попробуют новый способ. Нужно из несчастливой случайности сделать счастливую!

Во время схватки с посадочной решеткой медкорабль потерял ориентацию, его швыряло в произвольных направлениях и с произвольной скоростью. Кэлхаун включил корректирующие ракеты, заработали батареи высокоимпульсных дюз толщиной в карандаш. Кораблик начал разворачиваться.

— Только не по прямой! — напомнил Кэлхаун сам себе.

Он повел корабль по неверной головокружительной спирали, создавая иллюзию случайного включения корректирующих дюз. Он выбросил за борт весь накопившийся за полет мусор — с поверхности отстрел мусорного контейнера могли принять за взрыв внутри корпуса.

— А теперь..

Через поле зрения телескопа пронесся Марис-3. Поверхность казалась до ужаса близкой, но это был лишь эффект увеличения. Кэлхауна прошиб пот, он бросил встревоженный взгляд на индикатор наружных объектов. Планета стала ближе на тысячу миль.

— Ха! — сказал Кэлхаун.

Он изменил спиральный курс, потом еще раз и еще. Хорошая подготовка в тактике космического боя позволяла ему вести кораблик по эффективному курсу-ускорению, но тогда с планеты быстро распознали бы, что за пультом ловкий пилот. Никто не должен предугадать его маневров. Когда в поле телескопа вновь попала планета, он перешел на прямую, сделал несколько снимков и снова ввел корабль в штопор, падая к планете, перемежая падение хаотическими петлями, а потом помчал почти параллельно поверхности, имитируя обезумевший корабль без пилота.

На высоте в пятьсот миль он поднял броневые шторки иллюминаторов и увидел небо в иглах звезд. По правому

борту распахнулась чернота: он мчался над ночной стороной планеты.

Кэлхаун нажал спуск. На высоте в четыреста миль индикатор наружного давления покинул отметку «0». Кэлхаун произвел в уме несложный расчет, сравнив статическое давление на этой высоте с динамическим давлением движения корабля. Указатель не должен был покидать нулевую отметку. Развернув корабль на сто восемьдесят градусов, он погасил скорость, доведя стрелку индикатора до нужной отметки.

Корабль опускался. Двести миль. Он увидел яркую линию восхода. Еще сто миль долой. Он выключил двигатель и позволил кораблю падать.

На высоте в десять миль он начал искать признаки искусственных излучений. Электромагнитный спектр был пуст, не считая треска грозы в тысяче миль от корабля. На высоте в пять миль нижний индикатор наружных объектов завокнулся, указывая, что корабль движется вдоль гористой местности. Кэлхаун развернул «Эклипсус» и погасил скорость.

На высоте в две мили он включил посадочные ракеты. Ориентируясь по лесистым склонам в иллюминаторах, он добился полной относительной неподвижности корабля и начал опускаться по вертикали. Тонкие фокусированные струи выхлопа били на десятки метров вниз. Поверхность была уже близко.

Вертикаль получилась довольно приличной, если и не идеальной. Корабль опускался в выжженный среди громадных деревьев туннель-шахту. Тонкие струи выхлопа вырыли яму, пробив почву и дойдя до скального ложа. Камень начал плавиться. В этот миг «Эклипсус-20» коснулся грунта. Сорванная струей ракетного пламени ветка осторожно тронула корпус пришельца из космоса.

Кэлхаун вырубил двигатели. Корабль немного накренился, потом замер — посадочные опоры стабилизаторов надежно вошли в грунт.

— Итак, — сказал Кэлхаун, — теперь можно заняться тобой, Мургротройд.

Несколько минут спустя он включил наружные микрофоны, гораздо более чувствительные, чем человеческие уши. Детекторы радиации сообщали только о дальней грозе.

Микрофоны принесли в кабину свист ветра над вершинами гор, оглушающий, как гром, шорох листвы. Сквозь шорох прорывались звуки живой природы — чириканье, шелест, шелканье. В этих звуках местной фауны было что-то исключительно мирное. Кэлхаун уменьшил громкость и превратил звуки в ненавязчивый фон, в концерт ночных существ, который для человеческого уха всегда ассоциировался с полной безмятежностью.

Теперь можно было заняться изучением снимков фотореко-

дера, сделанных во время полета над городом. Именно там находилась решетка, высушившая весь его реверс энергии, без которого ему никогда не вернуться в штаб-квартиру Медслужбы.

На снимках город был виден в мельчайших подробностях. Его кольцом окружала сеть шоссе и автострад, жилые комплексы казались кружками-медальонами, щедрая зелень парков занимала пространство между зданиями. Была видна и посадочная решетка — конструкция из стальных балок в полмили высотой и целую милю в диаметре.

Но на шоссе не было машин. Не было видно пешеходов на улицах. На крышах не стояли коптеры, да и в воздухе не было транспорта. Город или был покинут, или в нем никогда не было жителей. Здания находились в полном порядке, автострады не успели зарости травой. Но город был пуст — или мертв.

Но кто-то же совершил очень эффективную попытку уничтожить медкорабль!

Кэлхаун вопросительно посмотрел на Мургатройда.

— Что ты об этом думаешь? Будут какие-нибудь предложения?

— Чи! — сказал Мургатройд.

Глава 2

«...Целью действия человека всегда является получение желаемого субъективного опыта. Желание коррелирует как интенсивность, так и продолжительность действия. Легко вычислить привлекательность различных степеней интенсивности для данного индивида. Тем не менее необходимо учитывать вариации продолжительности, если мы определяем вероятность совершения им данного поступка. Продолжительность зависит от чувства времени индивида, его правильности и тонкости. Замер чувства времени...»
Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

В конечном итоге Кэлхаун покинул корабль. Но сейчас он пребывал в недоумении. В первое же утро он тщательно проанализировал электромагнитный спектр. Искусственных излучений в эфире Мариса-3 не было. Но наружные микрофоны ближе к полудню уловили далекий рев реактивного двигателя и, выглянув наружу, Кэлхаун заметил белесую полосу инверсионного следа на голубизне неба — ракета прошла в пределах атмосферы. Значит, ракета ищет следы кратера от рухнувшего беспомощного медкорабля.

Это опровергало предположение о необитаемости планеты. Город был внешне пуст, но ведь кто-то пытался уничтожить корабль. Там должны быть люди. Никто не станет уничтожать медкорабль, если только не сложилась на планете ситуация, при которой инспектор Медслужбы может выяс-

нить вещи, о которых Медслужбе знать не стоит. Что же это за ситуация?

Логического объяснения цепочке противоречий пока не было. На Марисе-3 должны жить цивилизованные люди. Но поступали они совершенно нецивилизованным образом. Следовательно...

Кэлхаун надиктовал на ленту краткий отчет обо всем случившемся, вплоть до настоящего момента, и вставил ленту в аварийный ответчик. Если его начнут искать из космоса, ответчик передаст пакет информации. После этого Кэлхаун тщательно заэкранизировал или отключил остальные цепи, чтобы корабль не нашли по энергетическим излучениям. Он подготовил необходимое снаряжение и вместе с Мургатройдом покинул корабль. Само собой, он направился в сторону города — там должен был таиться корень зла и ответ на все вопросы.

Путешествие на собственных двоих оказалось делом непривычным, но не слишком утомительным. Растительность казалась знакомой. Марис-3 был планетой земного типа, его светило относилось к звездам класса Солнца. А в сходных условиях, при одинаковой силе тяжести и составе атмосферы, при одинаковой силе освещения должны возникать похожие организмы. На такой планете появятся и стелющиеся растения, и те, что используют преимущества высоты. Здесь окажется эквивалент травы, эквивалент деревьев, аналогичные промежуточные формы. Аналогия должна распространяться и на животный мир, занимающий параллельные экологические ниши.

Таким образом, мир Мариса-3 выглядел по-земному. То, что встречал в пути Кэлхаун, очень напоминало дикий уголок родной планеты и вовсе не походило на совершенно новый мир. Хотя встречались и забавные странности. Например, травоядные животные без ног, ползающие, как змеи. Или существо размером с голубя, но с крыльями из радужной туманной чешуи. Попадались создания, живущие в симбиозе, и Кэлхауну было очень любопытно узнать, действительно ли это экзотические симбиоты или только формы одного организма, наподобие самцов и самок земных светляков.

Но путь лежал к городу, и времени на биологические исследования не оставалось. Весь первый день похода он искал подходящую местную пищу, чтобы сохранить в целостности неприкосновенный запас походного рациона. Здесь очень пригодился Мургатройд. Маленький тормал имел несколько полезных функций в экипаже «Эклипсуса-20». Он был не просто забавным зверьком, имитировавшим поведение людей, но и приносил пользу. Мургатройд гордо вышагивал на задних лапах рядом с Кэлхауном, иногда опускался на все четыре и все время что-то с интересом исследовал.

Кэлхаун заметил, например, как Мургатройд пробует на вкус невзрачного вида стебель кустарника. Попробовав, Мургатройд проглотил кусок. Кэлхаун про себя отметил растение и отрезал образец, который с помощью эластичного бинта прикрепит к участку кожи на руке выше локтя. Несколько часов спустя аллергическая реакция все еще не дала о себе знать, и Кэлхаун попробовал растение на вкус. Вкус оказался удивительно знакомым — что-то вроде спаржи или шпината: зеленая масса, хорошо наполняющая желудок, но малокалорийная.

Немного позднее Мургатройд обнюхал роскошного вида плод, низко свисавший над травой, но, не притормозившись к нему, побежал дальше. Кэлхаун отметил про себя и это растение. Тормалов в штаб-квартире Медслужбы разводили из-за некоторых очень ценных свойств. У них был очень чувствительный желудок и сходный с человеческим обмен веществ. Если тормал ел какую-то пищу, на 99% она годилась и для человека. И наоборот — не следовало трогать пищу, отвергнутую тормалом. Но настоящая ценность тормалов заключалась далеко не в дегустации незнакомых плодов.

Остановившись на ночлег, Кэлхаун развел костер из кактусоподобного растения, пропитав его горючим маслом. Окружив растение валиком земли, он получил что-то вроде нагревательного элемента электропечки. В свете круглого масляного костерка Кэлхаун даже немного почитал, но свет был слабым, и глаза быстро устали. Кэлхаун зевнул. Конечно, в Медслужбе не продвинуться далеко, если не умеешь прогнозировать поведение людей. Иначе как проверить истинность заявлений пациентов или местной власти? Но сегодня он пешком преодолел изрядное расстояние. Кэлхаун посмотрел на Мургатройда, который сидел в такой же позе, внимательно всматриваясь в собственное подобие книги — в большой плоский лист.

— Мургатройд, — сказал Кэлхаун, — уверен, что любой шум из темноты будет истолкован тобой как признак нежелательного субъективного опыта, то есть опасности. Поэтому, если услышишь, что к нам что-то приближается, дай мне знать. Заранее благодарю.

Мургатройд сказал:

— Чи!

Кэлхаун застегнул спальный мешок и уснул.

На следующий день утром они подошли к границе кукурузного поля. Поле было обработано очень хорошо, злаки были привезены колонистами и для колонистов. Кэлхаун решил осмотреть поле, определить, как давно появились здесь фермеры. И совершенно неожиданно наткнулся на труп.

Труп был свежий. Взяв себя в руки, Кэлхаун постарался осмотреть умершего — или погибшего — без лишних эмоций,

с чисто медицинской точки зрения. Что и когда с этим человеком случилось? Он был очень истощен и, судя по всему, умер от голода. Едва ли он мог быть полевым рабочим. Хотя до города было далеко, это был типичный горожанин, судя по костюму и драгоценностям, довольно состоятельный. Впрочем, в эту эпоху драгоценности указывали больше на характер и род занятий владельца, чем на богатство. В карманах у трупа обнаружились деньги, письменные принадлежности, бумажник с документами и фотографиями и прочие безделицы, которые обычно носит с собой городской житель. Это был государственный служащий, и умирать от голода у него не было причин.

Тем более здесь, рядом с полем сочной зрелой кукурузы! Стебли уходили вверх на десяток футов. Рядом с трупом лежали остатки обгрызенных початков. Они были съедены несколько дней назад, и один остался недоеденным. Если бы человек не мог усваивать кукурузу, у него раздулся бы живот. Но живот у трупа был нормальный. Итак, он ел сырую кукурузу, его организм усваивал пищу, но человек тем не менее умер от голода.

Кэлхаун нахмурился.

— Не отведаешь ли початка, Мургатройд? — спросил он.

Он нагнул стебель, сорвал здоровенный, с пол-ярда початок, очистил от жесткой листвы. Мягкие желтые зерна аппетитно пахли. Кэлхаун протянул початок тормалу.

Мургатройд взял початок в передние лапки и через секунду с наслаждением начал есть.

— Значит, умер он не от кукурузы, — хмуро сказал Кэлхаун. — Что противоречит фактам. Он должен был, на 90%, умереть именно от голода.

Нужно было подождать. Мургатройд прикончил последние зерна, его брюшко заметно выпятилось. Кэлхаун дал ему второй початок, и тормал с не меньшим энтузиазмом принялся за добавку.

— За всю историю Медслужбы еще никому не удавалось отравить тормала, — сказал Кэлхаун. — Твоя пищеварительная система подает звонок тревоги, как только почует что-нибудь вредное. Если бы кукуруза не годилась в пищу, тебя бы уже свалил приступ тошноты.

Но Мургатройд набил желудок до отказа и с явным сожалением оставил второй початок, на котором еще было столько ярко-желтых аппетитных зерен. Положив его аккуратно рядом с собой, тормал потер усы с левой стороны, прочистил языком, повторил процедуру с усами справа и сказал удовлетворенно:

— Чи!

— Прекрасно! — похвалил помощника Кэлхаун. — Чем дальше, тем страшнее!

В рюкзаке имелась, конечно, лабораторная сумка с мини-

атюрным набором инструментов. В полевой работе Медслужбы процедура анализа была сведена к стандартным операциям. Сморщившись, Кэлхаун взял образец ткани и стоя произвел все операции анализа. Когда процедура была закончена, он кое-как похоронил труп и снова, в мрачном настроении, двинулся в путь, в город.

Примерно полчаса они шагали в тишине. Мургатройд после плотного обеда бежал на четырех лапах. Кэлхаун вдруг остановился и сказал:

— Давай-ка проверим тебя, Мургатройд.

Он пощупал пульс тормала, проверил выделение влаги через поры, частоту дыхания. Выдыхаемый тормалом воздух был пропущен через анализатор, определяющий основные показатели обмена веществ. Маленький тормал привык к этим процедурам и спокойно подчинялся. Результат проверки не обманул ожиданий Кэлхауна: Мургатройд был в норме.

— Но! — сердито сказал Кэлхаун. — Мужчина умер от истощения. В образце ткани практически не было жира. Он ел початки, переваривал и умирал от голода. Почему?

Мургатройд неловко заерзал, словно во всем был виноват именно он.

— Чи! — сказал он и жалобно посмотрел на Кэлхауна.

— Я на тебя не сержусь, — сказал Кэлхаун. — Но, черт возьми...

Он уложил комплект полевого лаб-анализа в рюкзак, и они двинулись в путь. Следующая остановка последовала всего минут через десять.

— Что же произошло? Я сделал неправильный вывод. Он ел, усваивал пищу. Почему тогда он умер от голода? Потому что перестал есть? Это невозможно, но это случилось.

— Чи! — уверенно пропищал Мургатройд.

Кэлхаун громко вздохнул, и они замаршировали дальше. Человек умер не от болезни, это ясно. Во всяком случае, не непосредственно. Анализ тканей показывал, что все органы работали нормально до конца. Значит, организм вдруг перестал функционировать. Он перестал есть?

— Он жил в городе... — проворчал Кэлхаун. — А до города чертовски далеко. По-первых, что он здесь делал?

Постояв в нерешительности, Кэлхаун двинулся дальше. Возможно, горожанин заблудился?

— Сам он из города, — медленно рассуждал Кэлхаун. — Город он покинул. Город практически пуст — там наши с тобой незадачливые убийцы. Город был построен для колонистов, вокруг распаханы и засеяны поля. Город стоит, на полях созрел урожай, а где население?

Он нахмурился, глядя под ноги. Мургатройд тоже старался нахмуриться, но получалось плохо.

— Он был вынужден покинуть город? Его изгнала болезнь, эпидемия?

— Чи, — без особой уверенности сказал Мургатройд.

— И я не знаю, — согласился Кэлхаун. — Он умер сам, не был убит. Возможно, он покинул город, спасаясь от тех же людей, которые напали на нас. Они пытались его убить? Но зачем? И зачем они напали на нас? Потому что мы — Медслужба? Чтобы наша служба не узнала, что здесь появилась болезнь? Смехотворно!

Мургатройд обнюхал какое-то мелкое растение, решил, что интереса оно не представляет, и вернулся к Кэлхауну.

— Все это мне не нравится, — сказал Кэлхаун. — В любой экологической системе есть стервятники. Некоторые из них крылатые. Если бы город был полон трупов, над ним кружили бы стервятники. А где они? И возникни эпидемия, корабль Медслужбы приняли бы с распростертыми объятиями! Итак, что все это нам дает, а, Мургатройд?

Мургатройд взял лапкой ладонь Кэлхауна и потянул — ему было скучно. Кэлхаун слишком часто останавливался, и вообще они медленно продвигались, чересчур медленно.

— Парадоксов в природе не бывает, — мрачно сказал Кэлхаун. — Только когда вмешивается человек, получается что-то... что-то вроде чумы, во время которой нападают на корабль Медслужбы. Да, здесь что-то нечисто. Здесь, в космопорту и вообще на каждом шагу. Нужно смотреть в оба, Мургатройд.

Кэлхаун теперь шагал широко, и Мургатройд, отпустив руку, ускочил вперед, на разведку. Впереди показалась новая цепочка холмов, и через час Кэлхаун добрался до нее. Это были источенные временем остатки древней горной цепи, теперь не превышавшие тысячи-тысячи с половиной футов в высоту. На самом гребне Кэлхаун остановился. Самое подходящее время, чтобы передохнуть, осмотреться, вспомнить все, что он видел. Мягкими волнами местность уходила к горизонту, сливаясь с голубой полоской моря. Левее что-то белело. Кэлхаун вздохнул и достал бинокль.

Это был единственный город Марис-3, столица колонии с Деттры, страдавшей от перенаселенности. С самого начала планировалось население в сто тысяч человек. Он должен был стать ядром прекрасной всепланетной цивилизации, которая в будущем влилась бы в сообщество обитаемых миров.

Кэлхаун начал осматривать город. Конечно, бинокль не шел ни в какое сравнение с электронным телескопом, но и в его окуляры было видно достаточно хорошо. Город был идеален, совершенно цел и пуст. Он казался не мертвым, а скорее замороженным. Одна автострада бежала как раз вдоль линии зрения, но цветных пятнышек машин не было. Дорога и небо над городом пустовали.

Сжав губы, Кэлхаун исследовал прилегающую к городу местность. Квадраты и прямоугольники полей с подготовленной к приему земных культур почвой. Сначала почву очищали мощные бульдозеры, убивая все местные микроорганизмы, семена, корни. Потом над полем распылялись аэрозоли земных почвенных бактерий, азотосвязывающие и фосфоросодержащие, живущие в симбиозе с земными растениями. Но до этого ставились контрольные опыты, чтобы выяснить, как бактерии будут жить в окружении местной микрофлоры. И только после этого высевались семена.

Кэлхаун видел знакомую зелень, оттенок которой ни с чем не спутаешь. Предки этих растений когда-то процветали на Земле и теперь следовали за детьми планеты по всей Галактике.

— По полю всегда можно сказать, что за люди за ним ухаживают, — сказал Кэлхаун, довольно долго рассматривая поля в бинокль. — Вот на тех, впереди, никто не бывал уже несколько недель. Поля ухожены, борозды прямые, вид у злаков здоровый, но проступают признаки заброшенности. Этими полями никто не занимается!

Мургатройд с умным видом рассматривал поля, размышляя над словами Кэлхауна.

— Короче, — сказал Кэлхаун, — мы попали в переплет. Население практически нулевое. Иначе с современными машинами даже один человек мог бы ухаживать за чертовски большой площадью. Здесь, явно, решительным образом изменились планы. Радоваться нечему. Без видеоэкранов в штаб-квартиру не вернуться. В помощи нашей они не нуждаются, хотя Медслужба и получила запрос на инспекцию колонии. Или кто-то отчаянным образом изменил намерения, или решеткой командуют другие люди.

Мургатройд глубокомысленно заметил:

— Чи!

— Тому бедняге, что я похоронил, помощь очень бы даже пригодилась. Возможно, население разбилось на две группы. Одна в помощи не нуждается — они-то нас и потрясли немного на орбите. Вторая... им помощь необходима! Следовательно возможно противостояние, столкновение определенного рода...

Насупив брови, Кэлхаун смотрел вдаль, на горизонт. Мургатройд, совершенно человеческим жестом прикрыв глаза от солнца, смотрел в другую сторону. Кэлхаун ничего особенного не замечал.

— Сделаем предположение, Мургатройд, — сказал Кэлхаун. — Мертвый человек, люди в космопорту, просьба об инспекции. Есть здесь связь?

Мургатройд пристально наблюдал за кустарником примерно в пятидесяти ярдах слева. Кэлхаун двинулся по склону холма

вниз, а Мургатройд, в позе увлеченного наблюдателя, остался на месте. Спина шагнувшего Кэлхауна была обращена к кустам.

Что-то басовито, как тугая толстая струна, зазвенело, и толчок в спину заставил Кэлхауна споткнуться: он упал и замер в неподвижности. Древко толстой стрелы торчало из спины.

Мургатройд заскулил, бросился вниз к Кэлхауну, возбужденно попискивая, затанцевал вокруг хозяина. Передние лапки он комично заломил в жесте отчаяния, попытался тащить Кэлхауна за руку, но Кэлхаун не шевелился.

Из зарослей появилась девушка. Она была очень худая, скорее изможденная, хотя одежда говорила о состоятельности хозяйки и ее принадлежности к горожанам. В руках она держала напоминавшее арбалет примитивное оружие. Подойдя к Кэлхауну, она нагнулась, потянула за древко стрелы.

Кэлхаун ожил. Он дернул девушку за руку, и та неожиданно легко упала на траву. Она сопротивлялась, но преимущество силы и внезапности было на стороне Кэлхауна. Девушка вдруг тяжело, часто задышала и прекратила борьбу. Мургатройд возбужденно танцевал вокруг борющихся.

Кэлхаун быстро вскочил на ноги, а девушка осталась лежать у его ног.

— Честное слово, — профессиональным тоном сказал Кэлхаун. — Как врач могу сказать, что вам лучше бы лежать в постели, а не бродить по зарослям, да еще стрелять в незнакомых людей. К тому же, из такой вот штуки. Давно с вами такое? Сейчас я вас осммотрю. Мы с Мургатройдом надеялись, что встретим кого-нибудь вроде вас, то есть, местного жителя. Единственный местный житель, повстречавшийся нам, ничего рассказать уже не мог.

Он стащил со спины рюкзак, сердито выдернул стрелу. Наконечника не было, стрела оказалась просто заостренной палкой.

Кэлхаун достал футляр полевой лаборатории — она по счастливой случайности не пострадала. Сосредоточившись, он приготовился к экспресс-анализу незадачливой убийцы.

Состояние было тяжелым. Сразу бросалось в глаза сильное истощение. Глаза задышавшейся девушки глубоко запали, она с всхлипом втягивала воздух, не приносящий, казалось облегчения. Так и не сказав ни слова, она провалилась в беспамятство.

— А вот теперь, — произнес Кэлхаун, — на сцене появляется наш друг Мургатройд. Для таких случаев тебя и воспитывали.

Он энергично принялся за работу, заметив некоторое время спустя:

— Кроме чувствительного пищеварения и системы выработки антител, тебе, мой друг, не помешал бы инстинкт сто-

рожевого пса. Иначе в следующий раз меня кто-нибудь подстрелит со спины, как наша юная пациентка. Ты пока посмотри, не бродит ли неприятель в округе?

— Чи! — согласился Мургатройд, хотя, разумеется, ничего не понял.

Кэлхаун ловко ввел иглу в вену девушки, взял немного крови и впрыснул в специальное место в боку Мургатройда. Боли Мургатройд не почувствовал, ему еще в недельном возрасте сделали особую операцию, отключив в этом месте болевые окончания нервов. Половина крови ушла в Мургатройда, половина — в микроампулу экспресс-лаборатории.

— Скажу вам, как коллега коллеге, — сообщил Кэлхаун. — Вы, наверное, уже заметили симптомы анексии, кислородного голодания. Что есть полный абсурд на свежем воздухе, где мы свободно вдыхаем кислород. Еще один парадокс, Мургатройд! Но нужно срочно действовать. Как помочь, если нет кислорода?

Он внимательно посмотрел на девушку. Она была в глубоком обмороке. Явственные признаки истощения, как у мужчины, умершего на обочине кукурузного поля, только девушка была на несколько более ранней стадии. Лук и стрелы — орудие убийства — не соответствовали орудиям, которыми располагали люди на космодроме. Девушка явно не принадлежала к их группе и даже, возможно, сама под угрозой гибели бежала из города.

Кэлхаун взвесил факты, сопоставил и громко от горечи и злости выругался. И тут же оборвал себя, опасаясь, что она услышит.

Но девушка ничего не слышала: она не приходила в сознание.

Глава 3

«Тот фактор человеческого поведения, который еще называют «самоуважением», имеет любопытное сдерживающее свойство. Он сдерживает от упоминания при коммуникации с другими людьми фактор неблагоприятных случайностей, которые, как доказывает теория вероятности, обязательно случаются. С другой стороны, этот же фактор поощряет передачу другим людям сведений о благоприятных случайностях, тем самым в культурах, практикующих «самоуважение», нарастает атрофия принципов, ведущих к такому типу поведения. Упадок общества приносит неудачу его членам в соответствии с законами вероятности...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

Она постепенно, как после кошмарного сна, медленно приходила в себя. Когда она в первый раз открыла глаза, ее блуждающий взгляд упал на Кэлхауна и во взгляде немедленно затлела ненависть. Рука девушки шевельнулась,

пальцы потянулись к ножнам на поясе, хотя нож этот скорее был из столового прибора, чем серьезным оружием. На всякий случай Кэлхаун нож отобрал. Чья-то неопытная рука источила лезвие почти в иглу, явно путем долгого трения о камень.

— Как лечащий врач, запрещаю вам колоть людей таким шилом, — укоризненно сказал Кэлхаун. — Ничего хорошего не выйдет. Меня зовут Кэлхаун, я из Медслужбы вашего сектора. Я прибыл для планетарной санинспекции. Но мой визит пришелся не по вкусу каким-то личностям в городе, и они попытались нас прикончить. Способ был прост — трянуть корабль полем решетки, размазать меня по стенкам кабины. Пришлось идти на аварийную посадку, и теперь я хочу знать, наконец, что происходит.

К ненависти во взгляде девушки прибавилась доля сомнения.

— Вот мое удостоверение, — сказал Кэлхаун и показал жетон, высокого уровня официальный документ, дававший обширнейшие полномочия — конечно, если местные власти способствовали посланцу Медслужбы в его благородной миссии.

— Конечно, жетон можно украсть. Но вот мой свидетель, он готов подтвердить истинность моих слов. Вы слышали о тормалах? Мургатройд готов за меня поручиться.

Он подозревал маленького пушистого спутника. Осторожно подойдя, тормал вежливо подал цепкую лапку, пропингал знаменитое «Чи!» и начал, подражая Кэлхауну, щупать у девушки пульс.

Кэлхаун молча наблюдал, а девушка смотрела на Мургатройда. Слухи о тормалах уже давно разошлись по всей обитаемой Галактике. Их нашли на планете в системе Денеба. Они оказались ласковыми домашними животными, но кроме того обнаружилась исключительная способность вырабатывать иммунитет ко всем болезням, а их человек собирал и сеял на космическом пути немало. Имя исследователя, открывшего это свойство тормаля, не сохранилось, но с тех пор тормаля стали далеко не просто спутниками работников Медслужбы: их все еще было мало и присутствие зверька служило лучшей визиткой для космических врачей.

Девушка с трудом сказала:

— Если бы раньше... теперь поздно уже. Я... я думала, вы из города...

— Я туда иду, — сказал Кэлхаун.

— Они вас убьют.

— Вероятно, да, — согласился Кэлхаун. — Но поговорим о другом. Вы нуждаетесь в помощи, а я — представитель Медслужбы. Я подозреваю, что у вас началась какая-то эпи-

демия. И кто-то в городе не хочет видеть на планете космического врача. Кстати, любопытное у вас оружие.

— Один в нашей группе... у него было хобби, древние виды оружия. У него была коллекция — луки, стрелы, дротики, вот этот арбалет. Ему не нужна энергия, как бластерам. Мы бежали из города, а он потом вернулся и вынес коллекцию. Так мы вооружились.

Кэлхаун кивнул. Самое лучшее начало беседы с пациентом — что-нибудь, не относящееся к теме. Но рассказ девушки как раз очень даже к теме относился. Кроме того, теперь Кэлхаун знал ее положение в обществе. Хотя на большинстве миров не было разделения на классы по степени доходов, социальные группы по сходству вкусов, интересов, месту жительства продолжали оставаться доброй основой для положительных отношений между людьми. Кэлхаун припомнил старомодный термин «верхний слой среднего класса», который больше ничего не значил в экономике, но кое-что значил в медицине.

— Нужно заполнить историю болезни. Имя?

— Хэлэн Джонс, — устало сказала девушка.

Он держал микрофон карманного рекордера поближе, чтобы слова были хорошо слышны на записи. Профессия — статистик. Она входила в административную группу строительства города.

После завершения строительства большинство рабочих улетели обратно на Деттру-2, но административная группа и Хэлэн вместе с ней остались в городе помогать прибывающим колонистам.

— Погодите, — прервал ее рассказ Кэлхаун. — Вы упомянули о бегстве из города. Люди, которые сейчас там остались, — они тоже из вашей группы? Если нет, то откуда они взялись?

Она слабо покачала головой.

— Не знаю... Они появились уже после эпидемии.

— Вот как? Как началась эпидемия? Как это случилось?

Прерывающимся от усталости голосом она продолжила рассказ. Эпидемия началась среди последней партии рабочих перед возвращением на Деттру-2. Их в городе было около тысячи, людей всех классов и занятий. Сначала она появилась среди работавших на обширных полях.

Болезнь успела распространиться прежде, чем ее заметили. Первоначальных симптомов не было, если не считать жалобы на упадок сил и тревожное состояние. Рабочие перестали спорить и ссориться. Обычно здоровые люди ведут себя умеренно агрессивно и ссорятся как бы невзначай. Но теперь на сцену не оставалось энергии.

Потом появилась одышка, больным не хватало воздуха. Симптом открыл один из медиков, заметивший у себя упадок

сил и вдруг начавший задыхаться. Одышка была нешуточная, и он, проверив собственный обмен веществ, заподозрил что-то серьезное. Как показал анализ, уровень обмена веществ был поразительно низким.

— Скажите, — перебил Кэлхаун девушку. — Вы по профессии статистик, но употребляете медицинские термины. Откуда вам обо всем этом известно?

— Это Ким, — устало сказала девушка. — Он учился на врача, входил в медгруппу. Мы... должны были пожениться.

Кэлхаун кивнул.

— Продолжайте, пожалуйста.

Время от времени Хэлэн приходилось отдыхать, собираться с силами, чтобы продолжить рассказ. Одышка среди жертв эпидемии прогрессировала. Вскоре самое простое усилие, например, чтобы подняться на ноги, заставляло синеть от удушья. О ходьбе нечего было и думать. Очень скоро больные могли только неподвижно лежать. Потом впадали в беспамятство и умирали.

— А что обо всем этом думали врачи?

— Ким бы вам подробно рассказал, — прошептала девушка. — Врачи работали до изнеможения, испробовали буквально все! Они получали аналогичные симптомы у подопытных животных, но вируса болезни выделить не могли. Ким говорил, что им не удастся получить чистую культуру. Просто уму непостижимо! Ни один из методов не выделял носителя болезни, а она тем не менее была заразной!

Кэлхаун нахмурился. Появление новых патогенных механизмов маловероятно, но если стандартные лабораторные методы не выделили носителя болезни... Это дело явно для Медслужбы. И люди в городе пытались не пустить его на планету! Описание болезни тоже давало пищу для любопытных сопоставлений.

Носитель болезни удачно прятался от исследователей. Но такая способность не приносит микробу выгоды в естественных условиях, при которых нет причин стараться стать невидимым для электронных микроскопов. Нет причин вырабатывать такое свойство — естественным путем, конечно. Что же здесь происходит?

— Что произошло после того, как эпидемия была распознана?

— Прибыл первый транспорт с Деттры, — безнадежным тоном продолжала девушка. — Мы их не посадили, предупредили о карантине, и транспорт неразгруженным отправился домой.

Кэлхаун кивнул. Естественно, они не стали садиться.

— Потом появился новый корабль. Нас оставалось чело-

век двести, у половины появились симптомы болезни. Корабль сел на собственных двигателях, потому что некому было управлять решеткой.

В этом месте голос девушки начал дрожать — когда она описывала появление в городе экипажа корабля. В городе, где люди умирали, так еще и не пожив по-настоящему на новой планете. Средства связи работали отлично, и бежавшие из города и те, кто там оставался, видели посадку на экранах собственных визифонов, работавших через экраны диспетчерской башни космопорта.

Корабль опустился, появились люди, но на врачей они не были похожи. Видеоэкраны в диспетчерской тут же выключились, и больше связаться с космопортом не удалось. Отрезанные друг от друга в дальних поселках и городских квартирах, уцелевшие колонисты обменивались посланиями отчаянной надежды, что это все-таки врачи. Потом прилетевшие появились в комнате одного из тех, кто как раз вел разговор. Визифон остался включенным, когда владелец открыл прищельцам дверь. Он их радостно приветствовал: он считал их исследователями, прилетевшими найти причину болезни и ее уничтожить.

Собравшиеся у другого визифона все видели. Как вошли незнакомые люди. Как хладнокровно убили их друга и всех, кто еще был в живых из его семьи.

Свидетели убийства, уже почувствовавшие первые симптомы, разбросанные группками по два-три человека в разных местах города, начали тут же сообщать через визифоны. Людей охватил ужас. Может быть, произошла ошибка? Может быть, преступление совершено по воле отдельных лиц, а не командира корабля? Едва ли это могло быть ошибкой. Какой бы чудовищной не казалась идея, но болезнь на Марисе-3, очевидно, решили прекратить тем же способом, каким боролись с эпизоотиями скота: зараженных уничтожат и предотвратят распространение болезни.

Но предположение было слишком ужасным, чтобы поверить в него без неопровержимых доказательств. С наступлением ночи была отключена городская энергосеть, визифоны перестали работать. Закаты на Марисе исключительно красивые и спокойные, но теперь над городом нависла буквально мертвая тишина, и лишь иногда из пустоты черных окон доносился стон умирающих.

Жалкие остатки выживших поспешили покинуть город под покровом темноты. Они бежали в одиночку и группами. Некоторые вели и несли членов семьи, тех, кто уже сам не мог идти. Они помогали женам, мужьям, родителям и детям выбраться на открытую местность, но побег не мог спасти им

жизнь. Он только предотвращал жестокое убийство. Обреченным это почему-то казалось выходом из положения.

— Но это не ваша личная история болезни, — мягко сказал Кэлхаун. — Я хочу узнать, как это было с вами. Когда началась болезнь? Что могло послужить причиной...

— Так вы знаете, что это? — с безнадежным видом спросила Хэлэн.

— Еще нет, — признался Кэлхаун. — У меня слишком мало данных. Я стараюсь собрать побольше.

Хэлэн рассказала о себе. Первым симптомом была апатия, безразличие к окружающему. Она старалась не поддаваться унынию, но апатия с каждым днем усиливалась. Все большее утомление приходило стоило лишь попытаться что-то сделать. Но никаких неприятных ощущений она не испытывала, ни голода, ни жажды, просто чтобы вспомнить о необходимости что-то делать, приходилось напрягать волю.

Симптомы полностью соответствовали кислородному голоданию, которое человек испытывает, например, на большой высоте, в разреженной атмосфере, в негерметизированном фалере с отключенным кислородным питанием. Только здесь процесс был бесконечно более длительным, растянувшимся на недели. Но конец — тот же.

— Я заразилась до побега из города. Теперь я понимаю, у меня осталось несколько дней и я смогу что-то делать и думать, только прилагая все силы. И с каждым днем будет все труднее жить. А потом я перестану питаться.

Она говорила, а Кэлхаун смотрел на крошечные катушки рекодера, перематывавшие многоканальную ленту.

— Но пока у вас хватило энергии на попытку меня убить, — заметил он.

Оружие девушки было арбалетом со стальной пружиной, которая сжималась с помощью рычажка. Для удобства имелся ствол и приклад с рукоятью. Таким арбалетом было удобно целиться.

— Кто собрал этот арбалет?

— Ким... Ким Уолпол, — сказала девушка после некоторого колебания.

— Значит, вы не одна здесь? Другие люди из группы еще живы?

Она снова помолчала, потом сказала:

— Мы поняли, что в одиночку продержаться тяжелее. Выжить все равно нет надежды. Ким сильнее остальных, он зарядил этот арбалет. Он из коллекции Кима.

Кэлхаун принялся задавать вопросы, внешне случайные. Девушка отвечала. В группы было одиннадцать человек. Двое уже умерли. Трое впали в кому. Есть они не могли, кормить

их было невозможно, и они медленно умирали. Больше всего сил оставалось у Кима Уолпола. Он пробрался в город, вернулся с оружием. Он стал лидером группы и продолжал оставаться самым сильным и — так считала Хэлэн — самым умным из них.

Люди ждали смерти, но пришельцы-захватчики — именно захватчиками считали их колонисты — не собирались оставлять их в покое. Из города посылались отряды охотников, выискивавших еще живых колонистов и приканчивавших их на месте.

— Наверное, — равнодушно предположила девушка, — чтобы сжечь тела и уничтожить заразу. Они не хотят ждать. Какой ужас — приходится защищать собственное право на естественную смерть! Поэтому я и выстрелила в вас.

Она замолчала, чтобы перевести дух. Кэлхаун кивнул. Теперь беглецы помогали друг другу избежать насильственной смерти. Под покровом ночи они собирались в одном месте, и те, у кого еще были силы, делали, что могли, для остальных. Днем они прятались в одиночных «норах», разбросанных на порядочном расстоянии друг от друга. Если бы нашли одного, остальные избежали бы бесчестия смерти. Других мотивов поведения уже не оставалось, что говорило о традициях, достойных уважения в глазах Кэлхауна: такие люди должны кое-что знать о науке вероятности поведения, только называть эту науку они будут «этикой». Те, кто их убивал, захватчики, были людьми иного сорта, и они, очевидно, прибыли из совсем другого мира.

— Одну минуточку, — сказал Кэлхаун.

Он подошел к Мургатройду, который, как ему показалось, за последний час несколько приуныл. Кэлхаун проверил дыхание, частоту пульса.

— Я вам помогу дойти до места встречи, — энергично сказал Кэлхаун. — Мургатройд уже реагирует на зараженную кровь. И я хочу поговорить с остальными из вашей группы.

Девушка едва смогла подняться на ноги — даже необходимость что-то делать ее утомляла, но она мужественно, хотя и медленно, пошла к холму. Кэлхаун подобрал забавное допотопное оружие, взвел пружину, вставил на место стрелу и пошел за Хэлэн. В арьергарде бежал Мургатройд.

Пройдя четверть мили, Хэлэн устало приникла к стволу большого дерева. Ей нужно было отдохнуть, но она опасалась опуститься на траву — подниматься потом будет слишком тяжело.

— Я понесу вас, — твердо сказал Кэлхаун. — Показывайте дорогу.

Он взял ее на руки, и они пошли дальше. Девушка была очень легкая — даже при ее стройной фигуре она весила бы гораздо больше, если бы не заболела. Кэлхаун без труда нес ее и антикварное оружие.

Мургатройд не отставал от Кэлхауна и девушки. Они поднялись на невысокий холм, спустились в довольно глубокий овраг, пробрались через густой кустарник и вышли на полянку. Здесь стояло несколько примитивных хижин: навесов из листьев на шестах. Для постоянного жилья навесы и не предназначались — они стали кратковременным укрытием для несчастных, которые хотели спокойно здесь умереть.

Но произошло несчастье. Кэлхаун понял это раньше Хэлэн. Под навесами были устроены постели из листьев, а на листьях лежали мертвецы, очевидно, те, что впали в перманентную кому. Но имелось одно отличие. Кэлхаун положил Хэлэн на землю так, чтобы девушка ничего не увидела, сказав: «Не двигайтесь, лежите тихо и не поворачивайтесь», — пошел к шалашам, чтобы проверить ужасную догадку.

Секунду спустя ярость охватила Кэлхауна. Он очень серьезно относился к своей профессии, которая заключалась в борьбе со смертью. Конечно, ему приходилось проигрывать и он принимал неизбежность поражения в этой борьбе, как и любой другой врач. Но на его месте любой медик пришел бы в ярость при виде людей, которые могли бы стать его пациентами, но теперь лежали с перерезанными глотками.

Он накрыл мертвых ветками и вернулся к Хэлэн.

— Здесь побывали те, из города, — сказал он хрипло. — Они убили всех больных. Наверное, сейчас они ищут остальных.

Мрачно нахмурясь, он обошел полянку в поисках следов. На краю отыскиались несколько глубоких отпечатков подошв. Кэлхаун поставил ногу рядом с отпечатком, нажал всем телом — отпечаток получился не такой глубокий. Значит, здесь прошел человек, весивший больше Кэлхауна. Значит, он не был из группы заболевших таинственной чумой.

На противоположном краю нашлись аналогичные следы, они вели на поляну.

— Всего один, — хладнокровно сказал Кэлхаун. — Значит, не боится. Да и зачем? У городских администраторов оружия при себе не бывает. И они так слабы, что сопротивляться не могут.

Хэлэн не побледнела, она и так была бледна, она только смотрела на Кэлхауна.

— Через час солнце пойдет. — Кэлхаун посмотрел на небо. — Если захватчики будут сжигать тела убитых, убийца сюда вернется. Он заметил, что навесы рассчитаны не на трех людей, а на больше. Он обязательно вернется!

Мургатройд простонал: «Чи!». Он стоял на задних лапах, удивленно смотрел на передние, как на чужие. Он тяжело дышал.

Кэлхаун быстро осмотрел тормаля. Дыхание участилось, сердце билось в том же режиме, что и у Хэлэн, температура тела понизилась. Кэлхаун сказал с жалостью:

— У нас с тобой бывают неприятные моменты, такая уж наша профессия. Но мне хуже, чем тебе. Ведь ты не проделывал со мной всякие грязные штуки, а мне вот приходится тобой рисковать...

— Чи! — жалобно пискнул Мургатройд и заскулил. Кэлхаун осторожно уложил зверьку на подстилку из листьев.

— Лежи спокойно! — приказал он. — Тебе нельзя перенапрягаться!

Мургатройд жалобно заскулил ему вслед, но остался лежать.

Кэлхаун уложил Хэлэн в месте, откуда ей хорошо была видна полянка, но сама она оставалась в укрытии. Сам он спрятался на некотором расстоянии от нее. Он мог бы пойти выслеживать убийцу, но Хэлэн и Мургатройд остались бы без защиты, а убийца мог уйти далеко, если он не собирался сегодня возвращаться. К тому же сейчас жизнь Мургатройда была важнее жизни любого другого живого существа на Марисе-3. От маленького тормала зависело все.

Но самим собой Кэлхаун доволен не был.

Вокруг было тихо, не считая обычных шорохов и прочих звуков, которые слышны в любом живом лесу, где идет нормальная жизнь его обитателей. Иногда доносилось мелодичное попискивание, похожее на звуки флейты — позднее Кэлхаун узнал, что их источником были ползающие существа, напоминающие земных черепах. Глубоким басом гудели порхающие малютки, которых с определенной натяжкой можно было считать птичками. Солнце Марис медленно опускалось к округлой верхушке ближнего холма. С приближением сумерек лес охватила предвечерняя тишина.

Издали слышался шум — кто-то или даже несколько человек, пробираясь через подлесок, шли к поляне. Вскоре слышалась человеческая речь. Из подлеска на полянку вынырнул изможденный юноша, плечом поддерживая совсем обессиленного старика. Кэлхаун жестом велел Хэлэн молчать. Юноша и старик выбрались на полянку, и старик тяжело сел в траву. Юноша, тяжело дыша, остался стоять.

На поляну вышла вторая пара, мужчина и женщина. В слабом свете вечерней зари еще можно было разобрать, какие у них бледные, изглоданные болезнью лица.

С другой стороны вышел пятый человек. У него была темная борода и широкие плечи — когда-то он был сильным мужчиной, но болезнь наложила на него тяжелый отпечаток.

Струдом шевеля губами, люди приветствовали друг друга. Они еще не знали, что их стало на три человека меньше.

Молодой человек с бородой, собравшись с силами, пошел к навесу.

Захныкал Мургатройд.

Вдруг опять зашелестели ветки, но громче, агрессивнее. Чья-то сильная ладонь отвела их в сторону, и на полянку уверенно вышел мужчина. Он был плотного сложения и цвет лица имел отменный. Кэлхаун профессионально отметил, что пришелец немного полноватый, принадлежит к психосоматическому типу людей, не страдающих от душевных мук и счастливо живущих сегодняшним днем.

Кэлхаун поднялся и бесшумно шагнул на поляну. Незнакомец стоял к нему спиной, разглядывая жалких, похожих на скелеты, горожан.

— Назад пришли, да? — дружелюбно сказал убийца. — Ну и молодцы, сэкономили мне массу времени. Покончим сразу и со всеми.

С ленивой уверенностью он потянулся к кобуре бластера на бедре.

— Брось оружие! — рявкнул за его спиной Кэлхаун. — Брось!

Толстяк стремительно повернулся, увидел направленный на него ствол арбалета. В сумерках было видно еще хорошо, и толстяк заметил, что это не бластер-ружье и вообще не современное оружие. Но куда большее значение имела форма Медслужбы.

Толстяк с профессиональной быстротой выхватил бласт-пистолет из кобуры.

И Кэлхаун прострелил ему горло деревянной стрелой. Когда толстяк упал на траву, он был, к сожалению, уже мертв.

Глава 4

«Статистически неопровержимо, что любое действие имеет последствия для совершившего его. И, опять-таки, статистически мы признаем, что последствия акции тяготеют к повторению общего рисунка первоначальной акции. Например, насилие с большой вероятностью вызывает обратное насилие. Таким образом, совершивший поступок рискует подвергнуться неблагоприятным последствиям своей акции, и даже в форме насилия»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

В обезболенный участок на боку Мургатройда было введено полкубика крови Хэлэн. В крови содержался неизвестный возбудитель эпидемии, свирепствовавшей на Марисе-3. Поскольку прививка была сделана непосредственно в кровь, эффект был гораздо большим, чем при попадании инфекции через слизистую оболочку или пищеварение. В последнем случае вообще не было бы эффекта — тормалы крайне невосприимчивы, их организм мгновенно вырабатывал антитела. Сейчас весь организм тормала включился в выработку антител. Инкубационного периода практически не было.

Мургатройд, которому ввели культуру неизвестного микроба за три часа до заката к сумеркам уже выказывал все признаки бурной реакции. Но два часа спустя, пронзительно прокричав «Чи-чи!», он поднялся: он пробудился от тяжелого сна, в котором пребывал эти два часа. На полянке горел костер, вокруг него собрались истощенные горожане. Они беседовали с Кэлхауном.

— Захватчики, а это именно захватчики, — говорил Кэлхаун, — должны обладать иммунитетом, иначе бы боялись заразиться. Город заражен, но они не боятся. Потом пытаются убить меня. Следовательно, они знают, что это за болезнь, и их не устраивает одно — болезнь недостаточно быстро убивает. И они спешат ей помочь. Разумные существа так себя не ведут. — Значит, чума — не природная болезнь! Кто-то спланировал все события с самого начала. К несчастью, человек с бластером ничего рассказать не может. Я хотел его только ранить, но арбалет — не очень точное оружие. В карманах у него ничего существенного не было, единственная существенная деталь — ключи от кара. Где-то его ждет машина.

Бородатый молодой человек сказал:

— Они не с Деттры. У нас такой формы не носят. И застежки не такие, как у нас. Они с другой планеты.

Мургатройд заметил Кэлхауна и вприпрыжку помчался к хозяину. Радостно попискивая, он обнял ноги Кэлхауна. Скелетоподобные жертвы чумы изумленно смотрели на тормала.

— Это Мургатройд, — с огромным облегчением произнес Кэлхаун. — Он победил чуму. Теперь мы всех вас вылечим. Эх, если бы побольше света!

Кэлхаун пощупал пульс тормала, проверил частоту дыхания. Мургатройд источал энергию, здоровье — это свойство присуще всем животным, но у тормалов оно достигало высшей стадии. Кэлхаун умиленно смотрел на четвероногого друга.

— Отлично, — сказал он наконец. — Пойдем!

Он вытащил из костра ветку, внутри которой был растительный сок, похожий на каучук. Сок горел ярко, с треском. Он вручил ветку бородатому юноше, сам пошел впереди. Мургатройд, довольный, шел сзади. Под незанятым навесом Кэлхаун раскрыл футляр полевой лаборатории и склонился над Мургатройдом. То, что он делал, не причиняло тормалу боли. Потом Кэлхаун выпрямился и начал рассматривать на свет красную жидкость в стеклянном цилиндре инструмента.

— Двадцать кубических сантиметров, — заметил он. — Мера чрезвычайная. В нормальных условиях я бы так не поступил, но кто сказал, что мы в нормальных условиях.

— По-моему, вы обречены, — сказал юноша. — Инкуба-

ционный период длится шесть дней. Именно столько времени понадобилось, чтобы заболели врачи в комплексе.

Кэлхаун открыл одно из отделений экспресс-лаборатории, в неверном оранжевом свете блеснули миниатюрные трубочки и пипетки. Кэлхаун с бесконечной осторожностью перевел красную жидкость в миниатюрную фильтрующую бочечку, пробив самозатягивающуюся пластиковую мембрану.

— Судя по тому, как вы разговариваете, вы учились медицине.

— Я был интерном, а теперь я кандидат в трупы, — сказал Ким.

— В последнем сомневаюсь. Если бы у меня была дистиллированная вода... Так, теперь антикоагулянт. — Кэлхаун добавил каплю жидкости к раствору, потряс фильтрующую пробирку. — Теперь немного связующего... — Он капнул в пробирку из микроскопической ампулы, снова потряс фильтратор. — Вы уже догадались, наверное, что я делаю. Если бы у меня была нормальная лаборатория, мы бы занялись синтезом сыворотки и скоро вакцина пошла бы из колб потоком. Но нет у нас лаборатории.

— В городе такая есть. Ее готовили для переселенцев. Мы ее оснастили, как положено. Когда началось это безумие, врачи делали все, что можно себе представить. Вплоть до культивирования культур в каждом отдельном случае, но им не удалось найти носителя, даже под электронным микроскопом. — Он помолчал. — Работавшие с культурами заражались сами, их место занимали другие. Каждый врач работал, пока мог...

Кэлхаун, прищурившись, рассматривал содержимое стеклянной пробирки в свете мигающего, трескучего факела-ветки.

— Почти связалось. Подозреваю, в какой-то лаборатории хорошо поработали, чтобы сделать механизм болезни невидимым для стандартной технологии распознавания культур. Мне это не нравится!

Он снова проинспектировал содержимое фильтратора.

— Логически размышляя, руководить отрядом убийц должен тот же человек, который все это придумал. Кто-то ведь должен следить, чтобы все шло как задумано? — Кэлхаун сделал паузу, потом добавил ледяным тоном: — Я не судья, но как работник Медслужбы я должен принять меры!

Он осторожно нажал на плунжер фильтратора, ориентируясь на уровень красной жидкости, которая в свете факела казалась рыжей. На противоположной стороне показалась прозрачная жидкость.

— Итак, ваши врачи ничего не обнаружили. Правильно?

— Ничего, — безнадежно вздохнул Ким. — Были проверены все бактерии планеты. У всех взяли образцы внутриво-

товой и кишечной флоры. Норма. Ничего неизвестного они в этом анализе не обнаружили.

— Возможно, мутация, — сказал Кэлхаун. Он смотрел, как прибавляется чистой сыворотки. — Если не удавалось передать болезнь здоровому организму...

— Искусственное заражение получалось! Введение образцов подопытным животным — через кишечник, слизистую, в кровь — вызывало чуму. Но мы не могли нащупать саму бактерию!

Кэлхаун медленно выжимал плунжер, и скоро с чистой стороны оказалось более двенадцати кубиков сыворотки, а с другой — сухой плотный блок спрессованной массы кровяных клеток. Кэлхаун высосал сыворотку шприцем.

— Условия не стерильные, конечно, но придется рисковать, — сказал он с кислой улыбкой. — От этой истории за световой год воняет спецлабораторией. Так же, как от убицы в форме и симмунитетом к чуме. Чума наша была специально придумана такой, чтобы привести в полное остоленение врачей.

— В полное остоленение! — горько подтвердил Ким.

— Значит, — предположил Кэлхаун, — чистая культура и не должна переносить болезнь. Патогенный аппарат отсутствует в культуре, когда вы его там ищете. Я помню только один случай, когда Мургатройд был болен так же сильно, как сегодня. Ведь сегодня он был очень болен. Тот случай мне надолго запомнился. Ну и пришлось нам попотеть!

— Если бы я не был обречен, — мрачно сказал Ким, — я бы поинтересовался, что это за случай.

— Поскольку вы будете жить, — возразил Кэлхаун, — я вам расскажу. Два организма, отдельно практически безвредные, в присутствии друг друга вырабатывали сильнейшие ядовитые токсины. Это называется синергической парой. Страшнее бризантной бомбы! И выследить парочку было чертовски трудно.

Он пересек поляну в обратном направлении. Мургатройд, припрыгивая, следовал за хозяином, почесывая лапкой обезболенное место на боку.

— Вы — первая, — кратко сообщил Кэлхаун Хэлэн Дронс. — Это сыворотка для выработки антител. Может появиться зуд, но не обязательно. Вашу руку, будьте добры!

Она обнажила жалкую исхудавшую руку. Он ввел Хэлэн кубический сантиметр сыворотки, которая — плюс корпускулы и еще сорок с чем-то необходимых элементов — бежала в последний час по венам и артериям Мургатройда. Кровяные тельца были удалены с помощью связывающего вещества и фильтра, а антикоагулянт, предотвращавший свертывание, аккуратно модифицировал остальное. В течение нескольких

минут лаб-комплекс подготовил сыворотку не хуже, чем любой стандартный промышленный комплекс. В условиях хорошей лаборатории Кэлхаун изолировал бы тела сыворотки, определил их структуру, и синтезированная вакцина спасла бы всех уцелевших жертв эпидемии. Но пока в массовом масштабе производство было ему не по силам.

— Следующий! — сказал Кэлхаун. — Ким, объясните им, что происходит.

Бородатый юноша закатил рукав и объяснил:

— Этот укол может нас вылечить. Если нет, хуже все равно не будет.

И Кэлхаун быстро сделал инъекции вакцины, которая, как он рассчитывал на основании собственного опыта, должна была **победить** неопознанную болезнь, вызванную, по его мнению, не отдельным микробом, а синергической парой бактерий. Древесный уголь горит медленно. Жидкий кислород вообще не горит. В соединении они дают взрыв мощнее динамитного. В медицине синергия означает, что две отдельно друг от друга безобидные субстанции вместе могут давать эффект третьей субстанции...

— Думаю, что к утру вам станет легче, — сказал Кэлхаун, когда с уколами было покончено. — Может быть, вы вообще вылечитесь, только будете чувствовать слабость и голод. Тогда советую уходить подальше от города и надолго. Возможно, готовится новое заселение и транспорты с колонистами уже в пути, только прилетят они не с Деттры-2. И очень опасаясь, что здоровые или больные, вы попадете в переплет, если войдете в контакт с новыми, если их можно так назвать, «колонистами».

Люди молча и устало смотрели на Кэлхауна. Это была особая группа больных. Они были полумертвы от голода, но в глазах не было страдания. Это был тот особый тип людей, которые продолжают поддерживать нить человеческой цивилизации вопреки инерции человека как расы, которые действуют по внутреннему побуждению: оно заставляет их делать то, что должно быть сделано. Пусть это выглядит абсурдно. Почему должны каждый день умыться люди, обреченные на смерть? И помогать друг другу умереть с достоинством — это уже дело не интеллекта, а самоуважения. Но Кэлхаун смотрел на них с симпатией. Именно такие люди берутся за дело в момент опасности. Те, что копят добро, предпочитают обращаться в бегство, а несознательная, неразвитая часть населения бунтует, мародерствует.

Теперь они спокойно и безразлично ждали собственной смерти.

— Тому, что случилось на Марисе, нет прецедента, — объяснил Кэлхаун. — Тысячу или более лет назад жил во Франции

один король, — Франция была страной на Старой Земле, — который пытался уничтожить болезнь проказу, подвергая казни всех, кто имел несчастье этой болезнью заразиться. Прокаженные были помехой. Они не могли работать, не могли нормально общаться с другими людьми, их кормили из милости. Умерших прокаженных хоронили только другие прокаженные. В общем, они нарушали нормальную жизнь остальных людей. Но здесь происходит другое. Вас хотели убить по другой причине. Им нужно было убрать вас немедленно.

Ким Уолпол предположил:

— Они хотят избавиться от наших тел — это вроде санитарии.

— Чепуха! — воскликнул Кэлхаун. — Город заражен, и эти люди не совершили бы посадки, если бы не знали, что им болезнь не грозит.

Тишина.

— Если эпидемия — спланированное преступление, то вы все — его жертвы и свидетели, от вас надлежало избавиться до прибытия новых поселенцев, не с Деттры.

— Чудовищно, чудовищно! — хрипло прошептал темно-бородый мужчина.

— Согласен, — сказал Кэлхаун. — Но межзвездного правительства пока не существует — как в прошлом не существовало всепланетного правительства на Земле. И если кто-то пиратски отнимет у законного владельца колонизированную планету, не найдется власти, могущей преступника покарать. Единственный выход — война! Но кто решится начать межпланетную войну? Если захватчики высадят своих поселенцев, у них все шансы удержать планету за собой. — Он помолчал и добавил с иронией: — Можно, конечно, убедить их в том, что они неправы.

О чем не стоило даже помышлять. Дети и дикари понимают идею справедливости, только если она направлена к ним. Но не понимают идеи справедливости, направленной на других людей. И хотя человеческая цивилизация распростерлась до дальних звезд, очень значительная часть населения оставалась цивилизованной только в том смысле, что умела пользоваться орудиями труда. Большинство людей оставались дикарями или детьми в эмоциональной, моральной жизни.

— Вам придется спрятаться, — повторил Кэлхаун. — Навсегда или нет — это зависит, частью, от моего везения. Мне нужно в город. Нужно решить очень серьезную проблему.

— В город? — с мрачной иронией сказал Ким. — Но там все здоровы. Они охотятся на нас для развлечения.

— Бесполезно бороться с эпидемией, — пока не взят под контроль ее источник. На корабле, принесшем захватчиков,

должны быть руководитель и отличная лаборатория, — продолжал Кэлхаун. — Вы выздоровеете, но я не уверен, что данная синергическая пара — единственный вариант. У них может оказаться в запасе вторая чума, третья и так далее... Понимаете?

Ким молча кивнул.

— Вы сами не заразились? Не забыли сделать укол?

— Введите мне четверть кубика, — попросил Кэлхаун. — Этого должно хватить.

Ким, судя по ловкости, с которой была произведена процедура инъекции, явно умел обращаться с инъектором. Потом Кэлхаун помог остаткам группы уцелевших горожан перейти на подстилки из листьев под навесами — в покое и неподвижности выработанные Мургатройдом антитела имели больше шансов произвести полный эффект. Больные молчали. Пожилые мужчины и женщина вежливо пожелали Кэлхауну спокойной ночи.

Кэлхаун занял удобную позицию для всенощного бдения, Мургатройд устроился рядом. Над полянкой воцарилась тишина.

Но не полная — ночь на Марисе-3 была полна тихих, а иногда и не очень тихих, звуков: со стороны холмов слышалось глухое уханье, в низине что-то трещало — наверное, решил Кэлхаун, стадо животных совершало ночной переход.

Кэлхаун размышлял, рассматривая некоторые довольно мрачные варианты возможного развития событий. Человек, убитый стрелой, приехал на каре. У него мог быть спутник, и этот спутник может пуститься на поиски товарища.

Кроме того, оставалась еще проблема чумы. Кэлхаун пытался срочно вывести, какая именно синергическая комбинация в крови человека могла дать эффект прекращения усвоения кислорода. Дозы дуального яда требовались минимальные... Он мог бы работать как антивитамины или антиэнзим, или ...

Он услышал чьи-то шаги, и рука тронула рукоять бластера. Но причин для тревоги не было. Ким Уолпол с огромным трудом перебирался к навесу, где лежала Хэлэн Джонс, и Кэлхаун услышал его шепот:

— Как ты себя чувствуешь?

— Не могу заснуть. Я все думаю... есть ли у нас надежда?

Ким ничего не ответил.

— Если мы будем жить... — с тоской сказала Хэлэн и замолчала.

Ким вновь промолчал.

Кэлхаун почувствовал, что наступил момент заткнуть уши пальцами, но из соображений общей безопасности этого делать не стоило, поэтому он пару раз кашлянул, выдав свое присутствие.

— Кэлхаун, это вы?

— Да. Если хотите разговаривать, то рекомендую перейти на очень тихий шепот — мне нужно быть настороже. И есть один вопрос... Если чума искусственная, ее нужно было как-то начать. За месяц или две недели до появления первых симптомов среди рабочих... не совершал ли посадки какой-нибудь корабль? Откуда угодно, любой.

— Никаких кораблей не было, — сказал Ким. — Никаких.

Кэлхаун наморщил лоб. Цепочка выводов казалась безупречной. Хэлэн что-то тихо сказала. Ким ответил, потом сказал громче:

— Хэлэн мне напомнила — незадолго до начала чумы над городом прокатился странный гром, где-то за неделю-две до начала эпидемии. Все проснулись, весь город. Раскаты удалились за горизонт, и метеорологи не смогли объяснить, что это было.

Кэлхаун молча размышлял. Мургатройд плотнее прижался к хозяину. Вдруг Кэлхаун щелкнул пальцами.

— Вот оно! Вот где весь фокус! Ответов у меня пока нет, но я знаю, какие вопросы задавать! И кажется, я знаю, где их задавать.

Он, успокоившись, сел. Мургатройд заснул. Доносился шепот голосов с той стороны, где сидели Ким и Хэлэн. Кэлхаун еще раз рассмотрел проблему, стоявшую перед ним. Чума, судя по всему, вызвана парой вирусов. Распыление было совершено с ракетного корабля, имевшего крылья для атмосферного полета. Сделав круг над городом, корабль сбросил замороженные гранулы с культурой вирусов. Гранулы растаяли, не оставив улики, окутав город облаком заразы. Корабль удалился за горизонт, а потом, на ракетных двигателях — на орбиту, прочь от места преступления. Вошел в овердрайв и отправился домой.

Ждать результатов злодеяния...

Кэлхаун чувствовал ледяную злость. Используя такой прием, преступники могут паразитировать за счет других обитаемых Миров. Они могут захватить любую планету, и никто не сможет воспротивиться — захваченная планета будет бесполезной для всех, кроме преступников. Она перейдет в их владение.

События на Марисе-3 могут быть только пробой сил, после чего планета-убийца начнет распространять по всей обитаемой Галактике свои смертоносные щупальца!

Кроме того, необходимо было принять во внимание еще две проблемы. Первая — что будет с людьми, рядовыми членами той цивилизации, которая начнет экспансию за счет уничтожения других звездных колоний? И вторая...

— Полевые испытания, — хладнокровно подвел итог Кэлхаун, — они могут провести ценой убийства одного рядового сотрудника Медслужбы. Но в серьезном масштабе ничего не получится, если сначала они не уничтожат всю Медслужбу. Нет, мне это чрезвычайно не нравится!

Глава 5

«В очень большой степени естественные науки представляют собой осмысленный результат наблюдений. В области человеческого поведения наблюдений достаточно, но успехи в их осмыслении малочисленны. Например, человек, как и другие живые создания, подчиняется законам экологических систем. Но часто в заблуждении он считает, что система состоит из существ, в то время как она состоит из действий этих существ. Часть системы не может влиять на другую часть, не испытывая обратного воздействия. Поэтому очень глупо — и заблуждение это на удивление широко распространено — считать общество пассивной системой. Такой индивид может вообразить, что ему позволено все, а на самом деле реакция не менее энергична, чем ее причина, и сфокусирована не менее четко. Более того...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

Спустя час после восхода рюкзаки Кэлхауна опустели. Еды в нем больше не было. Проснувшись, люди начали испытывать волчий аппетит. Дыхание замедлилось до нормы, пульс больше не колотил молотом, глаза приобрели живой блеск. Но теперь они чувствовали, что находятся на серьезной стадии голодания. Мозг теперь получал достаточно кислорода, обмен веществ вернулся на нормальный уровень, и люди начали в переносном смысле умирать от голода.

Кэлхаун взял на себя роль повара. Он отыскал по указаниям Хэлэн ручей и, пока люди сосали таблетки глюкозы и голодными глазами наблюдали за манипуляциями Кэлхауна, принес воды. Он сварил бульон из концентрата — их желудки пока другой еды выдержать не могли.

Он смотрел, как они едят. Пожилая пара делала аккуратные глотки, поглядывая друг на друга. Широкоплечий мужчина с бородой едва сдерживал себя, чтобы не проглотить порцию одним глотком. Хэлэн, время от времени проглатывая ложку бульона, кормила старика, который подняться уже не мог. Ким ел молча, в мрачной задумчивости.

Вскоре бульон оказал воздействие, пациенты чудесным образом преобразились. Было уже позднее утро.

Кэлхаун отвел в сторону Кима.

— За ночь я приготовил еще порцию сыворотки, — тихо сказал он. — Вы, несомненно, встретите других беглецов. Постарайтесь растянуть запас — вам я вводил большие дозы. Возможно, хватит половины кубика на человека.

— А вы? — с тревогой спросил Ким.

Кэлхаун пожал плечами.

— Если нужно, то права у меня громадные. Мы имеем дело с величайшей для галактической цивилизации опасностью. Я должен немедленно заняться этой проблемой.

— Их там много, и эти убийцы вооружены, — хрипло сказал Ким.

— Они меня не особенно волнуют, — сказал Кэлхаун. — Нужно добраться до человека в центре паутины, который дергает за нити. У него могут быть в запасе другие варианты штаммов. Если испытание на Марисе-3 только испытание нового способа завоевания планет...

— Но они вас убьют!

— Правильно, — согласился Кэлхаун. — Но на моей стороне больше благоприятных случайностей, я работаю вместе с природой, а они против. И как работник Медслужбы, я обязан создать эффективный карантин. Скоро сюда прилетит транспорт.

Тон Кэлхауна был спокоен и деловит. Ким Уолпол изумленно смотрел на врача.

— Вы... хотите их остановить?

— Буду стараться. Правила карантина весьма жесткие.

— Вас убьют, — повторил Ким.

Кэлхаун сделал вид, что не расслышал.

— Теперь еще одно. Убийца нашел вас, двигаясь вдоль ручья.

Он сообразил, что вам нужна вода. Он отыскал ваши следы и по ним вышел на лагерь. Таким же способом вы найдете других скитальцев. Передайте им об опасности. И... оружие. Достаньте как можно больше оружия, лучше современного. Я вам оставлю бластер.

— Кажется, — сквозь зубы процедил Ким, — теперь я знаю, как добыть оружие. Следы на берегу ручья, говорите... Теперь я знаю, что делать.

— Отлично, — согласился Кэлхаун. — Вскоре ваш организм начнет вырабатывать собственные антитела. В случае суровой необходимости вы можете передавать их больным — приложите к коже раскаленный предмет, потом извлеките из волдыря жидкость. В местах поражения концентрируются антитела. Не гарантирую, что способ сработает, но часто он помогает.

Он сделал паузу. Ким хрипло спросил:

— А вы? Чем мы могли бы вам помочь?

— Хочу кое-что у вас спросить...

Кэлхаун вытащил фотоснимки города, сделанные через электронный телескоп корабля.

— В городе должна быть лаборатория. Покажите на снимке, где она находится.

Уолпол объяснил, и Кэлхаун остался доволен. Потом Ким сказал с яростью:

— Но чем еще мы можем помочь? Скоро к нам вернутся силы, мы добудем оружие.

Кэлхаун одобряюще кивнул.

— Да. Если заметите в городе дым и у вас будет достаточно вооруженных мужчин и наземный кар, отправляйтесь на вылазку. Но только скрытно, осторожно.

— Если вы подадите сигнал, мы придем, — сказал Ким. — Неважно, сколько нас будет. Мы придем.

— Отлично, — сказал Кэлхаун. Он не мог требовать каких-то обязательств от этих ослабленных голодом людей.

Он забросил на плечо свой похудевший рюкзак и бесшумно скользнул в густые заросли на краю поляны. Он пробрался к ручью, прозрачному ледяному ключу, бравшему начало в неведомой глубине подземного водоносного горизонта, и двинулся вдоль русла. Мургатройд бежал рядом, стараясь не намочить лапы: он ужасно не любил мочить лапы. Вскоре, когда густой подлесок начал вплотную подходить к воде, Мургатройд начал хныкать. Кэлхаун подобрал тормала с земли и посадил на плечо. Мургатройд благодарно вцепился коготками в куртку — он обожал, когда его сажали на плечо или брали на руки.

В двух милях ниже по течению они наткнулись на новое поле. Поле было засажено громадным гибридом свеклы, ботва доходила Кэлхауну до плеч, и он наслаждался зрелищем бело-голубых цветов. Цветы, как он определил, были из семейства белладоновых, которая все еще применялась в медицине. Только выкопав один образец, он обнаружил, что это клубневое растение. Но овощ был еще незрел, хотя и достигал шести дюймов в длину. Мургатройд отказался к нему притронуться.

Кэлхаун печально размышлял над ограниченностью сугубо специализированной подготовки, когда поле кончилось. Начинаясь автострада. Как и все остальное на этой планете, она производила угнетающее впечатление. Люди, для которых она была построена, так и не высадились в порту. Но сейчас Кэлхауна больше интересовал наземный кар, который он обнаружил рядом с небольшим мостиком, переброшенным через ручей.

Ключ, взятый у мертвого захватчика, подошел к замку. Кэлхаун забрался в машину и поманил Мургатройда на сидение рядом.

— Такие типы, как убитый мною преступник, Мургатройд, — сказал он, — мало что значат сами по себе. Они всего лишь мускулы, исполнители приказов. Такие люди любят убивать беспомощных людей и мародерствовать. Здесь им грабить нечего, и они начинают скучать. Меня больше всего беспокоит человек, который придумал эту чуму и привел

план в действие. Вот с его стороны я ожидаю массу неприятностей.

Кар уже направлялся к городу.

До города было добрых двадцать миль, но они не встретили ни одной машины. Вскоре перед ними развернулась панорама города, и Кэлхаун внимательно осмотрел открывшуюся картину. Город был прекрасен. Пятьдесят поколений архитекторов на множестве планет играли с бетоном, камнем, стеклом и сталью, нащупывая формулы совершенства. Этот город был приближением к совершенству. Здесь были белоснежные башни, словно в гнездах, нежившиеся в окружении зелени низкие здания. По воздуху парили мосты переходов, грациозно изгибались автострады, пустовали овалы и прямоугольники посадочных площадок и стоянок. Царила полная тишина и неподвижность.

Гармонию нарушала только посадочная решетка, кружево из могучих стальных балок полмили в высоту и милю в диаметре. Балки оплетала паутина медной проволоки. Внутри решетки Кэлхаун увидел корабль, на нем совершили высадку преступники. Корабль уверенно стоял на опорах-стабилизаторах внутри огромной конструкции, в сравнении с которой он казался карликом.

— Человек, который нам нужен, должен быть внутри корабля, — сказал Кэлхаун. — Внутренний и наружный люки у него задраены, от внешнего мира он защищен шестидюймовой броней из бериллиевой стали. Трудновато пробить скорлупу такой толщины. И ему, должно быть, не по себе. Интеллектуалы всегда чувствуют себя не в своей тарелке в компании тупых убийц. Проблема в том, как заставить его выйти наружу или пригласить нас в гости. Это дело трудное.

— Чи! — с сомнением сказал Мургатройд.

— Но мы справимся, — обнадежил его Кэлхаун. — Как-нибудь!

Он разложил снимки. Ким Уолпол, который очень хорошо знал город, будучи одним из его строителей, объяснил, куда нужно направляться. Киму были известны даже скрытые от постороннего служебные магистрали и переходы.

— Наши приятели-бандиты не станут снисходить до служебных улочек и переходов, — объяснил Кэлхаун Мургатройду. — Они себя мнят аристократами, покорителями, хотя требовалась от них работа простых убийц. Интересно, что за свинья управляет планетой, откуда они прибыли?

Он спрятал снимки и повел трофейный кар к городу. Неподалеку от городской черты он свернул на боковое ответвление от основной магистрали. Боковая дорога первоначально предназначалась для ввоза в город продуктов с ферм и полей. Функции ее были чисто утилитарные и потому очень быстро

она нырнула в специальный туннель, проходивший под парками и улицами, вводя в служебное пространство города. Поднимаясь на поверхность, дорога шла между рядами простых неокрашенных ворот, за которыми находились пункты сбора отходов. После обработки отходы должны были вывозиться на поля для удобрения. Город был спланирован очень умно.

Ведя кар по пустой гулкой дороге-туннелю, Кэлхаун только один раз заметил другой кар, высоко вверх, на паутинном мостике между двумя башнями. Наверняка никто из пассажиров не наблюдал за серыми невзрачными нитями служебных магистралей внизу.

Операция по проникновению в город оказалась очень простой. Кэлхаун затормозил у высокого здания под прикрытием балкона-навеса. Он вышел из машины, открыл ворота и въехал в огромную пещеру крытой стоянки на цокольном уровне, потом затворил ворота. Он был в центре города, и его появление все еще оставалось незамеченным. Было около трех часов дня. Возможно, начало четвертого.

Он поднялся по новенькой лестнице, вышел в холл. Здесь, на стенах из стекла, были созданы специальные узоры, менявшиеся по мере того, как посетители проходили мимо. Были лифты. Но Кэлхаун даже не попытался воспользоваться одним из них. Он повел Мургатройда вверх по спирали аварийной ramпы, устроенной на случай неприятностей с лифтом. Они поднимались все выше и выше, а Кэлхаун отсчитывал этажи.

На пятом этаже появились признаки недавнего пребывания людей. Остальные этажи покрывал густой слой пыли. Именно здесь находилась лаборатория, где обреченные врачи пытались выяснить причину болезни и создать против нее лекарство. Кэлхаун увидел подносы с пробирками пробных культур, высохших, мертвых. Перевернутый стул. Наверное, во время обыска перевернулся, когда захватчики искали случайно уцелевших жителей города.

Он нашел кладовую. Мургатройд ярко блестящими глазами наблюдал, как Кэлхаун роется на полках...

Наконец, скрепя сердце, Кэлхаун отобрал нужные препараты. Декстретил и полисульфат. Один — огнеопасное и вредное вещество. Второй — с максимально допустимой дозой приема, указанной на этикетке, и с названиями нейтрализующих средств. Кэлхаун отсчитал нужное количество флаконов.

Мургатройд протянул лапку — поскольку Кэлхаун что-то нес, ему тоже хотелось идти с грузом.

Они опустились вниз. Снаружи тем временем уже начался закат. Кэлхаун снова отправился на поиски и наконец отыскал то, что ему было нужно — вихревой пистолет, стреляю-

щий кольцами распыленной в дым краски. Диаметр кольца покрытия варьировался от нескольких дюймов до трех футов.

Кэлхаун самым тщательным образом вымыл пистолет. Потом наполнил резервуары декстретилом. Пустые флаконы спрятал подальше от посторонних глаз случайного гостя.

— Этим фокусом, — заметил он, — поднимая вихревой пистолет, — обезвредили одного ненормального, который носил в кармане бомбу, защиту от воображаемой опасности. Бомба могла уничтожить всех людей в радиусе четверти мили.

Он похлопал себя по карманам.

— Итак, на охоту! С распылителем и запасом полисульфата, которого хватит на укол всякому, кого удастся сбить с копыт. Не слишком эффективно, а? Но с бластером вообще бы ничего не вышло.

Он взглянул в окно на вечернее небо. Сумерки уже почти перешли в ночь. Кэлхаун вернулся к воротам на служебную дорогу. Выйдя наружу, он аккуратно затворил за собой ворота. Сверяясь с фотоснимками, он начал искать дорогу к посадочной решетке: именно там должен быть штаб захватчиков.

Было уже совсем темно, когда он начал карабкаться по служебной лестнице другого здания, в которое проник через подвал. Это была центральная станция связи города. Именно здесь должны были захватчики сконцентрировать управление операцией уничтожения остатков населения Мариса-3. Пульт-распределитель показывал, в каких квартирах работали визифоны. Убийцы засекали направление сигнала, номер и отправляли туда пару человек. Даже после первой ночи в городе могли оставаться отдельные уцелевшие, понятия не имевшие о том, что произошло. И на смертоносной страже должен был кто-то оставаться, на случай, если умирающий постарается вызвать знакомых, чтобы утешиться хотя бы звуком голоса еще живого человека.

У пульта в самом деле был дежурный. С распылителем наготове Кэлхаун бесшумно двинулся вперед. Мургатройд бесшумно ступал следом.

У самой двери в комнату Кэлхаун приготовил необычное оружие к действию. И вошел в комнату.

На стуле перед пультом дремал человек. Когда Кэлхаун вошел, человек потянулся и зевнул.

Кэлхаун выстрелил в него вихревыми кольцами распыленного лекарства. Кольца состояли из кружащихся в вихре частиц декстретила, средства для наркоза, выделенного из этилхлорида примерно двести лет назад и до сих пор не превзойденного по своим качествам. Первое его достоинство — малейшее количество вещества в воздухе заставляло дыхательные мышцы судорожно сокращаться, втягивая в легкие

дополнительный воздух. Второе — подобно древнему этилхлориду, это был самый сильный и быстродействующий анестетик из всех известных.

Человек у пульта увидел Кэлхауна. Запах декстретила коснулся его ноздрей, он громко втянул воздух носом.

И упал без сознания.

Кэлхаун терпеливо подождал, пока декстретил достаточно рассеется. У декстретильных паров имелось уникальное свойство — при комнатной температуре его пары быстро поднимались вверх. Кэлхаун сразу же, как только декстретил освободил путь, приготовив инъектор с полисульфатом, бросился к лежавшему на полу преступнику и склонился над ним.

Потом, повернувшись, он покинул комнату. Мургатройд маршировал позади.

Уже в коридоре Кэлхаун сказал:

— Между нами, коллегами, говоря, не стоило этого делать. Но приходится к стандартным процедурам подключать психологическое воздействие. Во всяком случае, его отсутствие на посту должны заметить раньше, чем любого другого. У него есть функция, и если он перестанет ее выполнять, это заметят очень быстро.

— Чи? — с деловым видом спросил Мургатройд.

— Нет, он не умрет. Он нам такую свинью не подложит.

Снаружи уже была ночь. Когда Кэлхаун вышел наружу — в комнате с пультом он ни к чему не прикасался, чтобы не вызвать подозрений, — было уже совсем темно. Сияли яркие звезды, а улицы и проспекты были темны. Мургатройд, ненавидевший темноту, протянул пушистую лапку и для уверенности взял Кэлхауна за руку.

Кэлхаун двигался молча, а шаги Мургатройда были совершенно бесшумными. Город, в котором никогда не жили люди, вызывал ужасающее ощущение. Спящие города имеют в себе нечто призрачное, потустороннее, даже если их улицы освещены. В них есть что-то безумное, они похожи на мертвое тело, не получившее души и теперь ждущее чего-то ужасного, демонического, что войдет и даст видимость жизни.

Захватчики, вне сомнений, тоже ощущали неприятную атмосферу опасности: очень скоро Кэлхаун услышал пьяные голоса и осторожно последовал к источнику шума, к единственному освещенному окну на первом этаже в доме на очень узкой длинной улице. Почти вплотную уходили к полоске неба небоскребы. Звездная полоска казалась бесконечно далекой. Мертвая, бормочущая эхом тишина была оглушительнее любого грома. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут.

В тесной, очень ярко освещенной комнате, создавая иллюзию жизни, весело распевала пьяная компания. Со всех сторон подступала неподвижность и тишина, поэтому они создавали иллюзию веселости, разжигая собственное веселье многочисленными бутылками спиртного. Если питья было достаточно много, иллюзия веселья создавалась достаточно сильная. Но шум этот был до жалкого крошечной светлой нити в мрачном полотне ночного молчания города. Снаружи, где замерли Мургатройд и Кэлхаун, звук пьяных голосов имел оттенок иронии.

— Эти типы могут нам пригодиться, — холодно сказал Кэлхаун. — Но их слишком много.

Вместе с Мургатройдом он двинулся дальше. Заранее, ознакомившись с местными созвездиями, он теперь знал, что движется в сторону посадочной решетки. Все шло, как и было задумано. Вихревые кольца из распылителя отправили в обморок дежурного у пульта связи. Потом ему был введен полисульфат. Эта комбинация напоминала сочетание магниевого сульфата и эфира, применявшееся еще столетия тому назад. Полисульфат в сочетании с декстретилом делал состояние анестезии более устойчивым и легко прерываемым, и, хотя погруженный в сон с помощью полисульфата человек мог оставаться в беспмятстве несколько дней, этот вид наркоза был безопаснее любого другого.

Кэлхаун сделал процесс обратным. Он сначала погрузил преступника в бессознательное состояние с помощью декстретила, потом ввел дозу полисульфата, способную держать человека под наркозом три дня. И оставил лежать. Когда остальные обнаружат своего товарища, они обеспокоятся, но никогда не заподозрят, что кома, в которую погрузился их товарищ, — результат вражеской вылазки. Они решат, что он заразился чумой, поскольку кома — последняя стадия чумы, которую они напустили на планету. И они испугаются: ведь себя они считали полностью иммунными. Они запаникуют, ожидая скорой смерти. И если появятся другие жертвы комы, эффект усилится многократно, вылившись в полную дезорганизацию захватчиков.

За его спиной в темноте уличного ущелья с единственным световым квадратом окна хлопнула дверь. Кто-то вышел из комнаты наружу, потом еще один. За ними — третий. Они брели вдоль улицы, напевая что-то пьяными неуверенными голосами, такими же тупыми, как их пьяные шаги. Эхо детонировало тишину между высоких стен. Эффект был до жути потусторонний.

Кэлхаун спрятался в проеме ближайшей двери и поднял пистолет-распылитель. Когда трое пьяных оказались напро-

тив него, он увидел, что они для устойчивости держатся за руки. Один из пьяных ревел невпопад куплеты разухабистой песни, двое других время от времени ему подтягивали. Потом один обиженно запротестовал и остановился. С ним вместе остановились остальные. Троица, покачиваясь на нетвердых ногах, затеяла путаный спор. Кэлхаун поднял тупое рыло пистолета и нажал на рычажок спуска. Невидимые вихревые кольца декстриловых паров понеслись к тройке пьяных преступников. Раздался громкий общий вздох, потом три бесчувственных тела рухнули на покрытие тротуара, а Кэлхаун, не теряя времени, быстро сделал все, что нужно было сделать.

Вскоре один пират лежал на тротуаре в коме, отлично имитирующей состояние заболевших. Взяв на плечи второго, Кэлхаун с Мургатройдом поспешно удалились в направлении посадочной решетки. Третий преступник, раздетый до белья, ждал, когда его через день-два обнаружат.

Глава 6

«Совершенно неправильно называть «игроком» человека, который использует вероятностные таблицы, чтобы делать ставки, обеспечивающие ему благоприятный процент возвратности. Еще более неправильно называть «игроком» жулика. Он вообще не играет в точном смысле этого слова.

Истинным игроком является только тот, кто идет на риск, не взирая на соотношение вероятностей выигрыша и проигрыша, который действует по интуиции, пользуясь здравым размышлением, не принимая во внимание законов вероятности. Он игнорирует факт, что результат любого поступка зависит от случайности. В этом смысле преступник — истинный игрок. Он всегда уверен, что случай не помешает ему осуществить задуманное. В настоящее время мы не имеем статистического анализа преступлений, который мог бы показать нам преступление как акцию, на которую решится среднелагоразумный человек. Эффект чистой случайности может быть просто ошеломляющим...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека»

Ночной мир звуков Мариса-3 океаном жизни окружал молчаливый остров города, где улицы и здания источали безмолвие. Лишь открытая небу, не стиснутая стенами природа за пределами города пела гимн звездам.

Кэлхаун, устроившись в удобном месте, начал ждать. С ним был Мургатройд и бесчувственное тело пирата. Кэлхаун не знал, сколько времени понадобится провести в ожидании, но был уверен, что появление симптомов чумы у человека, который должен быть к ней невосприимчив, даст результаты. И дежурного из центра связи принесут именно к кораблю, на борту которого должна находиться лаборатория и тот, кто придумал чуму.

Кэлхаун ждал терпеливо. У него был наготове еще один пират в состоянии поддельной комы, и Кэлхаун затаился в тени массивной опоры посадочной решетки. Мургатройд сидел рядом, стараясь держаться поближе к хозяину. Тормалы были активны днем, но темнота их подавляла и, если рядом не было Кэлхауна, Мургатройд обычно начинал хныкать.

Над головой нависали парящие арки посадочной решетки. Здание диспетчерской, откуда управлялась решетка, растянулось на полмили неподалеку от того места, где Кэлхаун устроил засаду. Глаза его уже привыкли к темноте, а в ста ярдах стоял большой шарообразный корабль, принесший на Марис-3 банду преступников.

Было тихо, не считая хора насекомых, певших небу обычную ночную серенаду. Эффект был замечательный. Кэлхаун с наслаждением вслушивался в перебивавшие серенаду низкие, басовитые, как у органа, звуки. Их сменяли трели, прозрачные, текущие, как вода в ручье. Интересно, кто производил их — зверь, птица, рептилия?

Ждать было легко. Все, что произошло на Марисе-3, было Кэлхауну практически ясно. Части мозаики встали на свои места. Похоже, он теперь хорошо знал не только то, что произошло здесь, но и что может произойти на других планетах, если операция на Марисе-3 окажется успешной.

В космосе даже преступления имеют подчеркнута утилитарную природу. И законы природы нарушаются, чтобы совершить преступление. Например, можно построить звездолет с атмосферными крыльями. В пространстве или в овердрайве крылья кораблю не нужны. Но крылья очень пригодятся, если кто-то задумал тайно проникнуть в атмосферу ничего не подозревающей планеты.

Такой крылатый корабль может спокойно разбросать над планетой замороженные капсулы так, что ветер разнесет облако на многие мили, и высота распыления будет выбрана таким образом, чтобы зона заражения была наибольшей. И тогда на многие квадратные мили почва, растения, воздух, здания — все будет пропитано невидимыми возбудителями болезни. И начнется чума.

Человек нарушал законы природы. Он создал чуму, составил план эпидемии, в безоблачном небе однажды прокатился гром, и начали умирать люди. Потом появилась команда бандитов — проверить, все ли идет как было задумано. Теперь они ждали, пока прилетят новые колонисты, займут похищенную у законного владельца планету. Если придут корабли с Деттры-2, захватчики не уступят планету. Да и для всех людей она теперь была бесполезна. Если колонисты с Деттры высадятся, они начнут умирать. Только

планета, захватившая Марис-3, могла ее использовать. Да, кому-то этот план казался стопроцентно надежным.

Кэлхаун до боли, до скрипа сжал зубы. Организаторы этого преступления могут пойти и дальше...

В темноте городской ночи вспыхнул движущийся огонек. Кэлхаун тут же насторожился. Это были фары кара, мчавшегося по шоссе. Огонек исчез за одним из высотных зданий. Появился снова. Пересек высотный мост между небоскребами, снова исчез, снова появился. Свет становился все ближе, наконец ударил в глаза. Машина прошелестела по утрамбованному грунту посадочной площадки под решеткой, скрипнули тормоза, зашипели о грунт покрышки: машина остановилась у здания с пультами и трансформаторами. Фары остались включенными. Из кабины выскочили люди, бросились к двери в здание. Голосов Кэлхаун не слышал. Несколько минут спустя группа людей высыпала из здания, столпилась вокруг кара. Несколько секунд — и кар умчался прочь, подпрыгивая на неровностях: он мчался к кораблю.

Кар остановился всего в сотне ярдов от засады Кэлхауна. В свете фар искрился огромный серебристый пузырь корпуса звездолета. Человек в машине крикнул:

— Откройте, откройте! Человек заболел! Похоже, у него чума!

Никакого признака, что его услышали. Другой мужчина заколотил по металлу люка.

Из наружного громкоговорителя спросили:

— В чем дело? Что за шум?

Ответил хор растерянных голосов, но динамик над люком резко их оборвал и начал диктовать приказы, каждый из которых Кэлхаун мог предсказать с абсолютной точностью.

Голос из громкоговорителя сказал:

— Чепуха! Внесите его сюда!

Люк с хрустом отворился, опускаясь, открывая проход и, одновременно образуя трап для подъема в корабль. Люди вытащили неподвижное тело товарища из кара. Полунеся, полуволоча его, они поднялись и исчезли в люке.

Вскоре преступники вышли обратно. Один явно дрожал. Хриплый голос сказал свирепо:

— Ему нужно разобраться! Не может быть, чтобы это была чума. У нас прививки. Просто обморок или что-то еще. И хватит паники, словно вы уже при смерти. Все по местам! Займитесь своими обязанностями! На всякий случай, я сделаю общую проверку.

Кэлхаун с удовлетворением выслушал этот разговор. Внутренний люк закрылся, но наружный оставался опущенным. Трап же был опущен до самого грунта. Кар, задержав-

шись у здания контроля, высадил несколько пассажиров и мгновенно умчался в ночь, в ту сторону, откуда явился.

— Это тот, которого мы обработали первым, — сухо сказал Кэлхаун Мургатройду. — Впечатление неблагоприятное. Они еще надеются, что это просто случайность. Посмотрим, что будет дальше. Начальник собирается сделать перекличку. Скоро он обнаружит кое-что волнующее.

— Чи, чи! — тихо пискнул Мургатройд.

Снова неподвижность и тишина, не считая ночных песнопений из-за черты города. Теперь Кэлхаун услышал кое-что новое — басовитые удары, словно звук больших барабанов.

Полчаса спустя показался свет у здания контроля, открылись невидимые двери, прямоугольник света упал на землю. Минуту спустя по шоссе заскользил огонек фар.

— Ага! — довольно хмыкнул Кэлхаун. — Они нашли тина на тротуаре. Возможно, донесли и о двоих отсутствующих. Один лежит позади тебя, Мургатройд. Сейчас они должны испытывать не только легкое беспокойство.

Кар пересек круг посадочной площадки, завизжали тормоза. Темные силуэты уже ждали. Несколько секунд, и кар направился к трапу. Хриплый голос пропыхтел:

— Вот еще одни! Мы его сейчас внесем!

Голос из динамика менее уверенно сказал:

— Хорошо. Но у первого нет никакой чумы. Обмен веществ идет нормально. Он просто потерял создание!

— Но мы нашли другого! С ним то же самое!

Темные силуэты поднялись по узкому трапу, волоча бесчувственное тело. Несколько минут спустя они вышли наружу.

— Он не смог вернуть в сознание первого, — сказал кто-то нерешительно. — Мне это не нравится.

— Он же сказал, это не чума!

— Если он сказал, значит, ему лучше знать! — добавил голос человека, явно привыкшего, чтобы ему подчинялись. — Ему лучше знать! Он сам эту чуму придумал!

Кэлхаун чуть улыбнулся и сказал себе: «Ага!»

— Но... слушай... — снова заговорил испуганный. — Тут в городе, когда мы сели, были врачи. Вдруг кто-то успел убежать и придумал какой-нибудь микроб... и теперь они выпустили его на нас...

Решительный голос оборвал сомневающегося. Несколько человек заговорили, перебивая друг друга, и ничего разобрать было нельзя: преступники явно потеряли самоуверенность и покой. Им, естественно, не пришло бы в голову, что кто-то может вести против них биологическую войну, если бы они сами не были участниками такого микробного нападения.

Они не боялись бактерий, пока дело шло в их пользу, пока погибали люди на другой стороне. Но теперь кто-то, похоже, обратил против них их собственное оружие, и иммунитет от чумы не казался им гарантированным. У кое-кого из межпланетных бандитов начали трястись поджилки.

Кар помчался прочь, надолго остановился у контрольного пункта. Там шел горячий спор, возбужденные голоса доносились даже до Кэлхауна. Потом кар уехал.

Кэлхаун выждал еще двадцать минут, которые ему показались бесконечными. Потом он нагнулся над человеком, которого притащил с собой. С третьего бандита, оставленного в одном белье, Кэлхаун стащил форму. Сейчас она была на нем. Второго бандита Кэлхаун взвалил на плечо.

— Попробуем получить приглашение на борт корабля, в его лабораторию. Пошли, Мургатройд!

Он зашагал к неподвижному серебристому шару корабля.

Шаг гигантской выпуклой стеной нависал над ним. Наружный люк все еще было опущен в виде трапа. Кэлхаун каблуком постучал по металлической плите, и вошел в тесный шлюз. Потом забарабанил во внутренний люк:

— Еще один! — крикнул он. — Тоже без сознания, как и остальные! Что мне с ним делать?

Внутри шлюза должны быть микрофоны, такие же, как снаружи. Но отсюда Кэлхауна не услышат у диспетчерской. Кэлхаун старался придать голосу убедительное звучание: паника, недоумение.

— Уже третий, без сознания! Что мне делать?

— погоди! — недовольно приказал металлический голос из динамика на стене.

Кэлхаун начал ждать.

За внутренним люком слышались шаги, он отворился, и голос проскрипел:

— Вноси его!

Человек, открывший замок люка, повернулся к ним спиной, и Кэлхаун вслед за ним пошел по коридору в глубь корабля. Мургатройд робко семенил рядом. Люк щелкнул, автоматически закрылся за их спинами. Человек в белом лабораторном халате, шаркая, шагал впереди. Он был невысокого роста и немного хромотал. Едва ли его можно было назвать хорошо сложенным.

Кэлхаун прикрывал пистолет-распылитель перекинутым через плечо бандитом и тревожно прислушивался — не раздается ли какой-нибудь посторонний звук? Нет ли на борту другого человека?

У тощего скрюченного человечка в белом халате было

собственное особое место в социальной системе, собственная социальная экзистенция. Есть люди, которые становятся личностями именно из-за собственной физической ущербности. Слишком много мужчин и женщин стремятся только к тому, чтобы иметь привлекательный вид. И навсегда остаются никем. Некоторые люди с внешностью уродов мужественно принимают положение вещей таким, каково оно на самом деле есть, и становятся людьми. Но часть из них начинают бунтовать.

Теперь, зная, что этот человек использовал свой талант, истратил неисчислимые часы утомительного и кропотливого труда на изготовление нового чудовищного орудия истребления, Кэлхаун мог почти в точности описать его жизненный путь. Он был уродом, посмешищем. Он ненавидел тех, кто смеялся над ним. Он строил в воображении грандиозные фантазии о мировом господстве, о том, что он накажет всех, кого ненавидел. И всю бешеную энергию он вложил в замысел мести Космосу. Он выработал поразительную выдержку и силу воли, он строил план за планом, интригу за интригой, шаг за шагом приближаясь к своей цели...

Кэлхаун знал несколько людей с похожей судьбой. Они пошли другим путем. Один из самых ценных работников в штаб-квартире управления Сектором, очень ценимый за свои заслуги, просто на вес золота, имел не совсем, мягко говоря, обычную внешность. Но через пять минут разговора вы уже об этом и не вспоминали. И был еще президент планеты в созвездии Лебедя, учитель с Альфы Кита, музыкант из... Кэлхаун мог сейчас вспомнить многих. Но вот этот горбатый карлик избрал иной путь, противоположный пути мужества и природы. Он избрал ненависть, и поражение было в его случае неотвратимо.

Они вошли в лабораторию. Мургатройд приободрился — обстановка была знакомая. Яркий свет, привычный блеск хромированных приборов, инструменты. Даже запахи хорошо оснащенной микробиологической лаборатории были для Мургатройда приятными, домашними. Он сказал весело:

— Чи-чи-чи!

Карлик в халате дернулся, стремительно обернулся. Широко раскрылись темные блестящие глаза. Кэлхаун дал бесчувственному телу бандита соскользнуть с плеча на пол, позаботившись, чтобы тот не очень ушибся. Из-под формы бандита показалась куртка Медслужбы — соскользнувшее на пол тело потянуло на собой «молнию».

— Прошу прощения, — вежливо сказал Кэлхаун, — но я вас должен арестовать. Вы обвиняетесь в нарушении основ-

ных принципов общественного здоровья. Создание и распространение эпидемии летального характера.

Карлик в халате бросился вправо, что-то схватил со стола. Потом ринулся на Кэлхауна, пытаясь поразить его скальпелем — единственным оружием, оказавшимся под рукой.

Кэлхаун нажал на спуск распылителя...

Глава 7

«Все наши мотивы, наши достижения субъективны. Мы живем в границах черепной коробки. Но человек может сделать то, что он хочет сделать, а потом с удовольствием созерцать результаты своего поступка. Это удовольствие субъективно, но напрямую соотносится с реальностью и с объективным космосом вокруг индивида. Имеется так же сверхсубъективный тип мотивации и получения удовольствия, который очень важен в поведении человека. Многие люди получают удовольствие, созерцая себя в определенном контексте обстоятельств. Такие люди находят удовлетворение в трагическом жесте, в щедрости, мудрости, значительности. Объективные результаты такой репрезентации редко принимаются во внимание. Очень часто личность, замороженная созерцанием великолепия собственной драмы поведения, приносила великие страдания. Ибо личность эта и в мыслях не имела последствий своих поступков для кого-то еще...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

Кэлхаун связал карлика полосами разорванной куртки. Процедуру эту Кэлхаун проделал очень тщательно: сначала он привязал пленника к стулу, потом заключил в надежный кокон тканевых пут. Потом занялся осмотром лаборатории.

Мургатройд, поднявшись на задние лапы, копировал движения Кэлхауна. Кэлхаун осматривал лабораторию. В большинстве оборудование было ему знакомым: наборы чашек Петри, предметные стекла, оптические и электронные микроскопы, автоклавы, облучатели, инструменты для микроанализа, термостаты, в которых культура могла содержаться в любом из сотни избранных температурных режимов. Мургатройд чувствовал себя, как дома.

Вскоре Кэлхаун услышал стон. Он повернулся и кивнул пленнику.

— Здравствуйте, — вежливо приветствовал он хозяина лаборатории. — Я очень заинтересовался вашей работой. Кстати, сам я работаю в Медслужбе. Я прибыл с обычной проверкой, и кто-то попытался меня уничтожить. На их месте я бы позволил мне сесть, а потом прикончил бы выстрелом бластера. Но это, само собой, было бы слишком прозаично.

На него внимательно смотрели маленькие темные глаза.

Выражение их менялось каждую секунду. То их наполняла ярость, граничащая с безумием, в следующий миг они становились хитрыми и проницательными. Потом выказывался почти животный страх.

Кэлхаун сказал несколько рассеянно:

— Наверное, сейчас разговаривать с вами нет смысла. Вы еще не оценили ситуацию, не успокоились. Я в корабле, и никто не может мне помешать. Трое из вашей... команды мясников выведены из строя на несколько дней.... Сверхдоза полисульфата, — пояснил он. — Это так просто, что я был уверен — вы не догадаетесь. Я их «выключил», чтобы проникнуть на корабль.

Пленник, похожий на мумию, спеленатый лентами, пробормотал что-то нечленораздельное. Кажется, он скрежетал зубами. Потом забулькал — ярость вышла из-под контроля.

— Вы сейчас с шоке, — сказал Кэлхаун. — Частью — в самом деле, частью притворяетесь. Я вас оставлю одного, чтобы вы немного пришли в себя. Мне нужна информация. Думаю, вы пойдете на переговоры, в вашем-то положении... Оставляю вас одного, поразмышляйте.

Он покинул лабораторию. Он чувствовал отвращение к привязанному к стулу человеку. Он понимал, что преступник получил сильнейший шок. Он был пойман и бессилен освободиться. Но часть этого шока — бешеная ярость, настолько сильная, что имела угроза перехода ярости в безумие. Кэлхаун хладнокровно оценил ситуацию и пришел к выводу, что человек, однажды принявший решение и проживший такую жизнь, — а это предположение, он понимал, вполне пока соответствовало фактам, — в буквальном смысле может сойти с ума. Поэтому он благоразумно покинул лабораторию, чтобы не дразнить пленного.

Кэлхаун обошел все помещения корабля, определил его тип, верфь, на которой он был построен, составил в уме примерный план операции по превращению корабля в бесполезную скорлупу, которая уже не сможет подняться в пространство. Потом он вернулся в лабораторию.

Пленник в изнеможении пыхтел. Кое-где тканевые полоски чуть-чуть ослабли — человечек явно пытался их разорвать. Кэлхаун деловито подтянул путы, а пленник, изрыгая проклятия, забился в истерике.

— Отлично, — хладнокровно заметил Кэлхаун. — Вы еще не остыли. Как только остынете, мы поговорим.

Он пошел к выходу из лаборатории, но из динамика послышался голос:

— Вы еще не определили причину? В чем проблема с теми парнями? При перекличке мы еще двоих не досчитались. Тут

что-то вроде паники начинается. Парни опасаются, что местные врачи напустили на нас собственную чуму!

Кэлхаун пожал плечами. Голос снаружи принадлежал тому самому человеку, который совсем недавно разговаривал командным тоном. Теперь это был голос очень встревоженного человека. Кэлхаун не ответил на вопросы. Голос повторил, потом еще раз. Он почти молил ответить. И замолчал. Что в нем было? Страх или ненависть к молчащему динамику? Кэлхаун не мог сказать точно. Возможно, и то и другое.

— Ваша популярность начинает падать, — сообщил Кэлхаун связанному хозяину лаборатории. Микрофон он положил на безопасном расстоянии от пленного. Рядом с усилителем обнаружился приемник космифона.

— Гм, — сказал Кэлхаун. — А вы подозрительны, а? Не доверяете даже капитану. Типичный случай.

Побелевшие губы пленного шевельнулись, и он вдруг совершенно спокойно спросил:

— Чего вы хотите?

— Сведений, — ответил Кэлхаун.

— Для себя? Каких именно? Я дам вам любые сведения! — У карлика были полубезумные, словно обугленные глаза. — Я могу дать вам все, на что способно ваше жалкое воображение. Богатство, о котором вы даже не мечтали.

Кэлхаун небрежно опустился на подлокотник кресла.

— Я вас послушаю, — согласился он. — Но ведь вы, очевидно, всего лишь технический управляющий локальной операцией, не очень масштабной. Вы убили всего тысячу человек. Вы выполняете приказы. Что вы можете мне дать?

— Это... — Пленник выругался. — Это только проверка, испытания. Дайте мне его закончить, и я сделаю вас правителем планеты. Королем! У вас будут миллионы рабов. Сотни и тысячи женщин, на любую вашу прихоть!

— Едва ли я поверю вам на слово. Где подробные детали? — равнодушно сказал Кэлхаун.

Темные глаза вспыхнули, как угли на ветру. Потом усилием воли, не менее яростным, чем вспышка гнева, карлик заставил себя успокоиться. Взял себя в руки. Но это было внешнее спокойствие. Бешенство то и дело вырывалось наружу, особенно когда он старался подкрепить слово жестом — и не мог. От отчаяния он пыхтел, но говорил с ужасной убедительностью и ледяной логикой, с такими подробностями, что больше сомнений быть не могло — план составлен тщательно, и это его собственный план. Он убедил планетарное правительство, ему разрешили испытания. Во главе поставили его самого — это необходимо. И скоро у него будет власть, страшная власть, и теперь он старался подкупить Кэлхауна.

Он взялся за трудную задачу — дать взятку работнику Медслужбы.

Присвоение Мариса-3 было, как Кэлхаун и сам догадался, только полевыми испытаниями нового метода межпланетной войны. Когда Марис займут колонисты с родной планеты пленника, уже ничего нельзя будет сделать. Только население-узурпатор сможет здесь жить. Колонисты будут иммунны к чуме, так же, как и члены испытательной команды.

— Которые, — вставил Кэлхаун, — сейчас не так веселы, как в начале.

Пленник повел по губам языком и продолжил, монотонно, с гипнотизирующей убедительностью.

— Как только работоспособность метода будет проверена, будут захвачены другие миры, не только новые колонии. Чума атакует старые, хорошо развитые планеты, и врачи будут бессильны перед ней. Потом придут корабли с планеты, начавшей чуму, и покончат с эпидемией. Они предложат уцелевшим купить шанс на жизнь за определенную цену!

— Непрофессионально, — заметил Кэлхаун. — Но прибыльно, если план сработает.

— Ценой жизни, естественно, будет рабство. Те, кто условий сделки не примет, умрут.

— Но те, кто согласится, могут потом порвать сделку, отказаться быть рабами.

Бледные губы пленника усмехнулись, но глаза оставались такими же холодными и черными. Восстание обречено на провал. На каждую вспышку неподчинения приготовлена новая чума, многие штаммы. Будет создана межзвездная империя, в которой восстание одной из планет будет равносильно самоубийству. Ни один мир, однажды захваченный, не сможет освободиться. Ни одна планета, выбранная для завоевания, не сможет сопротивляться. Такой человек, как Кэлхаун, сможет править десятками, сотнями планет, у него будет свое королевство. Более того, его данные и знания, полученные в Медслужбе, делают его первым кандидатом на трон Императора! Он станет абсолютным владыкой миллионов рабов, которым придется или погибать, или ублажать его малейшие прихоти.

— Небольшое упущение, — перебил Кэлхаун. — Вы ничего не сказали о Медслужбе. Как она отнесется к вашей системе планетарных завоеваний?

Теперь пленнику пришлось напрячь все красноречие, чтобы убедить, заморозить, загипнотизировать своего тюремщика. В несколько минут функции Медслужбы были сведены до смехотворно незначительных. Секториальные управления беззащитны, каждое получит — без древних предрассуд-

ков — удар ядерной бомбой, как только операция на Марисе-3 будет закончена. Кэлхаун содрогнулся. Пленник заговорил с еще большим пылом, он рисовал заманчивые картины миров, где любое существо станет рабом Кэлхауна...

— Довольно, — сказал Кэлхаун. — Я узнал все, что нужно.

— Тогда развяжи меня, — радостно сказал пленник. И тут его пылающий взгляд прочел все, что было написано на лице Кэлхауна.

— Вы примите предложение! — вскричал карлик с морщинистым старческим лицом. — Вы не сможете отказаться! Не сможете!

— Могу и отказаться, почему бы и нет? — спокойно сказал Кэлхаун. — К тому же, ваш безумный план никогда бы не сработал. Законы вероятности против него. Стоит только начать, и возникнет масса неблагоприятных случайных факторов. Пример — мое собственное появление здесь. Я — неблагоприятная случайность, и вы напоролись на нее уже при первом испытании!

Пленник открыл рот, но в горле у него вдруг захрипело, словно он подавился, и на него стало страшно смотреть...

Кэлхаун с жалостью поднял распылитель, задержал дыхание и выстрелил одно маленькое кольцо декстретила.

Наступила тишина. И в тишине тоненько запищал сигнал космофона.

— Вызываем город, — сказал далекий голос с орбиты. — Корабль с пассажирами вызывает Марис-3. Вызываем город...

Кэлхаун прислушался, потом занялся пленником.

— Вызываем город, — терпеливо повторил голос из космофона. — Не слышим вас. Если вы отвечаете, вашего сигнала мы не принимаем. Выходим на орбиту, будем продолжать вызывать...

Кэлхаун выключил космофон. Мургатройд спросил удивленно:

— Чи?

— Для нас это крайний срок, — мрачно ответил Кэлхаун. — Целый транспорт счастливых колонистов с прививками готовится совершить посадку. Очевидно, вместе с трансформаторами мы испортили и стационарный космофон. И мы слишком благоразумны, чтобы отвечать на вызов. Но крайний срок приближается. Мертвая точка. Они скоро пошлют на разведку шлюпку. Чтобы выяснить причину молчания. И тогда — конец! Нас колонисты тоже «вычислят»! Только мы с тобой, Мургатройд, можем сейчас изменить ситуацию, больше никому. За дело!

Уже начало светать, когда они вышли из корабля. Кэлхаун

сморщился, глядя на величественно алевший восток. Он увидел кар перед зданием диспетчерской.

— Эти парни на взводе, — рассудительно сказал он. — И с распростертыми объятиями нас встречать не будут. В свете наступающего дня уходить пешком — это меня не устраивает. Попробуем взять машину.

Он направился к зданию диспетчерской. По прошлой ночи он помнил, что у здания не было окон в сторону площадки корабля. Тем не менее двигался он осторожно, перебегая между громадными арками-опорами. Когда он достиг последней арки, до кара оставалось еще пятьдесят ярдов.

— Побежали! — сказал он Мургатройду.

Кэлхаун и маленький тормал помчались сквозь розовый свет зари. Они успели покрыть ярдов тридцать, когда из диспетчерской кто-то вышел, направляясь к кару. На секунду он, пораженный, замер: в городе не должно быть живых незнакомцев. Значит, вот объяснение тому, что двое лежат без сознания, еще двое исчезли. Преступник потянулся к бластеру.

Кэлхаун выстрелил первым. Ударил шипящий разряд. Бластер в руке бандита гулко взорвался.

— Бежим! — приказал Кэлхаун.

Голоса. В окно выглянул человек, увидел Кэлхауна — незнакомца с бластером. Само приглашение к стрельбе. Человек рывком. Кэлхаун повел в его сторону стволом, и тот быстро ретировался в глубину комнаты. Окно задымило в том месте, куда ударил разряд.

Человек и тормал были уже у кара. Кэлхаун поднял распылитель и отправил в открытую дверь диспетчерской дробью порцию паров декстретила. Одновременно он пятился к машине. Мургатройд возбужденно пританцовывал рядом.

Зазвенели стекла. Топот, крики. Кто-то бежал к двери. Но холл перед дверью заполнен анестезирующим газом, и каждый вошедший в холл тут же упадет без сознания.

Кто-то в самом деле упал. Из-за угла высочил другой, с бластером на взводе. Но сначала ему нужно было прицелиться, а Кэлхауну — только нажать на спуск. Он так и сделал.

Снова крики внутри диспетчерской, топот. Глухие удары падающих тел. А потом — выстрел и глухой рев детонирующих паров декстретила. Взрыв сорвал часть крыши, посыпались куски перекрытия. Вылетели оконные рамы.

Кэлхаун прижался спиной к кару. Разряд бластера. Мимо. Кэлхаун нажал на спуск, повел стволом вдоль фасада. К нему поднимался дым и веселые языки пламени. Еще один бандит упал. Кто-то кричал в панике:

— Нас атакуют! Туземцы бросают гранаты! Ралли, нам

нужна помощь! Скорее! — Кто-то вызывал по радио подкрепление. Все бандиты, сидящие без дела или рыскавшие в поисках поживы помчатся на вызов, даже ремонтная команда трансформаторов. Охотники в машинах...

Кэлхаун забросил Мургатройда на сиденье, хлопнул дверцей, повернул ключ и с визгом покрышек помчался прочь.

Глава 8

«Следует признать, что человек — существо общественное, в том смысле, как общественными существами являются муравьи, пчелы, хотя характер общественности у человека иной. Чтобы муравьиный город процветал, должны быть естественные законы, охраняющие этот город от неблагоприятных действий некоторой части жителей. Чтобы предотвратить асоциальные поступки, мало говорить об инстинктах. Инстинкты мутируют, как и форма. И недостаточно упомянуть социальное давление общества — у муравьев это будет уничтожение неправильно ведущих себя членов муравейника. Естественные законы природы охраняют муравейник от инстинктивного управления, могущего его разрушить, а так же от отказа от инстинктивного управления, необходимого для существования города в целом. В общем, есть естественные законы и силы, защищающие общество от собственных отдельных членов. В человеческом же обществе...»

Фитцджеральд. «Вероятность и поведение человека».

Автострада была превосходная. Кар мчался вперед. Коммуникатор на передней панели взрывался взволнованными голосами. Был описан захват кара, сам кар, его цвет, направление, в котором он удалился. Голоса требовали догнать и уничтожить кар, уничтожить диверсанта!

Заговорил другой человек. Холодно и спокойно он начал отщелкивать приказы.

А кар Кэлхауна преодолевал подъем. Когда он оказался на полпути между двумя башнями, навстречу выскочила другая машина. Кэлхаун взял в левую руку бластер, и в то мгновение, пока мчавшиеся навстречу друг другу машины находились друг против друга, сделал точный выстрел. Вспышка огня и хвост густого дыма. Пораженный разрядом кар, у которого короткое замыкание аккумулятора испарило половину корпуса, пробил ограждение и косматым метеором сорвался в пропасть между небоскребами.

В коммуникаторе затарахтели голоса. Кто-то увидел вспышку взрыва. Хладнокровный голос командира заставил всех молчать.

— Ты, — приказал командир. — если ты его засек, доложи.

— Чи-чи-чи! — взволнованно сказал Мургатройд.

Но Кэлхаун ничего не стал докладывать.

— Значит, он снял кого-то из наших, — сделал вывод хладнокровный голос. — Догоните его, обойдите спереди и сожгите его машину.

Кар Кэлхауна стрелой промчался по наклонному съезду с моста и, балансируя в крене на двух колесах, обогнул здание... промелькнул между двумя небоскребами... выскочил на боковую ветвь... промчался до развилки, потом направо... Но бормотание голосов в коммуникаторе не прекращалось. Одному из бандитов приказали занять пост на самой высокой башне, откуда просматривались все дороги нижнего уровня. Группа в четыре кара была послана в погоню. Всем было приказано стрелять в желтый одиночный кар. Погоня идет только группой. Стрелять в любую одиночную машину! И немедленно докладывать, немедленно!

— Я подозреваю, — сказал Кэлхаун возбужденному Мургастройду, сидевшему рядом, — это вот и называется тактикой боя. Если они нас возьмут в кольцо... Хотя их не так уж много. Но мы должны успеть выбраться из города, вот в чем фокус. Значит...

Возбужденный голос пропыхтел донесение — машину Кэлхауна засекли с ажурного моста, ведущего к самой высокой башне города. Он направлялся...

Кэлхаун тут же изменил направление. Пока что он встретил только одну машину. Сейчас он ехал по пустой автостраде, между башнями домов с мертвыми глазницами окон, пристально следившими за убегающим каром.

Все это напоминало сцену из ночного кошмара. Кар Кэлхауна ввинчивался в пустоту между красиво выгнувшимися мостами, акведуками, переездами, клеверными цветками развилки, вдоль главных и второстепенных транспортных артерий города, и повсюду Кэлхаун видел полную неподвижность пустого города. Свистел обтекающий кабину ветер, покрывки с шелестом пожирали пространство, светило веселое солнце и безмятежно плыли облака. Ни одного признака опасности. Только бормочущие в коммуникаторе голоса. Его видели на повороте... потом там-то и там-то... и только по счастливой случайности он свернул прочь от подготовленной засады... Потом его...

Слева он заметил зелень трав и деревьев. По спуску ramпы Кэлхаун направил кар в нырок к одной из малых парковых зон.

Едва машина оказалась над каменным парапетом ограждения, как крыша кабины вспыхнула и испарилась, чудом не задев Кэлхауна. Кто-то попал в его кар из бластера. Свернув налево и въехав в густые кусты, Кэлхаун выкатился из каби-

ны, потащив за собой Мургатройда. Оба нырнули в укрытие зеленого подлеска. Кэлхаун инстинктивно сжимал распылитель.

Он побежал, свободной рукой стряхивая капельки металла с одежды и кожи. Ожоги адски болели. Но тот, кто стрелял, решит, что поразил Кэлхауна, тем более, что за попаданием последовало столкновение машины с кустарником. Человек доложит об удаче прежде, чем отправится посмотреть на предполагаемый труп жертвы. Потом появятся первые машины. Сейчас Кэлхауну было бы лучше как можно дальше убраться от этого места.

Он услышал шум подъезжающих каров. Стрелять в любую одиночную машину! Визг тормозов, голоса. Кэлхаун, не теряя времени, продирался сквозь подлесок парка. Он был уже у дальнего края. За парком шла дорога, за дорогой — низкая каменная стена. Он сразу узнал эту стену. Служебные магистрали были частично закрыты такими стенами, чтобы не мозолить глаза. По одной из таких магистралей он проник в город. Теперь перед ним была другая такая же магистраль. Он перелез через низкую стену, Мургатройд, не мешкая, поспешил за хозяином.

Покрытие магистрали оказалось довольно далеко внизу, и Кэлхаун, приземлившись, едва не упал. Он услышал шуршание над головой — там, где он только что стоял, пронеслась машина, потом еще одна.

Прихрамывая, Кэлхаун побежал к ближайшему служебному входу. Через железную дверку он проник на лестницу в здание. Горели ожоги, ныла ушибленная при прыжке нога. Сзади по ступенькам прыгал Мургатройд. Вскоре, оказавшись довольно высоко, Кэлхаун выглянул наружу. Кар стоял на границе дороги и небольшой парковой зоны, окруженный карами преследователей. Очевидно, они предполагали, что Кэлхаун спрятался в кустарнике. Между карами кордона расположилось человек двадцать с бластерами. Приказы отдавал энергичный человек, бегающий между машинами.

Растянувшись цепью, бандиты начали прочесывать парк. Подкатило несколько каров с подкреплением.

Те, кто шел через парк, начали методично, не жалея зарядов, выжигать растения перед собой.

Кэлхаун наблюдал. Потом его пронзила ужасная мысль. Ведь в лагере беженцев он упомянул про мощный столб дыма: если беженцы увидят дым, они могут отправиться на помощь.

— Проклятье! — мрачно сказал он Мургатройду. — В конце концов, любая цепочка благоприятных случайностей имеет предел. Нужно начинать новую цепочку событий. Итак, все с начала! Новая политика!

Он быстро осмотрел помещения и сделал необходимые приготовления. Потом вернулся к окну, из которого смотрел, и открыл его.

Он начал огонь из бластера. Дистанция была дальняя, но при минимальном расхождении луча он успел поразить несколько человек, прежде чем они скопом устремились к зданию, посылая впереди себя плотный заслон бластерного огня. Задымился камень фасада, посыпались осколки стекла.

— Теперь, — сказал Кэлхаун, — мы должны превратить их преимущество в людях и огневой мощи в неблагоприятное обстоятельство. Они робеть не будут, ведь их много. За дело!

Увидев четыре кара с вооруженными беженцами, Кэлхаун шагнул навстречу, высоко подняв пустые руки. Он не хотел, чтобы его по ошибке подстрелили свои. Когда его окружили изможденные, но выздоравливающие беженцы, он поспешно сказал Киму:

— Все в порядке. У нас целая куча пленных, но пока что их внутривенно кормить не нужно. Откуда у вас машины?

— Охотники, — сплюнул Ким. — Мы их убили и взяли машины. Мы нашли других беглецов, и я их вылечил, скоро они будут на ногах. Половина из нас имеем оружие.

— Оружия теперь у нас хватит на всех и еще лишнее останется. Все бандиты мирно спят, почти все. Кое-кого я уложил из бластера, и они уже не проснутся. Большая же часть двинулась на штурм здания. Я их некоторое время не подпускал, а потом ввел декстретил в систему вентиляции. Выждав нужное время, мы с Мургатройдом удлиними с помощью полисульфата их период спячки. Новых неприятностей у нас с этими убийцами не будет. Но нужно поскорее вернуться к их кораблю. Я позаботился о том, чтобы стартовать он не мог, но на орбите крутится транспорт с колонистами, требует разрешения на посадку. Единственный космофон в кабине корабля. Если на орбите не получают ответа... Я хочу, чтобы с ними говорили вы.

— Мы посадим их корабль, — сказал широкоплечий бородач, — а потом расстреляем, когда они выйдут наружу.

Кэлхаун покачал головой.

— Наоборот, — улыбнулся он. — Вы наденете форму пленных. Пусть радостные гости увидят вас на экране космофона. Вы себя выдадите за тех, кто сейчас мирно спит. Вы скажете, что чума сначала действовала, как нужно, уничтожала население планеты, но потом мутировала и превратилась в несколько новых разновидностей бактерий. И уничтожила почти всю вашу команду. Вы будете умолять их совершить посадку и спасти вас, пятерых выживших. Вы нарисуете

картину Мариса-3 — мира, где больше никогда не будет животной жизни. Мутировавшие бактерии начали убивать даже животных, птицы падали мертвыми на лету. И вы будете молить их забрать вас обратно домой.

Бородач смотрел на Кэлхауна. Потом сказал:

— Но они не сядут.

— Да, — согласился Кэлхаун. — Это верно, не сядут. Они поспешат домой. И сообщат там, что произошло. Они будут полумертвы от страха — вдруг прививки начнут мутировать тоже? И что произойдет на их планете, когда они вернутся?

— Они прикончат своих правителей, — с яростью сказал Ким. — Постараются сделать это прежде, чем умрут сами — от воображаемой чумы. Они поднимут восстание. Если у кого-то из них заболит живот, он от страха будет готов рвать зубами все правительство по очереди и вместе. Чтобы отомстить за свою собственную смерть. Потому что он будет считать, что его убило пославшее их правительство!

Ким глубоко вздохнул, холодно улыбнулся.

— Это мне нравится, — с ледяным спокойствием сказал он. — Очень нравится.

— В конце концов, — сказал Кэлхаун, — если бы возникла империя, держащаяся на страхе эпидемии, как долго просуществовала бы свобода главной планеты? Ее население тоже покорили бы этим же способом. В общем, напугайте их как следует. Вид у вас впечатляюще жалкий. Медслужба еще займется их родной планетой, но, думаю, здоровью Галактики эта планета больше не угрожает.

— Да, — сказал Ким, шагнул в сторону, но потом спросил: — А что делать с пленными?

Кэлхаун пожал плечами.

— Пусть спят, пока мы не починим решетку. В этом я, думаю, смогу вам помочь.

— Они убийцы, все до одного, — прорычал широкоплечий бородач.

— Верно, — согласился Кэлхаун. — Но линчевать — дело недостойное, возникает вероятность неблагоприятных реакций-случайностей. Давайте сначала займемся теми, на орбите.

Так они и сделали. Странно, но казалось, создавая видимость катастрофы еще более серьезной, чем та, что они пережили, эти люди испытывали детское удовольствие. Глаза их счастливо сверкали.

Транспорт с пассажирами вернулся домой. Обратный путь был не очень приятным. После приземления неудачливые колонисты поспешили покинуть порт и рассказать всем свою

историю. Началась неконтролируемая паника. Колонисты были убеждены, что чума обратилась против них.

Уровень смертности, резко возросший особенно среди правящих слоев, примерно соответствовал числу тех, кто погиб в случае настоящей эпидемии.

А на Марисе-3 все шло, как по маслу. Было найдено около восьмидесяти уцелевших граждан, вылечено и приняло участие в подготовке наказания бандитов, которые продолжали мирно спать. Операция принесла всем выжившим огромное удовлетворение. Посадочная решетка была отремонтирована, приведена в рабочее состояние. Потом они занялись кораблем бандитов — разобрали двигатель, вывели из строя приборы, ячейки Духанна. Выкачали топливо из планетарных двигателей, — оно теперь пригодится кораблю Кэлхауна. И, само собой, были извлечены из гнезд все спасательные шлюпки.

Потом преступников разбудили и одного за другим погрузили в скорлупу, в которую превратился их корабль. Теперь корабль не мог входить в овердрайв, не мог двигаться на ракетах, не мог посылать сигналы. Экраны были мертвы — часть из них пошла на ремонт медкорабля.

А потом с помощью решетки — Кэлхаун сам проверял расчеты — корабль бандитов забросили на орбиту: ждать прибытия властей. Любая попытка бежать стала бы для них самоубийством.

— А теперь, — сказал Кэлхаун, когда планета была очищена от преступников, — я должен переправить к решетке мой корабль. Мы перезарядим ячейки Духанна, закончим ремонт экранов. К городу я могу перелететь и на ракетах, но до штаб-квартиры Службы путь куда длиннее. Там я подам рапорт, сюда направят спецкоманду, она займется планетой и бандитами на орбите. Это уже не мое дело. Возможно, их будут судить на Деттре-2. А тем временем, пусть подумают над тем, осталась ли еще у них совесть.

Ким нахмурился.

— Ты что-то пытаешься скрыть от нас. Мы ведь забыли, что в корабле их главарь, микробиолог. Ему следовало бы придумать особое наказание!

Кэлхаун сказал очень спокойно:

— Месть всегда влечет неблагоприятные случайные последствия. Наказывать имеет смысл, если есть надежда скорректировать поведение человека. А этого типа уже не исправишь, после всего, что он натворил, после маниакальных планов вселенского господства, во главе империи рабов.

— Он убийца! — хрипло сказал Ким. — Это все его рук дело! Он заслужил...

— Смертной казни? — быстро закончил за него фразу Кэлхаун. — У нас нет права на такой приговор. Кроме того, вспомните, где он сейчас.

— На орбите. — Лицо Кима повеселело. — И с ним вся его компания мясников. Им ничего не остается, как...

— Не вы создали эту ситуацию, — холодно сказал Кэлхаун. — Он сам. Вы просто поместили преступников в опасную тюрьму. Лучше забудем о нем.

Вид у Кима был ошеломленный. Он потряхнул головой, чтобы прояснить мысли. Он постарался выкинуть из головы мысль о человеке, швырнувшим их планету в кошмар эпидемии. Потом медленно сказал:

— Мы бы хотели сделать что-нибудь для вас.

— Если вы поставите мне памятник, — сказал Кэлхаун, — через двадцать лет никто не будет помнить, кому он поставлен и за что. Вы с Хэлэн собираетесь пожениться, это правда? — Когда Ким кивнул, Кэлхаун продолжил: — Тогда, если сочтете дело стоящим, назовите ребенка моим именем. Ребенок будет спрашивать, почему у него такое имя, и память обо мне не увянет целое поколение.

— Гораздо дольше, — пообещал Ким. — Здесь вас никогда не забудут!

Кэлхаун усмехнулся.

Три дня спустя, то есть шесть лишних дней сверх предполагаемого срока санитарной инспекции, посадочная решетка выбросила кораблик Кэлхауна в пространство. Прекрасный город-столица быстро исчез из виду. Посадочное поле решетки забросило кораблик за пять планетарных диаметров от поверхности и выпустило на волю. Кэлхаун развернул медкорабль, ориентируясь, тщательно нацелил его на точку в созвездии Кита, где находилась штаб-квартира Сектора. Потом нажал на клавишу режима овердрайва.

Вселенная завертелась волчком. Желудок Кэлхауна дважды вывернуло наизнанку и обратно, он испытал тошнотворное чувство скольжения по конусу, сглотнул слюну. Мурга-тройд икал. Теперь вокруг корабля не было физической Вселенной. Мертвая тишина. Несколько секунд спустя кабину наполнили шорохи, случайные звуки — необходимая вещь для поддержания психики человека в нормальном состоянии при долгом одиночном перелете, когда корабль движется в тридцать раз быстрее света.

Теперь можно было и побездельничать. В овердрайве ничего другого не остается, как убивать время.

Мургатройд начал чистить свои длинные усы правой лапкой. Одновременно он осматривал кабину в поисках места помягче, чтобы там удобно расположиться и заснуть.

— Мургатройд, — строго сказал Кэлхаун, — хочу тебя упрекнуть. Ты слишком старательно имитируешь нас! Ким Уолпол заметил, как ты пытался сделать пленным добавочный укол полисульфата. Надо же! И где ты только стащил инъектор? Ведь этот укол мог их убить. Я лично считаю, что это было бы неплохо, но с точки зрения Медслужбы поступок неэтичный. Профессионалы должны подавлять импульсы!

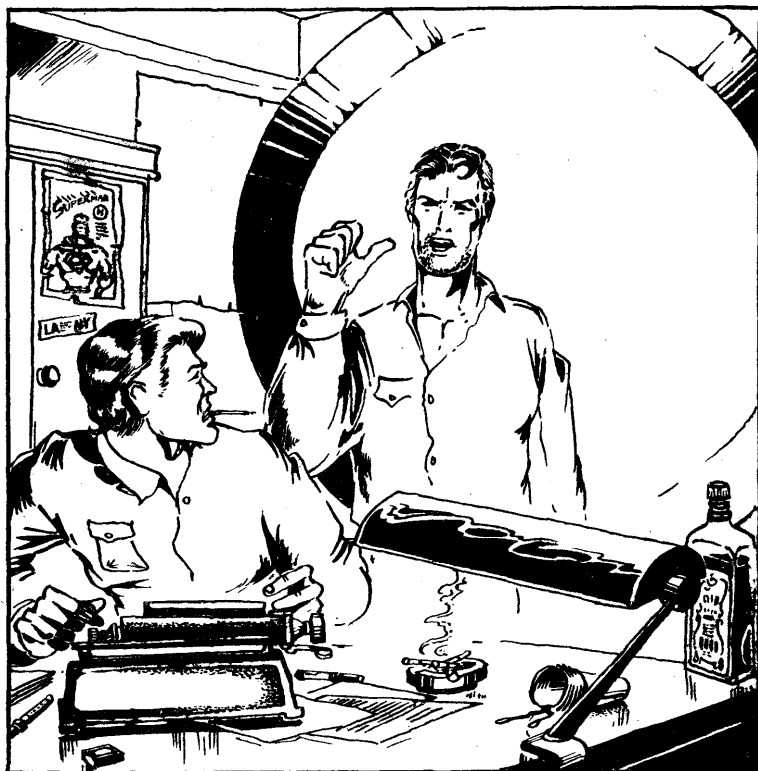
— Чи! — сказал Мургатройд. Он свернулся в клубок и накрыл нос хвостом, приготовившись подремать.

Кэлхаун удобно устроился на койке, взял в руки книгу, которую так и не дочитал. Это была «Вероятность и поведение человека» Фитцджеральда.

Он начал читать, а корабль продолжал мчаться сквозь пустоту.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПО ПЯТАМ

Как появился диск, Боб Вилсон не видел. Не видел он и того, как через этот диск в комнату проник какой-то человек, и остановившись у Боба за спиной, уставился ему в затылок. При этом, правда, появившийся в комнате человек дышал несколько учащенно, словно был обуреваем сильными чувствами.

У Вилсона не было ни малейшего повода предполагать чье-либо присутствие у себя в комнате. Наоборот, у него были основания для уверенности в противоположном: он заперся в одиночестве, намереваясь одним героическим усилием завершить свою дипломную работу. Другого выхода не было — завтра истекал последний срок сдачи работ, а его собственная пока состояла всего лишь из заглавия: «Анализ некоторых математических аспектов метафизического подхода».

Тринадцать часов непрерывной работы, пятьдесят две выкуранные сигареты и четыре опустошенных кофейника прибавили к заглавию еще семь тысяч слов. О научной ценности работы Боб не заботился — для этого он, пожалуй, несколько перебрал джина. Довести ее до конца — было его единственным желанием. Закончить, сдать, опрокинуть стаканчика три чистого виски и завалиться спать.

Он поднял голову и остановил взгляд на дверце платяного шкафа, в котором у него была припрятана почти полная бутылка джина. «Нет, — строго сказал себе Боб, — нет, старина, еще один глоток — и ты уже никогда в жизни не разлаешься с этим чертовым дипломом».

Человек за его спиной хранил молчание. Вилсон снова склонился над машинкой.

«...но также невозможно предположить, что представимое является вследствие этого возможным, даже если его можно описать математически. Для примера возьмем концепцию «путешествия во времени». Путешествие во времени может быть представлено на основе любой из существующих теорий времени. Тем не менее наши эмпирические знания о некоторых свойствах времени опровергают возможность такого предположения. Продолжительность есть атрибут сознания. Следовательно...»

Клавишу заело: три литерных рычага сцепились между собой. Вилсон устало чертыхнулся и протянул руку, чтобы наставить машинку на путь истинный.

— Брось, не трать время, — услышал он за спиной. — Все это чушь собачья.

Вилсон выпрямился и медленно повернул голову. Он горячо надеялся, что за спиной действительно кто-то стоит, в противном случае...

При виде незнакомца он облегченно вздохнул.

— Слава Богу, — пробормотал он себе под нос. — Я уже было испугался, что у меня не все дома. — Облегчение тут же перешло в раздражение. — Какого дьявола вы забрались в мою комнату? — спросил он решительно, оттолкнув стул.

Боб поднялся и, пройдя к двери, тщательно обследовал замок. Дверь была по-прежнему заперта. Окна также не вызвали сомнений они располагались вплотную к столу и выходили на людную улицу, шумевшую тремя этажами ниже.

— Как вы сюда попали? — растерянно проговорил Боб.

— Вот, сквозь это, — ответил незнакомец, указав большим пальцем на диск у себя за спиной. Вилсон только теперь обратил внимание на столь необычный предмет. Действительно, между ними и стеной в воздухе висел странный, не вполне, казалось, материальный диск, похожий на расплывчатые круги, которые появляются перед глазами, если крепко-крепко зажмуриться. Вилсон старательно потряс головой. Но диск не исчезал. «Боже — подумал Боб, — значит, я действительно слегка сдвинулся...» и шагнул к диску.

— Не трогайте! — остановил его резкий окрик названного.

— Это почему? — раздраженно поинтересовался Вилсон, но диска тем не менее не коснулся.

— Я объясню. Но сначала давай немного выпьем.

Незнакомец направился прямо к платяному шкафу, открыл дверцу и извлек на свет припрятанную Бобом заветную бутылку.

— Эй! — воскликнул Вилсон. — Что вы там роетесь? Это мой джин!

— Твой джин... — Незнакомец на мгновение призадумался. — Прошу прощения, надеюсь, вы не будете против, если и я угощусь?

— Думаю, что не буду, — мрачно сказал Боб. — И мне тоже налейте.

— Прекрасно, — согласился незнакомец. — А потом я все объясню.

— Да уж, постарайтесь, — многозначительно заметил Вилсон. Он залпом осушил свой стакан и принялся рассматривать гостя.

Перед ним был человек примерно его роста и сложения и приблизительно того же возраста, может, чуть старше, хотя, пожалуй, такое впечатление создавала трехдневная щетина на подбородке. Глаз у незнакомца был подбит, верхняя губа распухла. Вилсон решил, что физиономия у субъекта неприятная, и что-то в ней казалось ему странно знакомым.

— Вы кто? — резко спросил Боб.

— Кто я? Так вы меня не узнаете?

— Кажется, я вас уже где-то видел, — признался Вилсон. — Хотя и не уверен.

— Возможно, что и видели... — протянул гость. — Впрочем, оставим пока...

— А как вас зовут?

— Зовут? Ну, зовите меня просто... э-э... Джо.

Вилсон поставил стакан на стол.

— Ну, хорошо, мистер Джо. Как-вас-там, выкладывайте ваше объяснение и короче, пожалуйста.

— Сейчас вы все поймете, — пообещал Джо. — Вот эта штука, через которую я прибыл, — он указал на диск, — называется Ворота.

— Ворота чего?

— Времени. Время течет по обе стороны ворот, но оба потока разделены тысячелетиями, сколькими в точности — я не знаю. Еще пару часов Ворота будут открыты. Вы можете попасть в будущее, всего лишь ступив сквозь диск, — и незнакомец замолчал.

Боб нетерпеливо забарабанил пальцами по крышке стола.

— Продолжайте, я внимательно слушаю. Все это чрезвычайно интересно.

— Вы мне не верите? Так я вам сейчас покажу. — Джо снова направился к вешалке и завладел шляпой Боба, его любимой и единственной шляпой, которую шесть лет нелегкой университетской жизни привели в довольно жалкое состояние. Джо метнул шляпу прямо в бесплотный диск.

Шляпа прошла сквозь его поверхность без видимого сопротивления и исчезла из виду.

Вилсон обошел диск и внимательно осмотрел пол. На полу ничего не было.

— Ловкий фокус, — одобрил он. — Буду признателен, если вы вернете мне шляпу.

Незнакомец покачал головой:

— Сами ее найдете, как только окажетесь на той стороне.

— Как? На той стороне?

— Именно так. Слушайте...

И незнакомец рассказал вкратце, как действуют Ворота Времени. Бобу, убеждал гость, выпал уникальный шанс. Надо только не мешкать и смело шагать сквозь диск. Более того, было крайне важно, чтобы именно Вилсон сделал этот шаг. Почему — Джо подробно не объяснял.

На всякий случай Боб угостился вторым стаканчиком джина, а потом и третьим. Прodelав это, он почувствовал себя увереннее.

— Зачем? — спросил он строго и бескомпромиссно.

Джо был в отчаянье.

— Проклятье, если только ты шагнешь сквозь Ворота, упадет необходимость во всяких объяснениях. К тому же...

И Джо взволнованно поведал о каком-то человеке по ту сторону диска, который нуждается в их помощи. Если они помогут, то получают в свое распоряжение целую страну. Какого рода требуется помощь, этого Джо не уточнял, но горячо убеждал Вилсона воспользоваться необычными возможностями, которые предоставляло это удивительное путешествие.

— Неужели ты намерен угробить свою жизнь, обучая уму-разуму тупиц в какой-нибудь заплесневелой школе? — настаивал он. — Это — твой звездный шанс. Так хватай его!

В душе Боб был согласен, что степень доктора филологии — это не совсем то, чего бы ему хотелось. И все же, место преподавателя — верный заработок. Его взгляд упал на бутылку с джином, уровень жидкости в которой значительно понизился. Объяснение было найдено.

Слегка пошатываясь, Боб поднялся на ноги.

— Не выйдет, мой милый друг, — заявил он. — Мне ваша карусель не по вкусу. А знаете, почему?

— Почему?

— Потому, что я пьян, вот почему. На самом деле вас тут нет! И этого тоже нет. — Широким жестом он указал на диск. Здесь только я один и я выпил лишнего. Перетрудился малость, добавил он извиняющимся тоном. — И теперь я намерен отдохнуть.

— Ты совсем не пьян.

— Нет, я пьян. На дворе дрова, на древе трава.

Он направился было к кровати, но Джо схватил его за плечо.

— Пойми, ты должен это сделать! — воскликнул он.

— Оставь его в покое!

Оба резко обернулись. Прямо перед ними у диска стоял третий человек. Боб посмотрел на новоприбывшего, потом перевел взгляд на Джо и попытался навести резкость. «Однако, как они похожи, — подумал он, — будто братья. Или просто у него двоится в глазах. Какая гадость этот джин, давно пора перейти на ром. Ром — совсем другое дело. Хочешь — пей, хочешь — ванну принимай. Нет, во всем виноват джин: не было бы джина, не было бы и Джо.

Да нет же, как он мог их спутать, ведь у Джо глаз подбит. Тогда кто такой этот третий тип? Почему двое приятелей не могут спокойно выпить, обязательно кто-то помешает?»

— Вы кто? — негромко, но с достоинством спросил Боб новенького.

Новенький посмотрел на него, потом повернулся к Джо.

— Он меня знает, — многозначительно произнес незнакомец.

Джо не спеша оглядел его с головы до пят.

— Да, — сказал он, — думаю, что знаю. Но, ради Бога, объясни, зачем ты сюда явился?

— Времени для объяснений нет. Я знаю больше, чем ты, и поэтому мне решать. Он не пойдет в Ворота.

Вдруг зазвонил телефон.

— Ответь! — приказал вновь прибывший. Боб хотел было возмутиться, но потом передумал и поднял трубку:

— Алло?

— Приветик, — ответила трубка. — Это Боб Вилсон?

— Да. А кто говорит?

— Неважно. Я только хотел убедиться, что вы на месте. Я так и думал, что вы там. Попал же ты в переplet, парень, ну уж попал...

Вилсон услышал, как на другом конце захихикали, потом пошли гудки отбоя. Он потряс трубку пару раз, потом опустил ее на рычаг.

— Кто звонил? — спросил Джо.

— Никто. Какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Телефон зазвонил снова.

— Ага, это опять он, — Боб схватил трубку. — Слушай, ты, обезьяна с мозгом бабочки! Я человек занятой, а это не общественный телефон...

— Что-о? Боб, что ты... — послышался возмущенный женский голос.

— А, гм, это ты? Прости, Женьевьева, я очень виноват...

— Еще бы не виноват!

— Дорогая, ты не понимаешь, как раз перед тобой мне позвонил какой-то глупый шутник, и я подумал, что это снова он. Ты же знаешь, я бы никогда не позволил себе так разговаривать со своей крошкой.

— Не сомневаюсь, особенно после того, что ты мне сегодня сказал, после того, что...

— Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?!

— Конечно, сегодня. Но я позвонила потому, что ты забыл у меня свою шляпу. Я заметила ее буквально через несколько минут после твоего ухода и решила на всякий случай сказать тебе. К тому же, — добавила она застенчиво, — я хотела еще раз услышать твой голос, Боб.

— Ну понятно, спасибо, — механически ответил он. Но, послушай, малыш, я сейчас ужасно занят, день выдался просто сумасшедший. Я загляну к тебе вечером, и мы все уладим. Но только я наверняка знаю — шляпу я у тебя не забы-

вал. Ладно, вечером мы все выясним. Ну, пока. — И он поспешно положил трубку.

«Боже, — подумалось ему, — еще одна проблема». И он повернулся к своим гостям:

— Ну, Джо, все в порядке, если ты не против, я готов двигаться.

Вилсон не помнил, когда именно созрело такое решение, но главное было в том, что он решился. И вообще, что это за проходимец номер два, чтобы запрещать свободному человеку делать то, что ему хочется?!

— Прекрасно, — облегченно вздохнул Джо. — Шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

— Нет, ты не пойдешь! — встрял надоедливый номер два и встал на пути между Вилсоном и Воротами Времени.

Боб Вилсон смерил его уничтожающим взглядом.

— Послушайте, вы! Вы сюда ворвались, лезете не в свои дела, может, вы думаете, что вам все позволено? Если вам что не по вкусу, так пойдите и утопитесь! Я с удовольствием помогу.

Незнакомец попытался схватить Боба за воротник. Вилсон ответил боковым ударом, правда, не из лучших — кулак его двигался со скоростью улитки. Незнакомец без труда уклонился и угостил Боба прямым в челюсть — костяшки пальцев у него были ужасно твердые. Джо поспешил на помощь Бобу. Некоторое время они обменивались свингами и хуками, при этом Боб действовал с большим энтузиазмом. Но единственный манч, который ему удался, угодил в Джо, его союзника, хотя предназначен был, естественно, второму незнакомцу.

Это было грубой ошибкой, и незнакомец, воспользовавшись временной небоеспособностью Джо, отличным ударом слева лишил Боба возможности принимать участие в военных действиях.

Постепенно Боб снова начал воспринимать окружающее. Он сидел на полу, который почему-то несколько покачивался. Кто-то склонился над ним.

— У вас все в порядке? — споошили Боба.

— Вроде бы, — глухо ответил Боб. Губы саднило, он дотронулся до них — на пальце осталась кровь.

— Голова болит.

— Еще бы ей не болеть: вы влетели просто кувырком. Я испугался, уж не разбили ли вы голову, когда приземлялись.

Мысли Боба постепенно прояснялись. Влетел? Он внимательно посмотрел на говорящего. Это был мужчина средних лет, с густой шевелюрой, из которой уже начала просвечивать седина, и с коротко подрезанной бородкой.

Но удивило его не то, откуда появился бородач, а комната, в которой он находился: она была совершенно круглая, потолок выгибался куполом. Ровный, мягкий свет струился из невидимого источника. Мебели в комнате не было, если не считать похожего на пульт возвышения рядом со стеной, лицом к которой сидел Боб.

— Влетел? Куда влетел?

— В Ворота, конечно. То есть сквозь Ворота, — у незнакомца был несколько странный акцент. Боб не мог определить, какой именно, но ему показалось, что этот человек не часто говорит по-английски.

Вилсон повернул голову и посмотрел через плечо, в направлении взгляда незнакомца. Там он увидел знакомый уже диск.

Голова от этого разболелась еще больше. «Боже милостивый, подумал он. — На этот раз я уж действительно свихнулся. Почему бы мне, наконец, не проснуться?» Он потряс головой, стараясь обрести чувство реальности. Лучше бы он этого не делал: головная боль только усилилась, а диск остался там же, где и был.

— Я сквозь это влетел?

— Да.

— Где я?

— В зале Ворот, в Высоком Замке Норкаал. Но куда важнее не «где», а «когда». Вы попали в будущее почти на тридцать тысяч лет вперед.

— Я с самого начала понял, что сошел с ума — сказал Вилсон. Он с трудом поднялся на ноги и заковылял к Воротам.

— Куда вы собрались? — рука очередного незнакомца легла на его плечо.

— Обратно!

— Ну-ну, не так быстро. Поверьте моему слову — вы туда вернетесь. Но позвольте сначала перевязать вам раны. Кроме того, вам необходим отдых. Сейчас я кое-что объясню, а потом, когда вы будете возвращаться, я попрошу вас выполнить для меня одно поручение — к нашей обоюдной выгоде. Будущее принадлежит нам, друг мой, великое будущее!

Вилсон остановился в нерешительности. Настойчивость незнакомца казалась ему подозрительной.

— Мне все это не нравится. — Неизвестный внимательно посмотрел на Боба. — Может, выпьем на дорожку?

Предложение заманчивое. После всех передышек подкрепиться было явно нелишним.

— Ладно, давай.

— Пойдемте со мной.

Они прошли мимо непонятного пульта прямо к двери.

Незнакомец шагал размашисто, и Вилсону приходилось поторапливаться, чтобы не отстать.

— Между прочим, — спросил он, — как вас зовут?

— Зовут? Ну, можете называть меня Диктор, все остальные называют меня именно так.

— Отлично. Я тоже должен представиться?

— Вы? — Диктор усмехнулся. — Не вижу в этом необходимости. Ваше имя Боб Вилсон.

— Вот как? Гм, наверное, это Джо вам сказал.

— Джо? Я не знаю такого.

— Не знаете? А вот он, как я понял, вас знает. Эй, послушайте, может, вы не тот, с кем я должен встретиться?

— Нет, это я. Я, в своем роде, поджидал вас. Джо... Джо... А! — Диктор хихикнул, — просто выскочило из головы! Он сказал, чтобы вы звали его Джо, правильно?

— А что, это не его имя?

— Имя особого значения не имеет, и Джо — не хуже любого другого. Ну, вот мы и пришли, — он ввел Боба в небольшую, но симпатичную комнатку. Мебель в ней отсутствовала, зато пол был мягкий и теплый.

— Садитесь и отдыхайте, я через минуту вернусь.

Боб огляделся, соображая, на чем здесь можно посидеть, потом повернулся, чтобы спросить Диктора, но тот уже исчез. Более того, вместе с ним исчезла и дверь, через которую они входили. Боб сел прямо на мягкий пол и слегка задремал.

Диктор вскоре вернулся. Вилсон видел, как расступились стены, пропуская его, а затем снова сошлись. Это было непонятно и походило на волшебство. Диктор принес с собой небольшой графинчик, в котором плескалась аппетитная на вид жидкость.

— А ну-ка, прочистим мозги, — бодро произнес он, наливая чашку Бобу. — Глотай!

Боб принял чашку.

— А вы не будете?

— Сначала я займусь вашими увечьями.

— Ладно.

Вилсон влил в себя содержимое чашки с излишней, пожалуй, поспешностью. «Неплохая штука, — решил он, — напоминает шотландское виски, но покрепче». Диктор тем временем смазывал синяки Боба какой-то мазью. Заживляла она мгновенно, хотя поначалу, надо признаться, сильно пекла.

— Еще одну, с вашего позволения?

— Ради Бога!

Боб, не спеша, взялся за вторую чашку, но допить ее до конца не удалось — чашка выскользнула из пальцев, и Боб захрапел.

Проснулся он бодрым и свежим в отличном настроении. Хороший вчера был денек. Ну, правильно, ведь он дописал этот треклятый диплом. Нет, погоди, — он же его не закончил... Боб рывком сел.

Вид незнакомой обстановки вернул его к действительности, а стена образовала дверь, и в комнату вошел Диктор.

— Ну как, лучше?

— Немного. Послушайте, что все это значит?

— Немножко терпения, мы обо всем поговорим. Как насчет завтрака?

В данный момент на шкале ценностей завтрак находился непосредственно после собственной жизни и несколько опережал даже вечное блаженство.

Диктор провел Боба в другое помещение, с окнами, которые Вилсон впервые видел в этом здании. Вернее, одна стена просто отсутствовала, а вместо нее был широкий балкон, с которого открывался прекрасный вид. Теплый летний ветерок гулял по комнате, и под негромкий голос Диктора они приступили к завтраку, окруженные роскошью римских патрициев.

Боб слушал невнимательно. Его отвлекло появление девушки-служанки, она вошла, неся на голове большой поднос с фруктами. И фрукты и девушка были само совершенство.

Сначала она подошла к Диктору и, грациозным движением опустившись на одно колено, протянула ему поднос с фруктами. Тот выбрал какой-то небольшой красный плод и небрежным жестом отпустил девушку. Она повернулась к Бобу и так же изящно предложила фрукты и ему.

— Как я уже сказал, — продолжал Диктор, — доподлинно неизвестно, когда именно бывшие покинули Землю, так же, как неизвестно, откуда они пришли и куда делись потом. Я лично склонен думать, что они вернулись обратно во Время. Во всяком случае, они правили здесь в течение двадцати тысяч лет, и за это время от земной культуры в том виде, какой вы ее знаете, не осталось ничего. Но главное — они изменили саму природу человека. Здесь обитают теперь вялые, покорные и совершенно безвольные существа. Самый обыкновенный Человек двадцатого века с некоторыми задатками авантюриста мог бы творить здесь все, что ему вздумается. Вы слушаете меня?

— Что? А, ну да, естественно. Какая изумительная девушка! глаза Боба все еще были устремлены на удалявшуюся особу.

— Кто? Ах, да, но она ничем особенным здесь не выделяется.

— Трудно поверить.

— Она вам нравится? Отлично, она ваша.

— Как?!

— Она рабыня. Успокойтесь, это в переносном смысле. Они здесь все рабы по своей натуре. Если она вам нравится, я вам ее подарю. Она будет счастлива, вот увидите.

Тем временем девушка вернулась, и Диктор обратился к ней на неизвестном Бобу языке.

— Ее зовут Арма, — заметил он вскользь, затем что-то еще сказал девушке. Та засмеялась, но тут же, посерьезнев, не колеблясь, направилась к Вилсону, опустилась на оба колена и, трогательно склонив голову, протянула перед собой сложенные чашей ладони.

— Дотроньтесь до лба, — приказал Диктор.

Боб дотронулся. Девушка встала и замерла рядом с ним в ожидании. Диктор снова обратился к ней на ее языке. Выслушав его, она, казалось, слегка растерялась и не совсем понимала, как же ей следует теперь поступить, затем снова овладела собой и, поклонившись, незаметно выскользнула из комнаты.

— Я сказал, что, несмотря на ее новое положение, вы желаете, чтобы она продолжала подавать завтрак.

Трапеза возобновилась. Диктор продолжил свой рассказ. Новое блюдо внесли Арма и еще одна девушка. Увидев ее, Боб тихо присвистнул. Он понял, что несколько погорячился, позволив Диктору подарить ему Арму. «Одно из двух: или стандарты женской красоты поднялись на невообразимую высоту, — подумал он, — или Диктору пришлось-таки попотеть, набирая себе домашнюю прислугу».

— ... вот почему, — продолжал Диктор, — вам необходимо вернуться. Во-первых, нужно вернуть назад этого парня, потом еще одно небольшое дельце — и мы на коне. Дальше мы будем только получать и делить — я и вы. А делить здесь есть что. Я... Да вы не слушаете!

— Конечно, слушаю, шеф! Каждое ваше слово. — Боб пощупал подбородок. — Слушайте, у вас не найдется лишней бритвы? Я хочу привести себя в порядок.

Диктор негромко выругался сразу на двух языках.

— Перестаньте глазеть на девушек: никуда они от вас не денутся. Слушайте меня, дело нешуточное, и предстоит серьезная работа!

— Ясно, ясно, я все понял и я ваш человек. Когда начнем?

Решение созрело мгновенно, как только он увидел Арму с подносом. У Вилсона было такое чувство, будто он попал в какой-то удивительный сон. Если сотрудничество с Диктором позволит продлить этот сон, то он не такой дурак, чтобы отказываться! Прощай академическая карьера.

К тому же все, что от него требовалось, — это пройти сквозь Ворота в обратном направлении и заставить парня на той стороне войти в них. В худшем случае он просто снова окажется в двадцатом веке, только и всего.

Диктор поднялся на ноги.

— Приступим сразу к делу, пока вы снова не отвлеклись, сказал он слегка насмешливо. — Пойдемте.

И он быстро зашагал, сопровождаемый Бобом.

Они подошли к залу Ворот.

— Шагайте и вы окажетесь в двадцатом столетии, в своей собственной комнате. Заставьте человека, которого увидите там, пройти через Ворота. И возвращайтесь вместе с ним.

Боб поднял руку, соединив большой и указательный палец вместе.

— Дело в шляпе, босс. Считайте, что он уже здесь, — и двинулся к Воротам.

— Подождите! — скомандовал Диктор. — Вы незнакомы с путешествиями во времени, поэтому должны подготовиться к некоторому потрясению. Этот второй человек на той стороне — вы его сразу узнаете.

— Кто он?

— Я не буду вам говорить, потому что вы все равно не поверите. Но его вы узнаете сразу, как только увидите. Помните вот что — путешествие во времени связано с некоторыми странными парадоксами. Не давайте сбить себя с толку. Действуйте так, как я вам говорил, и все будет в порядке.

— Парадоксы меня не пугают, — уверенно заявил Боб. — Это все? Я готов.

— Минуту! — Диктор поднялся на возвышение у стены. Через мгновение оттуда раздался его голос: — Я установил приборы. Теперь порядок. Вперед!

И Боб Вилсон шагнул сквозь Время.

Сначала он ничего не почувствовал, но потом ему пришлось зажмуриться, привыкая к яркому свету. Это действительно была его комната.

За столом, — за его столом! — сидел какой-то человек. Диктор не ошибся. Значит, именно его он должен переслать на ту сторону Ворот. Да, этот человек ему знаком. Отлично, посмотрим, кто это.

Боб чувствовал некоторое раздражение, видя в своей комнате постороннего. С другой стороны, комната сдается всем желающим, и, естественно, как только Боб исчез, ее снял кто-то другой, а Боб не знал, сколько времени прошло с момента его исчезновения, может быть целая неделя!

Парень, сидевший за столом, был виден только со спины, но и спина его вызывала какие-то странные воспоминания. Кто же это? Заговорить с ним, чтобы он повернулся? Отчего-то Бобу не хотелось. «Сначала, — сказал он себе, — нужно выяснить, с кем имеешь дело, а уж потом пытаться его в чем-либо убедить. Тем более убедить попутешествовать во времени...» Человек за столом продолжал печатать на машинке и только отвлекся на секунду, чтобы потушить сигарету. Он положил ее в пепельницу и придавил сверху пресс-папье.

Этот жест был хорошо знаком Вилсону. По спине у него пробежал холодок.

«Если этот тип закурит новую сигарету — сказал он, себе, — так, как я думаю...»

Как бы отвечая на его мысли, парень потянулся к пачке и, достав сигарету, постучал сначала по одному концу, потом по другому, слегка выравнивая, и сунул в рот.

Вилсон почувствовал, как застучала кровь в голове. ЗА СТОЛОМ, СПИНОЙ К НЕМУ, СИДЕЛ ОН САМ, БОБ ВИЛСОН!

Еще немного, и ему станет дурно. Он закрыл глаза и оперся о спинку стула. «Я так и знал, — подумал Боб, — я сошел с ума. Особый случай раздвоения личности на почве переутомления».

Пишущая машинка продолжала стучать. Боб взял себя в руки и попытался рассуждать логически. Диктор предупредил его о возможных потрясениях. Допустим, он не сошел с ума. Если путешествие во времени возможно, то почему нельзя вернуться в прошлое и увидеть самого себя в этом прошлом. Похоже, именно так и обстоит дело. А если он все-таки свихнулся, тогда и вовсе не о чем беспокоиться — что тут поделаешь? Кроме того, даже если он сумасшедший, ему никто не запретит вернуться обратно в будущее. Одним словом, его дела не так уж плохи!

Он осторожно подкрался к столу и заглянул через плечо сидящего.

«Протяженность есть атрибут сознания. Следовательно...» — прочел он.

«Надо же, — подумалось Бобу, — вернуться, чтобы увидеть себя самого, пишущего собственный диплом».

Машинка стучала. «Следовательно...» Два литерных рычага сцепились. Двойник Боба чертыхнулся и протянул руку, чтобы их поправить.

— Брось, не трать время, — неожиданно для себя самого сказал Боб. — Все это чушь собачья.

Боб Вилсон-второй резко выпрямился и осторожно по-

вернул голову. Удивление на его лице сменилось раздражением.

— Какого дьявола вы забрались в мою комнату? — тон его был решителен и агрессивен. Потом, не дожидаясь ответа, встал и проверил задвижку на двери. — Как вы сюда попали?

«Однако, — подумал Боб, — попробуй, объясни».

— Вот, сквозь это, — ответил он, указывая на Ворота Времени. Двойник взглянул в указанном направлении, зажмурился, помотал головой и, посмотрев еще раз, стал осторожно подбираться к диску. Его намерения были вполне понятны.

— Не трогайте! — вскрикнул Вилсон... Двойник остановился.

— Это почему же? — поинтересовался он.

Почему именно, не было ясно и самому Вилсону, но чувство надвигающейся опасности охватило его, и, чтобы выиграть время, он сказал:

— Я объясню. Но сначала давай немного выпьем.

Стаканчик джина — хорошая идея. Сейчас капля алкоголя требовалась Вилсону, как никогда. Не отдавая себе отчета, он привычно направился к платяному шкафу. Бутылка была на месте.

— Эй! — Запротестовал двойник. — Что вы там роетесь? Это мой джин!

— Твой джин...

«Тысяча чертей, это действительно ЕГО джин. То есть нет, это не его, это их джин. Ах, проклятье! Как все это запутанно, не объяснишь!»

— Прошу прощения, надеюсь, вы не будете против, если и я угощусь? — поинтересовался Боб.

— Думаю, что не буду, — мрачно отвечивал двойник. — И мне тоже налейте.

— Прекрасно, — согласился Вилсон. — А потом я все объясню. Но он чувствовал, что объяснить «все» будет, по меньшей мере, затруднительно. Он и сам мало что понимал.

— Да уж, постарайтесь, — выразительно предупредил его второй Вилсон и, потягивая джин, стал осматривать первого.

При виде своего двойника Вилсона охватили самые разноречивые чувства. Ему было и грустно, и странно, но преобладало, пожалуй, чувство раздражения. Неужели этот тупица не в состоянии узнать собственное лицо? И если он не может у в и д е т ь , то как ему объяснить?

У Боба совсем выскочило из головы, что узнать его было теперь нелегко. После всего пережитого он осунулся, поблед-

нел и покрылся трехдневной щетиной. И главное, он упустил из виду, что каждый человек видит в зеркале не совсем то лицо, какое видят окружающие, потому что смотрит на него другими глазами.

— Вы кто? — неожиданно спросил двойник.

— Кто я? — переспросил Вилсон. — Так вы меня не узнаете?

— Кажется, я вас уже где-то видел. Хотя и не уверен.

— Возможно, что и видели... — Вилсон чувствовал, что теряется. Ну как ему объяснить, что они родственники, причем более близкие, чем даже два брата-близнеца? — Впрочем, оставим пока...

— А как вас зовут?

— Зовут? Ну... «Ого-го-го, чем дальше, тем хуже! Что за нелепая ситуация!» — подумал Боб, раскрыл было рот, чтобы сказать «Боб Вилсон», но промолчал, чувствуя полную беспомощность: Боб осознал, что должен соврать, потому что правде просто не поверят. — Зовите меня просто Джо, — сказал он.

Собственные слова неожиданно удивили его. В этот момент он понял, что он и есть тот самый Джо. Джо, с которым ему уже доводилось встречаться не так давно. Словно молния, пронзила Боба жуткая догадка: это не просто похожая ситуация, это та самая ситуация! Только теперь он воспринимал ее со стороны.

Во всяком случае, так оно должно было происходить с точки зрения метафизики. Было бы очень интересно узнать, повторяется ли сцена в точности или с какими-то отклонениями. Он готов был заплатить за стенограмму того, первого разговора любые деньги, хоть двадцать пять долларов, включая налог.

Но погодите, ведь он действует без всякого принуждения. Все, что он говорил, — результат свободы воли. Правда, он не помнил того разговора дословно, но некоторые слова Джо наверняка не говорил. «У нашей Мэри есть баран», например. Сейчас он прочтет стишок и прыгнет, наконец, с проклятой карусели повторений. Боб открыл рот...

— Ну хорошо, мистер Джо-как-вас-там, выкладывайте ваше объяснение и короче, пожалуйста, — нахально заявило его альтер эго, поставив на стол пустой стакан, в котором еще недавно содержалось около четверти пинты джина.

Боб взял себя в руки и ничего не ответил. «Спокойно, сынок, спокойно, — сказал он себе. — Ты свободен, ты хочешь рассказать детский стишок — ну так расскажи. Не отвечай ему, прямо бери и рассказывай, разорви этот порочный круг».

Но под враждебным взглядом двойника он не смог вспомнить ни строчки. И тогда он сдался.

— Сейчас вы все поймете. Вот эта штука, через которую я прибыл, называется Ворота Времени.

— Ворота чего?

— Времени. Время течет по обе стороны... — его бросило в холодный пот. Он понял, что говорит в точности то же самое, что уже слышал однажды, теми же самыми словами — ... в будущее, всего лишь ступив сквозь диск. — Он замолчал и вытер лоб.

— Продолжайте, — потребовал двойник, — я внимательно слушаю. Все это чрезвычайно интересно...

Боб внезапно засомневался — его ли двойник сидит перед ним? Что за дурацкая поза, что за нелепый догматизм! Это просто возмутительно! Ну ладно, он ему сейчас покажет. Боб схватил шляпу со стола и швырнул ее в диск Ворот.

Двойник внимательно проследил за полетом шляпы, потом, не меняя выражения лица, обошел диск, двигаясь подчеркнуто осторожно, как человек, который много выпил, но не хочет, чтобы об этом догадались окружающие, тщательно обследовал его со всех сторон.

— Ловкий фокус, — одобрил он, удостоверившись, что шляпа бесследно исчезла. — Буду признателен, если вы вернете мне шляпу.

Вилсон покачал головой.

— Сами ее найдете, как только окажетесь на той стороне рассеянно ответил он. Интересно, сколько же шляп находится по ту сторону Ворот?

— Как? На той стороне?

— Именно так. Слушайте... — Вилсон как можно убедительнее постарался втолковать двойнику, что именно от него требуется, не стесняясь при этом обещать золотые горы по выполнению задания. Никаких разумных объяснений тот все равно не воспринимал. Легче, наверное, было научить тензорному исчислению австралийского аборигена, хотя Боб и сам мало что смыслил в этом разделе математики: двойника явно больше интересовала бутылка с джином, чем увлекательный рассказ Боба.

— Зачем? — вдруг спросил он задиристо и совершенно невпопад.

— Проклятье! — вырвалось у Боба. — Если только ты шагнешь сквозь Ворота, отпадет необходимость во всяких объяснениях. К тому же... — и Боб еще раз пересказал все, что слышал от Диктора, отметив с раздражением, что тот мог бы быть чуть менее схематичен в своих исторических экскурсах. Что же касалось эмоциональной стороны дела, то тут он

чувствовал под собой твердую почву. Кому, как не ему, знать, до чего надоела Бобу-второму затхлая атмосфера университета с ее академизмом и нудной зубрежкой. — Неужели ты намерен угробить свою жизнь, обучая уму-разуму тупиц в какой-нибудь заплесневелой школе? — заключил он. — Это твой звездный шанс. Так хватай его!

С надеждой всматриваясь в лицо собеседника, Вилсон уловил в нем перемену к лучшему. Тот явно заинтересовался словами Боба. Но тут его взгляд упал на бутылку, он хитро прищурился и заявил:

— Не выйдет, мой милый друг. Мне ваша карусель не по вкусу. А знаете, почему? «

— Почему?

— Потому, что я пьян, вот почему. На самом деле вас тут нет. И этого тоже нет. — Широким жестом он указал на диск, при этом с трудом удержавшись на ногах. — Здесь только я один и я выпил лишнего. Перетрудились малость. И теперь я намерен отдохнуть.

— Ты совсем не пьян, — без всякой надежды запротестовал Вилсон. «Тысяча чертей, — подумал он, — если человек не умеет пить, нельзя давать ему в руки бутылку».

— Нет, я пьян. На дворе дрова, на древе трава. — Двойник, покачиваясь, направился к кровати.

Вилсон схватил его за плечо.

— Пойми, ты должен это сделать!

— Оставь его в покое! — Вилсон резко повернулся и увидел, что у диска стоит третий человек, он узнал его сразу, хотя воспоминания об этой сцене не отличались ясностью — сказывалось действие джина. Он ожидал появления третьего, но к потрясению, которое испытал при этом, готов не был.

Он узнал себя — еще одну точную копию. С минуту он стоял молча, стараясь осмыслить этот факт и как-то привязать его к законам логики, потом беспомощно прикрыл глаза.

Это было уж слишком! «Доберусь до Диктора, — подумал он, — скажу ему пару ласковых».

— Вы кто? — Первый двойник обратился к последнему изданию Вилсона.

Спрашиваемый повернулся и в упор взглянул на Боба.

— Он меня знает. — Вилсон ответил не сразу. Ситуация явно выходила из-под контроля.

— Да, — согласился он, — думаю, что знаю. Но, ради Бога, объясни, зачем ты сюда явился?

— Времени для объяснений нет. Я знаю больше, чем ты, и поэтому решать мне. Он не пойдет в Ворота.

Такая неприкрытая самонадеянность возмутила Боба, но раздался телефонный звонок.

— Ответь! — скомандовал вновь прибывший.

Номер Первый воинственно приподнял брови, но трубку снял.

— Алло. ..Да, а кто говорит?... Алло! — и он швырнул трубку на рычаг. «

— Кто звонил? — спросил Боб, несколько раздраженный тем, что сам не успел ответить.

— Никто. Какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Тут телефон зазвонил опять.

— Ага, это опять он.

Вилсон попытался первым схватить трубку, но этот алкоголик, номер первый, опередил его.

— Слушай, ты, обезьяна с мозгом бабочки! Я человек занятой, а это не общественный телефон... А, гм, это ты? Прости, Женевьева, я очень виноват... Дорогая, ты не понимаешь! Как раз перед тобой мне позвонил какой-то глупый шутник, и я подумал, что это снова он. Ты же знаешь, я бы никогда не позволил себе так разговаривать со своей крошкой... Что? Сегодня? Ты сказала — сегодня?!... Ну понятно, спасибо... Но, послушай, малыш, я сейчас ужасно занят, день выдался просто сумасшедший. Я загляну к тебе вечером, и мы все уладим. Но только я наверняка знаю — шляпу я у тебя не забывал. Ладно, вечером мы все выясним. Ну, пока.

Слушая, как первый двойник воркует по телефону, стараясь поладить с этой прилипчивой особой, Боб почему-то разозлился. Да бросил бы трубку — и конец. Арма — вот это да! Одно воспоминание о ней придало Бобу решимости довести план Диктора до конца.

Положив трубку, ранний Вилсон поднял глаза на Боба, подчеркнуто игнорируя присутствие третьего.

— Ну, Джо, все в порядке, — объявил он, — если ты не против, я готов двигаться.

— Прекрасно, — облегченно вздохнул Боб. — Шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

— Нет, ты не пойдешь! — Номер Третий загородил путь.

Вилсон начал было спорить, но первая копия опередила его:

— Послушайте, вы! Вы сюда ворвались, лезете не в свои дела, может, вы думаете, что вам все позволено? Если вам что не по вкусу, так пойдите и утопитесь! Я с удовольствием помогу.

И обе копии принялись обмениваться ударами. Вилсон осторожно приблизился, выбирая момент, чтобы вступить в драку, но он недооценил степень нетрезвости своего союзника. Единственный приличествующий степени нетрезвости своего

союзника. Единственный приличный удар пришелся как раз в только что начавшую заживать губу Боба. Боль была оглушительная. Боб зашатался и упал.

Сквозь туман до него донесся какой-то звук. Сссссмакк! Он с трудом повернулся в сторону звука и успел увидеть, как чьи то ноги исчезают в диске Ворот. Номер Третий стоял рядом с диском.

— Ну что, добился своего? — с горечью произнес он. Правой рукой он поглаживал костяшки пальцев на левой.

— Я? — зло переспросил Боб. — Это ты его ударил, осел, я к нему и пальцем не прикоснулся.

— Да, но виноват во всем ты! Если бы ты не вмешался, этого бы не случилось.

— Я вмешался?! Ах ты, демагог... сам явился невесть откуда непонятно зачем, и я ему, видите ли, мешаю! Кстати, ты мне должен кое-что объяснить, и черт меня подери, если ты этого не сделаешь. Что за идея...

Номер третий перебил Боба:

— Брось, — мрачно сказал он. — Поздно, этот тип уже на той стороне.

— Поздно что? — настаивал Вилсон.

— А то, что теперь уже не разорвать этот замкнутый круг.

— А зачем его разрывать?

— Потому, что Диктор обвел меня... то есть тебя... нас обвел вокруг пальца, как школьников. Смотри, он говорил тебе, что вы оба станете большими шишками, — двойник показал на Ворота.

— Говорил...

— Так вот, это все вранье! Ему нужно запутать нас окончательно, чтобы мы уже не разобрались, что к чему.

Вилсон почувствовал, как в нем начинает зарождаться сомнение. А вдруг, это правда? Если рассудить здраво, то действительно, зачем Диктору понадобилась его, Боба, помощь, причем до такой степени, что он согласен делиться с ним теплым местечком диктатора.

— Откуда ты знаешь? — спросил он третьего двойника.

— Ну, вот, опять двадцать пять, — устало вздохнул номер Третий.

— Ну почему ты не можешь поверить мне на слово?

— А почему я должен верить? — На лице собеседника Боба выразилось полное отчаяние. — Если ты не веришь мне, то кому же тогда поверишь?

Неумолимая логика номера Третьего стала раздражать Боба. Он не желал слепо следовать чьим бы то ни было советам.

— Мы, ребята с Миссури, — мальчишески парировал он, — сами разберемся. — И направился обратно к Воротам.

— Ты куда?

— Обратно. Хочу найти Диктора и задать ему парочку-другую вопросов.

— Не делай этого, — возразил номер Третий. — Может, мы еще сумеем разорвать цепь, даже сейчас.

Но Вилсон продолжал упрямыться.

— Хорошо, — вздохнул номер Третий, — ступай, рой себе яму. А я умываю руки.

— Умываешь, да? А почему это моя яма? Она у нас общая!

Это были провидческие слова. И последнее, что увидел Боб, переступая порог Времени, было лицо номера Третьего, осененное догадкой.

Оказавшись снова в знакомом уже зале Ворот, Боб не обнаружил там ни души. Он осмотрелся вокруг в поисках выхода, который, как ему помнилось, должен быть где-то неподалеку, и едва не столкнулся с Диктором.

— А, вы уже здесь! — приветствовал его Диктор, — отлично. Теперь осталось сделать всего ничего, и будет полный порядок. Должен сказать, я вами очень доволен.

— Ах, вот как! Вы, оказывается, мною довольны, — Боб был настроен весьма агрессивно. — Жаль, что не могу сказать того же о вас. Зачем вам понадобилось впихивать меня в это колесо вместо белки, не спросив даже, согласен ли я? Что это все значит?

— Спокойно, спокойно, — ничуть не смутился Диктор. — Не стоит так волноваться. Не спросил согласия... А вы бы согласились столкнуться лицом к лицу с самим собой? Или даже так: вы бы мне поверили, а?

Вилсону пришлось признать, что он бы в это, скорее всего, не поверил.

— Значит, — продолжал Диктор, — не было никакого смысла предупреждать вас, не так ли? У вас могло сложиться неверное представление. Не лучше ли не иметь никакого представления о положении вещей, чем иметь неправильное?

— Возможно, но...

— Подождите. Я не вводил вас в заблуждение. Наоборот, я дал вам возможность увидеть все своими глазами. Это ли не лучший способ доказать свою правоту?

— Минуту, минуту! — перебил его Вилсон. — Вы меня совсем запутали. Я готов забыть прошлое, если вы будете играть в открытую. Зачем вы меня послали назад?

— Забыть прошлое, — задумчиво повторил Диктор. — Ах, если б это было возможно... А послал я вас затем, чтобы вы могли попасть сюда.

— Погодите, но ведь я уже был на этой стороне!

Диктор покачал головой:

— Подумайте сами. Когда вы вернулись в свое время, вы застали там себя самого, то есть свое, так сказать, более раннее это.

— М-м-м, ну правильно...

— Он — то есть вы, номер Первый, еще не проходил сквозь Ворота, так?

— Так я...

— И как же вы могли бы пройти сквозь Ворота, если бы вы настоящий не заставили его, то есть себя раннего, сделать это?

Голова у Боба закружилась, но по инерции он продолжал сопротивляться :

— Это невозможно, вы хотите сказать, что я сделал что-то потому, что до этого уже сделал это!

— Но ведь так и произошло, верно?

— Нет, я... то есть да, так получилось, но все выглядело по-другому.

— А как же иначе? Ведь это явление совершенно новое для вас.

— Но... но... — Вилсон глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Он припомнил лекции по философии и собственную дипломную работу. — Но это противоречит всем теориям причинности. Вы хотите, чтобы я поверил, будто причинная цепочка может замыкаться в окружность! Это абсурд!

— Хорошо, что же тогда случилось с вами?

Вилсон не знал, что ответить. Диктор продолжал:

— Не стоит об этом беспокоиться. Причинность, к которой вы привыкли, действует только в определенных условиях, являясь частным случаем общего закона. Причинность, в научном понимании, не ограничивается человеческим восприятием продолжительности.

Вилсон с минуту обдумывал услышанное. Звучало неплохо, но что-то его все-таки не устраивало.

— Одну секунду, — возразил он, — а как быть с энтропией? Энтропию вы куда денете?

— Ох, ради Бога, — вздохнул Диктор, — вы напоминаете мне того математика, который доказал с помощью неопровержимых вычислений, что аэроплан построить невозможно. — Он направился к двери. — Пойдемте, нас ждет работа.

Вилсон последовал за ним.

— А что случилось с остальными двумя? — поинтересовался он по дороге.

— С кем?

— Ну, с моими двойниками? Где они? Когда мы, наконец, распутаемся?

— Распутывать тут нечего. Вы ведь считаете себя цельной личностью?

— Да, но...

— Тогда можете ни о чем не волноваться.

— Но как же? А что случилось с тем парнем, который прошел сквозь Ворота передо мной?

— Разве вы не помните? Кстати... — Диктор раздвинул дверь в стене. — Можете посмотреть.

Эту комнату, без окон и мебели, Вилсон узнал сразу. На полу растянулся, мерно похрапывая, Боб Вилсон номер Один.

— Когда вы в первый раз попали сюда, — напомнил Диктор, я накормил вас, обработал раны и усыпил с помощью наркотика, чтобы вы отдохнули как следует. Вы тогда проспали тридцать шесть часов подряд. Теперь, когда вы проснетесь, я расскажу вам, что нужно делать дальше.

— Только не надо, — попросил Вилсон, — не надо называть влого парня моим именем. Он — не я. Я — вот, стою здесь.

— Как хотите. Этот человек, который, скажем так, был вами. Ведь вы помните все, что с ним случится, не правда ли?

— Да, но от этого слишком утомляешься. Лучше закроем дверь.

— Хорошо, — сказал Диктор, — нам надо спешить. Когда цепочка образовалась, нельзя терять время. Необходимо, чтобы вы еще раз вернулись в двадцатый век и захватили с собой кое-какие вещи, которые здесь найти невозможно. Они вам очень пригодятся в дальнейшем.

— Что именно я должен достать?

— Я приготовил для вас небольшой список: книги, справочники, некоторые предметы обихода.

Продолжая говорить, Диктор поднялся к пульту управления. Вилсон последовал за ним. Устройство это при ближайшем рассмотрении имело форму короба без верхней крышки, и Ворота были отлично видны поверх высоких стен.

Начинку короба составляли четыре цветных шара небольшого, с детскую погремушку, размера. Шары были насажены на прозрачные стержни, образывавшие четыре ребра тетраэдра. В основании этой пирамиды лежали красный, желтый и голубой шары, вершину обозначал белый шар.

— Три пространственных и один временной регуляторы, — пояснил Диктор. — Все очень просто. За точку отсчета берется настоящий момент. Перемещение любого из регуляторов от центра переносит выход Ворот в прошлое или будущее, как именно далеко — зависит от вас.

— Понятно, — кивнул Боб, — но как определить место нахождение Ворот? Я не вижу никаких указателей.

— Они не нужны. Можно просто посмотреть. — Нажатием кнопки Диктор отодвинул панель, и стало видно маленькое подобие Ворот. Сквозь них можно было рассмотреть крошечную, как в перевернутом бинокле, комнату Вилсона. Там копошились две фигурки, слишком мелкие, чтоб их можно было узнать. Боб окончательно расстроился.

— Хватит, выключайте.

Диктор нажал кнопку, изображение Ворот исчезло.

— Список не забудьте, — он протянул Вилсону листок бумаги.

Тот машинально спрятал его в карман.

— Мне не нравится, что, переходя на ту сторону, я каждый раз наталкиваюсь на самого себя и чувствую себя пешкой в незнакомой игре или подопытным кроликом. Хватит темнить, выкладывайте, зачем я вам нужен!

Диктор рассердился.

— Вы просто осел, молодой человек! Я рассказал вам все, что вы пока способны понять. За полчаса работы вам предлагают полмира, а вы недовольны и торгуетесь, как мелкий лавочник. Вот что, кончайте упрямиться, лучше посмотрим, куда вас посадить.

— Не трогайте регуляторы! — приказал Вилсон. У него созрело решение. — Кто вы такой?

— Но я же вам говорил, я — Диктор.

— Я не это имел в виду. Откуда вы знаете английский?

Диктор молчал.

— Нечего ответить. Я вас раскусил, вы тоже из двадцатого века!

Диктор невесело усмехнулся.

— Мне было любопытно, как быстро вы дойдете до этой мысли.

— Может, я не отличаюсь сообразительностью, но далеко не так глуп, как вам кажется. Итак, кто вы?

Диктор начал нервничать:

— Поймите, это не имеет значения, главное — мы не должны терять время.

Вилсон расхохотался.

— Вы слишком часто это повторяете: так мы можем потерять время, хотя у вас есть эта штука, — он показал на Ворота. — Нет, вы торопитесь по другой причине. Или вы хотите меня убрать поскорее, или то, что мне предстоит, — чертовски опасно. Поэтому сделаем так: вы пойдете со мной!

— Это невозможно! Я должен оставаться здесь и следить за регуляторами!

— Не выйдет! Я предпочитаю не спускать с вас глаз.

— И тем не менее, вам придется мне доверять. — Диктор снова склонился над регуляторами.

— А ну, убирайтесь отсюда! — взревел Вилсон. — Убирайтесь или я вас огрею! — под угрожающе занесенным кулаком Диктору пришлось отойти.

— Ну вот, так-то лучше, — удовлетворенно добавил Боб, когда они оказались рядом.

Замысел, родившийся в его голове, приобрел, наконец, законченную форму. Выход Ворот по-прежнему настроен на его комнату, время — тот самый день, когда все это началось, — Боб увидел это в глазке регулятора.

— Стойте на месте, — скомандовал он, — мне нужно кое-что посмотреть, — и он шагнул в Ворота.

Теперь он был лучше подготовлен к предстоящему. И тем не менее оказаться лицом к лицу с самим собой, при этом — во множественном числе, было непросто.

Он снова находился в своей комнате. И остальные два Боба Вилсона были здесь же. У одного из них глаз был подбит и губа кровоточила. Ясно, он уже побывал на той стороне. Лицо второго пока оставалось целым, хотя побриться и ему бы не помешало.

На этот раз Боб четко ориентировался во времени и пространстве и был полон решимости положить конец этой бессмыслице.

А те двое продолжали спорить. Один, слегка покачиваясь, рвался к кровати, второй держал его за плечо и не пускал.

— Пойми, ты должен это сделать! — горячо убеждал второй.

— Оставь его в покое! — отрывисто приказал Вилсон.

Они резко повернулись. Вилсон заметил, что более трезвый двойник понял, кто он, и удивление на его лице сменилось усталостью. Более раннему же с трудом удалось сконцентрировать взгляд в одной точке. «Трудно придется, — подумал Боб, — он уже набрался. Кто же хлещет джин на пустой желудок? Жаль хорошей выпивки. Мне, конечно же, ничего не осталось».

— Вы кто? — поинтересовался пьяный двойник.

Вилсон повернулся к Джо:

— Он меня знает.

Джо принялся рассматривать Боба.

— Да, — признал он, — думаю, что знаю. Но, ради Бога, зачем ты сюда явился?

— Времени для объяснений нет, — перебил его Вилсон. — Я знаю больше, чем ты, и поэтому решать мне. Он не пойдет...

Прервав их на полуслове, зазвонил телефон. Боб почувствовал облегчение. Он неправ, не с того начал. Но двойник-

то, ну и гусь. Неужели он и вправду так глуп? Времени для самокопаний не было.

— Ответь! — приказал он номеру Первому.

Тот снял трубку.

— Алло! Да... А кто говорит? Алло!

— Кто звонил? — спросил Джо.

— Никто. Какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Ага, это опять он, — номер Первый схватил трубку. — Слушай, ты, обезьяна с мозгом бабочки! Я человек занятой, а телефон у меня не общественный... А, это ты? Прости меня Женестьева...

Боб не прислушивался к разговору, он уже слышал предостаточно, его занимали сейчас более важные вещи. Первый двойник слишком пьян, с ним не договоришься, поэтому ставку нужно делать на Джо, иначе...

— ...вечером мы все выясним. Ну, пока.

Разговор завершился.

«Сейчас, — подумал Боб, — самый подходящий момент; пока этот алкоголик не успел открыть рот. Но что сказать, как убедить?»

Алкоголик оказался проворней:

— Ну, Джо, все в порядке, если ты не против, я готов двигаться.

— Прекрасно, — обрадовался Джо, — шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

Опять все катится накатанным путем и он не в силах что-либо изменить!

— Нет, ты не пойдешь! — зарычал Боб, и одним прыжком загородил дорогу. Нужно объяснить им, что происходит, и как можно скорее!

Но пьяный двойник продолжал куражиться. Сначала он обругал Боба, потом попытался его обойти. Терпение лопнуло. Ему уже давно хотелось отвесить кому-нибудь хорошую оплеуху, а этот пьяница вполне ее заслужил.

Пьяница в ответ вяло замахал руками. Боб уклонился и ударил его в челюсть. Такой панч уложил бы и трезвого, но алкоголик продолжал сопротивляться, напрашиваясь на добавку. К нему присоединился и Джо. Вилсон решил разделиться с ними по-одиночке, сначала с номером Первым, а потом — с Джо, более опасным. Небольшое недоразумение в стане союзников предоставило Бобу свободу маневра. Тщательно прицелившись, он изо всех сил ударил противника слева по подбородку. Это было выдающееся произведение боксерского искусства. Ничего удивительного, что после та-

кого удара тот мухой влетел в раскрытый диск Ворот и исчез в потоке Времени. Цепь событий пришла к своему традиционному завершению.

В комнате оставались он и Джо.

— Ну что, добился своего? — с горечью спросил Боб. — Видишь, что ты наделал?

— Я?! — оскорбился Джо, — это ты его ударил, осел, я к нему и пальцем не прикоснулся!

— Да, но виноват во всем ты! Если бы ты не вмешался, этого бы не случилось.

— Я вмешался?! Ах ты, демагог! ... сам явился невесть откуда, непонятно зачем, и я ему, видите ли, мешаю! Кстати, ты мне должен кое-что объяснить, и черт меня подери, если ты этого не сделаешь. Что за идея...

— Брось, — остановил его Боб. Он не любил признавать свои ошибки. Его идея была обречена с самого начала, это ясно. — Поздно, этот тип уже на той стороне.

— Поздно что?

— А то, что теперь уже не разорвать этот замкнутый круг.

События шли своим неумолимым чередом, и им овладела безнадежность.

— А зачем его разрывать?

Боб чувствовал необходимость оправдаться, хотя бы перед собой.

— Потому, что Диктор обвел меня... то есть тебя... нас — обвел вокруг пальца, как школьников. Смотри он говорил тебе, что вы оба станете большими шишками?

— Говорил...

— Так вот, это все вранье. Ему нужно запутать нас окончательно, чтобы мы уже не разобрались, что к чему.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Джо.

Доказательств у Боба не было и он почувствовал себя неловко.

— Ну, вот, опять двадцать пять! — ушел он от ответа. — Ну почему ты не можешь поверить мне на слово?

— А почему я должен верить?

— «Почему должен? Эх, ты не можешь сообразить! Ведь я — это ты сам, только более опытный».

Вслух же он сказал:

— Если ты не веришь мне, кому же тогда поверишь?

— Мы ребята с Миссури, — хмыкнул Джо, — сами разберемся.

Вилсон вдруг понял, что Джо собирается пройти в Ворота.

— Ты куда?

— Обратно. Хочу найти Диктора и задать ему парочку-другую вопросов.

— Не делай этого, — попросил Боб. — Может, мы еще сумеем разорвать цепь, даже сейчас.

Но лицо двойника выражало решительность, и бесполезно было пытаться его отговорить. Чему быть, того не миновать.

— Хорошо, ступай, — вздохнул Боб. — Рой себе яму, я умываю руки.

Джо обернулся:

— Умываешь, да? А почему это моя яма? Она у нас общая!

Боб, потрясенный, проводил взглядом исчезающего в диске Джо.

Почему эта мысль не приходила к нему раньше? Действительно, чтобы ни происходило с человеком в отдаленном на тысячи лет будущем, может ли это повлиять на него сейчас, в 1952 году? Абсурд! Он облегченно вздохнул. Все распуталось, он отделался от Диктора, Джо и номер Первый отправлены по назначению, все обошлось малой кровью — клочком волос и разбитой губой. Ну что ж, порезвились и хватит, пора за работу. Надо только не забыть побриться.

Во время бритья он внимательно рассматривал в зеркале собственную физиономию, удивляясь, как это он мог ее не узнать, и едва не сломал шею, стараясь разглядеть профиль.

Выйдя из ванной, он снова увидел посреди комнаты диск Ворот. Бобу это показалось странным. Почему Диктор не уберет их отсюда? Ведь свою задачу они уже выполнили. Чувствуя необъяснимое влечение сродни тому, что заставляет прыгать с высокой скалы, Боб приблизился к диску. Что произойдет, если он вернется в будущее? Что он там увидит? Ему вспомнилась Арма и та, вторая девушка — как же ее звали? Ах, да, Диктор этого так и не сказал.

Поборов искушение, Боб опять вернулся к столу. Если он намерен остаться здесь, необходимо получить ученое звание и начать зарабатывать на жизнь. Итак, на чем он остановился?

Минут через двадцать Боб пришел к заключению, что работу придется переписывать от начала до конца. Избранную тему — приложение эмпирического метода к некоторым проблемам метафизики — и найденные для нее удачные формулировки можно оставить, но теперь у него есть масса нового материала, который нужно обработать и использовать.

Начав набрасывать план нового варианта, он тут же столкнулся с двумя проблемами: единства личности и свободы выбора. Когда они все трое находились в этой комнате, кто из них был настоящим Вилсоном? И почему, как он ни старался, ему не удалось изменить ход событий?

Ответ на первый вопрос оказался простым до смешного. Настоящим Вилсоном был он. «Я» есть «Я», не требующая

доказательств аксиома, объективная реальность. Ну, а те двое? Они ведь тоже были убеждены в подлинности своего существования. Боб попытался сформулировать определение человеческого «я»: «я», как последняя в данный момент точка на постоянно растущем в будущее векторе памяти, составляющей сознания... Нужно попробовать сформулировать математически — в вербальном языке слишком много семантических ловушек.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку:

— Это ты, Боб?

— Да.

— Это я, Женевьева. Что с тобой, дорогой? Ты уже второй раз не узнаешь мой голос.

Боб чувствовал, как в нем закипает гнев. Проблемы, проблемы... По крайней мере, с этой он покончит немедленно.

— Послушай, Женевьева, — жестко сказал он, — ведь я просил не беспокоить меня. Будь здорова!

— Ну, знаешь... Во-первых, ты сегодня не работал, а во-вторых, с чего ты взял, что я позволю себя оскорблять? Что-то мне не слишком улыбается такое замужество!

— Замужество? Какая чушь!

Несколько минут трубка едва не лопалась от возмущения, потом накал слегка ослаб, и Боб смог продолжить:

— Успокойся, ничего страшного. Если молодой человек несколько раз пригласил девушку на танцы или в кино, это совсем не значит, что он намерен на ней жениться.

— Значит, конец? — голос Женевьевы был холоден и язвителен. Боб едва узнавал его. — Ну берегись, я сумею тебе отомстить, женщина в нашей стране не так уж беззащитна!

— Тебе лучше знать, ты не первый год крутишься возле университета.

Боб вытер пот со лба. Эта скотина способна доставить ему кучу неприятностей, его предупреждали, когда он только начинал за ней ухаживать. Ну ничего, он сумеет за себя постоять. Он попытался вернуться к работе, но сосредоточиться не смог. Срок сдачи истекал завтра, в десять утра. Боб посмотрел на часы — они стояли, настольные же показывали четверть пятого пополудни. Он не успеет закончить, даже если просидит, не вставая, всю ночь. Кроме того, еще Женевьева...

Опять зазвонил телефон. Боб снял трубку и положил рядом. С ней он больше говорить не собирается. Ему вспомнилась Арма. Да, вот это женщина! Он подошел к окну и задумчиво стал рассматривать пыльную, шумную улицу, непроизвольно сравнивая ее с безмятежным пейзажем, которым любовался во время завтрака с Диктором. Жалкий мир, ничтожные людишки!

И тут его осенило: ворота еще открыты! Диктор не так уж и опасен, если вдуматься. Надо возвращаться и попробовать еще раз. Ведь он ничего не теряет, а получить может все!

Уже шагнув к Воротам, он опять засомневался. Разумно ли это? Что ему, собственно, известно о том времени?

И тут он услышал шаги на лестнице, они приближались и, наконец, затихли у его дверей. Внезапно он понял, кто это... Женеваева! И он решительно шагнул в диск.

В зале Ворот было пусто. Боб обошел пульт управления, направляясь к выходу и услышал голоса:

— Пойдемте, у нас еще много работы.

Боб увидел, как два человека покидают зал, сразу же узнал их и первого, и второго.

Надо где-то спрятаться — скоро, как он помнит, Диктор и Джо вернутся. Боб окинул быстрым взглядом зал, ища укрытия. Кроме блока управления, не было ничего. А может...

Он поднялся на платформу, еще не зная, что сделает в следующий момент. Если бы разобраться с регуляторами, какие преимущества даст ему тогда власть над Воротами! Сначала нужно включить глазок наблюдения. Он нащупал то место на раме, которое нажимал Диктор, потом полез в карман за спичкой, но вместо спички вытащил какую-то бумажку. Ба, да ведь это список вещей, составленный Диктором, вещей, которые он должен был принести из двадцатого века. Боб так и не удосужился его просмотреть. «Ну, вот, теперь нашлось место и время», — усмехнулся он и стал читать.

Читая, он даже присвистнул от удивления. Забавный список! Ни технических справочников, ни каких-либо приборов, ни даже секретного оружия. Но в выборе названий чувствовалась некая, хоть и стринная, но все же логика. Ладно, в конце концов, Диктору виднее, чего именно здесь не хватает.

В связи с изменившимися обстоятельствами первоначальный план был пересмотрен. «Теперь, — решил Боб, — он в последний раз отправляется в свой век, делает все необходимые приобретения, но не отдает их Диктору, а использует, как сумеет, сам». Он снова завозился в полумраке, отыскивая выключатель, и наткнулся на что-то мягкое. Это была его собственная, нежно любимая шляпа. Он пристроил ее у себя на голове, решив мимоходом, что Диктор к тому же — любитель пожить за чужой счет, и снова склонился к приборам. На этот раз ему попала тонкая тетрадка. «Неплохо, — подумал он, — возможно, это мемуары Диктора, а может, Инструкция по управлению страной».

Но тетрадь содержала нечто более ценное. Она была раз-

делена на три колонки. Первая состояла из английских слов, вторая из значков международной системы транскрипций, а третья была написана неизвестными Бобу знаками, видимо, на здешнем языке. Не требовалось много ума, чтобы понять: перед ним словарь! Диктору понадобились месяцы, если не годы, чтобы составить его, Боб же воспользуется плодами его труда.

С третьей попытки ему удалось найти то, что он искал, и глазок засветился. Боб опять увидел свою комнату и движущиеся в ней фигурки. Нет, туда он больше не пойдет! Боб осторожно тронул один из разноцветных шариков. Изображение задвигалось, теперь в глазок была хорошо видна улица, которую он часто наблюдал из своего окна. Боб еще некоторое время крутил шарики, пока не научился произвольно устанавливать высоту и местоположение выхода. Он решил подыскать достаточно спокойное место, где бы его появление не привлекло ненужного внимания. Маленький дворик университетской библиотеки показался ему вполне подходящим. Осторожно сманивировав своим волшебным невидимым глазом, он поместил выход Ворот почти вплотную к боковой стене библиотеки. Стена была глухая, и это его вполне устраивало.

Поспешно спустившись с платформы, Боб опять вступил в свой родной век. Прежде всего он больно стукнулся носом о стену, слишком уж плотно был наведен выход. С трудом протиснувшись между стеной и Воротами, он поспешил через весь университетский городок к отделению «Студенческого кооперативного общества». Войдя внутрь, он подошел к окошку кассы.

— Привет, Боб.

— Привет, Супи. Оплатишь мне чек?

— На какую сумму?

— Двадцать долларов.

— Почему бы и нет? Чек в порядке?

— Да.

— Что ж, попробую, ради интереса, — Супи отсчитал двадцать долларов — десятку и две пятерки.

«Разумно, — одобрил Вилсон. — Скоро за моими автографами начнут охотиться коллекционеры». Он передал чек, взял деньги и направился в книжный магазин, находившийся в том же здании. Почти все книги, указанные в списке, можно было купить здесь. Спустя некоторое время Боб оказался владельцем выдающихся произведений человеческого разума: «Принц» Никколо Макиавелли, «За кулисами выборов» Джеймса Фарли, «Майн кампф» Адольфа Шикльгрубера, «Как привлекать друзей и оказывать влияние на людей?»

Дейла Карнеги. Остальных книг здесь не было, и ему пришлось отправиться в университетскую библиотеку, где он взял «Руководство по продаже и покупке земельных участков», «Историю музыкальных инструментов» и большущий том в четверть листа, озаглавленный «Эволюция стилей одежды». В этой последней книге имелось множество цветных иллюстраций, и на дом она, как справочное издание, не выдавалась. Бобу с трудом удалось уговорить библиотекаря дать ему книгу на сутки, но ни минутой больше.

Руки у него были заняты, поэтому Боб завернул в ломбард и обзавелся двумя не новыми, но еще крепкими чемоданами. В один из них он сложил книги.

После этого наступила очередь музыкального магазина. Потратив около часа, Боб отобрал несколько пластинок. Изысканным вкусом в этой области он не отличался, и популярные джазовые мелодии мирно соседствовали с «Марсельезой» и «Болеро» Равеля.

Несмотря на уговоры продавца, Боб, как истинный консерватор, приобрел механический портативный проигрыватель, отказавшись от электрических. Затем он уложил покупки в чемодан и вызвал такси.

Когда такси подъехало к университетскому дворику, Ворот там не оказалось. Несколько минут Боб стоял в растерянности, насвистывая какую-то мелодию и топчась самым нелепым образом. Последствия подделки чеков переходили из разряда гипотетических в реальные.

— Эй, друг, едем или нет? — голос шофера вывел Боба из задумчивости.

— Да, конечно, едем. — Он снова сел в машину.

— Куда?

Непростой вопрос. Он взглянул на часы и понял, что после всех приключений и временных переходов доверять им больше нельзя.

— Который час? — спросил он водителя.

— Пятнадцать минут третьего.

Два пятнадцать. Сейчас в его комнате начнется знакомая свистопляска, и лучше туда не соваться. Во всяком случае, пока братья двойники не разберутся с любимой игрушкой — Воротами.

Ворота! Ведь они еще будут открыты после четверти пятого! Если правильно рассчитать время...

— На угол Четвертой и Мак-Кинли, пожалуйста, — он назвал ближайший к своему дому перекресток.

Расплатившись и отпустив такси, он попросил служащего бензоколонки присмотреть за вещами. Итак, у него остается два часа. Чем же их занять? Далеко от дома он уходить не

хотел, чтобы какая-нибудь случайность не нарушила точно рассчитанного плана.

И тут он вспомнил об одном незаконченном дельце — недалеко и времени как раз хватит. Весело насвистывая, он прошагал два квартала и зашел в знакомый подъезд.

— Боб, дорогой, а я думала — ты сегодня работаешь.

— Привет, Женьевьева! Как раз наоборот, не знаю, как убить время.

— Ах, у меня грязно, и я в разобранном состоянии.

— Ничего, малыш, не смущайся! — И он зашел в комнату.

Выйдя через некоторое время из подъезда, он первым делом взглянул на часы — оставалась еще масса времени. Боб не спеша, направился к бензоколонке, вполне довольный собой.

Взяв свои вещи, он расплатился с хозяином, и теперь у него оставалась всего одна монетка достоинством в десять центов. Боб усмехнулся и бросил ее в щель телефонного автомата.

— Алло? — услышал он, набрав собственный номер.

— Привет, — ответил Боб, — это Боб Вилсон?

— Да. А кто говорит?

— Неважно, я только хотел убедиться, что ты на месте. Я так и думал, что ты там. Ну, попал ты в переплет, парень...

И он повесил трубку.

В десять минут пятого терпение Боба лопнуло. Волоча тяжелые чемоданы, он двинулся по направлению к дому. Войдя в холл, услышал телефонный звонок. Часы показывали пятнадцать минут пятого. Он выждал еще три минуты, показавшиеся бесконечностью, и начал взбираться по лестнице.

В комнате никого не было. Ворота были открыты. Крепче ухватив чемоданы, Боб, не мешкая, шагнул внутрь.

К счастью, в зале Ворот никого не было. Ему повезло. Пять минут, подумал Боб, больше мне не потребуется. Он предусмотрительно поставил чемоданы рядом с Воротами, чтобы были под рукой в момент отправления. При этом он заметил, что угол одного из них срезан, словно бритвой. Представить только, что вместо чемодана край Ворот мог задеть он сам! Боб почувствовал себя немного неуютно. Да, это был бы номер — Человек, распиленный пополам, и никакого мошенничества!

Отерев пот с лица, он заспешил к регуляторам. Вспомнив объяснения Диктора, свел четыре шарика в центр тетраэдра, глянул поверх платформы и увидел, что Ворота исчезли. «Так, пока все правильно, — подумал он. — Регуляторы на нуле. Ворота закрыты. Он чуть-чуть сдвинул белый шарик. Снова появился диск Ворот. Включив глазок наблюдений, он

увидел этот же зал, но в миниатюре. Хорошо, но таким образом ему не удастся определить временную дистанцию установки выхода. Боб немного подвинул один из пространственных регуляторов — в глазке появилось изображение местности за стенами замка. Вернув временной регулятор к нулю, он начал очень осторожно двигать его опять. В глазке замелькали, сменяя друг друга, день и ночь. Чуть ускорив движение, он увидел, как желтеют и опадают листья, как покрывается снегом земля, как снова наступает весна.

Помогая себе левой рукой, Боб отсчитал таким образом, десять лет назад.

Где-то невдалеке послышались голоса. Боб прислушался, потом быстро вернул пространственный регулятор к нулю, оставив временной как есть, и выскочил на середину зала.

На этот раз он был более осторожен, и чемоданы остались целыми. Итак, он в том же зале, но только десятью годами раньше, если, конечно, не напутал с регулировкой. Теперь не мешало бы узнать, что там поделяывает Диктор. Уверенно двигая временной регулятор, Боб заглянул снова на десять лет вперед. Очень трудно оказалось дать точную настройку, темп перемещения был таков, что превращал любую фигуру в стремительно мелькающую тень. Найти кого-нибудь таким образом оказывалось делом почти невозможным. «Почему, — в отчаянье думал Боб, — тот, кто придумал это устройство, не снабдил регуляторы верньером точной настройки?» Лишь спустя много времени Боб понял, что создатели Ворота могли и не нуждаться в этом. Их органы чувств были совершенней человеческих.

Он уже почти сдался, когда одна из его попыток вдруг завершилась успехом. В глазке появилась фигурка человека.

Это оказался он сам с чемоданами в руках. Он шагнул прямо в глазок, закрыв собой все, и исчез. Боб взглянул вверх пульта, ожидая собственного появления, но из Ворота никто не вышел. Озадаченный, он не сразу сообразил, что временная дистанция выхода устанавливается на ТОМ конце. Он нашел, что искал, остается только подождать. Минутой позже в глазке появились Диктор и более ранний Боб Вилсон. Он сразу же вспомнил, что именно там происходит: сейчас Номер Третий затеет ссору с Диктором и совершит бегство обратно в двадцатый век.

Все идет, как задумано, — Диктор его не заметил и не подозревает, что он укрылся в прошлом. Боб решил, что о Дикторе пока можно не беспокоиться, и перевел регуляторы на ноль.

Сразу же возникли другие проблемы, в частности, про-

блема еды. Теперь он пожалел, что не запасся едой на первое время. Да, он был не слишком предусмотрителен, хотя его можно простить — уж очень много хлопот.

Посмотрим, сказал он себе: действительно ли аборигены так гостеприимны, как было обещано.

Как удалось выяснить в результате предпринятой со всей осторожностью вылазки, живых существ в окрестностях зала Ворот не имелось.

Кругом было мертво и тихо. Один раз он даже попробовал покричать от тоски — чтобы услышать в ответ эхо: как-никак человеческий голос, но эхо в анфиладе пустых залов оказалось таким жутким, что ему расхотелось кричать еще.

Внутреннее устройство замка удивило Боба. Оно было не просто странным, дворец явно не предназначался для людей. Для кого же тогда он был построен? Попадались огромные залы, где можно было бы расположить и тысячу человек, но без пола и потолка в обычном понимании. Однажды Боб обнаружил непонятного назначения отверстие в стене и, заглянув в него, едва не свалился вниз: коридор переходил в узкий мостик. Стены некоторых залов сходились вниз под острым углом. По стенам были разбросаны входные отверстия, совершенно не приспособленные для человека. Вся эта странная архитектура подействовала на Боба угнетающе. По собственным следам он вернулся в знакомый уже зал Ворот и там провел первую ночь.

Во время своей второй вылазки Боб старался придерживаться маршрутов, уже немного знакомых по прошлому пребыванию. Здесь он чувствовал себя увереннее. Постепенно стало ясно, что дворец имеет два типа помещений: для людей, бывших здесь рабами, и для тех, кого по всей видимости Диктор в своих рассказах называл «высшими». «Людские» комнаты, при всей своей заброшенности, все-таки выглядели более уютными и обжитыми, чем покои «высших», гигантские и таинственные.

После нескольких неудачных попыток Бобу посчастливилось, наконец, найти выход из дворца. Слегка привыкнув к яркому свету, он увидел ту очаровательную местность, которой он любовался с балкона в свой первый приход сюда и которая пленила его воображение. Подумать только, несколько часов тому назад они завтракали вместе с Диктором — нет, это было десять лет тому вперед!

Несколько минут он стоял неподвижно, впитывая тепло и солнечный свет. «Все будет отлично, — подумалось ему, — это прекрасный и удивительный мир!»

Затем он начал медленно спускаться с горы, оглядываясь в поисках людей. Увидев маленькую фигурку у подножия

спуска, Боб радостно ее окликнул. Это был обыкновенный на вид ребенок. Услышав незнакомый голос, ребенок бросился бежать и исчез в лесу.

«Ты слишком торопишься, — одернул сам себя Вилсон, — так ты их распугаешь». Первая неудача его не обескуражила. Где есть дети, найдутся и родители, а значит, и поле деятельности для энергичного и неглупого человека без предрассудков. Он продолжил спуск.

Из-за деревьев, там где исчез ребенок, показался взрослый человек. Он испуганно взглянул на Боба и сделал шаг вперед.

— Подходи, не бойся! — приободрил его Боб, — я тебя не обижу.

Туземец вряд ли понял хоть слово, но тем не менее приблизился. Однако у кромки спуска он застыл и не сделал больше ни шагу. Боб недаром изучал в университете антропологию. Поведение незнакомца навело его на мысль, что это место — табу для здешних жителей. Следовательно, у него есть возможность выдать себя за существо высшего порядка. «Молодец, Боб!» — похвалил он сам себя за проявленную сообразительность.

Мужчина опустился на колени, сложил ладони чашей, и, протянув руки перед собой, склонил голову. Не колеблясь, Боб уверенным жестом коснулся его лба. Его догадка блистательно подтвердилась.

— Так даже не интересно, — вслух произнес Боб, — никаких трудностей.

Новоиспеченный Пятница удивленно посмотрел на него и что-то ответил глубоким, мелодичным голосом. Слова лились, как песня, странные, непривычные для слуха.

— Парень, из тебя бы вышла эстрадная звезда, — восхищенно заметил Вилсон, — немногие из них могут похвастать таким голосом. Однако... Сходи, принеси чего-нибудь поесть. Кушать, еда, — он показал на свой рот.

Явно не поняв ни слова, туземец вновь попытался что-то ему объяснить. Вилсон полез в карман и достал оттуда похищенный у Диктора словарь. Вначале он посмотрел слово «есть», потом слово «еда». Им соответствовало одно и то же странное слово: «Блеллан».

— Блеллан, — тщательно произнес Боб.

— Блелла-а-ан?

— Блелла-а-ан, — согласился Боб. — Извиняюсь за плохое произношение. А теперь поторапливайся.

Он поискал в словаре слово «спешить», но не нашел. Или в их языке не было такого понятия, или Диктор счел необязательным включать его в словарь. Ничего, это мы скоро

уладим, решил Боб, и если у них нет такого слова, я его придумаю.

Человек ушел. Вилсон уселся по-турецки у края спуска и, чтобы скоротать время, начал просматривать словарь. «Очень важно, — решил он, — установить контакты с местным населением». Но он успел лишь найти эквиваленты нескольким, наиболее распространенным понятиям, как человек вернулся. Его сопровождало несколько других, а возглавлял процессию величественный старик, совершенно седой, но, в нарушение всех канонов, без бороды. Остальные мужчины также были безбородыми. От солнца старика защищал балдахин, который поддерживали четверо юношей. Очевидно, это был местный старейшина.

Вилсон на всякий случай нашел в тетрадке слово «начальник». Ему соответствовало слово «диктор» — удивляться нечему. Вполне логично было бы предположить, что диктор — это не имя, а титул. Странно, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше.

Слово «диктор» сопровождалось, кроме того, специальной пометкой: происходит, скорее всего, из древних языков. Дюжина слов и грамматические структуры, — вот и все, что связывает язык «покинутых» с английским.

Старейшина остановился перед Бобом, не переступая священной черты.

— Все на колени, — приказал Боб, — и вы, диктор, не исключение.

Старейшина опустил на колени, и Боб коснулся его лба.

Туземцы принесли с собой разнообразную еду. Вилсон ел не спеша, сохраняя на лице важное выражение. Пока он ел, члены делегации развлекали его хоровым пением. Голоса их были великолепны, хотя понятие о гармонии, как показалось Бобу, они имели смутное. Тем не менее пение явно доставляло им огромное наслаждение.

Вилсону тоже захотелось сделать им что-нибудь приятное. С помощью словаря он попросил туземцев подождать его и не расходиться, принес из зала Ворот свой портативный проигрыватель и организовал своеобразный концерт «современной» музыки.

Реакция местных жителей превзошла самые смелые ожидания. Они стонали и плакали от счастья, слезы катились по их умиленным лицам. Боб даже не решился поставить им Чайковского, завершив концерт мужественным и страстным «Болеро» Равеля.

Боб остался доволен собой. «Диктор, — мысленно произнес он, имея ввиду отнюдь не старейшину туземцев. — К тому

времени, когда ты, старый каналья, здесь появишься, хозяином уже буду я».

Забегая слегка вперед, можно сказать, что Боб действительно стал Хозяином очень быстро и без каких-либо сложностей. Трудно даже вообразить, насколько переменилась природа человека под влиянием «высших». Нет, физически они остались теми же, что и в двадцатом веке, только прибавилось сходства с античными статуями, в области искусства они также превосходили своих предков. Все же разница между ними была такая же, как между легендарным единорогом и джерсейской молочной коровой, или диким волком и кокер-спаниелем. Дух борьбы, жажда соперничества, стремление к власти, видимо, навсегда покинули человека. Но как, оказывается, необходимы были эти, не самые лучшие качества! В какое странное и жалкое сообщество превратился энергичный, вульгарный и задиристый народ, населявший некогда Соединенные Штаты Америки!

В этом отношении у Вилсона была неоспоримая монополия. Но и он со временем потерял интерес к игре в поддавки.

Одним фактом своего появления во дворце «высших» Вилсон приобрел абсолютную власть в стране. Некоторое время он занимался «усовершенствованием» местных жителей: изобрел заново многие музыкальные инструменты, возродил и ввел в моду разные стили одежды. Он надеялся втайне, что пресловутая любовь женщин к нарядам заставит мужчин напругаться, чтобы удовлетворить их потребности. Но ничего такого не произошло. Человечеству не хватало жизненных стимулов, и оно катилось под гору.

Подданные охотно поддерживали все его проекты, подобно дрессированному псу, выполняющему команду, чтобы угодить хозяину.

Все попытки возродить к жизни этих мертвецов потерпели неудачу. Боб махнул рукой и занялся Воротами Времени. Эта загадка «высших» не давала ему покоя.

По природе своей Боб был натурой сложной: отчасти деловой человек, отчасти философ, созерцатель. Сейчас философ в нем взял верх над практиком. Им овладела идея создать математическую модель феномена Ворот. И он ее, в конце концов, создал. Не самая, может быть, совершенная из всех возможных, Боба она удовлетворила. Представьте себе плоскость — лист бумаги, или, еще лучше, шелковый носовой платок. Это и будет наш четырехмерный континуум — три пространственных и одно временное измерения. Чернильная клякса на платке — это Ворота Времени. Складывая платок, мы можем перенести отпечаток кляксы в любое другое место на плоскости. И микроскопические обитатели платка могут

перебраться со своего места на любое другое, соприкасающееся с ним в данный момент времени. Вот вам и открытый выход Ворот.

Модель, конечно, не идеальная, статичная, но кое-что все же объясняющая.

Боб не мог найти однозначный ответ — требует ли складывание четырехмерного континуума присутствия более высокого измерения пространства или нет?

С точки зрения человеческого восприятия вроде бы требуется, но следует учитывать уровень интеллекта «высших», а также возможность существования бесконечно большого количества пространственно-временных измерений.

Боб остановился на том, что существует, по крайней мере, еще одно измерение, кроме тех четырех, которые доступны нашему восприятию, — это сами Ворота Времени. Боб научился искусно управляться с регуляторами, но не сумел составить никакого представления о принципе их работы. Одно было несомненно: их создатели обладали неизмеримо более широким спектром возможностей ориентации в пространстве и времени, чем люди. И сам дворец вполне мог быть трехмерной секцией более сложной, многомерной структуры.

Это в какой-то степени объясняло странности архитектурного замысла.

Боба охватило страстное желание узнать как можно больше об этих таинственных высших существах. Они правили многие тысячелетия, изменив до неузнаваемости мир и построив этот дворец, а потом исчезли, оставив в сердцах людей горечь невозполнимой утраты. После их ухода человечество стало называть себя «покинутыми».

Но что интересно, они не оставили после себя ни записей, ни изображений, ничего материального, если не считать замка и Ворот Времени. Может, они все-таки красивая легенда?

Бобом овладела безумная идея отыскать «высших» в прошлом с помощью Ворот Времени.

Это была невероятно кропотливая работа. Поиск мелькнувшей тени, утомительное многодневное возвращение к ней, надежда и снова неудача.

Однажды ему все-таки удалось засечь мелькнувшую в глазке фигуру. Он отвел регулятор времени в прошлое на достаточное расстояние, запасася едой и питьем, и начал ждать.

Ждать пришлось три недели, он почти не спал, его пугала мысль, что он может пропустить во сне то, о чем столько мечтал.

Наконец, он увидел ЭТО на экране. Оно двигалось по направлению к Воротам. Когда Боб снова осознал себя, он

был уже за пределами замка. Боб кричал, его была крупная дрожь. И очень не скоро он сумел заставить себя снова войти в зал Ворот и, стараясь не смотреть, вернул регуляторы в нулевое положение. После этого он не прикасался к ним еще два года.

То, что так его потрясло, были не страх, не физическая опасность и не вид неизвестного — он даже не мог вспомнить, как именно тот выглядел. Нет, его придавило чувство безысходной тоски, ощущение трагедии и бесконечной усталости. Его нервная система не вынесла напряжения. Он не был создан для таких сильных ощущений, как устрица не создана играть на скрипке. От его любопытства не осталось и следа, узнать что-нибудь о «высших» и при этом остаться в своем уме оказалось делом невозможным. И долго еще тень пережитого ужаса заставляла Боба просыпаться среди ночи в холодном поту.

Но оставалась проблема соответствия личности самой себе. Что же происходило с ним во время путешествия по временным цепочкам? Ведь он встречал сам себя, говорил с собой и даже дрался. Кто из них был **НАСТОЯЩИЙ БОБ**?

Понятно, что он был всеми ими по очереди, но что же происходило тогда, когда два или даже три Боба сходились вместе?

Чтобы как-то объяснить этот феномен, пришлось сформулировать следующий постулат: «Ничто не идентично ничему, даже самому себе». Отсюда логически следовало, что Боб Вилсон, которым он был десять минут или десять лет назад, не совсем то, что он представляет собой в данный момент. Они во многом похожи, но занимают разное положение на оси времени, поэтому когда он сталкивался с более поздним или ранним Бобом, разница эта становилась очевидной. Их разделяло не только время, но теперь уже и пространство. И многих других Бобов — новорожденного, ребенка, юноши, — вместе соединяла только неразрывная лента памяти. То же самое соединяло и четырех Вилсонов, собравшихся вместе в тот сумасшедший день, — память!

Что же касается свободы воли, энтропии, закона сохранения вещества, то эти понятия следовало расширить, обобщить и включить в них случаи, когда устройство типа Ворот приводит к утечке массы и энергии из одного континуума в другой. При этом сумма остается неизменной. Человеческая же воля должна, очевидно, рассматриваться как один из факторов, формирующих событийную канву — свободная с точки зрения человека, детерминированная с точки зрения континуума.

И все же его бегство от Диктора повлияло на ход событий.

Он теперь здесь и управляет страной. Прошли годы, а Диктор не появился. Может быть, воспользовавшись свободой выбора, Боб создал иной вариант будущего? Многие философы, как известно, считали это вполне возможным.

Но когда десять лет стали подходить к концу, Боб начал в этом сомневаться. Ему не терпелось вступить в борьбу и посмотреть, кто из них, он или Диктор, останется у власти.

По всей стране были разосланы десятки гонцов с заданием арестовать бородатого человека — растительность на лицах у здешних мужчин отсутствовала полностью. Зал Ворот он держал под личным наблюдением.

Не раз он пытался выудить Диктора в будущем, но успеха не имел. Трижды попадалась в глазок человеческая фигура и трижды он узнавал в ней самого себя.

Скуки ради он решил заглянуть в прошлое. Это была долгая и трудная работа. Чем дальше в прошлое, тем менее точной оказывалась настройка. Потребовалось немало терпения, прежде чем он нащупал двадцатое столетие. Попутно раскрылся секрет точной настройки: оказывается, шарик регулятора следовало вращать, а не двигать по стержню, как он делал все время.

Ориентируясь по маркам автомашин, архитектуре зданий и другим признакам, он отыскал 1952 год, во всяком случае, близкое к нему временное окружение. Осторожно переместив пространственный регуляторы Боб оказался в университетском городке. Перед этим он несколько раз попадал в другие места — невозможно было прочесть дорожные указатели.

Он отыскал дом, в котором снимал комнату, и направил невидимый глаз внутрь. Комната была пуста. Боб попробовал предыдущий год: удача — обстановка его собственная, но опять никого. Осторожно, день за днем, он начал двигаться в прошлое. Но вот, наконец, в комнате появились маленькие фигурки. Изображение было нечетким и он наклонился к приборам, чтобы получше рассмотреть присутствующих.

И тут что-то мягкое шлепнулось на пол. Боб взглянул поверх пульта — на полу, раскинув руки, лежал человек, рядом с ним валялась поношенная и измятая шляпа.

Не было необходимости в тщательном осмотре неподвижного тела — Боб З Н А Л, кто это! Перед ним лежал молодой Боб Вилсон, только что ловким ударом переброшенный на эту сторону Ворот.

Он стоял, словно громом пораженный. Его потряс не сам факт прибытия молодого двойника — живя в альтернативном будущем, он допускал такого рода события. Тут другое. Он был ЕДИНСТВЕННЫМ зрителем происходящего!

Итак, Диктором был он сам, Боб Вилсон. Тем самым Диктором, ибо другого никогда не существовало.

Оглядываясь назад, он понимал теперь, что иначе быть не могло. Множество вещей свидетельствовало об этом. Но в то же время каждая из них могла быть объяснена естественными причинами. Боб всячески стремился подражать Диктору, чтобы таким образом упрочить свое положение, прежде, чем тот появится. Именно поэтому он поселился в покоях Диктора — то есть поспешил занять их первым. Подданные называли его Диктором, но на их языке это обычное обращение к старейшине, начальнику. Дикторами назывались и наместники Боба в удаленных от замка областях.

Он отрастил бороду, частично в подражание Диктору, но, в основном, чтобы выделяться из массы безбородых мужчин. Это увеличивало его престиж, наделяя признаками высшего существа.

И все же странно, что мысль об их сходстве не пришла ему в голову раньше. А это потому, что Диктор был заметно старше. Ему на вид было лет сорок, сорок пять, Бобу же только тридцать два.

Хотя, если посмотреть со стороны, ему, пожалуй, можно дать те же сорок. Править страной и даже счастливой Аркадией — нелегкий удел. У него уже появились морщины, в волосах — седина, память о неудачной попытке лицеизреть «высших».

Нет, он ни о чем не жалеет. Он прожил интересную жизнь, ничего подобного двадцатый век не смог бы ему предложить.

Да, забавно. Десять лет он ждал и боялся появления человека, чье лицо даже толком не мог припомнить, а оказалось, что ждал он самого себя.

Сходились даже мелочи, Арма, например. Года три назад он заметил симпатичную девушку и взял ее в прислуги, назвав Армой. Было это просто данью сентиментальным воспоминаниям о юности. Значит, она та самая Арма. Странно, первая была, как ему помнилось, намного красивее.

Вероятно, он пресытился женской лаской. С легкой усмешкой припомнил он сложную систему запретов, которую пришлось выдумать, чтобы оградить свою независимость и свою божественную бороду от домогательств назойливых красавиц.

Парень на полу, не открывая глаз, застонал.

Вилсон, он же Диктор, склонился над ним. Ничего страшного не случилось, это он помнит точно. Сначала нужно привести в порядок собственные мысли. Предстояло важное дело, и сделать его нужно тщательно, без ошибок. Человеку свой-

ственно беспокоится о будущем, Вилсону же предстояло обеспечить собственное прошлое.

В первую очередь необходимо настроить регуляторы Ворот, чтобы без заминки отправить Боба Вилсона номер один обратно в прошлое. Это несложно, нужно лишь отодвинуть время выхода назад, ориентиром здесь послужит Боб Вилсон, работающий за письменным столом.

Но ведь Ворота появились в его комнате раньше, он это точно помнил. Ага, значит требуется подкорректировать момент появления выхода. Для находящихся в комнате это будет выглядеть так, будто диск присутствует в ней с двух часов дня.

Пришлось напрячься, чтобы вырваться из схем четырехмерной причинности и рассуждать с точки зрения бесконечности.

Кроме того, что делать со шляпой? Боб поднял ее и примерил: шляпа оказалась ему маловата. Очевидно, он поумнел с той поры. Шляпу нужно поместить в такое место, где ее сможет найти ранний Вилсон... Правильно, на пульт, и тетрадку туда же.

Тетрадка, тетрадка. С тетрадкой тоже неувязка. Когда похищенный Бобом словарь пришел в негодность от частого употребления, Боб тщательно перенес его текст в новую тетрадь, чтобы освежить в памяти английский, потому что никакой необходимости в словарях уже не испытывал. Старую же тетрадь он уничтожил.

Итак, не только двух Дикторов, но и двух словарей никогда не существовало. Новая копия, которую он держал в руке, будет сквозь Ворота доставлена на десять лет назад, в прошлое, и с нее же он впоследствии снимет копию. Просто разные части одного процесса. Некоторое время они будут протекать параллельно друг другу. То же самое случилось и с ним. Жаль, что не сохранился старый словарь. Наверное, он был похож на новый, как две капли воды. Но где же начало цепочки?

Что было раньше, курица или яйцо? Если Бог создал мир, кто создал Бога? Кто, в конце концов, составил словарь?

С точки зрения философии было от чего прийти в отчаяние. Он чувствовал, что не может понять суть всего этого, как щенок не может понять, откуда берется мясо в собачьих консервах. Нет, лучше заняться практической стороной дела.

Он вспомнил, что молодому Вилсону очень пригодятся некоторые книги. Оттуда он должен почерпнуть много полезных сведений о том, как управлять страной. Нужно будет составить список.

Человек на полу зашевелился и сел. Наступило время

вплотную заняться своим прошлым. Вилсон не волновался, он чувствовал в себе уверенность опытного игрока, вернее, шулера, заранее приготовившего нужные карты.

И он склонился к своему альтер эго.

— У вас все в порядке?

— Вроде бы, — пробормотал молодой Вилсон, потрогав ссадины. — Голова болит

— Еще бы ей не болеть, — согласился Вилсон. — Вы влетели просто кувырком. Я испугался уж, не разбили ли вы голову, когда приземлялись.

Молодой Вилсон не понял его.

— Влетел? Куда влетел?

— В Ворота, конечно. То есть сквозь Ворота — Он кивком указал на диск, надеясь, что его вид отрезвит двойника.

Молодой Вилсон взглянул через плечо в указанном направлении, вздрогнул и зажмурился.

— Я сквозь это влетел?

— Да, — заверил его Вилсон.

— Где я?

— В зале Ворот, в Высоком замке Норкаал. Но куда важнее не «где», а «когда». Вы попали в будущее почти на тридцать тысяч лет вперед.

Это, судя по всему, не понравилось молодому Бобу. Он поднялся и с трудом заковылял к Воротам. Вилсон опустил руку на его плечо.

— Куда вы собрались?

— Обратно!

— Ну-ну, не так быстро. — Пока еще нельзя отправлять его домой. Регуляторы не установлены, он еще не протрезвел, от его дыхания спичка может загореться. — Поверьте моему слову — вы туда варнетесь. Но позвольте сначала перевязать вам раны. Кроме того, вам необходим отдых. Сейчас я кое-что объясню, а потом, когда вы будете возвращаться, я попрошу вас выполнить для меня одно поручение — к нашей обоюдной выгоде. Будущее принадлежит нам, друг мой, великое будущее!

ФИЛИП ДИК

ТАМ
ПРОСТИРАЕТСЯ ВУБ

Погрузка подходила к концу. С унылым выражением лица, скрестив на груди руки, Оптус стоял внизу, у трапа. Капитан Франко неспеша и ухмыляясь сошел по трапу.

— Что не так? — поинтересовался он у Оптуса. — За все ведь уплачено.

Оптус не ответил: он отвернулся, подобрал полы балахона, но капитан носком ботинка прижал край полы.

— Минуточку, я не все сказал! Не спешите уходить.

— Гм! — Оптус, сохраняя достоинство, обернулся. — Я возвращаюсь в деревню. — Он взглянул на трап, по которому гнали в корабль животных и птиц. — Нужно подготовить новую охоту.

Франко закурил сигарету.

— А почему бы и нет? Отправитесь снова в вельдт, выследите новую добычу. А вот если мы, на полпути между Марсом и Землей...

Не проронив ни слова, Оптус удалился. Франко подошел к первому помощнику.

— Как оно, движется? — спросил он и посмотрел на часы. — Неплохо мы скупились.

Помощник был угрюм.

• — Как все это понимать?

— Да что на тебя нашло? Нам ведь они нужнее, чем им...

— Пока я вас покину, капитан, — сказал помощник и пробрался наверх, осторожно ступая среди длинноногих марсианских страусоидов. Франко проводил помощника взглядом: он хотел последовать за ним в корабль, но что-то заставило его обернуться.

— О Боже! — ахнул капитан: по тропинке к кораблю шагал Петерсен с красным, как помидор, лицом, в руке — веревочка, а на другом конце веревочки...

— Извините, капитан, — сказал Петерсен и за веревочку дернул.

Капитан Франко решительно направился к Петерсену.

— Что это такое? — быстро спросил он.

— Это вуб, — сказал Петерсен. — Я его купил у туземца, за пятьдесят центов. Он сказал, что животное очень редкое, что его очень ценят.

— Вот его? — Франко пнул ногой в громадный округлый бок вуба. — Это же свинья! Здоровенная вонючая свинья!

— Да, сэр, свинья. Туземцы зовут ее вубом.

— Здоровая свинья, весит фунтов четыреста. — Франко дернул за жесткий пучок щетины между ушей вуба. Тот охнул, и из-под толстых век показались крошечные, влажно блеснувшие глаза, а по щеке вуба скатилась одинокая слезинка.

— Может, у него вкусное мясо? — с надеждой предположил Петерсон.

— Это мы скоро выясним, — пообещал Франко.

Заснув крепким сном в трюме, вуб благополучно пережил взлет. Когда корабль вышел в пространство, лег на курс, и все пошло как по маслу, капитан Франко изволил приказать доставить вуба наверх, дабы распознать свойства этой зверины.

Со вздохами и хрипами вуб протискивался по коридорам.

— Шевелись, — ворчал Джоунс, дергая за поводок. Вуб пытался хоть как-нибудь изогнуться, да только обдирает кожу на боках о хромированные стенки. Как пробка из бутылки, он вылетел в кают-компанию, и лапы его подкосились.

— Великий Боже! — изумился Француз. — Что это?

— Петерсон говорит, это вуб, — объяснил Джоунс. — Он его купил. Он дал вубу пинка, вуб, пыхтя, поднялся, но лапы его дрожали.

— Чего это он? — Француз подошел поближе. — Его не вырвет?

Все окружили вуба, а тот, скорбно закатив глаза, оглядел всех собравшихся.

— Он пить хочет, — предположил Петерсон и пошел за водой. Француз покачал головой.

— То-то мы еле поднялись. Пришлось пересчитывать балласт.

Петерсон принес воды. Вуб с благодарностью начал лакать, брызгая на людей.

В дверях возник капитан Франко.

— Ну-с, взглянем. — Он критически прищурился. — Ты его, говоришь, за пятьдесят центов купил?

— Так точно, сэр. Он ест почти все. Я ему дал зерна, и он скушал. И картошку съел, и кашу, и остатки обеда, и молоко. Ему вроде как нравится кушать. Когда поест, ложится и спит.

— Понятно, — сказал капитан Франко. — Так, теперь касательно вкуса его мяса. Это серьезный вопрос. С моей точки зрения, откармливать его больше не стоит. Для меня он уже очень хорошо откормлен. Где кок? Позовите его сюда. Нужно выяснить...

Вуб перестал лакать и пристально посмотрел на капитана.

— В самом деле, капитан, — сказал вуб, — не лучше ли обсудить другую проблему?

Стало тихо.

— Что это было? — спросил капитан Франко. — Вот только что?

— Это вуб, сэр, — сказал Петерсон. — Он заговорил.

Все посмотрели на вуба.

— Что он сказал? Что?

— Предложил поговорить о чем-нибудь другом.

Франко приблизился к вубу, обошел, внимательно осмотрел его со всех сторон.

— Нет ли внутри туземца? — задумчиво предположил он. — Надо открыть и проверить.

— Ну сколько же можно! — воскликнул вуб. — У вас что, навязчивая идея! Резать, резать и резать?

Франко сжал кулаки.

— Эй ты, вылезай! Вылезай, как там тебя!

Никто, конечно, не вылез, а чтобы хоть как-то разрядить атмосферу взаимного непонимания, вуб помахал хвостом, икнул и рыгнул.

— Прошу прощения, — смущенно сказал он.

— Кажется, внутри там никого нет, — тихо сказал Джоунс. Все посмотрели друг на друга.

Пришел кок.

— Вызывали, капитан? А это что еще такое?

— Вуб, — сказал Француз. — Будем его кушать. Ты его, пожалуйста, осмотри, прикинь, где...

— Нам необходимо побеседовать, — перебил Француза вуб. — Я желал бы поговорить, если возможно, с вами, капитан. Я вижу, мы не сходимся по некоторым кардинальным вопросам.

Капитан ответил, но только заметное время спустя. Вуб добродушно ждал, слизывая капли воды с толстых щек и складок подбородка.

— Пройдемте в мою каюту, — сказал капитан наконец. Он развернулся и покинул помещение. Вуб зашлепал вслед. Собравшиеся проводили его взглядами, и еще долго было слышно, как вуб карабкается по лестнице.

— Что же это будет? — в недоумении сказал кок. — Ну ладно, я на камбузе. Если что, позовете.

— Само собой, — сказал Джоунс, — само собой.

Вуб со вздохом опустился на пол в углу капитанской каюты.

— Вы меня простите, — сказал он, — я очень быстро утомляюсь. При таких размерах...

Капитан нетерпеливо покивал, присел за рабочий стол, сцепил пальцы.

— Ладно, приступим, — сказал он. — Ты — вуб? Так?

Вуб пару раз моргнул.

— Полагаю, да. Так меня называли туземцы. У нас имеется собственный термин.

— И ты говоришь по-английски. Ты уже вступал в контакт с землянами?

— Нет.

— Откуда же ты знаешь язык?

— Английский? Разве я говорю по-английски? По моему, я вообще ни на чем не говорю. Я изучил ваше сознание и...

— Мое сознание?

— Да, содержимое, в особенности, семантические области накопления, так я называю...

— Понял, телепатия, — сказал капитан. — Естественно.

— Мы — очень древний народ, — начал вуб. — Очень древний, очень тяжелый на подъем. Нам тяжело двигаться. Как вы можете легко догадаться, если мы столь медлительны и громоздки, то постоянно оказываемся в руках более энергичных существ. Мы и не пытаемся обороняться физически. Это бесполезно. Нам все равно не победить. Бегать мы не можем, слишком тяжелы, драться — тоже, мы слишком мягкотелы, и добродушие не позволяет нам охотиться...

— На чем же вы живете?

— Растения, овощи. Мы всеядны. Приемлем все. Мы добродушны, терпимы, воспринимаем вещи, как они есть. Живем и даем жить. Вот так...

Вуб присмотрелся к капитану.

— Вот почему я столь твердо воспротивился замыслу сварить меня. Я увидел картинку в вашем сознании... большая часть меня — в морозилке, кое-что — в кастрюле, корабельному коту — тоже перепало...

— Так ты читаешь мысли? — сказал капитан. — Как интересно. Еще что-нибудь умеешь?

— Так, **мелочи** всякие, — рассеянно сказал вуб, оглядывая каюту. — Хорошая квартира у вас, капитан. Очень чисто. Уважаю аккуратные формы жизни. На Марсе есть птицы, некоторые весьма аккуратны. Выкидывают отходы из гнезд, потом выметают...

— В самом деле? — отозвался капитан. — Но вернемся к нашему разговору...

— Да, действительно. Вы хотели мною пообедать. Вкус, как я слышал, очень приятный. Мясо несколько жирновато, зато нежное. Но о каких продолжительных сношениях между вашим народом и моим можно говорить, если ваш образ мысли не поднимается выше столь варварского уровня? Скушать — меня? Неужели мы не можем предаться беседе, обсудить вопросы философии, искусств...

Капитан поднялся, выпрямился.

— Философия, говорите? Да будет вам известно, весь следующий месяц еды не будет. Все наши запасы...

— Я знаю, — кивнул вуб. — Но разве, следуя вашим же принципам демократии, не справедливее ли всем нам тянуть жребий — соломинки, спички или что-нибудь в таком роде? В конце концов, на то демократия и существует — охранять меньшинство от посягательства на их права. И если каждый из нас проголосует...

Капитан пошел к двери.

— Вот это видел? — Он показал вубу кукиш. Потом открыл дверь, и с широко раскрытым ртом, вытаращенными глазами, застыл, как громом пораженный, схватившись за ручку двери.

Все это время вуб пристально смотрел на капитана. Некоторое время спустя, протиснувшись мимо Франка, прошлепал в коридор и в глубокой задумчивости спустился в кают-компанию.

Все молчали.

— Вот видите, — нарушил тишину вуб, — в наших мифологических структурах немало общего. Мифологические символы, также, как Иштар, Одиссей...

Петерсон, глядя в пол, заерзал.

— Продолжайте, — сказал он, — продолжайте, прошу вас.

— Ваш Одиссей, как мне кажется, есть фигура, общая для мифологий подавляющего большинства народов, обладающих самосознанием. Одиссей странствует — он индивид, сознающий себя, как такового. Вот в этом-то и заключена идея, идея разделения. Он отделяется от семьи, от родины, начинается процесс индивидуализации.

— Но Одиссей вернулся домой, — сказал Петерсон, взглянув в иллюминатор на звезды, звезды без конца и края, пылающие маяки в пустоте Вселенной. — В конце он возвращается.

— Как тому и надлежит. Период отсоединения — только временная фаза, недолгие странствия души. Есть начало, есть и конец. Странник возвращается к родному очагу и сородичам...

Дверь распахнулась, и вуб замолчал.

В каюту ступил капитан Франко, остальные в нерешительности топтались у двери.

— Ты в порядке? — спросил Француз.

— Ты меня спрашиваешь? — удивился Петерсон. — Почему ты меня спрашиваешь?

Франко опустил пистолет.

— Подойди сюда, — приказал он Петерсону. — Поднимись и перейди сюда.

Петерсон посмотрел на вуба.

— Иди, — посоветовал вуб. — Это роли не играет.

Петерсон поднялся.

— Чего вы хотите?

— Это приказ.

Петерсон пошел к двери. Француз схватил его за руку.

— Да что с вами стряслось? — Петерсон вырвался. — Что на вас нашло?

Капитан Франко осторожно двинулся в направлении вуба. Вуб смотрел на капитана, смотрел снизу вверх — он, прижавшись к стене, лежал в углу.

— Все-таки интересно, — сказал вуб, — до какой степени вас захватила идея меня скушать? Но почему — этого я не понимаю!

— Встань, — приказал вубу Франко.

— Если вы настаиваете. — Вуб со вздохом начал подниматься. — Секунду терпения — дело для меня нелегкое. — Он наконец встал, но дышал тяжело, открыв пасть, свесив язык, который, как маятник, качался в такт его дыханию.

— Стреляйте, капитан, — попросил Француз.

— Бога ради! — воскликнул Петерсон.

Джоунс, у которого от страха глаза вылезали из орбит, быстро повернулся к нему.

— Если б ты его видел... как статуя... стоит, рот раскрылся... Если бы мы не поднялись, он бы и сейчас так стоял.

— Кто? Капитан? — Петерсон поглядел по сторонам. — Но сейчас он в порядке!

Все смотрели на стоявшего посередине комнаты вуба.

— С дороги, — приказал Франко, и люди отступили к дверям.

— Вы меня боитесь, кажется? — спросил вуб. — Разве я вам чем-нибудь помешал? Причинил вред? Я категорически против боли, я ненавижу причинять боль. Я всего лишь пытался защитить себя. Или вы думали, что я с радостью брошусь навстречу собственной гибели? Я такое же разумное существо, как и вы. Мне хотелось осмотреть ваш корабль, узнать, как он устроен, познакомиться с вами. Вот я и предложил туземцам...

Пистолет в руках капитана задрожал.

— Вот видите, — процедил Франко, — я так и думал...

Вуб, тяжело вздыхая, сел и лапой подобрал под себя хвост.

— Жарковато, — сказал он. — Очевидно, рядом машинное отделение. Энергия атома. Вы научились творить с ней чудеса. Технические... Но моральные, этические проблемы ваша научная иерархия решать не...

Франко повернулся к команде. Люди с испуганными глазами молчаливо сбились в кучку.

— Я сам. Вы смотрите, если хотите.

— Попробуйте попасть в мозг, — кивнул Француз. — Мозг все равно в пищу не идет. А в грудь лучше не целить, если попадете в грудную клетку, будем черт знает сколько времени выковыривать кусочки кости.

— Слушайте. — Петерсон провел языком по сухим губам. — Что он вам сделал? Какой вред причинил? Я вас спрашиваю! И вообще, он мой. Никто не имеет права его стрелять! Он вам не принадлежит!

Франко поднял пистолет.

— Я уйду, — побледнев, сказал Джоунс: он поморщился, как будто его подташнивало. — Не хочу видеть.

— И я тоже, — заявил Француз.

Оба, что-то бубня под нос, вышли в коридор. Петерсон же никак не мог выйти, топтался у двери.

— Мы про мифы разговаривали, — сказал он. — Он добрый, безобидный.

Он покинул каюту.

Франко подошел к вубу, а вуб медленно поднял глаза, сглотнул слюну.

— Глупо, как глупо, — сказал он. — Очень жалко, что вам приходится... что вам так хочется... У вас есть притча, в которой ваш Спаситель... — и, глядя на пистолет, Вуб замолчал.

— Неужели вы сможете... глядя мне в глаза? Неужели сможете?

Капитан сверху вниз посмотрел на него.

— Смогу. Глядя тебе в глаза. У нас на ферме были боровы, грязные черные полосатые боровы. Я смогу.

Глядя в мерцающие влажные глаза вуба, капитан нажал на спусковой крючок.

У мяса был изумительный вкус.

Люди сидели за столом подавленные, кое-кто вообще к еде не притронулся. Если кто и наслаждался обедом, так это капитан Франко.

— Еще? — предложил он, обратившись ко всем собравшимся. — Кому добавки? И немножко вина, пожалуй.

— Только не мне, — скривился Француз. — Пойду, наверное, в штурманскую.

— И я тоже. — Джоунс, отодвинув стул, поднялся. — До скорого.

Капитан посмотрел им вслед. Еще несколько человек извинились и ушли.

— Как ты думаешь, что это с ними? — спросил капитан, повернувшись к Петерсону. Петерсон смотрел на тарелку перед собой, на картофель, зеленый горошек, толстый ломоть нежного, сочного мяса.

Он что-то хотел сказать, но не выдавил ни звука.

Капитан положил руку на плечо Петерсона.

— Всего-навсего органика, — весело сказал он. — Жизненная сущность ушла.

Он отрезал кусочек мяса, корочкой хлеба подобрал соус.

— Лично я люблю поесть. Чем еще наслаждаться разумному живому существу? Еда, отдых, медитация, беседы...

Петерсон кивал. Еще двое встали и вышли. Капитан сделал глоточек воды и вздохнул.

— Ну-с, — произнес он, — обед был превосходный, должен вам сказать. Они были правы — мясо вуба великолепно на вкус. Очень вкусно. До сих пор не было у меня возможности попробовать самому.

Он промокнул губы салфеткой, откинулся на спинку стула. Петерсон отрешенно смотрел в стол.

Капитан внимательно посмотрел на Петерсона, наклонился к нему: — Ну будет вам! — сказал он. — Веселей! Не унывайте! Давайте побеседуем. — И улыбнулся.

— На чем я остановился, когда нас перебили? Ага, я рассуждал о смысле фигуры Одиссея в мифах...

Петерсон вздрогнул, в ужасе уставился на капитана.

— Продолжим, — как ни в чем не бывало проговорил капитан. — Одиссей, в моем понимании...

ТЕОДОР КОГСВЕЛЛ

ИНСПЕКТОР — ПРИЗРАК

Глава 1

— Сержант Диксон!

Курт замер: этот голос был ему хорошо знаком. Отпустив рукоятки деревянного плуга, он быстро скомандовал: «вольно» — рядовому, «с вашего позволения, сэр» — лейтенанту, которые на пару были запряжены в плуг. Оба тут же опустились на землю, радуясь передышке, а Курт зашагал навстречу офицеру.

Маркус Харрис, командир 427-го батальона Техобеспечения имперской космической пехоты, имел внушительный вид: три серебряных орлиных пера украшали его боевой головной убор — командир был полным полковником, — а огненно красная комета, эмблема космопехоты, нарисованная на груди, великолепно смотрелась на фоне дочерна загорелой, словно каленой кожи. Курт встал по стойке «смирно», отдал честь, а полковник оценил свежепроведенную борозду опытным глазом.

— Хорошая борозда, сержант, прямая.

В его суровом голосе слышался металл, но Курту показалось, что в похожих на кремни глазах полковника заиграла искорка одобрения. Диксон покраснел от удовольствия и еще шире развернул и без того широкие плечи.

Взгляд полковника остановился на боевом топоре, который удобно устроился в кожаной кобуре на бедре Курта.

— Личное оружие у вас тоже в образцовом порядке.

Курт безмолвно пробормотал благодарственную молитву — только сегодня утром, до подъема, он отшлифовал рукоятку до шелкового блеска, а обсидиановое лезвие теперь напоминало черное зеркало.

— Честно говоря, — продолжил полковник Харрис, — из вас вышел бы офицер, если бы... — Он не договорил.

— Если бы что? — с радостным любопытством поинтересовался Курт.

— Если бы, — сказал полковник с ноткой отцовской нежности в голосе, отчего у Курта по спине побежал озноб. — не были вы самым неуправляемым, недисциплинированным и умственно недоразвитым олухом, каким только мне приходилось командовать! Ну и повезло же мне! Ваша последняя самоволка ясно дает понять — прав на сержантские лычки у вас не больше, чем у меня — рожать котят. Явитесь ко мне завтра утром в десять ноль-ноль. Даю гарантию — когда я с вами закончу разбираться, лоб будет у вас чистый!

Развернувшись на одной пятке, полковник Харрис зашагал по пыльному грунту к стенам гарнизона на краю плато.

Курт некоторое время смотрел вслед командиру, потом взгляд его невольно упал на сочную зелень джунглей, окружавших плато. На севере поднимались вершины заснеженных кражей, и сердце сержанта наполнилось сладкой тоской, когда он вспомнил о чудесах, которые открылись ему в стране за горной грядой. Наконец он с неохотой вернулся к плугу.

Голова его опустилась на грудь, он ссутулился, но усилием воли заставил себя вернуться к насущным проблемам.

— На ноги, солдат! — рявкнул он на разнежившегося рядового.

— Будьте добры, сэр! — попросил он лейтенанта.

Мозолистые ладони сжали рукоятки плуга.

— Пошли!

Рядовой и лейтенант навалились на ярмо и, под скрип кожаной упряжи, плуг с трудом вспорол сухую землю неплодородного плато.

Глава 2

Конрад Кругсон, командир третьей военной базы сектора номер семь Галактического протектората, стоял по стойке «смирно» перед экраном видеосвязи и трепетал. Такое состояние было для него непривычным: он привык, чтобы другие трепетали, когда он с ними разговаривает.

— По личным и надежным каналам Владыка Протектор получил сведения, о том, что генерал Карр все еще жив! — сказала командующий сектором. — Владыка жаждет крови, и если придется выбирать между вашей и моей, сами знаете, кто станет донором!

— Но сэр! — дрожащим голосом обратился Кругсон к человеку на экране космокоммуникатора. — Больше того, что я делаю, сделать возможности нет! Я регулярно проводил двойные проверки благонадежности и за время с последнего играла тревоги мы так ничего и не обнаружили. Если я предприму новую чистку, у меня не останется техников даже для обслуживания базы!

— Это ваша проблема, не моя, — ледяным тоном ответил командующий сектором. — Я знаю одно: слухи дошли до Владыки. Создается организованное подполье и во главе стоит генерал Карр. Владыка требует немедленных действий. Иначе полетят головы!

— Сделаю все, что в моих силах, сэр! — пообещал Кругсон.

— Не сомневаюсь! — зловеще сказал командующий. — И

поэтому даю вам ровно десять дней сроку. Если за это время не откопаете чего-нибудь весомого, я вас уничтожу. Может, меня и сошлют на рудники, но только в паре со мной будете потеть и вы. Я вам обещаю!

Крогсон побелел.

— Вопросы будут? — рявкнул командующий.

— Да.

— У меня нет времени на ваши глупые вопросы. У меня собственных проблем по горло!

Экран погас.

Крогсон без сил опустился в кресло, тупо глядя на пустой экран. Потом заставил себя встать, собрался с силами и взревел так, что задрожали пыльные оконные стекла его кабинета.

— Шинкль! Ко мне!

В дверь просочилось гномообразное создание и подобострастно затанцевало перед Крогсоном.

— Слушаю, командир!

— Включай мозгулятор. У Владыки-протектора новый приступ мании преследования. Будет горячо.

— Что на этот раз?

— Генерал Карр! — мрачно сказал Крогсон. — Бывший Номер Второй!

— Я думал, его давно ликвидировали.

— Я тоже так думал, — вздохнул Крогсон, — но он, очевидно, ускользнул. Протектор опасается, что генерал организует подполье.

— Какой дурак на его месте не опасался бы, — сказал гномик. — Протектор уже не юноша и хватка у него не та, что прежде.

— Возможно, но вот сил у него еще хватит добраться до нас раньше, чем генерал доберется до него. Командующий сектором перевесил собаку на меня. Мы даем результаты или...

— Мы? — грустно переспросил Шинкль.

— Разумеется! Мы одной веревочкой связаны. А теперь за дело! Если бы ты был генералом Карром, где бы ты устроил тайное логово?

— Ну... — Шинкль задумался. — Будь у меня столько ума, сколько подозревают у Карра, я бы устроился прямо на Базе-прима. Там такой бардак, что меня бы ни за что не нашли.

— Исключается. Лезть во двор к самому Владыке мы не можем. Следующий вариант?

Шинкль немного поразмышлял.

— Генерал мог спрятаться на заброшенных планетах, —

медленно сказал он. — Только в районе нашей базы есть полсотни звезд, куда не заглядывали со времени краха Империи. Корабли у нас не те, что раньше, и шансов, что генерала обнаружат случайно, почти ноль.

— Возможно, возможно, — задумчиво пробормотал командир. — Но маловероятно.

Он вдруг решительно хлопнул кулаком правой руки по левой.

— Но это уже что-то! Клянусь Планетами! Передай начальникам отделов — через полчаса совещание в моем кабинете. Все разведкорабли, все до единого, направляются на обследование планетных систем нашего района!

— Прошу прощения, командир, — напомнил Шинкль, — но половина малых кораблей занесена в список аварийного ремонта, а оставшиеся давно следует туда занести. Даже используйте мы весь флот, на прочесывание ушли бы месяцы.

— Знаю, но придется делать, что можем и с тем, что у нас есть. По крайней мере, смогу доложить в штаб сектора, что мы действуем! Пусть отдел астронавтики разработает систему маршрутов. Каждую планету проверять не нужно. Быстрая инспекция всей планетной системы — и довольно! Без энергии даже Карр не в силах содержать базу. Где энергия, там излучение, а излучение можно обнаружить издали. Пусть электронщики работают в две смены и как следует проверят все детекторы.

— Не получится, сэр, — сказал Шинкль. — У нас осталось человек десять техников. Остальных перевели на Базу прима на прошлой неделе.

Терпению Крогсона пришел конец.

— Поганые Голубые Плеяды! Как можно командовать военной базой без техников? Ну скажи мне, Шинкль, ты ведь всегда все знаешь!

Шинкль скромно кашлянул.

— Я думаю, сэр, профессия техника будет очень непопулярной, если их за ошибки будут отправлять на урановые рудники. И пока Владыка-протектор текущего момента опасается своих заместителей — второго, третьего и так далее, — а у них в самом деле возникает желание заполучить кресло Владыки, — он будет всячески укреплять собственную флотилию, а все остальные — держать в недееспособном состоянии. Самый лучший способ достичь этого — наложить лапу на техников. Если почти все корабли на местных базах стоят в доках, дожидаясь ремонта, командир базы вынужден приглушить амбиции, если таковые у него и имеются. Добавим к этому очевидный факт упадка наших технических возможностей за последние три сотни лет — и вот вам ответ.

Крогсон вяло кивнул — он был согласен.

— У меня бывает такое чувство, будто я на заброшенном корабле, падаю в погасшее солнце... — уныло сказал он, но внезапно тон его изменился: — А пока придется спасать школу! За дело, Шинкль!

Шинкль подпрыгнул, затанцевал и стрелой помчался вон из кабинета.

Глава 3

Ровно в десять ноль-ноль утра сержант Диксон стоял по стойке «смирно» перед командиром батальона.

— Сержант Диксон явился по вашему приказу, сэр! — Голос Курта чуть дрогнул, несмотря на все усилия сохранять бравое спокойствие.

Полковник окинул сержанта пристальным взглядом.

— Здорово, что вы забежали на минутку, Диксон. Поговорим?

Курт быстро кивнул.

— Вот здесь у меня, — полковник пошуршал пачкой листов, — рапорт о вашей самовольной вылазке в запредельные территории.

— Какую именно вы имеете в виду, сэр? — не подумав как следует, спросил Курт.

— Значит, их было больше, чем одна? — тихо сказал полковник.

Курт что-то пробормотал.

Полковник жестом приказал молчать.

— Я имею в виду местность к северу, за Близнецами.

— Прекрасная местность! — с энтузиазмом начал объяснять Курт. — Она как... как Имперский Главштаб! Ручьи, полные рыбы, изобилие фруктов, дичь непуганная, сама идет в руки. Батальон жил бы там припеваючи!

— Не сомневаюсь, — сказал полковник.

— Только представьте, сэр! — продолжал Курт. — Никаких нарядов на полевые работы, на охоту, вообще никаких нарядов — живи и наслаждайся!

— Можете добавить в этот список школу техников, — сказал полковник Харрис. — Не сомневаюсь в вашей правдивости, сержант. И поэтому все сведения касательно вашей вылазки с этого момента относятся к категории секретных. Это касается и содержания ваших мозгов, сержант. Совершенно секретно!

— Но, сэр! — запротестовал Курт. — Если бы вы только видели...

— Видел, — оборвал его полковник. — Тридцать лет назад.

Курт изумленно посмотрел на полковника.

— Тогда почему мы все еще не плато?

— Потому что мой командир сделал то же самое, что делаю я — засекретил сведения. Категория «Совершенно Секретно». И выдал мне тридцать нарядов вне очереди на полевые работы. Перед этим он, естественно, стер мои сержантские лычки.

Полковник Харрис очень медленно выпрямился.

— Диксон, не каждому дано быть в младшем командирском составе космической пехоты. Иногда попадаются случайные люди. Тогда мы делаем вот что... — В голосе полковника грянул раскат дальнего грома. — Стереть шевроны! — взревел он.

— Курт протестующе, но молча, смотрел на командира.

— Ты что, не слышишь! — пророкотал полковник.

— Ес-с-сть, сэр! — выдавил Курт и с неохотой провел рукой по лбу, стирая три треугольника белой жировой краской — знак отличия сержанта Имперской космопехоты.

Дрожа от стыда и унижения, он сконцентрировал волю и взял чувства под контроль, хотя слова протеста вот-вот готовы были сорваться с языка.

— Возможно, — предположил полковник, — вы хотели бы подать жалобу Главному Инспектору. Он должен быть на днях и может отменить мое решение.

— Нет, сэр, — одревеневшими губами прошептал Курт.

— Почему? — мягко, но настойчиво поинтересовался Харрис.

— Перед выходом на разведку, я получил четкий приказ — не удаляться за пределы двадцатимильной зоны к северу. Я удалился на шестьдесят. — Внезапно самообладание покинуло его. — Но я не мог иначе, сэр! Я хотел выяснить, что там, за горами, что-то притягивало меня и... — он развел руками, — остальное вам известно.

На губах полковника неожиданно заиграла теплая улыбка понимания, и он разразился смехом.

— А здорово было, правда, сынок? Ты чувствуешь, что тебе запрещено и одновременно внутри тебя кто-то шепчет — нужно выяснить, что там, за этими пиками, узнай или умри! Когда за плечами у тебя будет еще пара лет службы, ты поймешь, что не только горы вызывают подобное чувство. Садись, сынок. — Полковник показал на плетеное кресло у стола.

Курт нерешительно переступил с ноги на ногу, пораженный внезапной переменой в тоне полковника и смущенный его предложением.

— Прошу прощения, сэр, но мы не в наряде...

Полковник захохотал.

— И в присутствии офицера сидеть не полагается? Не странно ли, а, Диксон? С одной стороны как будто ничего такого, если ты запряжен в плуг на пару с майором, с другой стороны ты и не мечтаешь сидеть в его присутствии после наряда.

Курт озадаченно нахмурился.

— Наряд — другое дело. Нам всем нужно есть, и поэтому мы все должны работать. Но в гарнизоне другие отношения — рядовой состав — это рядовой состав, офицеры — это офицеры. Так было всегда.

Все еще улыбаясь, полковник выдвинул ящик стола.

— Это тебе.

Пораженный, Курт уставился на золотое перо с черной поперечной полоской — знак различия младшего лейтенанта Имперской космической пехоты.

— А теперь садись! — сказал полковник.

Курт медленно опустился на стул и все еще не понимая поспе посмотрел на полковника.

— Хватит тарашиться! — сказал тот. — Ты теперь офицер! Когда солдат вырастает из сандалий, мы выдаем новую пару. Но сначала он должен попотеть!

Харрис вдруг стал серьезен.

— Теперь ты один из нас и имеешь право знать, почему я решил приглушить историю насчет равнины на севере. Поначалу многого ты не поймешь. Но позднее... Скажи-ка, — вдруг спросил полковник, — откуда взялся наш батальон?

— По-моему, мы здесь всегда располагались. Когда я был рекрутом, дедуля рассказывал, что давным-давно нас сюда перенесла железная птица, но ведь каждому ясно — птицы из железа не могут летать, они слишком тяжелые!

В глазах полковника возникло отстраненное выражение.

— Шесть поколений... — тихо сказал он, — шесть поколений — и история превращается в легенду. Еще шесть поколений — и легенды превращаются в сказки для детишек. Да, Курт, ты прав, железная птица летать не может, поэтому на время опустим этот вопрос. Но мы в самом деле прибыли сюда из другого места. Когда-то существовала Империя, великая Империя — все звезды, которые ты видишь по ночам, были лишь частью ее. А потом, как всегда случается с вещами под напором времени, она начала распадаться. Начальники занялись междоусобными войнами, Император потерял власть. Батальон был послан сюда, чтобы подготовить техническую станцию для его кораблей. Мы ждали, но корабли не появились. За пять столетий — ни одного корабля, — грустно

добавил полковник. — Возможно, они не успели нас сменить, возможно, крах Империи был чересчур стремительным и нас в неразберихе позабыли. В долгие бессонные ночи можно придумать тысячу подобных «возможно». Потерянные... забытые... кто знает?

Курт смотрел на полковника и ничего не понимал: где бы ни располагался Имперский Главштаб, там не забыли об их батальоне — Главный Инспектор наносил визиты ежегодно.

Полковник, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— Но в приказе сказано: находиться в постоянной боевой готовности для технического обеспечения военных кораблей Императора до соответствующего приказа о смене. Мы наготове и наготове останемся.

Голос старого офицера, казалось, доносился откуда-то из далей пространства и времени.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Курт, — но я не совсем вас понимаю. Если все так и было, то ведь прошло столько времени, что теперь уже все равно.

— Нет, не все равно! — живо возразил полковник. — Вот почему и приходится засекречивать сведения, вроде твоих, насчет северной равнины — для блага батальона! Здесь, на плато, нам выжить нелегко. Нам едва хватает еды, которую добывают полевые наряды и охотничьи экспедиции. Но пока мы сохраняем гарнизон и Техническую Школу — у нас есть причина держаться вместе. Там, на севере, жизнь легка, там мы перестанем быть боевой единицей. Один раз такое едва не случилось. Мудрый командир успел остановить события прежде, чем они зашли слишком далеко. Остались кое-какие памятки о тех временах — их намеренно оставили, чтобы мы знали — командиры не вправе забывать, зачем мы здесь!

— Какие памятки? — с интересом спросил Курт.

— Сынок, — сказал Харрис, — подняв со стола свой внушительный перьевой убор и осмотрев его со всех сторон. — ты еще не готов об этом услышать. Ну, вставляй перо и отправляйся. У меня много работы!

Глава 4

На военной базе номер три царило уныние. Корабли, которым надлежало выполнять приказ командира и вести тщательно спланированный поиск логовища генерала Карра за многие световые месяцы от базы, кувыркались на посадочную площадку подобно выжившим из ума пингвинам. Дюзы взрывались, компьютеры закликивало и так далее —

полный набор недугов, которым подвержено изношенное и плохо отремонтированное оборудование. Отдел техобслуживания тихо сходил с ума.

— Шинкль! — в конце концов завопил Кругсон. — Удастся что-нибудь, где-нибудь?

— Пока ничего и нигде, сэр, — ответил коротышка.

— Тогда пусть что-нибудь произойдет! — Кругсон водрузил ноги в стоптанных сапогах на исцарапанную столешницу и со свирепой энергией начал жевать и так уже изжеванную сигару.

— А как дела в остальных секторах?

— Не лучше, — вздохнул Шинкль. — Командующий Снорк в шестом секторе хотел был втереть очки, да поплатился. Выслал спецкоманду на фермерскую планету на краю Пояса, там они загипнотизировали все население. Пятнадцать миллионов зеленокожих скандировали: «Да здравствует генерал Карр! Долой Владыку-протектора! Как один умрем за дело народной революции!» и подобные вещи. Снорк даже вооружил их бластерами-коллапсаторами среднего радиуса, чтобы все выглядело как на самом деле. Потом направил туда весь флот, закинул крючок на Базе-прима через свои каналы в прессе и начал ждать. И как по вашему, что ему прислали из бюро информации первой степени очередности?

— Не томи, — сказал Кругсон.

— Паршивого репортеришку-стажера. Давать задний ход было поздно. Снорку пришлось идти до конца и он выжег планету до скального основания. Сегодня утром в «Космосе» напечатали заметку в три строчки, а Снорка наградили званием Третьесортного Защитника народных космолиний Восмой степени.

— Мы и до этого не дошли! — мрачно проворчал Кругсон.

— Заметка на предпоследней странице, под разделом «Наши пернатые товарищи», — сказал Шинкль. — Наградили его посмертно, даже имя переврали, получилось «Снарк»!

Глава 5

Курт повернулся, чтобы уйти, как вдруг в дверь кабинета громко постучали.

— Войдите! — разрешил полковник.

В кабинет ворвался подполковник Блик, старший помощник командира батальона, и небрежно отдал честь. Он не заметил Курта, замершего с боку от двери.

— Слушайте, Харрис! — рывкнул он. — Что это за вы-

думки? Вы приказали бригаде уборщиков покинуть мою квартиру!

— В батальоне у нас прислуги нет, Блик, — спокойно сказал командир. — После нарядов люди должны отдыхать. Они заработали свой отдых и, пока я командую батальоном, они этот отдых получают. Грязную работу делать придется вам самому. У вас это лучше получится, чем у бедняги, который весь день таскал плуг. Советую свериться с соответствующим местом в Уставе.

— В Уставе?! — рявкнул Блик. — Вы что, думаете, я своими руками буду драить полы?

— Я ведь драю, — сдержанно произнес полковник. — Если жена занята, я — драю. Ни мое достоинство, ни батальон, насколько я заметил, от этого не пострадали. Хочу добавить, — примирительно продолжил он, — что офицеры должны служить хорошим примером для младшим по званию. Ни ваш тон, ни ваши выражения для лейтенанта Диксона таковыми не окажутся.

Харрис указал на Курта и Блик стремительно обернулся.

— Лейтенанта Диксона? — взревел он. — Кто разрешил? — Я. — Полковник по-прежнему сохранял спокойствие. — Если у вас плохо с памятью, напоминаю — батальоном пока командую я.

— Возражаю! Повышения всегда производились решением всего офицерского корпуса.

— Который сейчас полностью в ваших руках, — отметил полковник.

Курт кашлянул.

— Прошу прощения, сер, но я лучше пойду.

Полковник Харрис покачал головой.

— Ты теперь в семье, сынок, так что привыкай сразу к нашим перебранкам. Мы с подполковником уже много лет не в ладах. Ему не терпится упразднить некоторые старые правила. — Он повернулся к Блику. — Не терпится, Блик?

— Именно! — проворчал подполковник. — И я их упраздню, как только представится возможность. Чем скорее мы закончим с этой дурацкой Техшколой и отправим рекрутов в полевые наряды, тем скорее наша жизнь будет лучше. Зачем пахарю или охотнику знать электронные схемы или разбираться в лучевых трубках? Просто суеверная глупость! Вот ты! — Он ткнул Курта пальцем в грудь, чем немного испугал свежее испеченного лейтенанта. — Ты, Диксон! Ты четырнадцать лет провел в Техшколе. А зачем?

— Я изучал техобслуживание, ясное дело, — сказал Курт.

— А что это такое?

— Разборка и сборка узлов оборудования, полировка дюз,

калибровка пластинок покрытия, проверка показаний счетчиков по окончании работы. Потом классные работы по субэлектронике, исчислению Дирека и ...

— Довольно! — перебил его Блик. — И вот ты все это выучил — что ты со всем этим будешь делать?

Курт удивленно посмотрел на него.

— Делать? — повторил он. — С этим ничего не делают. Просто изучают, потому что так предписывает Устав.

— И вот что, — повернулся Блик к полковнику Харрису, — лучший образчик! Четырнадцать лет собаке под хвост, а он даже не знает, зачем! — Он сделал паузу, потом развязно добавил: — Пришла пора поставить точку над «и», Харрис!

— А именно? — спокойно поинтересовался полковник.

— Я требую немедленного закрытия Техшколы. Всех рекрутов отправить в наряды. Если хотите остаться командиром, отдайте приказ. Корпус на моей стороне!

Полковник Харрис не спеша поднялся. Курт ждал громового раската, но, как это ни странно, гром не грянул. Курту даже показалось, что полковник забавляется от всей души.

— Ну хоть когда-нибудь, — сказал полковник, — хоть когда-нибудь, хоть кто-нибудь из нас придумает такое, чего еще никогда не придумывали? Вот вопрос!

— Как вас понимать? — нахмурился Блик.

— Это я так, к слову. А знаете, — продолжил полковник непринужденно, — много лет тому назад я вот таким же манером явился в кабинет тогдашнего командира с такими же угрозами и требованиями, что и вы, Блик. Особого успеха я не добился, — как и вы не добьетесь, — потому что в плане своем упустил маленькую деталь — ежегодный визит Главного Инспектора. Он должен прибыть вечером в субботу, не так ли, Блик?

— Вы сами знаете, что должен, — проворчал тот.

— Вас это не тревожит? Подозреваю, у Инспектора может сложиться нелестное впечатление.

— Мне кажется, он возражать не будет, — зловеще усмехнулся Блик. — Итак, вы отдадите приказ о закрытии Школы или нет?

— Нет, конечно! — отрезал полковник.

— Ответ окончательный?

Полковник Харрис лишь кивнул.

— Ну ладно! — рывкнул Блик. — Сами виноваты! — И со свирепой миной прорычал: — Кейн! Симмонс! Арнет! Все сюда!

Дверь медленно отворилась. В холле робко жались друг к другу офицеры.

— Входите, господа, — пригласил Харрис.

Без особой решимости они вошли в кабинет и сгрудились возле порога.

— Я беру командование на себя! — заорал Блик. — гарнизону давненько нужна хорошая чистка! Я здесь наведу порядок!

— А что вы скажете? — обратился к офицерам полковник.

— Прошу прощения, сэр, — нерешительно заговорил один из вошедших, — но нам кажется, что полковник Блик во многом прав. Боюсь, мы будем вынуждены ограничить вашу свободу на несколько дней. Пока не улетит Главный Инспектор, — смущенно добавил он.

— А что, по-вашему, скажет Главный Инспектор, увидев все это?

— Полковник Блик сказал, чтобы мы не волновались. Он возьмет Инспектора на себя.

На лице Харриса мелькнула тревога. В первый раз за время разговора он, казалось, едва не потерял самообладание.

— Каким образом? — Голос полковника выдавал тревогу.

— Этого он не объяснил, сэр, — ответил офицер.

Харрис успокоился — это было заметно.

— Ну, хватит болтать! — приказал Блик. — Время не ждет!

Он обошел стол, плюхнулся в кресло полковника и отдал новый приказ:

— Уведите его!

— Ну нет! — взревел Курт.

Боевой топор сам прыгнул в руку, и Курт одним броском покрыл расстояние до полковника Харриса. Он загородил собой командира, готовые к схватке мышцы вздулись буграми, серые глаза метали грозные молнии.

Блик вскочил.

— Разоружите его! — приказал он.

Офицеры, собравшиеся у порога, переступали с ноги на ногу — те, что стояли впереди, пытались отодвинуться в арьергард, а находившиеся в арьергарде не желали сдавать хорошо защищенные позиции.

Лицо Блика стало багровым — еще немного, и его, кажется, хватил бы удар.

— Майор Кейн! — потребовал он. — Арестуйте этого человека!

Кейн без особого энтузиазма направился к Курту. Посматривая на блестящее лезвие топора, он сказал намеренно примирительным тоном:

— Ну, брось, старик! Не стоит ведь, сам понимаешь. — И протянул к Курту руку. — Отдай-ка мне топор и забудем об этом неприятном эпизоде.

Топор Курта вдруг начал опускаться на голову окаменевшего от неожиданности Кейна. В последнюю долю секунды Курт хорошо отработанным движением кисти изменил направление удара, свистящая смерть рассекла воздух над головой майора, а на пол медленно спланировала половинка серебристого майорского пера.

— А ну, давай, — взревел Курт, топор которого прыгал вперед-назад, как змеиный язык, — а ну, попробуй! Ну, кто смелый! — добавил он, обращаясь ко всем остальным.

Группка офицеров отступила еще немного. Полковник Харрис развлекался от всей души.

— Покажи им, что почем, сынок! — воскликнул он.

Блик презрительно посмотрел на сообщников и вытащил собственный топор. Харрис тут же перестал смеяться.

— Минутку, Блик! Мы зашли слишком далеко.

Он повернулся к Курту.

— Отдай топор, сынок.

Курт с болью и удивлением взглянул на полковника, несколько секунд постоял в нерешительности, потом угрюмо сдал оружие майору, который вздохнул с явным облегчением.

— А теперь, — оскалился Блик, — скормите наглого щенка ящерицам!

Курт выпрямился с оскорбленным видом.

— К собрату-офицеру так не обращаются! — сказал он с упреком.

Набухшая вена на лбу Блика снова запульсировала.

— Уведите его, а не то я за себя не отвечаю! — прошипел он сквозь зубы.

Несколько секунд он старался взять себя в руки и, наконец, это ему удалось.

— На гауптвахту его! Передайте начальнику полиции, что я пришло извинение, как только придумаю.

Курта вывели из кабинета.

— Вы, все — марш отсюда! — сказал Блик оставшимся. — Мне нужно поговорить с полковником Харрисом касательно вызова Главного Инспектора.

Глава 6

Как гласила поговорка, популярная среди офицеров Протектората, если Владыка-протектор гневается, падают не только звезды, но и головы. Командиру Крогсону начинало казаться, что и его собственная уже не так прочно, как прежде, сидит на шее. Разведчики докладывали лишь о

поломках оборудования, а командир сектора ледяным тоном сообщил Кругсону, что его имя прочно расположилось в самом конце списка отличившихся в поиске генерала Карра. Угроза смены командования на Базе номер три была уже вполне реальной.

— Слушай, Шинкль, — в отчаянии сказал Кругсон, — если предъявить нам нечего, номы, быть может, что-нибудь наобещаем? Чтобы они хоть на время отвязались?

Шинкль с сомнением покачал головой.

— Может, новый пятилетний план? — предположил Кругсон.

Коротышка покачал головой.

— Вот эту тему лучше вообще оставить. Они до сих пор интересуются судьбой предыдущего. Особенно по разделу транспортной квоты. Я взял на себя смелость и переложил ответственность на стратегический отдел. В результате несколько человек были... э-э... переведены.

— Так им и надо! — фыркнул Кругсон. — Они сами кашу заварили своими вопросиками! «Если полтора грузовоза пролетают полтора световых года за полтора месяца, десять грузовозов пролетят десять световых лет за десять месяцев!» Я еще тогда заподозрил какой-то подвох, только не мог уловить, какой.

Тьма сгущается перед рассветом! — оптимистично предположил Шинкль.

Глава 7

— Снимай головной убор, устраивайся поудобнее, — гостеприимно предложил Блику полковник Харрис.

Блик с ворчанием согласился.

— Тяжелая все-таки штука. Надо будет пересмотреть Устав касательно формы одежды.

— Вы, кажется, что-то мне собирались рассказать? — наекнул полковник.

— Ага... Вы думаете — Главный Инспектор вытащит вас из этого переплета. Верно?

— Скорее да, чем нет.

— Скорее нет, — отрезал Блик. — Я на прошлой неделе слазил в оружейную и кое-что там обнаружил. Потом я долго думал — что же это значит? Знаете, что это было?

— Догадываюсь.

— Мне вдруг пришло в голову — какое счастливое совпа-

дение! Главный Инспектор появляется всякий раз тогда, когда он вам нужен.

— Довольно странно, не правда ли?

— Да... И тогда кое-что еще пришло мне в голову. подумалось мне, что будь я командиром гарнизона, то лучшего способа держать персонал на коротком поводке я бы не придумал. Зримый символ Имперского Главштаба!

— Разумно, — согласился Харрис. — Особенно, если принять во внимание нашего капеллана. Он уже начал проповедовать, будто Имперский Главштаб — место, куда после смерти попадают пехотинцы, при условии, что соблюдают Устав. Но как же все это устроить?

— Именно тем способом, который вы придумали. Я бы использовал старый боевой скафандр. Я бы выждал, пока стемнеет, потом незаметно взлетел на шесть-семь тысяч футов. Потом включил бы посадочные фары скафандра и спланировал к построению.

Блик победно усмехнулся.

— Неплохо задумано, — признал полковник Харрис. — Только вот эти скафандры — я всегда считал, что в них и ходить-то тяжело, не то что летать.

Блик снова победно усмехнулся.

— А сначала нужно подключить питание! В арсенальной башне есть шкафчик с надписью «Опасно! Не открывать!». Если подобрать ключ к замочку, то за дверцей обнаружится целый запас блестящих кубиков, подозрительно похожих на скафандровые аккумуляторы, как они изображены в руководстве.

— Возможно, возможно.

Блик поерзал.

— Вы не удивлены?

Полковник покачал головой.

— Я немного забеспокоился, когда подумал, что вы и остальным собираетесь рассказать, но теперь я спокоен.

— А зря! На этот раз внутри скафандра буду я! Я наведу новый порядок, а Главный Инспектор заверит своей печатью. Главному Инспектору не возражают!

Он выжидающе посмотрел на Харриса, предполагая, что полковник выкажет испуг, но Харрис только засмеялся.

— Блик, вас ждет большой сюрприз!

— Что значит — сюрприз? — подозрительно спросил Блик.

— Просто я вас знаю лучше, чем вы себя сами. иначе я не сделал бы вас заместителем. У меня такое предчувствие, Блик, что батальон сильнее влияет на одного человека, чем

один человек — на весь батальон. А теперь, с вашего позволения...

Харрис направился к двери. Блик бросился на перехват.

— Не утруждайте себя, — хихикнул полковник. — Я дорогу в камеру и сам найду. — Он ухмылялся во **весь** рот. — А у вас, к тому же, работы по горло.

Лицо Блика исказила гримаса изумления.

— Не понимаю, — пробормотал он себе под нос. — Ничего не понимаю!

Глава 8

Офицер-пилот Озаки страдал. Неприятности начались два часа спустя после старта с Базы номер три и, похоже, намерены были продолжаться впредь. Озаки уныло сидел за пультом потрепанного разведкорабля, пересчитывая несчастья и невзгоды, свалившиеся ему на голову. Во-первых, проблемы с кондиционером — в ящике начало гудеть, в каюту повалил густой «аромат» гнилой рыбы. Во-вторых, что-то стряслось с путанными кишочками синтезатора пищи. Какие бы кнопки не нажимал пилот, из подающего отверстия выдвигались лишь подрагивающие бруски недожаренного белкового наполнителя, смазанного каким-то клеем с привкусом земляники.

И, что хуже всего, топливный конвертор разведчика все больше выходил из-под контроля. Он не желал медленно и планомерно скормливать плутониевую ленту камере сгорания: его то заедало, то вдруг он вводил слишком большой отрезок ленты. Внезапный ввод нескольких лишних квадратных милли-микрон ленты порождал невиданную вспышку энергии, искавшую выхода и находившую лишь кормовые дюзы. Пульсация длилась лишь долю секунды, но прыжок ускорения означал потерю сознания и — если пилот не был надежно пристегнут к креслу, — несколько новых синяков в добавку к старым.

Озаки страдал от собственного бессилия: если пилот желал остаться в живых, ему лучше не совать нос в оборудование корабля. Он хмуро извлек на свет еще одну карточку с надписью «Срочный ремонт» и с красной полоской по краю, начал ее заполнять.

Описание узла, подлежащего ремонту: «Термостат в душевой, М7, малый стандарт».

Природа неполадки: «Душ подает только кипяток».

Причины для немедленного устранения неполадки: Озаки

вывел печатными буквами: «Я не мылся с начала полета!», а потом швырнул карточку в переполненную коробку. Он кипел бессильным гневом.

— Механики! — презрительно пробормотал он. — Им кухонные комбайны ремонтировать! Да и то не получится. Сюда бы их, в разведку, и чтобы туалет три дня не смылся!

Глава 9

Для гауптвахты камера была вполне просторная, только Курта это не радовало. Он менял камеру шагами от стены к стене и полковника Харриса это раздражало.

— Расслабься, сынок, — мягко сказал он, — не трать зря силы.

Курт посмотрел на полковника, который спокойно вытянулся на койке.

— Сэр, — голосом заговорщика сказал Курт, — мы должны бежать!

— Зачем это? В кои-то веки появилась минутка для отдыха.

— И вы спустите все это Блику с рук? — потрясенно спросил Курт.

— Ну и что? Он ведь мой зам, верно? Он все равно должен занять мое место в случае, если я не могу исполнять свои обязанности. Просто сейчас у него полоса нетерпения. Пару деньков в моем кресле — и он живо образумится. Через две недели его начнет тошнить и он приползет на коленях умолять поменяться обратно.

— Но он хочет закрыть Техшколу!

— Каникулы мальчикам только на пользу. Неделю спустя женам надоест, что у них постоянно под ногами путаются мужья, и они дадут залп по Блику. У Блика самого шестеро пацанов, и подозреваю, его старушка будет сердитее остальных. А жена у него, Курт, очень решительная дама, очень!

— Понимаете, сэр, — Курт решил открыть карты, — у меня есть план.

— План?

— Сразу перед вечерней поверкой надо лечь на койку и громко стонать. Я крикну, что вы помигаете, а когда охранник войдет, я наброшусь на него!

— И думать забудь! — сурово сказал полковник. — Сержант Ветцель — мой давний приятель. Дойдет до тебя когда-

нибудь или нет — я не собираюсь совершать побег! Мне выпал редкий случай мирно отдохнуть. Блика я знаю насквозь, он меня не волнует. Но если тебе так понравилась идея побега, что ж, давай, попытай счастья. Почему бы и нет? Но мы выберем простой способ. Смотри!

Харрис подошел к решетке и позвал:

— Сержант Ветцель!!!

— Иду, сэр!

Послышался топот, и в поле зрения возник сержант с седым пучком волос и весьма обширным животом.

— Что будет угодно, сэр?

— Наблюдается поблизости полковник Блик или кто-нибудь из офицерского корпуса?

— Нет, сэр. Они все наверху, празднуют.

— Прекрасно! Открой дверь, будь так добр.

— Все что угодно, полковник!

Старый сержант с готовностью вытащил из поясной сумки здоровенный ключ, вставил в замок. Немного поскрипело, потом дверь открылась.

— Вот этот юноша, Диксон, хочет совершить побег, — объяснил полковник.

— Я-то не против, — сказал сержант, — вот только если полковник Блик станет спрашивать, куда парнишка подевался...

— У лейтенанта есть план, — объяснил доверительным тоном полковник. — Он вас атакует, разоружит и тогда совершит побег.

— Это еще не все! — сказал Курт. — Я думаю с вами формой поменяться. В вашей форме я спокойно выйду через главные ворота.

— Нелегкая это работа, — сказал сержант, задумчиво рассматривая собственную талию. — Но попытка — не пытка.

— Тогда к делу, — с живостью предложил Курт, широко замахиваясь правой.

— Если вы не против, лейтенант, — заметил Ветцель, с опаской поглядывая на гранитной тяжести кулачище Курта, — то пусть атакует полковник Харрис, если так уж надо на меня нападать.

Харрис усмехнулся, подошел к Ветцелю.

— Готов?

— Готов!

Кулак Харриса нежно тукнул Ветцеля в подбородок.

— У-уф! — послушно выдохнул сержант, пошатнулся, сделал пару шажков назад и упал на ту койку, что помягче.

Обмен мундирами произвели быстро. Затруднения вызва-

ли лишь брюки, которые так и норовили сползти Курту на лодыжки, и головной убор, который постоянно съезжал на уши. Теперь Курт был готов отправляться в путь. Проблему штанов решили с помощью подушки. Головной убор оказался проблемой посложнее, но и ее частично решили — Курт будет придерживать убор левой ладонью, которую крепко прижмет ко лбу. Со стороны будет казаться, будто он пребывает в глубокой задумчивости.

Первые двести ярдов дались легче легкого. Коридор был пустынен, и Курт спокойно двигался вперед. Перья убора тяжело покачивались. Когда Курт достиг ворот, он уверенно постучал и позвал дежурного сержанта:

Открывай! Ветцель идет!

К несчастью, именно в этот момент он потерял бдительность и выпустил убор. Дверь распахнулась, убор расползся и опустился на плечи, а на том месте, где у человека голова, возникло нечто вроде гнезда из колышущихся перьев. Челюсть у дежурного отвисла. Потом, выказывая немалую смелку и немалое присутствие духа, он захлопнул дверь перед носом Курта, запер на засов.

— Сержант охраны! — заорал дежурный. — Сержант охраны! В коридоре существо!

— Какого рода существо? — поинтересовался сонный голос из дежурки.

— Страшное, с перьями вместо головы, — отвечал сержант.

— Выясни имя, звание и личный номер, — посоветовал сонный голос.

Дальше Курт слушать не стал. Расправившись с упрямым убором, он отшвырнул его в сторону и помчался обратно в камеру.

Повесив нос, лейтенант Диксон вошел в камеру. Полковник и сержант так увлеклись игрой в «ракеты на старт», что даже не сразу обратили на него внимание. Курт кашлянул.

— Передумал? — спросил полковник, поднимая голову.

— Нет, сэр. План не сработал.

— Как?

— Головной убор сержанта. Лучше не спрашивайте.

Курт в расстроенных чувствах опустился на койку и спрятал лицо в ладонях.

— Прошу прощения, — вежливо сказал сержант, — только если штаны лейтенанту больше не нужны, я бы хотел получить их назад. Сквозняк здесь.

Курт молча переоделся, подошел к зарешеченному окну и мрачно уставился сквозь прутья.

— А может попробовать через верхний этаж? — предложил сержант, которому не нравилось, что били его зря. — Если вас никто не заметит до ворот, можно спокойно выйти. Часовой только на знаки отличия смотрит, а те ворота — офицерские.

Курт схватил ладонь Ветцеля и пожал от всего сердца.

— Не знаю, как вас благодарить, — забормотал он.

— Тогда самое время научиться, — заметил полковник. — В культурных гарнизонах обычно говорят «спасибо».

— Спасибо! — воскликнул Курт.

— Да не за что, — сказал сержант. — Первая лестница налево. Подниметесь на верхний этаж, снова налево и по коридору прямо на выход.

Курт поднялся на верхний этаж и повернул направо. Три сотни футов спустя коридор кончился тупиком. влево уходил узкий проход. Проход тоже закончился тупиком в виде небольшого холла, в дальней стене имелись тяжелые бронзовые двери. Курт сделал поворот «кругом» и отправился по собственным следам. Он почти у главного коридора, когда слуха его достигли сердитые голоса. Курт с опаской выглянул в коридор. Два офицера, перекрыв путь к отступлению, были увлечены жарким спором. Оба были далеко не в трезвом состоянии, и капитан обращался с майором без надлежащего уважения.

— Плевать мне, что она сказала! — орал капитан. — Я первый ее увидел.

Майор схватил капитана на плечо и прижал к стене.

— А мне плевать, кто первый ее увидел. Держись от нее подальше, а не то нарвешься!

Капитан залился краской гнева. Он схватил майора за набедренную повязку, оборвал и хлестнул ею майора по физиономии.

На скулах майора заиграли желваки. Он отступил, щелкнул мозолистыми пятками, сдержанно наклонил голову.

— Топоры или на кулачках?

— Топоры! — фыркнул капитан.

— Как насчет холла оружейной? Там нам не помешают.

— Как вам угодно, сэр, — не менее вежливо сказал капитан. — Ваша повязка, сэр.

— Майор с достоинством надел повязку и направился вдоль коридора, туда, где прятался Курт. Курт помчался прочь.

Мгновение спустя он был уже в холле. Нужно было что-то придумать, иначе он в ловушке. По обе стороны бронзовых дверей горели на стенах факелы, на каменном полу танцевали тени, а Курт отчаянно искал выход из положения. Выхода

не было. Только через бронзовый портал. Голоса стали громче. Курт подскочил к дверям, потянул за ручку, створка за скрипела, чуть открылась и с облегченным вздохом Курт проскользнул в темноту оружейной.

Здесь факелов не было. Обширное помещение освещал лишь свет бледной луны, лившийся сквозь вогнутое потолочное окно. Несколько секунд Курт стоял в робком изумлении перед грозными силуэтами, которые возвышались впереди, смутно-призрачные в лунном мерцании, но голоса дуэлянтов вернули его на землю.

— Эй! Дверь в оружейную открыта!

— Ну и что? Туда разрешается входить только командиру.

— Блику наплевать. Будем драться там. Там больше места.

Курт быстро обвел взглядом помещение. Где бы ему укрыться? У дальней стены стояло что-то вроде бронзовой статуи, полировка поблескивала в свете луны. Дверь за его спиной открылась, и Курт осторожно пробрался к статуе, казавшейся чем-то вроде гроба с ногами. Курт скользнул в тень и прижался к холодному металлу. При этом бедро коснулось какого-то выступа, и с тихим щелчком средняя часть металлической фигуры словно на петлях раскрылась, открывая черную выемку. Так эта штука пустая внутри!

Курта озаорила идея. «Если они сюда и придут, — подумал он, — в эту штуку ни за что не додумаются заглянуть!».

Не без труда он протиснулся в отверстие, поднял крышку и заперся. У штуковины имелись ноги, ступни Курта удобно вошли в отверстия — но рук не было.

Офицеры вышли на середину зала, встали лицом к лицу, как бойцовые петухи. Курт облегченно вздохнул — кажется, он пока в безопасности.

На боевых топорах зловеще замерцал лунный свет. Несколько секунд дуэлянты стояли неподвижно — сцена источала смертоносную напряженность, — потом топор капитана со свистом метнулся к голове противника. Майор парировал удар, брызнул сноп искр, потом, резко вывернув кисть, он направил свой топор к диафрагме капитана. Противник опустил оружие, защищаясь, но успех сопутствовал ему лишь частично. Острое обсидановое лезвие рассекло кожу на ребрах, в лунном сиянии затемнела кровь.

Курт внимательно наблюдал за поединком, но, тем не менее, начал ощущать первые признаки клаустрофобии. конструкторы старой Империи создали боевые скафандры с учетом их эффективности, а не комфорта для солдата. Курту начало казаться, что его заперли в темном старом шкафу. Его положение не стало легче, когда ему пришло в голову, что

после дуэли офицеры могут уйти и запереть за собой дверь. Грядя ночных облаков затмила лик луны, и Курт принял решение сменить укрытие. Свет, проникавший в арсенал сквозь потолочное окно, померк, и Курт едва мог различить танцующие в центре помещения силуэты дуэлянтов.

Это был единственный шанс. Если он успеет проскользнуть вдоль стены, пока облака закрывают луну, ему удастся незаметно выскользнуть из оружейной. Он надавил на крышку люка. Люк открываться не желал. Курт почувствовал приступ паники, но постарался взять себя в руки. «Должен быть способ открыть крышку», — решил он.

Его пальцы ощупывали темные внутренности скафандра в поисках рычажка, рукоятки или кнопки и наткнулись на несколько клавиш на уровне солнечного сплетения. Курт для пробы нажал одну. Костюм тихо загудел, и вдруг Курт почувствовал, что стал легче перышка. Он от испуга затаил дыхание. В этот момент стальная нога чуть оттолкнулась от пола и этого было довольно. Медленно, как воздушный шар на ветерке, он поплыл к центру зала. Курт пытался остановиться, но поскольку висел теперь в десятке дюймов над полом и продолжал медленно подниматься, усилия его были напрасны.

Дуэль продолжалась лучше не придумаешь. Оба дуэлянта оказались первоклассными бойцами и, несмотря на легкий хмель, фехтовали образцово. У обоих из десятка мелких ран сочилась кровь, но пока никто не нес серьезного урона. Удары и парирования производились с таким мастерством, что Курт даже позабыл о собственной нелегкой ситуации, все больше и больше увлекаясь поединком. Светловолосый капитан владел топором немного лучше противника, зато майор иногда, как показалось опытному глазу Курта, мухлевал, чем компенсировал превосходство капитана. Чем дальше, тем больше увлекался Курт зрелищем поединка, пока очередная, особо неспортивная уловка майора, не заставила его забыть об осторожности.

— Опустит топор, закройся! — закричал Курт, чтобы предупредить капитана. — Он хочет ниже пояса ударить!

Голос, резонируя внутри скафандра, приобрел необычный металлический отзвук.

Оба офицера развернулись в его сторону. Сначала они ничего не увидели, потом майор заметил зловещий темный силуэт, нависший над ними в полумраке.

Бросив топор, он с криком помчался к выходу.

— Главный Инспектор!

Капитан оказался на долю секунды медлительнее: прежде, чем он успел умчаться, Курт выглянул в открытый лицевой иллюминатор скафандра и прокричал:

— Это же я, Диксон! Вытащите меня отсюда, пожалуйста! Капитан, у которого глаза стали на манер защитных очков, безмолвно смотрел на него.

— Что это за устройство? — спросил он. — И что ты там делаешь?

Курт парил в добрых десяти футах от пола. Он уже почувствовал ночлег на потолке и радости по этому поводу не испытывал.

— Спустите меня, — взмолился он. — Я вылезу и все расскажу.

Капитан подпрыгнул, попробовал поймать Курта за лодыжку. Он лишь чуть-чуть промахнулся, и толчок заставил скафандр подняться еще фута на три, где тот, покачиваясь, и остановился.

Капитан запрокинул голову и воззвал к Курту:

— Не могу достать. Нужно попробовать по-другому. Слушай, но как ты в эту штуку залез?

— В середине есть люк. Я его закрыл, и замок защелкнулся.

— Ну тогда расщелкни его!

— Я пробовал уже. Вот теперь очутился под потолком.

— Попробуй еще раз, — посоветовал капитан. — Если люк откроется, ты спрыгнешь, а я тебя поймаю.

— Ну ладно, поехали! — сказал Курт, наугад выбирая кнопку.

Из наплечных дюз ударил фонтан огня и, оставляя пламенный хвост, Курт понесся в зенит. Микросекунду спустя он достиг окна в потолке. Кто-то должен был уступить дорогу. Так и случилось!

На высоте пятнадцать тысяч футов сработала автоматика. Лицевой щиток герметически закрылся. Курт этого не заметил. Сознание его погасло, как задутая свечка. На высоте в тридцать тысяч включились обогреватели. Сорок секунд спустя он был в космическом пространстве.

Глава 10

Пилот-разведчик Озаки мирно дремал, когда завывала сирена детектора искусственных излучений. Продрав глаза, Озаки быстро сел в пилотское кресло и отключил сирену. Его пальцы заплясали по клавишам пульта. Изображение на экране задвигалось, и вскоре яркая зеленая точка, обозначающая источник радиации, оказалась в самом центре. Потом Озаки включил пульсовый анализатор, принялся наблюдать

за синусоидой, заплясавшей по экрану. Такой четкой, с острыми пиками кривой, он еще никогда не видел.

— Не узнаю, — пробормотал он. — Но надо проверить, на всякий пожарный.

Он нажал кнопку автоматического опознавателя, и пока прибор методично сравнивал поступающий сигнал с известными образцами, которые хранились в его компактной памяти, Озаки повернулся к экрану обзора. Он включил максимальное увеличение и навстречу ему устремилась планетная система. В центре, словно злобный глаз, распух умирающий красный гигант, зеленая точка заметно сместилась — за ней тянулся красный пунктир, обозначая курс с момента обнаружения.

Озаки был весь внимание. Похоже, он наткнулся на что-то стоящее! Когда ломаная белая линия пересекла оранжевую точку планетарной массы, он разразился радостным воплем. В его воображении уже сверкал и манил обещанный месячный отпуск и премия в размере полугодового жалования.

— Домой! — воскликнул Озаки про себя. — Домой, к прощанным туалетам!

В последний раз прожужжав своими реле, анализатор за-квохтал, как довольная курица, и выронил в приемную корзину карточку с результатами. Озаки поспешно схватил ее, впился взглядом в строчки. Красные буквы сверху гласили: «Источник не опознан», а ниже, буквами поменьше: «Предлагается провести сравнение пульсовых данных излучения на базовом анализаторе». Озаки невольно присвистнул, когда увидел индекс энергетической утилизации — 927! На пятьдесят единиц выше возможного! Лучшему технику, можно сказать, чертовски везло, если получалось настроить двигатель на утилизацию хотя бы сорока пяти процентов нормативного максимума. Да, с этой штучкой лучше не шутить! Одному с ней не справиться. Быстро приняв решение, Озаки щелкнул клавишами передатчика, посылая вызов на родную Базу номер три.

Глава 11

Командир Кругсон, не в силах сдержать нетерпения, метался по кабинету.

— Еще минут пятнадцать, сэр, не больше, — пытался успокоить начальника Шинкль.

Кругсон фыркнул.

— Час назад ты говорил то же самое! Ну что они копаются? Я хочу знать, что это за корабль, и я хочу знать немедленно!

— Отдел Оpoznания не виноват, — объяснил Шинкль. — Большой анализатор давно не ремонтировали, его все время заедает. Они опасаются его разбирать — вдруг потом не смогут сложить обратно?

В течение следующих двух часов давление крови у Кросона медленно поднималось к точке взрыва. Он дважды отдавал приказ отправить весь персонал отдела опознавания в стройбат и оба раза приходилось приказ отменить — Шинкль благоразумно замечал, что худая кляча все же лучше, чем ничего. Командующий уже почти сжевал собственные ногти до основания, когда из отдела Оpoznания пришел, наконец ответ.

— Отдел Оpoznания, сэр, — слышался из интеркома неуверенный голос.

— Ну! — рявкнул командир.

— Анализатор показывает... — Снова заминка.

— Что он показывает? — взорвался Кросон.

— Анализатор показывает — лучевые характеристики совпадают с характеристиками древних имперских двигателей малой мощности.

— Чушь! Последнюю имперскую базу разбомбили пятьсот лет назад. Все, что удалось спасти из оборудования, давно отправилось на свалку. Машина ошиблась!

— Нет, мы вручную проверили банк памяти, — все сходится. Это Имперский корабль, никаких сомнений. Нашим такой двигатель ни за что не собрать.

Кросон откинулся на спинку кресла, и взгляд его затянуло туманом.

— Шинкль, — сказал он некоторое время спустя, — подозреваю, мы кое-что откопали. Кое-что очень серьезное! Может, Владыка и прав насчет заговора, но сдается мне, он ошибся насчет, кто именно эти заговорщики. Что если кучка империалистов уцелела и выжидает удобного случая нанести ответный удар?!

Шинкль несколько секунд обмозговывал идею.

— Вполне возможно, — медленно произнес он. — И лучшего времени, чем сейчас, им не найти. Протекторат и так еле-еле на ногах держится — осталось только его подтолкнуть!

Чем больше Кросон обмозговывал свою идею, тем разумнее она ему казалась, но, к сожалению, идею пришлось оставить: речь шла о его собственной шкуре.

— Это еще большой вопрос, Шинкль, — сказал командир, — но если я угадал правильно, считай, мы выпутались из передраги. Свяжитесь с разведчиком, выясните его координаты.

Шинкль умчался. Несколько минут спустя примчался обратно.

— Я разговаривал с пилотом-разведчиком! — взволнованно сообщил он. — Он настиг источник излучения. Это не корабль, это человек в боевом скафандре! Двигатель выключен, он покидает систему. Пилот ждет приказов.

— Пусть перехватит, возьмет в плен! — Шинкль помчался прочь. — Секунду! Где находится разведчик?

— Он не знает.

— Чего он не знает? — изумился Кругсон.

— Он не знает своих координат, — повторил коротышка. — У него астрокомпьютер вырубился через шесть часов после старта.

— Повезло же нам! — чертыхнулся Кругсон. — Ладно, пусть не выключает передатчик, мы пойдем по пеленгу. А ты пока вызови командующего сектором и доложи.

— Прошу прощения, командир, я бы не стал этого делать.

— Почему?

— Вы ведь следующий по званию кандидат на пост командующего сектором?

— Полагаю, да.

— Если дело выгорит, вы его вышибите из кресла, правильно? — хитро улыбаясь, спросил Шинкль.

— Возможно, — устало согласился Кругсон. — Не скажу, что очень хочется, но... придется. Годы уже не те, ребята снизу начинают поднимать. Или вверх, или вон — а если вон, то ведь только ногами вперед, вот какое дело.

— Представьте себя на минутку на месте командующего сектором, — предложил умный коротышка. — Что бы вы сделали, если бы начальник одной из баз доложил об уцелевшей — предположительно — имперской военной части?

Кругсон помрачнел.

— Ну конечно! Я бы выслал собственный флот! Да, что-то я дал маху, сам должен был сразу догадаться.

— А с другой стороны, можно попросить разрешения на обычные маневры. Он одобрит, а у вас будет предлог поднять с базы весь флот. Тогда мы выйдем в глубокий космос, установим радиотишину и пойдем по пеленгу разведчика. Если там в самом деле имперская база, никто ничего не узнает, пока мы ее не взорвем. А я останусь здесь, буду присматривать за хозяйством, пока вы в походе.

Кругсон широко улыбнулся.

— Шинкль, что бы я без тебя делал? Я тебе присвою зва-

ние Преданного Слуги Владыки-протектора, восьмого класса. получишь дополнительный купон на обувь.

— Если вы не против, — вздохнул Шинкль, — то пусть лучше будут выходные по субботам, со второй половины дня.

Глава 12

Курт, выныривая из тьмы обморока, постепенно приходил в себя. Где-то гудела сирена, все громче и ближе. Курт помотал головой и застонал. В веки закрытых глаз бил резкий свет. Открыть глаза? Нет, это выше его сил. Кажется, он лежал на койке. Но откуда сирена? Курт сосредоточился. Постепенно од него дошло, что гудит внутри его собственной головы. Голова словно распухла, болела и, к тому же, при каждом ударе сердца отзывалась звоном.

Постепенно он начал воспринимать окружающее. Как только вернулось обоняние, Курт сморщил нос. Странный запах, очень неприятный. Курт напряг память, пока не выудил нужное — да, воняет гнилой рыбой. Зацепившись за этот запах, как за спасательный якорь, он начал потихоньку воссоздавать произошедшее. Он висел в воздухе, высоко над полом оружейной. Капитан пытался его стянуть. Потом он нажал кнопку. Жуткая перегрузка, оглушительный удар. Наверное, он протаранил окно в потолке. А после удара — тьма, потом звон, который он принял за аварийную сирену, а теперь рыба — дохлая, гниющая рыба.

— Должно быть, я выжил, — решил Курт. — В Имперском Главштабе не может вонять дохлой рыбой.

Он вновь застонал и приоткрыл один глаз. Нет, место незнакомое, это точно. Он открыл второй глаз. Комната с вогнутым потолком и вогнутыми стенами. Бесконечно осторожно Курт свесил голову с койки, посмотрел вниз. Внизу, в кресле перед вереницей приборов, сидел невысокий человек, желтокожий, с иссиня-черными волосами. Курт кашлянул. Человек поднял глаза. Курт задал вопрос, который напрашивался сам собой:

— Где я?

— Сообщать вам что-либо не имею права, — ответил коротышка. Речь у него была, как показалось Курту, какая-то невнятная.

— Воняет откуда-то! — пожаловался Курт

— Еще бы, — уныло согласился незнакомец. — Я уже привык, а тебе, видно, плохо приходится.

Курт с интересом осмотрел каюту. Многие приборы и устройства, которыми каюта была напичкана, показались знакомыми. С такими он работал в Техшколе на практических занятиях, только эти были проще, примитивнее, словно их собирали восьмилетние рекруты. Курт предпринял еще одну попытку войти в контакт с черноволосым незнакомцем.

— А почему все в одном месте? Мы всегда разные вещи держали в разных кладовых.

— Без комментариев, — отрезал Озаки.

Курт почувствовал, что пытается пробить головой каменную стену.

Он решил попробовать еще.

— Сдаюсь, — сказал он, сморщив нос. — Где вы ее спрятали?

— Кого?

— Рыбу.

— Без комментариев.

— А почему?

— Потому, что все равно беде не поможешь, — сказал Озаки. — Это кондиционер. Что-то внутри заело.

— А что такое этот кондиционер? — спросил Курт.

— Вот тот ящик у тебя над головой.

Курт посмотрел, зажмурился, напряг память. Знакомая штука... Да, он не ошибся — в памяти вспыхнула картинка: страница 318 из учебника «Вспомогательные механизмы».

— Фантастика! — изумился Курт.

— Что?

— Вот это. — Курт показал на кондиционер. — Не думал, что они в самом деле существуют. Я думал, они только в книжках. У тебя есть ремонтный набор первого эшелона?

— Ясное дело. А что?

Курт вытащил комплект из зажимов, открыл, отыскал маленькую отвертку и пару иглогубцев.

— Я его почию, это нетрудно, — сказал он небрежным тоном.

— Нет, не трогай! — завопил Озаки. — Пусть лучше рыбой воняет, а то совсем без воздуха останемся.

Но прежде, чем он успел воспрепятствовать, Курт снял с кондиционера кожух и что-то нащупал в хитросплетениях начинки кончиком отвертки. В кондиционере глухо зачмокало. Курт прислушался, задумался, потом ткнул отверткой куда-то в лабиринт жужжащих и постукивающих частей, медленно повернул какой-то винт на четверть оборота, и чмокание прекратилось.

— Вот, видишь, — с видом победителя сообщил он, — больше вонять не будет.

Дрожащий всем телом Озаки сумел взять себя в руки и на его губах заиграла широкая улыбка.

— Меньше воняет! Нет, честное слово, меньше!

Курт повернул отвертку на четверть, и в каюту ворвался свежий холодный аромат соснового леса. Озаки с наслаждением вздохнул, расслабленно опустил на кресло. На щеках заиграл румянец.

— Как тебе удалось? — спросил он наконец.

— Без комментариев, — любезно усмехнулся Курт.

Наступила тишина. Озаки напряженно размышлял, и на это уходили все его силы. Как ни хотелось этого признать, но легкость, с которой Курт починил кондиционер, произвела впечатление.

— Слушай, — спросил он с опаской, — а ты только кондиционеры умеешь чинить?

— Нет, не только, — сказал Курт и взмахом руки обвел кабину. — Здесь почти все чинить надо, все неправильно смонтировано.

— Давай договоримся, — предложил Озаки. — Баш на баш — ты чинишь, я отвечаю на вопросы... некоторые вопросы, конечно, не все, — поспешно добавил он.

— По рукам, — согласился Курт.

Кое-что он уже понял. Во-первых, где бы он ни очутился, раньше он здесь не бывал. Значит, по ту сторону гор есть еще один гарнизон, и о его существовании они даже не подозревали. Тревожила его другая проблема: как он сюда попал.

— Заметано, — сказал Озаки. — Начнем вот с чего... Ты в сантехнике разбираешься?

— А что это за зверь? — с любопытством спросил Курт.

— Водопроводные трубы, канализация. Они засорились. Уже давно.

— Можно посмотреть, — сказал Курт.

— Отлично! — воскликнул пилот и препроводил Курта в тесный отсек в кормовой части. — Можешь и душем заняться заодно.

— А что такое «душ»?

— Вон та изогнутая штуковина вверх, — показал Озаки. — Термостат не фурычит.

— Термостаты — это детский сад, — сказал Курт и закрыл дверь.

Десять минут спустя он снова возник в каюте.

— Не верю, — сказал Озаки, протискиваясь в душевую.

Он нажал рукоятку бачка. Послышался радующий душу шум воды. Потом Озаки сунул руку в отделение душа и повернул рукоятку влево. Ударил игольчатые струи холодной воды. Пилот с трепетным изумлением воззрился на Курта.

— Если бы я не видел собственными глазами... Ты заработал два ответа.

Курт с любопытством взглянул в отсек.

— Ну ладно, я их починил. Теперь объясни, для чего они нужны?

Озаки вкратце объяснил, и на лице Курта отразилось изумление. Он разбирался в приборах и прочем оборудовании, но ему и в голову не приходило, что их можно применять.

Переваривать эту новую идею было нелегко.

— Если бы я не видел собственными глазами... — медленно проговорил он.

Да, когда он вернется домой, будет что рассказать! Домой... Курт вспомнил о насущной проблеме — определить, где он сейчас находится.

— Как далеко от гарнизона? — спросил он.

Озаки быстро подсчитал в уме.

— Примерно две световые секунды.

— А в километрах?

Озаки еще раз занялся устным счетом.

— Где-то шестьсот тысяч. Если хочешь, могу вычислить точную цифру.

У Курта отвисла челюсть. Не может быть! Даже Имперский Главштаб не может располагаться так далеко! Он попытался перевести километры в дневные переходы отряда, но тут же обнаружил, что не в силах. Он понял, что запутался и должен собственными глазами посмотреть, где же он очутился.

— Как выйти наружу?

Озаки показал на воздушный шлюз в дальнем конце отсека.

— А что?

— Хочу на пару минут выйти прогуляться, а то никак не соображу, где мы находимся.

Озаки не поверил своим ушам.

— Слушай, что у тебя на уме? — раздраженно спросил он.

Теперь настал черед Курта удивляться.

— Да ничего. Я хочу понять, где нахожусь и в какой стороне находится гарнизон. Я хочу вернуться.

— Долго же тебе придется идти, и погода не очень теплая, — засмеялся Озаки, нажал кнопку, которая управляла лучевым экраном иллюминатора.

— Взгляни.

Курт увидел пустоту, черно-фиолетовое ничто с далекими светящимися точечками, похожими на булабочные головки. Он вдруг почувствовал себя страшно одиноким, потерянным

в черной безграничности. Не было ни низа, ни верха. Голова у Курта закружилась, иллюминатор куда-то поплыл. Он почувствовал, что еще секунда — и он потеряет рассудок. Он закрыл глаза ладонями, отшатнулся, попятился на середину каюты.

Озаки вернул шторку экрана на место.

— Производит впечатление поначалу, а?

В голове Курта всегда имелся своеобразный автоматический компас. Как бы далеко он не забирался, стрелка всегда указывала точно на родной гарнизон. Теперь, первый раз в жизни, стрелка вращалась беспомощно. Неприятное чувство. Он обязан сориентироваться!

— В какой стороне остался мой гарнизон? — взмолился Курт.

Озаки пожал плечами.

— Где-то там. Не знаю, где именно на планете находится твой гарнизон. Я засек тебя уже в пространстве.

— Где там? — повторил Курт.

— Попробуешь еще разок наружу выглянуть?

Курт сделал глубокий вдох и кивнул. Пилот открыл бортовой иллюминатор и показал, куда смотреть. В черной пустоте плыл большой зеленовато-серый шар. Он казался неподвижным. Курт ничего определенного не рассмотрел, но на помощь пришел спутник планеты, плывший сбоку. Рельеф его поверхности был знаком Курту не хуже собственного лица, только вид они имели небывало ясный и четкий. Сколько ночей во время охотничьих экспедиций всматривался Курт в эту серебристую сферу, плывущую среди облаков.

Поверить в это казалось невозможным, но другого выхода не было!

Когда Курт повернулся к Озаки, на его побледневшем лице играли желваки. Тысяча вопросов горячими иглами пытали мозг.

— Где я? — сурово спросил он. — Как я здесь очутился? Кто ты такой? Откуда ты взялся?

— Ты на борту космолета, — сказал Озаки. — Это двухместный разведчик. И больше ни слова от меня не добьешься, потому что у тебя еще много работы. Начни вот хотя бы с этого микропроектора. Чертова перечница сгорела как раз во время дознания по делу об убийстве нашего комиссара. Кто-то вставил плутониевую ленту в его автобритву, и комиссару оторвало голову. Я просто с ума сходил, так хотелось узнать, кто же это был!

Курт достал инструменты из ремонтного набора и послушно присел у проектора.

Три часа спустя они обедали. Курт успел починить пище-

вой автомат, и Озаки смаковал синтебифштекс. Впервые за время полета у синтебифштекса был вкус настоящего синтебифштекса. когда он с наслаждением наколол на вилку последний восхитительный кусочек, корабль дернулся. Озаки бросило на стену, прижало. На секунду наступила темнота, потом светильники на потолке мигнули, загорелись снова. Озаки медленно поднялся, с опаской потрогал здоровенную шишку на затылке. Шишка пульсировала и становилась больше. Настроение у пилота не стало лучше, когда он увидел Курта. Курт сидел за столом, как ни в чем не бывало, отрезал новый ломтик пирога.

— Надо было сгруппироваться, — непринужденно сказал Курт. — Конвертор вышел из фазы, было слышно, как мощность нарастает. Значит, нужно приготовиться, сгруппироваться. может, у тебя со слухом не все в порядке? — заботливо поинтересовался он.

— Во время еды не разговаривают, это невежливо, — фыркнул Озаки.

В ту же ночь конвертор вырубился полностью. Озаки спал сном младенца и еще несколько часов ни о чем не подозревал. Его, мягко трясая за плечи, разбудил Курт.

— Эй! — Озаки уткнулся лицом в подушку.

— Эй! — Голос стал громче. Пилот зевнул, с трудом открыл глаза.

— Свет потух. Это серьезная неисправность? — спросил голос.

Смысл сказанного дошел, наконец, до Озаки, и рывком сел. Он поморгал. Света не было. В отсеке было непривычно, неестественно тихо.

— Великий Боже! — воскликнул Озаки и бросился к пульту. — Энергия отключилась!

Он ударил по стартеру — никакого результата. Конвертор заклинило замертво. Озаки покрылся испариной. Он наощупь отыскал переключатель аварийных батарей. И снова никакого результата.

— Если ты думаешь подключить батареи к освещению, то ничего не получится, — спокойно сказал Курт.

— Почему? — процедил Озаки, свирепо надавливая на кнопку стартера.

— Батареи сели. Я их истощил.

— Что ты сделал? — вскричал несчастный пилот.

— Истощил батареи. Понимаешь, я проснулся, когда включился конвертор. Немного спустя стало жарко, солнце перегрело корпус, поэтому я подключил батареи к охладителю. Пока хватало энергии, было очень хорошо, прохладно.

Озаки взвыл и отодвинул шторку носового иллюминатора:

умирающий красный гигант, который раньше занимал безопасную позицию слева от борта, предстал полным ужаса глазам Озаки, как протянувшееся от горизонта до горизонта море багрового огня.

— Мы падаем на солнце! — вырвалось у пилота.

— Жарковато становится, — сказал Курт.

Это еще мягко было сказано. Стрелка термометра показывала сто десять* и продолжала ползти вверх.

Озаки рывком открыл дверцу кладовой, схватил пару запасных батарей. Со всей поспешностью, которую позволяли трясущиеся руки, он подсоединил батареи к аварийной энерголинии. секунду спустя загорелся свет, а Озаки уже включал космический коммутатор. Он нажал кнопку передатчика, через гиперпространство дугой понесло сигнал вызова. На экране возникло лицо техника-связиста третьего класса. Связист умирал от скуки.

— Командира Кругсона, немедленно! — потребовал Озаки.

— Прости, старина, — сквозь зевок проговорил связист, — но командир завтракает. Перезвони через полчаса, договорились?

— Чрезвычайная ситуация! Немедленно соедини меня!

— Не могу. Старика нельзя трогать во время завтрака.

— Слушай, дубина, — заорал Озаки, — если сейчас же меня не соединишь, ты и глазом не успеешь моргнуть, как слетишь на рудники добывать уран!

— Это как же? — лениво поинтересовался связист.

— Мой двоюродный брат Такаши — заведующий отделом переклассификации для персонала базы!

Связист стал бел, как мел.

— Прошу прощения, сэр! — забормотал он. — Сию секунду, сэр! Я ничего такого не имел в виду, сэр!

Он исчез, экран на миг потемнел, потом на нем появился кабинет командира.

Кругсон завтракал. Его зубные протезы отдыхали на белоснежной скатерти, рот был набит пюре.

— Командир Кругсон! — в отчаянии воззвал Озаки.

Кругсон изумленно поднял глаза. Заметив, что экран включился, он судорожно проглотил пюре и быстро вставил челюсти на место.

— Кто там? — поинтересовался он сдержанно.

— Пилот-разведчик Озаки, — сказал Озаки.

На челе Кругсона начали сгущаться грозные тучи.

* Ок. 43° по Цельсию.

— Как это понимать? Я ведь завтракаю!

— Очень извиняюсь, сэр, но мой корабль падает в умирающее солнце!

— Очень жаль, — вздохнул Кругсон и снова сосредоточился на тарелке пюре и стакане молока.

— Но, — настаивал Озаки, — вы должны выслать помощь. У меня заклинило конвертор!

— А я тут при чем? — раздраженно спросил Кругсон. — Обратитесь в отдел Аварийных ситуаций, это их работа.

— Но пока они проведут бумаги по всем каналам, от меня и дыма не останется. В прошлый раз они меня две недели вытаскивали. Сейчас у меня осталось несколько часов!

— Мы не делаем исключений, — брюзгливо процедил Кругсон. — Если разрешить перескакивать через головы, кое-кто вместе со своим братцем возомнят, будто имеют на то право!

— Командир! — взмолился Озаки. — Мы изжаримся живо!

— Ну ладно, ладно, — недовольно сказал Кругсон, — вышлю кого-нибудь. Как твоё имя?

— Озаки, сэр, пилот-разведчик Озаки.

Кругсон как раз зачерпывал очередную ложку пюре, как вдруг его осенило.

— Стой! Это ты обнаружил имперскую базу?

— Да, сэр, — хрипло подтвердил пилот.

— Что же ты сразу не сказал! — взревел Кругсон. — Он шелкнул переключателем, вызвал заместителя. На секунду воцарилась тишина.

— Слушаю, сэр!

— Сколько времени понадобится, чтобы добраться до этого разведчика?

— Часов шесть, сэр.

— Справьтесь за три!

— Не получится, сэр.

— Получится! — фыркнул Кругсон и отключился.

Стрелка термометра в отсеке разведчика показывала сто пятнадцать.

— Боюсь, три часа не продержимся, — сказал Озаки.

— Что за чушь ты несешь! — сказал Кругсон, и экран погас.

Озаки бессильно опустил в пилотское кресло, закрыл руками лицо. Вдруг его окатило прохладной волной.

— Нет смысла продлевать наши мучения, — сказал Озаки, не поднимая головы. — Батареек и на пять минут не хватит.

— Я так и думал, — жизнерадостно сказал Курт, — поэ-

тому пока ты беседовал, я пошел и наладил конвертор. Ну и жара у вас, — добавил он, смахивая пот со лба.

— Что? Что ты сделал? — Озаки аж подпрыгнул. — Не может быть! Даже если бы ты знал технологию... Там только экран-кожух полдня снимать надо!

— Для простого ремонта экран снимать не требуется, — сказал Курт. Он показал на смотровой лючок. — Я вот сквозь него работал.

— Не может быть! Сквозь него даже инжектора не видно! Как же ты его чинил?

— Ерунда! — хмыкнул Курт. — Мне на него смотреть не надо. Если руки правильно натренированы, можно и на ощупь найти неисправность. Больше прыгать не будет. Дефлектор синхросетки немного вышел из фазы, я его настроил заодно.

Озаки, все еще не в силах поверить в удачу, ударил по кнопке стартера. Разведчик встал на дыбы, потом конвертор сладостно загудел, космолет описал дугу и помчался прочь от умирающего багрового солнца.

В отсеке было тихо. Пилот и Курт сидели в молчании, каждый был поглощен собственными тревожными мыслями.

— Да, еще немного, и нам была бы крышка! — наконец сказал Озаки. — Еще какой-нибудь час и... — Он шелкнул пальцами.

Курт озадаченно посмотрел на него.

— Нам грозила опасность?

— Опасность! — фыркнул Озаки. — Если бы ты не починил конвертор, остались бы от нас одни угольки!

Курт в молчании обдумывал новость. В этом сверхчеловеке, у которого машины в самом деле работали, было что-то не дававшее покоя. С ноткой изумления в голосе Курт спросил:

— Если нам в самом деле грозила опасность, почему же ты не починил конвертор, а тратил время на болтовню? — Он показал на космокоммуникатор.

Теперь пришла очередь Озаки удивляться.

— Починить? На всей базе нет найдется пригоршни техников, которые шурупают в атомной технике и могут заниматься двигателями. Если случаются неприятности с двигателями, обычно вызывают отдел Аварийных ситуаций и жуют ногти, пока не доберется до них аварийка.

Курт залез на койку, уставился на вогнутый потолок. Ему нужно было подумать, как следует подумать!

Три часа спустя разведчик материализовался у борта громадного флагмана и стрелой помчался к входу в док. В этот момент пилоту пришла в голову страшная мысль.

— Знаешь, — нерешительно обратился он к Курту, — если ты не против, то никому не говори, что ты для меня наладил эту старую калошу, идет? А то ее у меня отберут. Передадут какому-нибудь капитану, а мне достанется очередная развалина. На базе их полно.

— Ясное дело, не скажу, — согласился Курт.

Секунду спустя замигал зеленый огонек — давление в посадочное камере достигло нормы.

— Я мигом, — сказал Озаки. — Жди меня здесь.

С тихим гудением распахнулся наружный люк, и два вооруженных охранника, войдя в отсек, молча остановились справа и слева от Курта. Озаки помчался докладывать Кругсону.

Глава 13

Боевой флот третьей военной базы седьмого сектора Галактического Протектората неподвижно висел в пространстве на расстоянии двадцати тысяч километров от родной планеты Курта. Сотня усталых операторов напряженно всматривалась в экраны — они искали хотя бы намек на искусственное излучение. Но если не считать всплеск статических разрядов, экране оставались темными, и по мере поступления докладов командир Кругсон приходил во все большее отчаяние.

— Ты уверен, что эта планета — та самая? — не давал он покоя Озаки.

— Никаких сомнений, сэр.

— Очень странно, внизу совсем тихо, — сказал Кругсон. — Наверное, успели нас засечь и притаились. Есть у меня подозрение... — Он не договорил, потому что на панели связи замигала красная лампочка сверхважного вызова.

— Ответь, — приказал он. — Может, они, наконец, что-то нашли.

Старший помощник включил кран и на нем возникла рубка связи флагмана.

— Простите, что побеспокоил вас, сэр, — сказал оператор, — но мы только что получили сообщение по аварийной частоте.

— Что говорится в сообщении?

У техника был несчастный вид.

— Сообщение закодировано, сэр.

— Ну так раскодируйте! — рявкнул старпом.

— Не получается, — робко сказал оператор. — Декодер

почему-то барахлит и принтер выдает случайные группы знаков.

Старпом с отвращением фыркнул.

— Откуда сообщение?

— С базы. Фокусированный луч. Но, видно, с аварийного передатчика, обычные гипетпространственные сообщения не фокусируются. Или у корабля сломался нормальный передатчик, или пилот хочет сохранить сообщение в тайне.

— Займитесь декодером. Дайте нам знать, как только сможете расшифровать сообщение.

Оператор отдал честь и выключился.

— Подозреваю, что дело плохо, — мрачно сказал Кругсон. — Ладно, займемся делом. Опустите флот в атмосферу. Похоже, придется вести визуальный поиск.

— Может, пленный нам покажет направление? — предложил старпом.

— Хорошая мысль. Прикажите привести.

Минуту спустя Курта втокнули в главную рубку. При виде его боевой раскраски и головного убора из перьев, глаза у Кругсона стали раза в два больше обычного.

— Где это, клянусь Духом Галактики, ты так разукрасился?

— Вы что, имперского солдата космопехоты никогда не видели? — хладнокровно ответил Курт.

Конвоир покрутил указательным пальцем у виска. Кругсон присмотрелся к Курту и кивком согласился с конвоиром.

— Садись, сынок, — мягко сказал он. — Мы тебя решили отвезти домой, но нам нужна небольшая помощь с твоей стороны. Понимаешь, мы не знаем в точности, где находится твоя база.

— Я помогу ее найти, — сказал Курт.

— Великолепно! — Кругсон потер ладони. — Ну так откуда ты такой взялся, покажи нам.

Он ткнул пальцем в иллюминатор, за которым выпуклился бок планеты.

Курт растерянно взирал на планету.

— Ничего не пойму, слишком высоко, — словно извиняясь, сказал он.

Кругсон немного подумал.

— А какого характера местность вокруг вашей базы? — спросил он.

— Преимущественно джунгли. Гарнизон расположена на плато, на севере — горы.

Кругсон быстро обернулся к старпому.

— Вы поняли?

— Так точно, сэр.

— Выпускайте разведчиков на бреющий рейд. Как только найдете базу, ведите туда флот и развисните на высоте сорок тысяч футов!

Сорок минут спустя поспешно вернулся один из разведкораблей.

— Мы ее нашли, сэр! — доложил старпом. — Плато, вокруг джунглей и на севере горы. На краю плато поселок. Пилот видел признаки оживленной деятельности, но по-прежнему никаких следов работы энергоустановок. Должно быть, засекли нас и отключили все машины.

— Это плохо! — сказал Кругсон. — Видно, приготовились покончить с нами одним залпом. Придется нанести удар первыми. Они заметили разведкорабль?

— Это неизвестно, сэр.

— Будем считать, что заметили. Передайте канонирам, пусть переключат батареи на центральный пульт. Если мы сделаем залп всем флотом, мы испепелим их базу раньше, чем они успеют сделать пристрелочный.

— Сейчас же отдам приказ, — сказал старпом.

Флот плотным строем направился к имперской базе. На полпути к цели в рубку вошел главный канонир и робко обратился к Кругсону:

— Извините, сэр, нужно бы попробовать... Одновременный залп — тонкая штука, если что-то не сработает, наземные батареи расстреляют нас, как мишени.

— Это хорошая идея, — задумчиво сказал Кругсон. — Слишком многое поставлено на карту. Выберите соответствующую цель.

Флот как раз проходил над горной грядой.

— Как насчет вон той лысины? — предложил старпом, указывая на скалистую полку, выдававшуюся из склона одной из гор.

— Подходит, — одобрил Кругсон.

— Все корабли — орудия на центральный пульт! — приказал канонир.

— Прицел взят! — сообщил оператор за экраном наводки. — Один, два, три, четыре...

Курт стоял у переднего обзорного иллюминатора, смотрел на проплывавшую внизу местность. Он внимательно слушал разговор в рубке, хотя практически ничего не понимал. Термин «батареи» был ему незнаком. Что-то они насчет гарнизона говорили... Он хотел спросить командира, о чем идет речь, но ему помешало напряжение, с которым Кругсон следил за экраном наводки. Поэтому Курт хмуρο созерцал горы внизу.

— Пять. Шесть. Семь. ОГОНЬ!

Жестокий толчок потряс громаду флагмана — батареи выстрелили одновременно. Несколько секунд спустя скалистое плато внизу исчезло в вспышках магниевого света. Прямо на глазах Курта громадные пласты камня и грунта медленно поплыли к небу. Потом, так же медленно, поднятое взрывом начало падать обратно, а вскоре его скрыл из виду громадный дымный гриб, черный, как сажа. Курт обернулся и пристально посмотрел на Кругсона. Очевидно, эти «батареи» размолодили гору. А гарнизон... на планете был только один гарнизон!

— Я же приказывал дать залп всем флотом! — рявкнул Кругсон. — Стрелял только флагман. В чем дело?

— Секундочку, сэр, — попросил старпом. — Сейчас выясню.

Он навис над интеркомом.

— Корабли были готовы, их пушки переключены на наш пульт, — доложил он минуту спустя. — Но сигнал не прошел. Должно быть, система центрального управления огнем дала сбой!

Он махнул рукой в сторону ряда приборов, занимавших угол рубки.

Командир Кругсон разразился градом ругательств. Когда он заметил, что начал повторяться, он сделал передышку и добрых полминуты стоял в ледяном молчании.

— Не соизволите ли вызвать техника и наладить этот дьявольский комплекс? — сказал он тоном, от которого у всех побежали мурашки.

Старпом, кажется, что-то собирался сказать, но только у него не получилось.

— Ну? — напомнил Кругсон.

— База-прим заграбастала нашего последнего на той неделе. Больше специалистов по огневому оборудованию у нас нет.

— По-моему, эта штука не очень сложная, — сказал Курт, уверенным шагом направляясь к приборам в углу.

— Отойди оттуда! — взревел Кругсон. — Только тебя там не хватало!

Курт пропустил замечание мимо ушей и начал открывать смотровые лючки.

— Охрана! — вскричал Кругсон. — Вышвырните его вон!

Озаки осмелился вмешаться.

— Сэр, прошу прощения, но если кто и починит это оборудование, так это он.

Кругсон развернулся лицом к пилоту

— А ты откуда знаешь?

Озаки успел вовремя прикусить язык. Над ним нависла угроза потерять отлаженный Куртом вертолет.

— Потому что... он употреблял слова... всякие термины, которые употребляют техники.

Крогсон недоверчиво посмотрел на Курта.

— Ну, попробовать можно, — сказал он наконец. — Дайте ему набор инструментов, пусть работает. Может, в самом деле случаются чудеса.

— Но сначала, — сказал Курт, — мне нужна монтажная схема этой штуки.

— Принести! — рявкнул командир, и ординарец помчался выполнять приказ.

— Теперь объясните в общих чертах, для чего она предназначена, — сказал Курт.

Крогсон повернулся к главному канониру.

— Это по вашей части.

Когда ординарец вернулся с ворохом схем, их разложили на картографическом столе, и Курт вместе с канониром склонился над бумагами.

— Вот она! — сказал наконец Курт и проследовал к пульта. Двадцать минут спустя он гордо вернулся.

— Теперь будет работать, как часы, — сообщил он.

Канонир быстро осмотрел контрольную панель. Ни одного красного сигнала. Он повернулся к Крогсону.

— Не знаю, как ему это удалось, сэр, — изумленно сказал он, — но все цепи функционируют нормально!

Во взгляде Крогсона появилось уважение.

— Вы кто там были, на вашей базе — главный техник?

— Я-то? Никогда не приходилось быть главным. В основном, на охоту в наряды ходил.

Крогсон несколько секунд обдумывал услышанное.

— Тогда почему ты так хорошо разбираешься в приборах огневого управления?

— В школе изучал, как все. Там просто пару реле залипало.

— Извините, сэр, — вмешался старпом, — должны ли мы сделать еще один пробный залп?

— Вы уверены, что комплекс в рабочем состоянии?

— Полностью, сэр!

— Тогда идем прямо к базе. Если этот паренек — образец их персонала, нам рисковать не стоит!

Курт слегка вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Значит, он не ошибся! Медленно, будто бы невзначай, он начал перемещаться к вогнутому ряду пультов, который помещался перед большим экраном наводки.

— Эй, куда это ты направился? — рявкнул Крогсон.

Курт замер. Сердце бешено колотилось, но голос звучал непринужденно.

— Никуда, — невинным тоном сказал он.

— Отойди к стенке и не путайся под ногами, — приказал командир. — У нас много работы.

— Какой работы? — спросил Курт с тщательно отмеренной долей удивления.

Тон Кругсона стал мягче.

— Тебе лучше об этом не думать, пока мы не закончим, — сказал он хрипло.

— Вот она! — воскликнул навигатор, показывая на коричневатую возвышенность над морем джунглей. — Три минуты ходу, сэр. Мы готовы.

Пальцы главного канонира быстро заиграли по клавишам, которые связали флот и монолитное орудие уничтожения. Вот-вот должен был ударить залп молекулярных деструкторов, ударить вниз, по незащищенному гарнизону — стоило лишь коснуться кнопки «огонь».

— Как только прикажете, сэр, — почтительно сказал канонир.

В рубке наступила тишина. Все смотрели на большой экран наводки. Группка белый точек, представлявшая флот, подползала к зеленому треугольнику цели.

— Уведите пленного, — приказал Кругсон. — Ему смотреть не стоит.

Конвоир, стоявший рядом с Куртом, схватил его за рукав и подтолкнул к двери.

Курт внезапно начал действовать с молниеносной быстротой. Превратившись в размытую тень, он пробился к панели огневого управления. Когда он был на полпути, оглушенный ударом могучего кулака, едва успел упасть. На секунду все замерло, а потом было поздно что-либо делать — Курт уже стоял, почти касаясь кнопки, управлявшей совмещенным огнем всех батарей флота.

— Стоять! — приказал он, когда шок прошел и несколько офицеров с угрожающим выражением на лицах направились к нему. — Еще один шаг — и от вашего флота мокрого места не останется!

Они испуганно остановились, поглядывая на Кругсона и ожидая дальнейших приказов.

— Мы почти вышли на цель! — доложил оператор.

Кругсон сделал пару крадущихся шагов к Курту.

— Отойди от пульта! — прорычал он. — Ты все равно ничего нам не сделаешь, только выстрелишь раньше времени. Если надеешься предупредить своих, то напрасно. Мы найдем на второй заход раньше, чем они опомнятся!

Курт покачал головой. Он был совершенно спокоен.

— не советую. Посмотрите на пушечные люки ваших кораблей. Пока я работал с управляющим комплексом, я внес небольшие изменения в схему.

— Ты блефуешь, — сказал Кругсон. — Хочешь нас на пушку взять?

— Нет, — тихо сказал Курт. — Взгляните, что вам стоит?

— Вышли на цель! — крикнул оператор-наводчик.

— Прикажите сделать новый заход, — отрывисто сказал Кругсон через плечо и направился к смотровому иллюминатору. Тон Курта произвел на командира большее впечатление, чем последнему хотелось бы признать. Он прищурился, всмотрелся в ближайший к флагману корабль. Лицо у Кругсона вдруг стало, как мел!

— Пушечные люки! Они не открылись!

Курт с облегчением присвистнул.

— Ух, сработало! Я даже пальцы перекрестил, чтобы не сглазить, — весело сказал он. — Времени было в обрез, я опасался, что неправильно выбрал блокирующий контур. Ну, а теперь... попробуйте представить, что произойдет, если я вдруг нажму эту кнопчку?

Кругсон представил, как сотни снарядов с их сверхчувствительными носовыми взрывателями таранят хромированную броню закрытых люков.

— Вижу, вы представили, — сказал Курт, наблюдая за судорожно дернувшимся кадыком Кругсона. — Молчите, молчите, берегите силы — вам еще с моим полковником предстоит разговаривать.

— С кем?

— С моим полковником, — повторил Курт. — Нужно его поднять на борт. Ваши корабли могут висеть неподвижно?

Командир скрипнул зубами и ничего не ответил.

Курт для пробы поводил пальцем над кнопкой.

— Осторожно! — завопил главный канонир. — У нее высокая чувствительность!

— Ну? — напомнил Курт Кругсону.

— Могут, — выдавил командир.

— Тогда займите позицию рядом с плато. — Курт погладил пальцем роковую кнопку. — Чтобы мой гарнизон не завалило кучей металлолома. Кто-то может ведь и по голове ударить.

Когда флот занял нужную позицию, на панели коммуникатора снова замигал сигнал вызова.

— Ответьте, — разрешил Курт, — но только осторожно. Думайте, что говорите.

Крогсон прошел к экрану и сердито щелкнул переключателем.

— Рубка связи, сэр.

— Слушаю.

— Я насчет того сообщения. Мы наладили дешифратор, вроде бы... — Связист запнулся.

— Что в сообщении? — нетерпеливо спросил Крогсон.

— Все равно непонятно, — с жалким видом выдавил связист. — Мы его расшифровали, только текст оказался на северовеганском диалекте, а у нас никто его не понимает. Видно, селектор перевода барахлит. Мы одно разобрали — речь идет о генерале Карре и Владыке-протекторе.

— Хотите, я спущусь и почию? — невинным тоном предложил Курт.

Крогсон подпрыгнул, как ужаленный, крутанулся, его набрякшие толстые пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались — он боролся с бессильным гневом.

— Что случилось, сэр? — спросил связист.

Курт многозначительно шевельнул бровью в сторону кнопки.

— Ничего не случилось, — проворчал Крогсон. — Найдите переводчика и не беспокойте меня, пока не доведете дело до конца.

На экране возник новый персонаж.

— Извините, командир, переводчик не понадобится. Локаторы засекли корабль, который передал это сообщение. Это малый разведчик, он приближается на аварийном ускорении. Через несколько минут должен быть здесь.

Крогсон раздраженно выключил экран.

— Новые неприятности, не сомневаюсь, — сказал он, обращаясь в пространство. Тут он заметил, что флот занял положенную позицию и висит неподвижно.

— Итак, мы прибыли, — хмуро сказал он Курту. — Что теперь?

— Пошлите вниз корабль и доставьте полковника Харриса для переговоров. Передайте, что Диксон на флагмане и держит ситуацию под контролем.

— Делайте, как он говорит, — повернулся Крогсон к старпому.

Старпом отдал честь и направился к выходу.

— Минутку, — остановил его Курт. — Если кому-то придет в голову отключить центральный комплекс, то пусть лучше не делает этого. Запросто связь не отключишь, а если я замечу, что мигает сигнал, я вас раскурочу — и моргнуть не успеете! А теперь — вперед!

Глава 14

Подполковник Блик, исполняющий обязанности командира 427 батальона техобслуживания Имперской космической пехоты, стоял у окна своего кабинета и хмуро смотрел на цивилизованный мир, на всего двадцать шесть квадратных километров. День выдался не из легких. Ему пришлось выдерживать осаду трех делегаций матерей, которые требовали снова открыть Техшколы или они все сойдут с ума. Рекруты прочесывали улицы, разбившись на банды — в каждой было поровну мальчишек и собак, — наводя полный хаос повсюду, куда они направлялись. Блик пытался приободриться, воображая свой недалекий триумф, когда в обличьи Главного Инспектора он величаво спланирует с небес и своим авторитетом окончательно утвердит новый порядок вещей. Мешало лишь подозрение, что новый порядок может оказаться совсем не таким, каким он его себе представлял. Когда он подумал о собственных шестерых детишках, жутким сорви-головах, бушующих сейчас дома, подозрения почти перешли в уверенность.

Он отошел обратно к столу, хмуро уселся в кресло. Плечи его бессильно поникли. Отступить поздно, на карту поставлена его честь. Он бросил взгляд на водяные часы, потом медленно поднялся и побрел к двери. Пора облачаться в скафандр и готовиться к смотру.

Он уже был у двери, когда снаружи раздался топот — кто-то бежал к кабинету, громко стуча подошвами сандалий. Секунду спустя в кабинет влетел майор Кейн. Его побелевшее лицо исказил ужас.

— Полковник! — вскричал он. — Инспектор прибыл!

— Что за чушь вы несете! — возмутился Блик. — Теперь я Главный Инспектор!

— В самом деле? Тогда взгляните в окно. Вместе с ним явился весь Имперский флот!

Блик метнулся к окну. Высоко, так высоко, что они казались лишь серебристыми черточками, парили сотни боевых кораблей.

— Значит... Главштаб в самом деле существует! — ахнул Блик.

Оглушенный, он не знал, что теперь предпринять. Голова кружилась. Что же делать... Он посмотрел на Кейна, надеясь на совет, но майор был поражен не меньше его.

— Что вы стоите! — взорвался подполковник. — Действуйте!

— Есть, сэр! А что делать?

Блик задумался. Выход был очевиден, но Блику пришлось

пережить коротку и жестокую схватку с самим собой, прежде чем произнести:

— Приведите сюда полковника Харриса. Он должен знать, что делать.

Кейн упрямо нахмурился.

— Теперь мы командуем, — сердито возразил он.

На скулах Блика вздулись желваки.

— Ты, щенок безмозглый! — взревел он так, что содрогнулись стены кабинета. — Если я отдаю приказ, ты его исполняешь, дошло? Бегом марш!

Сорок секунд спустя в кабинет ворвался полковник Харрис.

— Что вы тут натворили? — сердито рявкнул он.

— Взгляните, сэр, — предложил Блик, подводя полковника к окну.

Харрис, словно никогда ни не переставая быть командиром, тут же начал действовать.

— Майор Кейн!

Кейн влетел в кабинет, как перепуганный заяц.

— Немедленно эвакуировать гарнизон! На плато не должно остаться ни одного человека, все в джунгли. Больных и ветеранов, которые сами не могут идти, вынесите на носилках, доставьте в охотничьи лагерь. Остальные пусть уходят на север.

— Но, сэр... — начал было Кейн, поглядывая на Блика.

— Вы слышали, что приказал полковник, — процедил Блик. — Марш!

Кейн умчался.

Харрис развернулся к Блику и сказал тоном, от которого у последнего по коже побежали ледяные мурашки:

— Ценю вашу помощь, подполковник, но я сам вполне в состоянии добиться выполнения приказов.

— Прошу прощения, сэр, — робко сказал Блик. — Больше не повторится, сэр.

Харрис усмехнулся,

— Ладно, Джимми, забудем. У нас много работы!

Глава 15

Курту казалось, что время застыло. Все его силы уходили на то, чтобы поддерживать невозмутимый вид и чтобы рука, нависшая над красной кнопкой, не дрожала. Он словно шел по канату. Невверное движение — они набросятся на него. В действительности, разведкорабль управлялся за считанные минуты, спустившись к гарнизону и вернувшись в

док флагмана, но Курту показалось, что прошли часы, прежде чем знакомая фигура командира энергично шагнула в главную рубку.

Полковник Харрис быстрым взглядом оценил обстановку.

— Что случилось, сынок? — обратился он к Курту.

— Я не совсем уверен, но мне кажется, что они хотят уничтожить наш гарнизон. Пока я контролирую вот эту штуку, — он показал на кнопку спуска, — я держу их за горло. Но вы побыстрее договоритесь с ними.

Напряжение, отразившееся на лице Курта, досказало полковнику все остальное.

— Кто здесь командует?

Крогсон сделал шаг вперед, кивнул.

— Командир Конрад Крогсон, третья база галактического Протектората.

— Полковник Маркус Харрис, 427 батальон техобслуживания Имперской космической пехоты, — четко представился полковник. — Теперь, когда мы покончили с формальностями, займемся делом. Где мы можем поговорить?

Крогсон указал на небольшой отсек, примыкавший к рубке. Офицеры вошли в него и закрыли за собой дверь.

Полчаса переговоров не оказались плодотворными.

— Уверен, что решение можно найти, — сказал, наконец, Харрис, — но только я его не вижу. Мы не можем сдать, вы тоже не можете сдать. У нас нет ни места, ни еды для пятидесяти тысяч пленных. Если мы вас отпустим, вам ничто не помешает вернуться и уничтожить нас — одного вашего честного слова недостаточно, поскольку вы его дадите под угрозой. Милая проблемка! И времени, к сожалению, нет. Если в течение пяти минут вы не придумаете взаимно удовлетворительный выход из сложившейся ситуации, я подам Курту приказ взорвать ваш флот.

Крогсон лихорадочно размышлял. Один за другим отбрасывал он варианты решения, сознавая, что острый, как бритва, ум его противника справится с этими вариантами в мгновение ока.

— Слушайте, — воскликнул Крогсон. — Империя давно мертва, наш Протекторат вот-вот развалится. Давайте мы обоснуемся на этой планете, соединимся с вами и забудем прошлое. Ведь вы понимаете, мы необходимы друг другу!

— Я понимаю, — трезво сказал полковник, — и я даже думаю, вы говорите искренне. Но мы не можем рисковать. Вас слишком много, и если вы вдруг передумаете... Он беспомощно развел руками.

— Но я ни за что не передумаю! — запротестовал Крогсон. — Вы рассказали о вашей жизни, я — о переделке, в

которую влип. Я просто счастлив вырваться из этого проклятого колеса! И не только я один!

— Поначалу — возможно, но потом вам придет в голову идея сторговаться с вашим Владыкой. Несколько сотен высококвалифицированных техников — лакомый кусочек, не правда ли? Нет, командир, — сказал Харрис. — Я просто не могу рисковать.

Крогсон понимал, что это конец пути. Странно, но оказавшись в тупике, он испытывал даже какое-то облегчение. Он отстраненно наблюдал за собственными чувствами и мыслями. Импульс борьбы за выживание, так долго его питавший, иссяк, и заменить его было нечем. Он чувствовал непривычную пустоту, и хотя слабый голос внутри понуждал к борьбе, бороться казалось бессмысленным.

Внезапно тишину нарушили приглушенные голоса в рубке, топот ног. Одним широким шагом полковник Харрис достиг двери и рывком ее распахнул. Его чуть не сшиб с ног какой-то взъерошенный коротышка, ворвавшийся в отсек. За коротышкой гналось несколько корабельных офицеров. Новоприбывший замер перед Крогсоном, один из офицеров схватил его за локти и принялся тащить обратно в рубку.

— Извините, командир, — пропыхтел офицер, — он влетел, потребовал вас. Не хотел говорить, зачем, мы его не пускали, а он ворвался и...

— Отпустите его! — приказал Крогсон и строго посмотрел на несчастного лилипута.

— Ну, Шинкль, что там еще стряслось?

— Вы мое сообщение получили?

Крогсон фыркнул.

— Так это был ты! Я мог бы догадаться. Мы его получили, но связисты никак не справятся с расшифровкой. Почему ты не на базе? Ты же должен оборонять тылы!

— Нужно поговорить без посторонних, сэр, — сказал Шинкль.

Секунду спустя в отсеке остались лишь Харрис, Крогсон и Шинкль. Шинкль вопросительно посмотрел на офицера в странном мундире.

— Его я удалить не могу, даже если бы хотел, — объяснил Крогсон. — Ну, докладывай...

Шинкль тщательно прикрыл дверь и сказал почти шепотом:

— На Базе-прим случился взрыв. Оказывается, подпольная организация Карра пряталась именно там. Вчера в полдень он нанес удар. Две трети элитной гвардии были на его стороне. Шансов у Владыки не оставалось. Он пытался бежать, но его сбили еще в атмосфере.

Крогсон молча усваивал новости.

— Значит, Владыки больше нет. — Он горько рассмеялся. — Да здравствует Владыка! — Он обернулся к Харрису. — теперь мы оба в безопасности. Я вышел из игры. Пусть ваш мальчишка оставит кнопку, и мы исчезнем. Нужно спешить засвидетельствовать почтение новому Владыке. Если кое-кто из моих ребят первым доберется до Карра, я останусь без работы.

Харрис покачал головой.

— Не все так просто. Вашему новому вождю техники нужны не меньше, чем прежнему. Боюсь, мы вернулись туда, откуда начали.

Крогсон хотел было возразить, но его перебил Шинкль*.

— Командир, вам нельзя возвращаться. Никому из нас нельзя. Мы все у Карра в списке ликвидации. Он сразу занялся устранением возможных конкурентов. Он не знает, где мы, а то уже давно бы нас арестовал!

Крогсон тихо присвистнул.

— Выбирать не приходится, значит? — Он повернулся к Харрису. — Если вы меня не отпустите, ваш парень нас взорвет. Если отпустите, нас расстреляют свои.

У Шинкля вид был озадаченный.

— Сэр, в чем проблема?

Крогсон невесело рассмеялся.

— Ты, видно, не заметил — у пульта огневого управления сидит молодой человек. Одним нажатием кнопки он может взорвать весь флот. Внизу, на плато — идеальная база с сотнями отличных ремонтников, но их командир, ты его видишь пересобой, не хочет нас принять, и отпустить тоже не решается.

— Последние несколько минут внесли изменения в картину, — возразил Харрис. — Моя Империя давно мертва, ваш Протекторат, похоже, не нуждается в ваших услугах. Почему бы нам совместно не найти новое занятие? Что вы на это скажете?

— Даже не знаю. Я не могу вернуться и остаться здесь не могу. Куда деваться? Флот не может функционировать без базы.

Харрис широко улыбнулся.

— Знаете, у меня появилось ощущение, что мы все-таки договоримся. Пойдемте!

Он распахнул дверь отсека и, решительно шагая, направился к центру рубки. Крогсон и Шинкль старались не отставать. Харрис подошел к Курту, который в напряженном ожидании сидел у пульта огневого контроля.

— Можешь теперь отдохнуть, сынок. Ситуация в наших руках.

Курт вздохнул с облегчением, встал и с наслаждением потянулся. Офицеры, увидев, что кнопка осталась без примотра, напряженно уставились на командира Кругсона. В глазах их был немой вопрос. Кругсон нахмурился, потом покачал головой.

— Итак? — обратился он к Харрису.

— Все ясно, — сказал Харрис. — У вас — флот, чертовски хороший флот, но без ремонта он скоро превратится в металлолом. У меня база, а на базе — пять тысяч вышколенных ремонтников, которые могут починить любой прибор или машину с завязанными глазами. Вот эта дубина стоеросовая — он похлопал Курта по плечу, — хороший образец. Думаю, для разнообразия он будет не против настоящей работы.

— Что-то я не совсем ясно соображаю, — сказал удивленно Кругсон. — Только что я то же самое пытался вам втолковать.

— Идея та самая, но ситуация другая. Теперь вы в положении, которое вынуждает вас к сотрудничеству. А это совсем другое дело. Совсем другое!

— Предложение мне нравится, — согласился Кругсон. — Но вы, подозреваю, кое-что не учли. Карр будет меня искать. Против целой галактики нам не устоять!

— Вы тоже кое-что не учли, сэр, — вмешался Шинкль. — Карр понятие не имеет, где мы. Пройдут месяцы, прежде чем он сможет начать систематический поиск. Если мы предпримем меры, у него будет очень мало шансов найти флот. Помните, мы по чистой воле случая наткнулись на это место.

Пока он все это говорил, в глазах его появилась задумчивость.

— Один год ремонтных работ на этой базе — и в галактике не найдется силы, способной нам противостоять. — Шинкль как бы невзначай сделал пару шажков, заняв позицию между Куртом и кнопкой спуска. — Если все пойдет, как задумано, вы вполне можете стать следующим Владыкой-протектором, командир.

Былой пыл на секунду вспыхнул в глазах Кругсона, но быстро погас.

— Нет, Шинкль, — тяжело вздохнул он. — Слишком поздно. С меня довольно. Пора попробовать новую игру.

— Тогда начнем! — сказал полковник Харрис. — Галактика летит к чертям. Скоро наступит время для сильной руки, которая снова восстановит порядок. Знаете, — продолжал он, как бы размышляя вслух, — в понятии «Империя» все же сохранилось очарование. Можно его использовать, пока не придумает чего-нибудь получше.

Он подошел к иллюминатору, взглянул на щедрую зелень джунглей, протянувшихся от горизонта до горизонта.

— Но как бы мы себя не называли, — медленно продолжал он, — у нас теперь есть цель.

Хитрая ухмылка появилась на губах полковника, а мудрые глаза, казалось, всматривались в грядущие десятилетия.

— Понимаешь ли, Курт, нет ничего лучше для поддержания порядка, чем визит Главного Инспектора. Галактика — обширное пространство, но когда придет время, мы отправимся инспектировать!

Глава 16

На плацу за низенькими домиками гарнизона 427 батальона техобслуживания Имперской космической пехоты выстроились пехотинцы. Ветерок ласково играл перьями их головных уборов. Боевая раскраска багровела в лучах закатного солнца.

Сухой твердый грунт плато содрогнулся, когда машина флагмана устало опустилась. В тишине громко звякнул главный люк, на землю выдвинулся трап. В недрах корабля зазвучали фанфары. С суровым достоинством Конрад Кругсон, Главный Инспектор Имперской космопехоты, направился совершать смотр своих войск.

СОДЕРЖАНИЕ

Дж.Вэнс	
Последний замок	<i>пер. В.Жураховского и А.Загорской</i> . . 3
Дж.Блиш	
Землянин, вернись домой!	<i>пер. В.Жураховского</i> 55
П.Андерсон	
Люди неба	<i>пер. В.Жураховского</i> 95
Дж.Х.Шмиц	
Ведьмы Карреса	<i>пер. В.Жураховского</i> 141
М.Лейнстер	
Оружие-мутант	<i>пер. В.Жураховского</i> 183
Р.Хайнлайн	
По пятам	<i>пер. В.Жураховского и А.Загорской</i> 245
Ф.Дик	
Там простирается Вуб	<i>пер. В.Жураховского</i> 289
Т.Когсвелл	
Инспектор-призрак	<i>пер. В.Жураховского</i> 299

**И 69 Инспектор-призрак. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1993. —
352 с. (Сборник фантастических повестей)**

ISBN 5-87012-004-6

Ответственный за выпуск
Макаренков С. М.

**Формат 84х108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Физ. п. л. 11.
Усл. п. л. 18,48. Тираж 100 тыс. экз.
Заказ № 705. Переплет 7.
Цена договорная.**

Диапозитивы подготовлены ТПО «Аспект».
Отпечатано в типографии издательства «Донеччина».
340118, Донецк, Киевский проспект, 48.

Сборник фантастических повестей «Инспектор-призрак» составлен из произведений подлинных корифеев: такие авторы, как Хайнлайн, Андерсон, Когсвелл, Дик и другие не нуждаются в рекламе и уже знакомы отечественному читателю. Все вошедшие в сборник произведения объединяет тонкая, граничащая с сарказмом, ирония, увлекательные, авантурные сюжеты, постановка серьезных философских проблем. Повести «По пятам», «Люди неба», «Ведьмы Карреса», да и все остальные представляют собой увлекательное чтение для самого взыскательного любителя фантастической литературы.

ИНСПЕКТОР-ПРИЗРАК

6